

ВТОРАЯ МИРОВАЯ В ДЕТСКИХ ВОЙНАХ «РАМКАХ ПАМЯТИ»

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

**Краснодарский государственный университет
культуры и искусств**

Российский гуманитарный научный фонд

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ДЕТСКИХ «РАМКАХ ПАМЯТИ»

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

**Краснодар
2010**

УДК 159.922+94(470)«1941–1945»
ББК 88.8+63.3(2)622
В 87

Издание осуществлено на основе научно-исследовательского проекта РГНФ
№ 08-01-00511а «Трансформация коллективной памяти
о Великой Отечественной войне в воспоминаниях детей
военного времени (1940–2000-е годы)»

Рецензенты:

А.А. Сальникова, доктор исторических наук, профессор, г. Казань;
Д.Д. Фролов, доктор исторических наук, профессор, г. Хельсинки
(Финляндия).

В 87 Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сборник научных статей / под ред. А.Ю. Рожкова. – Краснодар: Экоинвест, 2010. – 380 с.: илл.

В сборнике представлены статьи 14 авторов из России (Барнаул, Волгоград, Воронеж, Краснодар, Магнитогорск, Москва, Петрозаводск, Ставрополь), Украины (Харьков) и Германии (Йена) на тему детской памяти о войне, написанные специалистами в области истории, психологии и педагогической антропологии. В работах отражены взаимосвязи и противоречия между публичной и приватной культурами детской памяти о войне, выявлены социальные механизмы ее трансформации, меморативные практики вписывания «детьми войны» своего детства в историю «своего» времени.

Книга адресована ученым, аспирантам, студентам гуманитарных специальностей и всем, кого привлекают история и культура военного детства, теория и история памяти, а также междисциплинарность при изучении прошлого.

УДК 159.922+94(470)«1941–1945»
ББК 88.8+63.3(2)622

ISBN 978-5-94215-086-0

© Коллектив авторов, 2010
© Традиция, 2010
© Экоинвест, 2010

***Несовершеннолетним жертвам
Второй мировой войны***

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
С.В. Аристов (Воронеж). Опыт нацистских лагерей в памяти бывших несовершеннолетних узников из Советского Союза	19
В.Г. Безрогов (Москва). Помнить нельзя забыть: коллективная память, воспоминания о детстве и тема войны в учебниках для начальной школы конца 1940-х – начала 2000-х гг.	31
Н.Э. Вашкау (Волгоград). Дети Сталинграда и память о войне	66
Ю.С. Воеводина (Барнаул). Память детей Алтайского края о Великой Отечественной войне по устным источникам.....	77
А.В. Голубев (Петрозаводск). Детская память о Финской оккупации Карелии как пространство борьбы за историю	93
Г.Г. Гринченко (Харьков). Принудительный труд в нацистской Германии в устных историях бывших детей-остарбайтеров	103
Франка Маубах (Йена). Сказки, игры, ролевой обмен: детское освоение военного насилия (1939–1945).....	147
В.В. Нуркова (Москва). Война и мир: военное измерение в воспоминаниях о детстве	177
Н.К. Петрова (Москва). Дети Великой Отечественной войны	210
М.Н. Потемкина (Магнитогорск). Отражение войны в памяти эвакуированных детей.....	229
И.В. Реброва (Краснодар). Связь поколений: Великая Отечественная война глазами «детей войны» и ее восприятие современной молодежью	248
А.Ю. Рожков (Краснодар). «Вместо сияющего будущего – участь рабыни»: репрезентация переживаний в период оккупации в нарративах краснодарских школьников (1945 год).....	264
Сильке Сатюков (Йена). «Незаконнорожденные!»: дети красноармейцев и немецких женщин после 1945 года.....	317
Е.Н. Стрекалова (Ставрополь). Лакуны исторической памяти: детство военного времени 1941–1945 годов по устным воспоминаниям	339
Сведения об авторах	364
Сокращения	366
Summaries	367
Contents	378

ПРЕДИСЛОВИЕ

Природа хочет, чтобы дети были детьми, прежде чем быть взрослыми. Если мы хотим нарушить этот порядок, мы произведем скороспелые плоды, которые не будут иметь ни зрелости, ни вкуса и не замедлят испортиться. Дайте детству созреть в детях.

Жан Жак Руссо

Память вообще связана не столько с прошлым, сколько с настоящим. Как и все прочие системы памяти, автобиографическая память представляет собой функциональную систему, задача которой – помогать человеку справляться с жизнью в настоящем.

Харальд Вельцер

Коллективная память не совпадает с историей, и... выражение «историческая память» выбрано не очень удачно, потому что

оно связывает два противоположных во многих отношениях понятия <...> история обычно начинается в тот момент, когда заканчивается традиция, когда затухает или распадается социальная память.

Морис Хальбвакс

Дорогой читатель! Книга, которую вы держите в руках, посвящена детской памяти о Второй мировой войне. Отсюда и специфичное словосочетание «детские “рамки памяти”» в названии сборника. Основатель теории «коллективной памяти» Морис Хальбвакс¹ расплывчатым, эвристическим термином «рамка», который он заимствовал у своего учителя Эмиля Дюркгейма, обозначал инструмент для исследования социальной составляющей памяти. Под «рамками памяти» Хальбвакс понимал как «внутренние» опорные, базовые социальные воспоминания (социально санкционированные, востребованные обществом в настоящем), нередко именуемые им «ориентирами», так и «внешние», обрамляющие контуры воспоминаний, локализирующие пространственно-временную конструкцию памяти².

Как нередко бывает, рожденные на Западе теории спустя десятилетия переживают в России свою вторую волну популярности. Сегодня теория «коллективной памяти» М. Хальбвакса, разработанная в первой половине XX в., о которой лет десять-пятнадцать назад, пожалуй, знали только единицы российских интеллектуалов, стала, без преувеличения, «общим местом» в социально-гуманитарных исследованиях, наряду с новой концепцией «культурной памяти» Яна Ассмана³. Похоже, что мы действительно живем в эпоху, манифестированную Пьером Нора как «всемирное торжество памяти»⁴. На наших глазах нарастает мнимый водораздел между Историей и Памятью. Стремящаяся к объективно-

¹ Последний эпиграф к настоящему сборнику почерпнут из работы: Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 41–42.

² См.: Зенкин С. Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки // Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 10–12.

³ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

⁴ Нора П. Всемирное торжество памяти // Память о войне 60 лет спустя... С. 391.

сти История как педантичная и конкретная (при этом не всегда точная) наука переживает очередной кризис и диффузию, в то время как демократичная, всепроникающая субъективная Память «вытесняет» ее, набирает силу и сакрализуется. «Вертикальная» ось линейного исторического «прогресса» вместе с нанесенными на нее четкими отметинами в виде периодов и эпох все более заметно входит в резонанс с «горизонтальной» осью народной памяти, традирующей прошлое от поколения к поколению в своей временной и экзистенциальной логике. (Наверно, коллеги-историки согласятся со мной, что сегодня в России обывательский аргумент «мне мой дед рассказывал» намного весомее, чем научная трактовка того же события в самом авторитетном учебнике истории). Причем одной «большой» истории противостоит множество несовпадающих между собой групповых «памятей». В России, как и в общемировом масштабе, эта противоречивая динамика особенно отчетливо наблюдается на примере истории Второй мировой войны и памяти о ней.

Совсем недавно мы знали одну-единственную официальную историю войны и имели довольно слабое представление относительно индивидуальных памятей о ней миллионов, переживших военную катастрофу, но не услышанных или боявшихся рассказать о своих испытаниях. Сегодня мы имеем дело с разнообразием исторических версий Второй мировой. Вдобавок к этому тысячи доживших до нынешнего времени ее участников и очевидцев претендуют на свою репрезентацию памяти, чем только усиливают какофонический эффект. Получается, что, идя в обратном направлении от заключительной части эпиграфа Хальбвакса, логично предположить прямую связь начала окончательного «торжества памяти» с наступлением «конца истории». Однако не окажется ли так, что история и память, якобы «разделяясь», на самом деле причудливо интегрируются в какую-то новую, неизвестную ранее форму их сосуществования?⁵

Чем дальше от нас уходят в прошлое события той разрушительной войны, тем больше появляется интерпретационных новелл в современной социогуманитаристике (в частности, постсоветской) отно-

⁵ О новых тенденциях в западной социально-гуманитарной науке относительно перспектив взаимосвязи между историей и памятью пишет и И.В. Нарский, отмечая усиление в последнее время представлений об истории как одной из форм коллективной памяти. См.: Нарский И.В. Фотокарточка на память: семейные истории, фотографические послания и советское детство (автобио-историко-графический роман). Челябинск, 2008. С. 331.

сительно осмысления и оценок этой глобальной трагедии XX в. Это объясняется не только сменой государственной идеологии, распространенной с конца 1980-х гг. революционной перестановкой местами знаков «плюс» и «минус» в аксиологическом континууме исторического сознания, проявившейся в неизбежной демифологизации и десимволизации чрезмерно идеологизированной официальной истории войны («справа») и алармистской моральной панике по поводу воображаемого «очернения» советской истории и мнимого «отнятия Победы» («слева»).

Динамично меняющаяся в последнее время трактовка истории Второй мировой войны, суженная не только в отечественной историографии, но и в социальных «рамках памяти» россиян до хронологических и сущностных рамок Великой Отечественной⁶, постепенный переход от сакральной к профанной тональности в профессиональном и публичном дискурсе о войне имеют под собой более *фундаментальные и объективные* основания, чем просто смена идеологических «вех» или «злой умысел» новоявленных российских интеллектуалов, впитавших в себя западные ценности вместе с научными идеями. Эти основания *универсальны* и составляют *взаимосвязанную цепь* изменений в триаде темпоральных, генерационных и меморативных процессов. Коснусь этих изменений вкратце лишь для пояснения основного тезиса.

Во-первых, все увеличивающаяся естественным образом временная (диахроническая) дистанция между событиями войны и их настоящими и будущими нарраторами и интерпретаторами актуализируется и дополняется нелинейно (синхронически) изменяющейся «дистанцией» социального времени и культурного пространства. Поскольку

⁶ Для многих россиян прошедшая война по-прежнему не «мировая» (WW2), а «Отечественная» (ОВВ), начата она не в 1939-м, а в 1941 году, и победу в ней россияне празднуют 9 мая, а не 8-го, как весь остальной мир. Социолог Б. Дубин небезосновательно утверждает, что «героизация войны, монументализация ее коллективного образа – вовсе не свидетельство памяти, а указание на место забвения, амнезический след или “шрам”». Он сравнивает героизацию войны с кенотафом, надгробьем «над отсутствующим в этом “месте” сознанием – над не состоявшимся фактом осмысления: памятник, но не память. А это значит, что травматическое событие Второй мировой войны в России – в отличие, например, от Германии – реально не пережито». (См.: Дубин Б. «Кровавая» война и «великая» победа // Отечеств. записки. 2004. № 5. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=20&article=937> (дата обращения: 17.01.2009).

понимание и объяснение прошлого, связанного с войной, дают историки, живущие в *постоянно изменяющемся настоящем*, неизбежны перманентные переоценки военного прошлого. С позиций теории «презентизма»⁷ правомерно утверждать, что история войны *объективно* подвержена постоянному «переписыванию» (Райнхарт Козеллек) в соответствии с данным настоящим, меняющим по мере дистанцирования природу прошлого⁸.

Во-вторых, темпоральные трансформации истории войны непосредственно связаны со сменой поколений. Новые поколения, находящиеся «по другую сторону вершины от предыдущих»⁹, неизбежно будут ставить новые вопросы о прошедшей мировой войне, актуализированные потребностями того «настоящего» времени, в котором они живут. Чем дальше отстоит от периода военного лихолетья историческое поколение, и чем дольше послевоенные поколения живут в мирных условиях, тем более *предопределенным* является не только ценностный межпоколенческий «разрыв», но и прерывание (либо искажение) трансляции социальной памяти от поколения к поколению. Применяя известную типологию культур Маргарет Мид¹⁰ к новейшей России, можно отметить некоторые (пока неявные) признаки дрейфа от «кофигуративной» в сторону «префигуративной» культуры будущего. Между тем и в самом поколении военного лихолетья с течением времени происходят разительные метаморфозы: если еще в 1989 г. принадлежностью к военному поколению гордились 7 процентов опрошенных в России, то в 2003 г. эта цифра составила лишь 1,8 процента¹¹.

В-третьих, что касается меморативных процессов, трудно не согласиться с Борисом Степановым, утверждающим, что «интерес к истории социальной и исторической памяти..., а также к способам их трансляции очень часто ставит под вопрос и сами принципы исторического знания, как они сформировались в классической исторической науке. Это побуждает ученых не только *переосмыслить* сло-

⁷ Артог Ф. Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени // Отечеств. записки. 2004. № 5. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=20&article=950> (дата обращения: 17.01.2009).

⁸ Подр. см.: Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время: в поисках утраченного. М., 1997. С. 72–96.

⁹ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память... С. 44.

¹⁰ См.: Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. С. 322–342.

¹¹ См.: Дубин Б. «Кровавая» война и «великая» победа // Отечеств. записки. 2004. № 5. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=20&article=937> (дата обращения: 17.01.2009).

жившееся отношение к прошлому, но также и искать новое обоснование создаваемого ими знания, по-новому определять место этого знания в жизни общества, обращать внимание не на факты, но на их *репрезентацию*, видеть в истории *прерывность*, обусловленную постоянно совершающейся в обществе работой по *переинтерпретации* коллективной идентичности»¹².

Одним из важнейших и фундаментальных направлений в работе по «переинтерпретации» истории Второй мировой войны является основательная «ревизия» исторических источников и методов их анализа. Адекватные ответы на новые вопросы о войне могут дать не только не востребованные (или не доступные) ранее источники, но и, в первую очередь, постановка историками новых вопросов перед «традиционными» источниками. Именно круг новых вопросов, задаваемых рефлексирующими исследователями, формирует соответствующую источниковую базу. Новые вопросы к источнику возникают в новое время, когда происходит смена стереотипов общественного сознания. В этой связи актуальной представляется идея о «пересмотре» базы источников в русле популярного направления в историографии по исследованию социальной памяти (по мнению Уильяма Розенберга, превратившегося в одержимую, то есть навязчивую, одержимую «индустрию памяти»¹³), включая память о войне¹⁴.

¹² Степанов Б. Места истории в зеркале памяти // Отечеств. записки. 2008. № 4. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=45&article=1704> (дата обращения: 04.03.2009). Курсив мой. – *А.Р.*

¹³ Розенберг У.Г. Является ли социальная память «полезной категорией исторического анализа»? // Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX – начало XX века): междунар. colloquium. Науч. докл. СПб., 2007. С. 227.

¹⁴ См.: Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003; Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004; Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии: сб. ст. Челябинск, 2004; Память о войне 60 лет спустя...; 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. М., 2005; История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. М., 2006; Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе...; Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007; и др.

По естественным причинам из возрастных групп, переживших социальную катастрофу первой половины 40-х гг. прошлого века, сегодня только «дети войны» способны представить относительно «прямые» свидетельства о ней и о своем военном детстве. Именно это обстоятельство делает представителей данного поколения объектом повышенного интереса со стороны специалистов по *oral history*. Понимая, что живых свидетелей войны в обозримом будущем не останется, «устные историки» спешат воспользоваться редкой возможностью преодолеть характерное для исторической исследовательской практики физическое отсутствие изучаемого объекта.

Вместе с тем остаются невыясненными многие актуальные вопросы по проблеме памяти «детей войны». Например, в какой мере можно доверять «детским» воспоминаниям ныне пожилых детей военного времени спустя шесть с половиной десятилетий? Способна ли вообще детская память зафиксировать и надолго сохранить события «невротической эпохи», травмирующие детскую психику, учитывая известное положение теории Зигмунда Фрейда о вытеснении в сферу бессознательного травматических впечатлений раннего детства?¹⁵ Если так, то насколько реальна вероятность того, что память детей о войне осталась «непроработанной травмой»? Наконец, если исходить из посылки Харальда Вельцера о том, что военное прошлое этого поколения еще «продолжает жить на уровне чувств, на уровне самосознания, на уровне политических ориентаций, только не как история с ее фактичностью, а как продукт интерпретаций, наделяющих его смыслами»¹⁶, то в какой мере аутентична память о военном прошлом «детей войны», учитывая последующие многоуровневые наслоения в их коллективных представлениях о том времени? Этими вопросами пласт непознанного по данной теме далеко не исчерпан.

Одной из попыток проникнуть в *terra incognita* детской памяти о войне стал поддержанный РГНФ исследовательский проект № 08-01-00511а (2008–2009 гг.), исполненный коллективом историков из образовательных и научных учреждений Юга России. Приступая к работе над проектом, мы исходили из того, что для получения более достоверной картины групповых (социальных) представлений о войне *одного и того же* поколения, пережившего ее в детском возрасте, целе-

¹⁵ Фрейд З. О психоанализе // Психология бессознательного. 2-е изд. СПб., 2006. С. 317–321.

¹⁶ Вельцер Х. История, память и современность прошлого: память как арена политической борьбы // Память о войне 60 лет спустя... С. 63.

сообразно исследовать механизмы *трансформации* детской памяти о войне за период с 1940-х по 2000-е гг., когда представители этого поколения находились в момент фиксации их военных воспоминаний в *разных* возрастных группах, социальных статусах и в разных социально-исторических контекстах. Для этого пришлось обратиться к разным источникам: зафиксированным по «горячим следам» в ходе войны или сразу по ее окончании свидетельствам (школьные сочинения, дневники, письма и т.п.); послевоенным письмам «детей войны» в редакции советских газет; опубликованным в послевоенное время сборникам воспоминаний; современным материалам «устной истории» и т.д.

Однако, сколь успешной ни была бы реализация задуманного, небольшим исследовательским коллективом исполнителей проекта в ограниченный срок его проведения невозможно было охватить огромный пласт источников, тем более, находящихся в разных регионах России и в других странах, дать ответ на многочисленные вопросы по данной теме. Отсюда возникла идея предоставить нашим коллегам, предметно занимающимся этой проблематикой, «площадку» в рамках проекта для обмена опытом и результатами своих исследований. Так появился настоящий сборник. Основная его идея – на обширном и разнообразном теоретическом и эмпирическом материале отразить эволюцию коллективной (социальной) памяти о войне в воспоминаниях детей военного времени, зафиксированных на протяжении нескольких десятилетий. Не все из задуманного удалось реализовать, тем не менее, материалы сборника, на мой взгляд, существенно проясняют многие аспекты темы детской памяти о войне, а также ставят новые проблемы и вопросы.

В сборник вошли статьи 14 авторов из России (Краснодар, Ставрополь, Петрозаводск, Волгоград, Магнитогорск, Воронеж, Барнаул, Москва), Украины (Харьков) и Германии (Йена) – от аспирантов до докторов наук. В них отражены взаимосвязи и противоречия между публичной (официальной) и приватной (коммуникативной) культурами детской памяти о войне, выявлены некоторые механизмы ее трансформации, меморативные практики вписывания «детьми войны» своего детства в историю «своего» времени. В работах авторов прослеживается, как социальное время, социально-исторический контекст, официальный дискурс, школьные программы, государственная идеология, художественные произведения и другие факторы влияли на трансформацию коллективной памяти детей о пережитой войне,

а также на трансляцию этой памяти среди последующих поколений. Категории изучаемых «детей войны» разнообразны: советские дети, пережившие немецкую и финскую оккупацию; эвакуированные в советский тыл; дети-остарбайтеры; узники нацистских концлагерей; немецкие дети – жертвы бомбовой войны; дети, рожденные от советских военнослужащих в Германии; еврейские дети на оккупированной нацистами территории и пр.

Представленные в сборнике работы довольно затруднительно классифицировать по тематическим разделам или каким-либо смысловым блокам: помимо высокой степени оригинальности большинства статей, в них тесно переплетены множественные аспекты. Здесь нет «чисто» теоретических работ, и все же на общем фоне заметно выделяются две статьи – Виталия Безрогова «Помнить нельзя забыть: коллективная память, воспоминания о детстве и тема войны в учебниках для начальной школы конца 1940-х – начала 2000-х годов» и Вероники Нурковой «Война и мирь: военное измерение в воспоминаниях о детстве». В них изящным образом представлен обстоятельный теоретический экскурс в проблему детской памяти о войне, к тому же органично дополненный подробным описанием методики и результатов собственных эмпирических исследований.

Несмотря на, казалось бы, тематическую близость работ двух молодых авторов – Станислава Аристова «Опыт нацистских лагерей в памяти бывших несовершеннолетних узников из Советского Союза» и Алексея Голубева «Детская память о финской оккупации Карелии как пространство борьбы за историю», посвященных анализу воспоминаний бывших малолетних узников концлагерей Германии и их союзников, эти статьи существенным образом различаются между собой. В первой из них автор ставит в центр своего исследования анализ биографий бывших детей-заключенных женского концлагеря Равенсбрюк, а также механизмы проработки психологических травм, полученных в экстремальных условиях. Второе эссе, написанное в полемичном стиле, ставит на примере Карелии очень актуальный вопрос о том, насколько достоверными могут считаться источники воспоминаний (соответственно, проведенные на их основе исследования – научными) бывших малолетних узников концлагерей, если они отбираются заведомо односторонне и предвзято в силу идеологических установок их хранителей.

Следующие две работы выделяются своей нравственно-патриотической заряженностью, хотя они тоже разные и по предмету, и по

применяемым методам исследования. Статьи Нины Петровой «Дети Великой Отечественной войны» и Нины Вашкау «Дети Сталинграда и память о войне» объединяет между собой пафос Великой Победы, тесно соседствующий с искренней болью за разрушенное детство военного поколения. Эти статьи, отличающиеся эмоциональным накалом, важны для читателя на постсоветском пространстве как некий «якорь» национальной памяти о войне. Авторы четко обозначают свою позицию, в том числе и гражданскую, в «позитивистско-постмодернистском» и «традиционно-новаторском» континууме концептуальных и идеологических подходов к теме войны и военного детства, чем вносят весомый вклад в расширение спектра представлений о проблемах «детей войны» и памяти о ней.

Наряду с возможностью ознакомления с разносторонними взглядами на проблему детской памяти о войне, существующими среди специалистов на постсоветском пространстве, сборник позволяет русскоязычному читателю получить собственное представление о том, как тема военного детства и детской памяти о войне разрабатывается в современной Германии. Сильке Сатюков в работе «“Незаконнорожденные!”: дети красноармейцев и немецких женщин после 1945 года» поднимает малоизвестную в России и весьма болезненную для русских и немцев тему о положении детей, рожденных в результате внебрачных связей между советскими военнослужащими и немецкими женщинами. Статья Франки Маубах «Сказки, игры, ролевой обмен: детское освоение военного насилия (1939–1945)» показывает, как хрупкий и незащищенный детский мир выживал в годы войны именно благодаря своей детскости – игровым практикам, восприятию жестокой реальности через призму сказочных персонажей, способности к ролевому обмену в силу еще не прочной идентичности.

Как уже отмечалось, ныне живущие «дети войны» активно эксплуатируются «устными историками» в качестве носителей памяти о войне и о своем военном детстве. Материалы устных воспоминаний в той или иной мере используют в своих работах многие авторы сборника, но трое из них представили свои работы как результаты специальных устноисторических исследований. Так, украинский историк Гелинада Гринченко в статье «Принудительный труд в нацистской Германии по устным воспоминаниям бывших детей-остарбайтеров» на примере двух интервью с бывшими детьми-остарбайтерами наглядно показывает, каким образом, анализируя форму и структуру текста интервью, можно делать выводы о системе

представлений рассказчика, а также о способах, с помощью которых обычные люди, приобретшие схожий в широком значении опыт, структурируют свои рассказы и само прошлое. Юлия Воеводина в работе «Память детей Алтайского края о Великой Отечественной войне по устным источникам» акцентирует свое внимание на описании бытовых практик выживания детей в годы войны в условиях глубокого тыла. Статья Елены Стрекаловой «Лакуны исторической памяти: детство военного времени 1941–1945 годов по устным воспоминаниям» представляет собой попытку выявления своеобразия символических образов нарративных повествований «детей войны». Отмечая особость «мест памяти» этого поколения, автор приходит к выводу, что «детские» воспоминания, за исключением рассказов бывших «детей полков», характеризует практически полное отсутствие боевых действий, память о которых в оценочном ключе обязательно присутствует в воспоминаниях ветеранов-фронтовиков.

Эта особенность детских воспоминаний отмечена и в работах, посвященных детям, пережившим оккупацию, а также эвакуированным детям. В статье Александра Рожкова «“Вместо сияющего будущего – участь рабыни”: репрезентация переживаний периода оккупации в нарративах краснодарских школьников (1945 год)» реконструируются и интерпретируются представления и эмоциональные переживания детей, связанные с их субъективным опытом проживания на оккупированной территории, а также дискурсивные практики репрезентации этого опыта в школьных сочинениях. К сожалению, в настоящем сборнике это единственная работа, написанная на основе источников военных лет, созданных непосредственно детьми. Марина Потемкина в статье «Отражение войны в памяти эвакуированных детей» исследует воспоминания об эвакуации в детском возрасте, собранные при подготовке документального фильма «Эвакуация», в котором автор выступала в качестве главного научного консультанта. Анализ воспоминаний эвакуированных детей позволяет автору сделать вывод о том, что именно эвакуация как сильный стрессогенный фактор занимает доминирующее место в их памяти о военном периоде.

Ирина Реброва в статье «Связь поколений: Великая Отечественная война глазами «детей войны» и ее восприятие современной молодежью» прибегает к оригинальному методу исследования. Она пытается сравнить синтезированные воспоминания (нарративные устные интервью и официальные выступления перед молодежью) поколения «детей войны» с письменными нарративами современного студенче-

ства (которые она определяет как «сочинения-статьи»), отражающими восприятие молодежью мероприятий на военно-патриотические темы. Проведенный анализ выступлений «детей войны» и сочинений-статей нынешних студентов, по мнению автора, наглядно демонстрирует включенность индивидов в социальную группу, представители которой являются одновременно и носителями, и «потребителями» социальной памяти. Эта работа символически соединяет между собой разные поколения – «детей войны» и их внуков – в смысловом поле коллективной памяти о войне.

В момент, когда писались эти строки, Россия и мир только вступали в год 65-летия окончания Второй Мировой войны. Никто не знает, как долго будет жить память о той войне в умах и сердцах последующих поколений. Никому не известно сегодня, какими смыслами и образами будет наполнена память об этой войне к концу нынешнего столетия. Никто не возьмется утверждать, что образы «победителей» и «побежденных» и их смысловые акценты в меморативном пласте о войне не претерпят инверсии в обозримом будущем. Ибо неисповедимы пути Истории и Памяти. Не исключено, что когда-то придется вести «бои за память» не менее упорные, чем бои за историю, о которых писал Люсьен Февр в середине XX в.

Уильям Теккерей утверждал, что война в одинаковой мере облагает данью и мужчин, и женщин, но только с одних взимает кровь, с других – слезы. Английский классик забыл о детях войны, у которых она забирает и кровь, и слезы, и детство. Представляемый на суд читателей сборник о детской памяти о войне в какой-то мере являет собой символический синтез истории и памяти. С одной стороны, это посильный вклад авторского коллектива в историческую науку. С другой – это наш гражданский «долг памяти» поколению, у которого насильственным образом отняли жизнь, родных и близких, изувечили ранениями или разрушили голодом и холодом здоровье, искорежили детство. Французскому писателю Жану Кокто принадлежит максима о том, что подлинная урна усопшего не на кладбище, а в забывчивых сердцах. Хочется надеяться, что представленные в сборнике работы иммунизируют сердца и души наших читателей от опасного забвения.

*Александр Рожков
Январь 2010*

С.В. Аристов

ОПЫТ НАЦИСТСКИХ ЛАГЕРЕЙ В ПАМЯТИ БЫВШИХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЗНИКОВ ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Среди заключенных нацистских лагерей особое место, безусловно, занимали дети. Их заточение являлось примером крайней жестокости нацизма, для которого был абсолютно неважен пол или возраст тех, кого они обозначали клеймом «врага». В этом контексте примером, демонстрирующим специфику детского и подросткового восприятия действительности, являются воспоминания бывших несовершеннолетних узниц женского концентрационного лагеря Равенсбрюк, значимые также для определения особенностей памяти данной группы женщин о тяжелом прошлом. Более того, анализ биографий бывших детей-заключенных выявляет не только негативные последствия, которые стали итогом пребывания в лагере, но и механизмы переработки травм, полученных в экстремальных условиях Равенсбрюка.

Одним из главных оснований к постановке проблемы о специфике памяти бывших несовершеннолетних узниц концентрационного лагеря Равенсбрюк стали материалы нарративно-биографических интервью, проведенных Региональным центром устной истории в г. Воронеже, а также автором данной статьи в рамках проекта «Женщины Равенсбрюка». Этот проект начался в 2004 г. в Воронеже под руководством к.и.н. Н.П. Тимофеевой и доктора Р. Сааведра Сантис (Свободный университет, Берлин). Проект был про-

должен в 2005 г. в Крыму, где воронежские историки провели одиннадцать интервью с бывшими узницами¹. Позже состоялись и интервью, осуществленные автором этих строк в Москве с бывшими узницами Равенсбрюка, в основном военнопленными. Среди материалов, полученных в ходе четырехлетней работы, выделялись нарративно-биографические интервью с бывшими несовершеннолетними заключенными женского концентрационного лагеря. Анализ соответствующих текстов позволил выявить специфику памяти бывших узниц и поставить проблемы, требующие научного осмысления.

Несмотря на то, что главный акцент в предлагаемой работе делается на узницах, которые попали в лагерь несовершеннолетними, следует упомянуть и о детях, появившихся на свет в Равенсбрюке. Направление беременных женщин в концентрационные лагеря было запрещено в связи с тем, что они не располагали условиями для принятия родов. Нацистский приказ от 6 мая 1943 г., отмечая нарушение этого запрета, предписывал проверку женщин врачами при поступлении в лагерь не только на наличие венерических заболеваний, но и на беременность². Как отмечала немецкая исследовательница Бритта Павелке, некоторых женщин, у которых при подобном долагерном обследовании был установлен факт беременности, направляли в больницу в Темплин и только потом в Равенсбрюк³. Если же роды происходили в лагерной больнице, то, по свидетельствам бывших заключенных, узницам делали принудительный аборт, либо врачи убивали детей сразу после их рождения⁴. Тем не менее в связи с частичным сокращением в 1944 г. количества гетто на Востоке, а также после Варшавского восстания в Равенсбрюк стало прибывать все большее количество беременных женщин. В сентябре 1944 г. в лагере начал функционировать так называемый блок для родов. Именно в нем велась специальная книга, где вплоть до апреля 1945 г.

¹ Итогом работы стало издание кн.: Непобедимая сила слабых: концентрационный лагерь Равенсбрюк в памяти и судьбе бывших заключенных. Воронеж, 2008. 351 с.

² Amesberger H., Auer K., Halbmayr B. Sexualisierte Gewalt. Weibliche Erfahrungen in NS-Konzentrationslagern. Wien, 2007. S. 250.

³ Pawelke B. Als Häftling geboren – Kinder in Ravensbrück // Frauen in Konzentrationslagern: Bergen-Belsen, Ravensbruck. Bremen, 1994. S. 158.

⁴ Amesberger H., Auer K., Halbmayr B. Sexualisierte Gewalt... S. 251. См., напр.: Мюллер Ш. Слесарная команда Равенсбрюка. М., 1985. С. 143.

фикси́ровались новорожденные заключенные. К моменту освобождения Равенсбрюка в ней значилось 560 детей⁵.

Однако помимо новорожденных в Равенсбрюке оказывались и несовершеннолетние заключенные. Количество детей, привезенных в лагерь в возрасте до 16 лет с родителями, родственниками или без них, составляло 881 человек⁶. В воспоминаниях бывших узниц отмечается, что в конце 1944 г. в Равенсбрюк доставили 12–13 детей из Советского Союза⁷, которые только благодаря требованиям советских военнопленных, направивших к руководству лагеря своих представителей, были размещены вместе с ними в блоке⁸. Несмотря на тяжелые окружающие условия и отсутствие дополнительных порций питания для несовершеннолетних узников, заключенные все же старались обеспечить им не только еду, но и отдых, одежду и даже игрушки⁹, становясь для них так называемыми лагерными матерями. После войны некоторые из этих женщин усыновили детей, спасенных ими в Равенсбрюке¹⁰.

Стелла Никифорова (Кугельман) – одна из таких несовершеннолетних узниц Равенсбрюка. Несмотря на то, что Стелла родилась в 1939 г. в Антверпене, основная часть ее жизни прошла в Советском Союзе. Ее родителями были евреи Луис Густаво Кугельман Гриц и Роза Клионски – участники движения Сопротивления в Бельгии. В 1943 г. их арестовали, и четырехлетняя Стелла вместе с матерью оказалась в Равенсбрюке. Девочку обозначили в лагерных документах как «политическую» узницу под номером 25622¹¹. Таким образом, нацисты в очередной раз продемонстрировали, что любая

⁵ Walz L. *Erinnern an Ravensbrück*. Stiftung Brandenburgische Gedenkstätten, 1998. S. 83. Из них в Равенсбрюке выжило 100 детей. См.: Amesberger H., Auer K., Halbmayr B. *Sexualisierte Gewalt...* S. 252.

⁶ Pawelke B. *Als Häftling geboren – Kinder in Ravensbrück...* S. 161.; Cp.: Strebel B., Herzog M. *Das Frauenkonzentrationslager Ravensbrück // Frauen in Konzentrationslagern: Bergen-Belsen, Ravensbrück*. Bremen, 1994. S. 19.

⁷ Ср.: Никифорова А.А. *Повесть о борьбе и дружбе*. Л., 1967. С. 96.; Мюллер Ш. *Слесарная команда Равенсбрюка*. С. 102.

⁸ Интервью с бывшей узницей концентрационного лагеря Равенсбрюк Головиной О.В. // Архив Регионального центра устной истории в г. Воронеже. Ф. «Женщины Равенсбрюка». Оп. 1. Д. 13.

⁹ См., напр.: Мюллер Ш. *Слесарная команда Равенсбрюка*. С. 102.

¹⁰ См., напр.: *Непобедимая сила слабых...* С. 308.

¹¹ Saidel R. *The Jewish women of Ravensbrück Concentration camp*. The university of Winsconsin Press, 2004. P. 70.

семья, определявшаяся ими в качестве антипода правящего режима по расовым, политическим или иным мотивам, лишалась всех прав и становилась, прежде всего, «врагом». Дети из подобных семей, если не подвергались принудительной «германизации»¹², утрачивали отношение к себе властей как к ребенку и, оказавшись в концентрационном лагере, воспринимались администрацией в качестве обезличенных заключенных, имевших лишь порядковый номер. Такие дети становились ответственными за любые поступки, совершенные их родителями против «третьего рейха», не фактом своего соучастия, а лишь кровной принадлежностью.

Мать Стеллы умерла от туберкулеза через три месяца после прибытия в лагерь. Узницы не сообщили девочке этой страшной новости, а лишь, пытаясь не травмировать ее, успокаивали, говоря, что мать перевели в другой блок, куда запрещено входить. Стелла отвечала им: *«Я все равно буду сидеть здесь. Мама не может уйти без меня. И придет за мной сюда»*¹³. В итоге она так и осталась в так называемом «туберкулезном блоке». Заботу о ней возложили на себя узницы, окружавшие ее в лагере. Как вспоминала Стелла Никифорова (Кугельман), она никогда не оставалась без опеки, несмотря на то, что ухаживавшие за ней женщины часто умирали¹⁴. Во время любой ее болезни кто-нибудь из узниц всегда находился рядом, чтобы при необходимости помочь девочке¹⁵. По воспоминаниям бывшей немецкой заключенной Ш. Мюллер, маленькая Стелла каждый день видела, как кто-нибудь умирал, однако оставалась около больных и вела себя как взрослая¹⁶. Позже бывшая советская заключенная А.А. Никифорова отмечала, что Стелла бегло говорила на нескольких языках, включая французский и немецкий¹⁷. Тот факт, что девочка постоянно находилась с умирающими людьми, как собственно и другие лагерные дети, регулярно видевшие смерть, не мог в полной мере осознаваться ребенком, однако он оставлял глубокий травмирующий отпечаток на ее психике.

¹² Для увеличения количества «представителей германской расы» нацисты похищали с оккупированных территорий детей, внешне соответствовавших «арийскому типу», и направляли их в специальные центры «Лебенсборн» для перевоспитания. См., напр.: Васильченко А.В. Сексуальный миф III Рейха. М., 2008. С. 243–244.

¹³ Мюллер Ш. Слесарная команда Равенсбрюка. С. 85.

¹⁴ Saidel R. The Jewish women of Ravensbrück Concentration camp... P. 70.

¹⁵ Ibid. P. 70.

¹⁶ Мюллер Ш. Слесарная команда Равенсбрюк. С. 85.

¹⁷ Никифорова А.А. Повесть о борьбе и дружбе. С. 279.

Одним из наиболее ярких впечатлений Стеллы Никифоровой (Кугельман) в лагере является воспоминание о надзирательнице. Надзирательница ела перед голодными детьми хлеб с салом, которого многие просто никогда не видели, а если кто-либо из них пытался подойти к ней и попросить, она избивала их¹⁸. Жестокостью надзирательниц объясняется тот факт, что, увидев их, девочка пряталась в «туберкулезном бараке». Среди умирающих, но заботящихся о ней женщин, она чувствовала себя в большей безопасности, чем на территории лагеря¹⁹.

Узницы научили Стеллу говорить о себе окружающим как об испанке, и она никогда не упоминала о своем еврейском происхождении²⁰. Подобная стратегия формального изменения своей национальной принадлежности широко применялась среди заключенных евреев не только в Равенсбрюке. Маленькая девочка была еще не в состоянии полностью осмыслить ту опасность, которую несла желтая звезда на рукаве лагерной униформы, поэтому женщины, желавшие спасти Стеллу, обучили ее сокрытию своей национальности.

В итоге девочка прожила в Равенсбрюке вплоть до эвакуации лагеря, начавшейся в последние апрельские дни 1945 г. в связи с приближением Красной Армии. 28 апреля ее и еще нескольких детей отправили вместе с другими узницами в так называемый «марш смерти». Женщины, чтобы облегчить обессиленным детям передвижение, посадили их в телегу, на которой в лагере развозили пищу. Когда Стелла проснулась утром, она увидела, что и эсэсовцы, и опекавшие детей женщины разбежались. В интервью американской исследовательнице Р. Зайдель Стелла Никифорова (Кугельман) отмечала:

«Это было ужасно, я помню это очень хорошо. Мы все думали, что погибнем. Это был момент, когда мы осознали, что рядом нет помощи. Женщины скрылись в лесу, и мы, трое детей, были абсолютно одни, не принадлежа никому»²¹.

Подобный шок объясняется тем, что дети остались, может быть впервые, в полном одиночестве, без защиты и поддержки взрослых, которая окружала их даже в экстремальных условиях лагерной действительности. Описание событий, происходивших в дальнейшем, является

¹⁸ Ein Film von Loretta Walz Die Frauen von Ravensbrück, 2005.

¹⁹ Мюллер Ш. Слесарная команда Равенсбрюка. С. 85.

²⁰ Saidel R. The Jewish women of Ravensbrück Concentration camp... P. 70.

²¹ Ibid. P. 71.

весьма важным для сравнения различных вариантов воспоминаний Стеллы Никифоровой (Кугельман). В книге А.А. Никифоровой «Повесть о борьбе и дружбе», изданной в СССР в 1967 г., Стелла отмечала:

«Мы сидели и ревели от страха. Через какое-то время к телеге подбежала русская женщина, а тут уже были немцы. Они заставляли ее тянуть телегу, она отказывалась. Вышел офицер; она сказала ему, что мы ее дети, и он разрешил взять нас. Так она спасла нас от смерти. Она обыкновенная рядовая заключенная концлагеря, но она – герой. Ее зовут Олимпиада Алексеевна Черкасова. С ней мы уже и прошли все остальное. Она же привезла нас в Советский Союз и сдала в детский дом, где я пробыла двенадцать с половиной лет»²².

Через пятьдесят лет после освобождения Равенсбрюка в одном из интервью Стелла Никифорова (Кугельман) рассказывала: «Если бы эта женщина не забрала меня обратно в лагерь, мой отец нашел бы меня». После того, как Стелла в 18 лет покинула приют в Подмоскowie, она встретила с О.А. Черкасовой: «Я сказала ей, что она разрушила мою жизнь. Она спасла мою жизнь и разрушила ее»²³. Безусловно, такая разница в описании произошедших событий могла основываться на идеологической обработке мемуаров, издававшихся в Советском Союзе. Однако нельзя не отметить и возможность эволюции оценки событий, которые произошли в жизни Стеллы. Спустя десятилетия она сожалела о тех возможностях, которые были упущены ею в жизни в силу различных обстоятельств. Спустя годы после освобождения из лагеря, узнав о том, кто ее настоящие родители, Стелла безуспешно попыталась наладить отношения с отцом, пережившим нацистский концентрационный лагерь, и переехать в Бразилию, где он жил после войны. Как отмечает Р. Зайдель, на момент интервью Стелла уже в течение тридцати лет была замужем за сыном Антонины Никифоровой и собиралась разводиться²⁴.

В некоторых аспектах схожей с биографией Стеллы Никифоровой (Кугельман) является судьба Л.А. Волошиной (Максимовой). Так же, как и Стелле, Людмиле Александровне пришлось отказаться и от своей фамилии, и от национальности. Во время оккупации Донецка

²² Никифорова А.А. Повесть о борьбе и дружбе. С. 276.

²³ Saidel R. The Jewish women of Ravensbrück Concentration camp. P. 71.

²⁴ Ibid. P. 72.

ее родители – евреи – были убиты, и юная девочка использовала документ на имя Л.А. Максимовой для того, чтобы покинуть город по совету матери своей школьной подруги. В дальнейшем, оказавшись уже в нацистском концентрационном лагере Равенсбрюке, Людмила Александровна продолжала скрывать свою этническую принадлежность из-за боязни быть уничтоженной:

«Представляете, что тишина во всем, и не дай Бог никакому человеку прожить это время и молчать, только плакать, когда никто не видит. Есть, кстати, очень хорошее выражение: «Плачь, чтобы твоих слез никогда никто не видел»²⁵.

В женский концентрационный лагерь Равенсбрюк Л.А. Волошина (Максимова) была доставлена в 18 лет, что, безусловно, оказало определенное влияние на ее восприятие лагерной реальности. Прежде всего, ее юный возраст позволял ей находиться под опекой старших женщин и в то же время помогать младшим заключенным. Так, Людмила Александровна вспоминала, что брала на себя основную часть работы в филиале Равенсбрюка – Нойбранденбурге, порученную ей и обгоревшей девятилетней белорусской девочке, спасшейся из подожженного нацистами сарая. С другой стороны, Л.А. Волошину (Максимову) и еще нескольких советских девушек опекала француженка – мадам Жоли, подкармливая их, обучая французскому языку и различным навыкам, способствовавшим выживанию. Более того, как подчеркивала в своем интервью Людмила Александровна, только «совет старших» помог ей, не имевшей необходимого жизненного опыта, вылечиться в лагере в отсутствие лекарств и при боязни попасть в лагерную больницу, используя методы уринотерапии²⁶.

Однако в целом воспоминания Л.А. Волошиной (Максимовой) не отражали какого-то особенного, возрастного представления о лагерной действительности. Хотя Людмила Александровна не была еще взрослой, полностью сформировавшейся женщиной (наряду с потерей матери, это обстоятельство приводило к поиску поддержки и любви со стороны старших), она не являлась и совсем юной девочкой. Так же, как и масса бывших узниц, она отмечала основные тематизации концлагерной повседневности – прибытие, стрижку волос,

²⁵ Интервью с бывшей узницей концентрационного лагеря Равенсбрюк Волошиной Л.А. // Архив Регионального центра устной истории в г. Воронеже. Ф. «Женщины Равенсбрюка». Оп. 1. Д. 12.

²⁶ Там же.

замену одежды на униформу и размещение в карантинном блоке, недостаточное питание, тяжелую физическую работу, насилие нацистов над женщинами.

Тем не менее воспоминания Людмилы Александровны интересны еще и с точки зрения ее опыта взаимодействия с Международным комитетом «Равенсбрюк». Уже в течение нескольких лет Л.А. Волошина (Максимова) является представительницей России в этой организации бывших узниц женского концентрационного лагеря, занимающейся просветительской деятельностью. Ежегодные встречи Международного комитета, в рамках которых Людмила Александровна общается с представительницами различных стран, пережившими Равенсбрюк, повлияли на характер ее воспоминаний о лагере. Так, например, иногда в ходе интервью она апеллировала к фактам из судеб других бывших заключенных. Деятельность в Международном комитете позволила Л.А. Волошиной (Максимовой) найти понимание и эмоциональную поддержку среди его членов – женщин, прошедших Равенсбрюк:

«И возьмите сейчас, когда мы встречаемся ежегодно на заседании в разных странах, каждый год в другой стране. Раньше 22 страны было, сейчас, к сожалению, уже 17 стран. Нас принимают на самом высоком уровне, как сестер. Мы не знаем, кто есть кто. Ну, он просто из Голландии, допустим, тот из Германии. Это никого не интересует. Поэтому сам человек, что он собой представляет, – это самое ценное. Порядочность, честность, любовь друг к другу»²⁷.

Подобные слова Людмилы Александровны, как и вся ее биография, являются подтверждением вывода немецких исследователей Юдит и Милтон Кестенберг, отмечавших, что кроме негативных последствий лагерный опыт мог способствовать развитию в характере бывших заключенных-детей и позитивных качеств. Так, большинство из них были ориентированы на общность, а не индивидуализм, являлись альтруистами и всегда были готовы помочь другим. Подобным поведением они идентифицировали себя с теми людьми, которые помогли им выжить в тяжелейших лагерных условиях²⁸.

Ежегодные заседания комитета в европейских странах дали Л.А. Волошиной (Максимовой) возможность ощутить уважение и признание со стороны общественности различных государств. В какой-то

²⁷ Интервью с Л.А. Волошиной...

²⁸ Amesberger H., Auer K., Halbmayr B. Sexualisierte Gewalt... S. 48.

мере сотрудничество с Международным комитетом помогло Людмиле Александровне проработать травмирующий лагерный опыт. Показателен тот факт, что она смогла преодолеть свои страхи, тяжелые воспоминания о концентрационных лагерях и посетить их по прошествии десятилетий. Этого не случилось с воспоминаниями о Донецеке – месте, где были убиты ее родители. Людмила Александровна так и не смогла вернуться в этот город.

В своих воспоминаниях Л.А. Волошина (Максимова) неоднократно подчеркивала значимость личности человека, а не его национальной или какой-либо иной принадлежности. Более того, она характеризовала лагерь как место, в котором человек должен бороться за сохранение своих ценностей, нравственных ориентиров, иначе ему не спастись:

«Вот в таких тяжелых обстоятельствах человек должен себя показать именно как человек. Это его норма, потому что, если он не будет таким, он же и погибнет. В одиночестве никто не выживает»²⁹.

Специфика воспоминаний несовершеннолетней узницы о Равенсбрюке представлена и в интервью с Л.Ф. Чулановой, оказавшейся в лагере вместе с матерью. Лидия Федоровна неоднократно подчеркивала, что «была маленькой» и, таким образом, не интересовалась происходившим в лагере: *«Если я была бы постарше, может быть, я и вникала бы в это, взрослые-то помнят, знают»³⁰*. Ее подростковый возраст нивелировал травматическое восприятие таких отрицательных фактов лагерной действительности, как, например, бритье волос на голове при поступлении в лагерь. Так, Лидия Федоровна сначала лишь упомянула об этом факте во время рассказа, не дав ему никакой эмоциональной оценки³¹. В дальнейшем она увязала травмирующее восприятие бритья волос на голове у женщин с их национальной принадлежностью: *«А для нас – ну, постригли и постригли, а у них – позор, у немцев позор, если стригут»³²*.

²⁹ Интервью с бывшей узницей концентрационного лагеря Равенсбрюк Волошиной Л.А. // Архив Регионального центра устной истории в г. Воронеже. Ф. «Женщины Равенсбрюка». Оп. 1. Д. 12.

³⁰ Тимофеева Н.П., Аристов С.В. Опыт концентрационного лагеря Равенсбрюк в нарративно-биографическом интервью с Л.Ф. Чулановой: текст и комментарии // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: гуманитар. науки. 2008. № 1. С. 164.

³¹ Тимофеева Н.П., Аристов С.В. Указ. соч. С. 162.

³² Там же. С. 165.

То, что Л.Ф. Чуланова оказалась в Равенсбрюке с матерью, не могло не сказаться на ее восприятии лагеря. По воспоминаниям Лидии Федоровны, мать пыталась облегчить жизнь себе и своей дочери. Например, она просила старшую по блоку отправить их на работу, где могло быть меньше жестоких побоев:

«А она меня как-то раз побила, эта Скальская, я же не могу носить ничего, я же маленькая была. [...] Мама пошла к этой блоковой и говорит: “Ну возьми нас куда-нибудь”. Она говорит: “Никуда уже не надо, вас на транспорт назначили в другой лагерь”. Так нас повезли в какой-то лагерь, но уже не такой. Привезли в какой-то лагерь в бараки. Проволока, но там не было крематория, в Равенсбрюке был»³³.

В результате воздействие многих тяжелых моментов лагерной жизни на юную узницу было смягчено заботой матери Л.Ф. Чулановой. Этот фактор, как и подростковый возраст, вероятно, способствовал формированию фрагментарных знаний, а впоследствии и подобных воспоминаний Лидии Федоровны о Равенсбрюке. Кроме того, небольшой временной отрезок, который она провела в женском лагере, а также особенности памяти пожилого человека не могли не сказаться забвением тех или иных аспектов прошлого в интервью. В этой связи показательным является несоответствие некоторых фактов из биографии Л.Ф. Чулановой и ее воспоминаний о них. Например, Лидия Федоровна отмечала, что уже в 1941 г. их с матерью, наряду с другими узницами, не приняли в Майданеке и Освенциме, так как оба лагеря были переполнены. Мать и дочь направили в Равенсбрюк³⁴. Однако ряд фактов опровергает прибытие Л.Ф. Чулановой в Равенсбрюк в 1941 г. Во-первых, в этом году ни в Аушвице, ни в Майданеке – недавно созданных лагерях – еще не было женских отделений. Они появились позднее – в марте 1942 г. в Освенциме и в августе 1942 г. в Майданеке³⁵. Следовательно, женщин не могли направить в данные места заключения. Во-вторых, оба лагеря оказались переполненными в 1944 г. в связи с наступлением Красной Армии и массовым перемещением узников с Востока на Запад. И, наконец, Лидия Федоровна называла номер, под которым она была зарегистриро-

³³ Там же. С. 164.

³⁴ Там же. С. 161.

³⁵ Orth K. Das System der nationalsozialistischen Konzentrationslager. Hamburg., 1999. S. 182.

вана в Равенсбрюке – 41600³⁶. Данный номер, как свидетельствуют сохранившиеся лагерные документы, относился к «транспорту» с 32 русскими и украинками, прибывшему в лагерь 8 июля 1944 г.³⁷ Таким образом, очевидно, что произошло искажение воспоминаний Л.Ф. Чулановой, которая прибыла в Равенсбрюк не в 1941 г., а в 1944-м.

Более того, Лидия Федоровна отмечала, что только после того, как оказалась в Равенсбрюке, ее направили на работу «к хозяевам», на фабрики³⁸. Однако в одном из отрывков воспоминаний имеются сведения о том, что уже до 1944 г. Л.Ф. Чуланова работала у немецкого предпринимателя:

«Вот я работала у хозяина, жена у него ничего была. У них магазин был. Как раз битва под Сталинградом была. У него три сына, два сына в армии, а один – Фердинанд, молодой, он еще не в армии. Но он работал, наверное, еще не далеко от Дармштадта, потому что он на велосипеде ездил на работу, а сколько и как село называлось, не знаю. И от сыновей долго не было писем, и она меня спрашивает, хозяйка: “Лидя, как у вас там, сильно холодно?” Зима, мол. Я говорю: “Да, у нас холодно”. Я ей объясняю, что мы ходим в шубах, пальто. “А солдаты как, они где живут?”. А я говорю: “Как где, в канаве”. – “Как в канаве? Холодно”. А я говорю: “Шубы надо, шапки”. Ну, в общем, вот так объяснила. Потом я узнала, что один под Сталинградом у них, а один во Франции. А когда началась битва под Москвой, их из Франции прямо под Москву. Я, как сейчас, сижу, перебираю картофель, там у них; она прибегает и говорит: “Лидя, а как Москва?”. Я говорю: “Ну и что Москва?”. Думаю, неужели немцы уже в Москве. А она говорит, нет. Из Франции, как я поняла, их послали в Москву»³⁹.

Анализ данной части воспоминаний показывает, что уже во время битвы под Москвой (осень–зима 1941 г.) и Сталинградского сражения (осенью 1942 г. – зимой 1943 г.) Лидия Федоровна работала у немецкого предпринимателя. При этом в памяти бывшей узницы этот эпизод соотносился с более поздним временем, когда она прину-

³⁶ Тимофеева Н.П., Аристов С.В. Указ. соч. С. 162.

³⁷ Philipp G. Kalendarium der Ereignisse im Frauen-Konzentrationslager Ravensbrück 1939–1945. Berlin, 1999. S. 294.

³⁸ Тимофеева Н.П., Аристов С.В. Указ. соч. С. 164.

³⁹ Там же. С. 172.

дительно направлялась на работу из Равенсбрюка. Подобная деформация структуры воспоминаний могла быть вызвана юным возрастом Л.Ф. Чулановой во время пребывания в Германии и особенностями памяти в преклонном возрасте, во время интервью, а также попыткой скрыть факт своего добровольного согласия на работу у немцев.

Опыт пребывания в концентрационном лагере Равенсбрюк навсегда изменил жизнь его несовершеннолетних узниц. Лагерная реальность с играми в заключенных и надзирателей⁴⁰, недостатком или полным отсутствием заботы и тепла со стороны взрослых, недостаточное питание и тяжелые физические нагрузки, постоянное присутствие рядом насилия и смерти – все это не могло не сказаться на психике детей. Как показали исследования психологов, дети и подростки, прошедшие концентрационные лагеря, должны были после освобождения приспосабливаться к новому, неведомому им миру, преодолевая последствия психических и физических травм, полученных в заключении⁴¹. Воспоминания о Равенсбрюке стали неотъемлемой частью судеб бывших детей-заключенных, незаживающей раной, постоянно напоминающей о себе. Полнота и структура этих воспоминаний зависят от субъективных (возраста, индивидуальных особенностей памяти, нежелания говорить о каком-либо факте из биографии и др.) и объективных (господствующих в обществе идеологических установок и др.) факторов. Вербализация переживаний, ощущение уважения и понимания со стороны родственников и окружающих людей способствовали смягчению негатива в воспоминаниях бывших несовершеннолетних узников о лагере. И наоборот, неудовлетворенность жизнью, отсутствие возможности поделиться своими воспоминаниями лишь усугубляли болезненное отношение к прошлому.

Подводя итог, следует отметить, что предлагаемое исследование отнюдь не претендует на полноту освещения заявленной проблемы, оно лишь ставит вопросы, на которые исследователи еще должны будут дать обстоятельные ответы. Подобная работа необходима не только для воссоздания коллективной памяти о нацистских концентрационных лагерях бывших юных заключенных, но и для наиболее глубокого понимания опыта пребывания в условиях экстремального насилия бывших несовершеннолетних узников.

⁴⁰ Никифорова А.А. Повесть о борьбе и дружбе. С. 96.

⁴¹ См., напр.: Храбар Р., Токаж З., Вильчур Я. Время неволи. Время смерти: мартиролог польских детей в период гитлеровской оккупации. Варшава, 1981. С. 170–172.

В.Г. Безрогов

**ПОМНИТЬ НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ: КОЛЛЕКТИВНАЯ
ПАМЯТЬ, ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ И ТЕМА
ВОЙНЫ В УЧЕБНИКАХ ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ
КОНЦА 1940-Х – НАЧАЛА 2000-Х ГГ.¹**

Память тиранична. Она подавляет и исключает; она превозносит и предпочитает.

Ойген Розеншток-Хюсси

Мы можем привязать различные фазы нашей жизни к событиям национального масштаба лишь задним числом.

Морис Хальбвакс

В этой статье объединены три эссе – два теоретических (о видах меморизации человеческого опыта и о воспоминаниях детства) и одно практическое исследование «рамок памяти», предлагаемых системой образования детям. Единственным оправданием автору в соединении столь разных предметов может служить то обстоятельство, что все они имеют все же некоторое, опосредованное или непосредственное, отношение к детской памяти о войне.

© Безрогов В.Г., 2010

¹ Работа над статьей поддержана грантом РГНФ 09-06-00950а.

Память: коллективное и персональное

В современной литературе достаточно разнообразна терминология, связанная с памятью. Помимо «коллективной памяти» и «социальной памяти» (*social memory*) можно встретить такие варианты, как «индивидуальная память», «публичная память» (она связана обычно с историей определенной территории, но не только), «историческая память», «культурная память», «коммунальная (то есть общинная, от *community* – “организованной группы, живущей в одном месте, общины”) память», «публичная коллективная память», «персональная память», «селективная память», «групповая память», «соперничающая память», «требующая память», «историографическая память», «американская (французская и т.д.) память», «общая память», «память детства», «поколенная память», «коммуникативная память», «домашняя память», «локальная память» (*individual, public, historical, cultural, collective, communal, public collective, personal, selective, team, competing, claiming, historiographical, common, childhood memory, generational, communicative, domestic and local memory*). Встречаются и более экзотические термины – такие, как «после-память» (*post-memory*), куда включают, например, фотографии и их взаимодействие с человеческой живой памятью; «противо-память» (*counter-memory*), включающая противоречивые друг другу версии или альтернативные версии «реальности», противоречащие произошедшему «на самом деле»; «организационная память» (*organizational memory*), связанная с историей учреждений, в том числе военных подразделений; «утраченная, пропущенная, недостаточная память» (*mis-memory*), вбирающая в себя вытесненную память или следы выветрившегося содержания памяти; «потерявшая свое место память» (*misplacing memory*), переместившаяся по хронологической шкале в иное место по сравнению с моментом случившегося; «картинка памяти» (*screen-memory*) и т.д.² Подчеркивают различие коллективной, культурной, коммуникативной памяти, считая первую более официальной (стандарты прошлого), вторую – скорее символической (образы прошлого), а третью – альтернативной в пределах небольших социальных групп разного происхождения (мифы прошлого, семей-

² Психологическая литература содержит иные термины: эпизодическая, генеральная, семантическая, декларативная, процедурная, долговременная, кратковременная, ультракратковременная, произвольная и непроизвольная, образная и словесно-логическая, моторная, слуховая, зрительная, вкусовая, эмоциональная и др.

ные мемораты, личные свидетельства представителей одного поколения и др.)³.

В воспоминании об одном событии могут соединиться многие формы памяти. Например, в полемике между коллективной и коммуникативной памятью могут рождаться те или иные символы культурной памяти, имеющие разную степень официальной поддержки. В любом случае «коллективная/культурная/коммуникативная память» связана с понятием общего опыта, пережитого той или иной группой людей совместно или воспринятого ею через систему социальной коммуникации и механизмы интериоризации и идентификации⁴. Особенно ярко в связи с памятью о прошлом звучат в наши дни темы общего негативного, травматического опыта, в том числе выпавшего на долю детей⁵. В советские же послевоенные времена о трав-

³ Hodgkin K., S. Radstone, eds. *Memory, History, Nation: Contested Pasts*. Edison, 2005; Ассман Я. *Культурная память*. М., 2004; Welzer H. *Das kommunikative Gedächtnis. Eine Theorie der Erinnerung*. Muenchen, 2002. Обычно культурную и коммуникативную память определяют как подвиды коллективной. Мне кажется, что из культурной памяти следует отделять особый род коллективной идеологической памяти, связанный скорее с политикой, чем с культурой памяти (В.Б.).

⁴ См., напр.: Noa Gedi, Yigal Elam. *Collective Memory – What Is It?* // *History and Memory*, 8, no.1, 1996; Boyarin, Jonathan. *Space, Time, and the Politics of Memory* // *Remapping Memory: The Politics of TimeSpace*. Ed. Jonathan Boyarin. Minneapolis-L., 1994; Gillis, John R. *Memory and Identity: The History of a Relationship* // *Commemorations: The Politics of National Identity*. Ed. John R. Gillis. Princeton, 1994; Irwin-Zarecka, Iwona. *Frames of Remembrance: The Dynamics of Collective Memory*. New Brunswick, N.J.-L., 1994; Kammen, Michael. *Mystic Chords of Memory: The Transformation of Tradition in American Culture*. N.Y., 1991, repr.1993; Boyarin, Jonathan. *Storm from Paradise: The Politics of Jewish Memory*. Minneapolis, 1992; Nora Pierre. *Between Memory and History: Les Lieux de mémoire* // *Representations*, 26, spring 1989, 16: special issue: *Memory and Counter-Memory*. Ed. N.Z. Davis and Randolph Starn; Braude, Claudia. *The Archbishop, the Private Detective, and the Angel of History: The Production of South African Public Memory and the truth and Reconciliation Commission* // *Current Writing: Text and Reception in Southern Africa*, 8 (2), 1996; Zerubavel, Yael. *Recovered Roots: Collective Memory and the Making of Israeli National Tradition*. Chicago-L., 1995.

⁵ См.: *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа*. М., 2005; *Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России: материалы и исследования*. СПб., 2008; Кринко Е.Ф. *Эволюция образа врага: немцы в воспоминаниях детей оккупированных советских областей* // *Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия*. М., 2008.

матическом опыте выживания детей на войне старались не говорить, причем даже тогда, когда речь заходила о «детях на войне»⁶. «Реаби-

С. 187–191; Его же. Военное детство (1941–1945): основные направления исследований // Материнство и детство в России XVIII – XXI вв. Ч. 2. М., 2006. С. 155–169; Goodman, Susan. Children of War. The Second World War through the Eyes of a Generation. L., 2005; Bonwetsch B. «Ich habe an einem völlig anderen Krieg teilgenommen». Die Erinnerung an den «Großen Vaterländischen Krieg» in der Sowjetunion // Krieg und Erinnerung. Fallstudien zum 19. und 20. Jahrhundert. Hrsg. von H. Berding, K. Heller, W. Speitkamp. Göttingen, 2000. S. 145–168; Шайде К. Коллективные и индивидуальные модели памяти о Великой Отечественной войне // Ab Imperio. 2004. № 3; Баранова В.В. «Детский взгляд» в воспоминаниях о войне: особенности автобиографического нарратива // URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/baranova2.htm>; Юсупова Л.Н. Военное детство в памяти поколения, пережившего оккупацию Карелии // Военно-историч. антропология. Ежегодник, 2003/2004: Новые научные направления. М., 2005. С. 345–351; Russlands Gedaechtnis. Jugendliche entdecken vergessene Lebensgeschichten. Hrsg. Von I. Scherbakowa. 2. Aufl. Hamburg, 2003; Сальникова А.А. «Детский» текст и детская память в «эпоху катастроф» // Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004. С. 413–430; Утехин И. Устные рассказы о блокадном опыте: свидетельства разных поколений // Антрополог. форум. 2006. № 5. С. 325–344; Caruth, Cathy. Trauma: Explorations in memory. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995; Merridale, Catrin. Steinerne Neachte. Leiden und Sterben in Russland. Muenchen, 2001; Mithander, Conny; John Sundholm & Maria Holmgren, eds. Collective Traumas. Memories of War and Conflict in 20th Century Europe. Bruxelles etc.: P. Lang, 2007; Война и дети: им память – высшая награда: матер. Междунар. науч.-практ. конф. Курск, 2005; и мн.др.

Отдельным направлением исследований выступает изучение последующего бытия потомков жертв Второй мировой (началось в 1960-е гг.) и Великой Отечественной (началось в 2000-е гг.). См.: Rakoff, V.; J.J. Sigal & N.B. Epstein. Children and families of concentration camp // Canada's Mental Health. 1966. № 14. P. 24–26; Danieli, Y. Differing adaptational styles in Families of survivors of the Nazi holocaust // Child Today, 10:5, 1981. P. 6–10; Solomon, Z.; M. Kotler & M. Mikulicer. Combat-related posttraumatic stress disorder among second-generation Holocaust survivors: preliminary findings // American Journal of Psychiatry, 145, 1988. P. 865–868; W.B. Helmreich. Against all odds: Holocaust survivors and the successful life. N.Y.: Simon & Shuster, 1992; C/Gartland. The lasting trauma of the concentration camps: The children and grandchildren may be affected // British Medical Journal. 1993. № 307. P. 77–79; Долговременный стресс и его воздействие на потомков: психологические и физические характеристики детей бывших узников фашистских концлагерей // Агрессия и мирное сосуществование: универсальные механизмы контроля социальной напряженности у человека / под ред. М.Л. Бутовской. М., 2006. С. 208–230.

⁶ См.: Смолко Е. Память и верность // Семья и школа. 1985. № 6. С. 18–19. Показательно, что тема бытовых трудностей повседневного существования де-

литированный» в первые постсоветские годы для обсуждения в социуме травматический опыт детства выступает, однако, своеобразной магической гарантией честности и благородства испытывавшего его человека⁷. В таком варианте он был на первых порах особенно привлекателен для включения в национальную историческую память. В дальнейшем травматичность опыта и личностная субъективная честность/благородство его носителя перестают непременно коррелировать друг с другом⁸. Однако в национальную память россиян пока оказывается все же более или менее включенным лишь травматический опыт детей-беспризорников и блокадников. Военное детство в целом, равно как и лагерное детство 1930-х – 1950-х в нее не попадают, несмотря на значительно увеличившееся количество публикаций на данные темы. Идет переосмысление взрослыми людьми «военного бытия», наблюдавшегося ими же в детском возрасте⁹. Осмысление судеб детей на войне (Великой Отечественной, Первой ми-

тей на войне, проблем выживания, нахождения средств к существованию, к поддержанию детского здоровья и т.п. почти не отразилась в данной, далеко не самой худшей публикации позднесоветского времени о детстве в 1941–1945 гг. С точки зрения господствующего дискурса готовность «к достойным поступкам на благо любимой Родины» не подразумевала сбора и изучения детского опыта по сохранению собственной жизни ради будущего этой же Родины. «Обычное» военное детство, а особенно детство на оккупированных территориях получило «право голоса» в основном лишь с начала 1990-х гг. Проводившийся в 1942–1945 гг. в пропагандистских целях сбор воспоминаний и сочинений детей об их военном опыте уже перед самой Победой был прекращен, по видимому, за ненадобностью для власти. Сильно эмоционально окрашенные и потому детальные, такие воспоминания своей неизбежной подробностью не были интересны для официальной коллективной памяти. Работы П.П. Щербина по истории эпохи Первой мировой войны демонстрируют давние истоки обсуждаемой «принципиальности», отвергавшей исследовательскую и политическую привлекательность как «истории женской тыловой повседневности», так и – в нашем случае – истории повседневности военного детства, воспоминания далеко не всегда нужных, не всегда достаточно «патриотичных» свидетелей. См.: Щербинин П.П. Реконструкция воздействия военного фактора на культурную память россиянок в начале XX в. (Источниковедческие аспекты) // Век памяти, память века... С. 143–154.

⁷ Камил Икрамов пишет, что почти не встречал среди детей репрессированных подонков, деяг, карьеристов. Опыт страданий, искажив их жизнь, не сломал их внутренне (Икрамов К. Дело моего отца. М., 1991. С. 4).

⁸ См.: Родос В.Б. Я – сын палача. М., 2008.

⁹ Печерский М. Спор немецких историков: между памятью, прошлым и историей // Интеллектуальный форум. 2000. № 3. С. 27–61.

ровой, Чеченской и др.), субкультуры «военного детства» еще ждут своих исследователей.

Рассказывающий о себе в процессе работы с памятью и сегодняшним самосознанием *создает* нарратив о своей судьбе, вкладывая в него определенную нарративную структуру (с различными слоями, в том числе слоями, связанными с его осведомленностью о требованиях жанра, культуры, эпохи, ситуации, важных идеологических стереотипов и пр.). Он представляет свою жизнь на сцене рассказывания или написания. Воспоминания о себе как источник для историка сродни автопортрету как источнику для историка искусств. И то и другое есть творение искусства и жизни, жизни и искусства. В любом из них зафиксировано время автобиографической памяти, только в одном случае для его фиксации выбран микрофон (или бумага), в другом – холст. Оба произведения объединяет стремление к интегральному образу личности героя-автора. Если историк ставит своей целью «выудить» из воспоминаний коллективную память о каком-то феномене, то его основной методической заботой становятся стереотипы, слухи и мифы, обращавшиеся в период переживания авторами воспоминаний своего общего опыта, после него вплоть до момента рассказа о нем. Возможно как спонтанное, так и целенаправленное проникновение в коллективную память «фантазийных» изображений и внушенных образов того, что никогда не происходило.

Существует определенная государственная и иная *политика в отношении памяти*, манипулирующая коллективной памятью¹⁰. По-

¹⁰ См.: Richard Ned Lebow, Wulf Kansteiner, Claudio Fogu, et al. The politics of memory in postwar Europe. Durham: Duke University Press, 2006; Rappaport, Joanne. The Politics of Memory: Native Historical Interpretation in the Colombian Andes. Durham: Duke University Press, 1998; Savage, Kirk. The politics of memory: Black emancipation and the Civil War monument // John R. Gillis (Ed.) Commemorations: The politics of national identity. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994; Blackburn, Gilmer W. Education in the Third Reich: A study of race and history in Nazi Textbooks. Albany, New York: State University of New York Press, 1985; Porat, Dan. A contemporary Past: History textbooks as sites of national memory // Alaric Dickinson, Peter Gordon and Peter Lee (Eds.). International Review of History Education, vol. 3, London: Woburn, 2001. P. 36–55; Nossiter, Adam. Algeria Hotel: France, memory and the Second World War. New York: Houghton Mifflin, 2001; Rousso, Henry. The Vichy syndrome: History and memory in France since 1944. Tr. by Arthur Goldhammer. Cambridge MA: Harvard, 1991; Buruma, Ian. The wages of guilt: Memories of war in Germany and Japan. N.Y.: Meridian, 1994;

сколькx «культура воспоминания и забывания выступает как средство рационализации человеческого существования и основа выбора стратегий выживания», то пропаганда памяти о войне стремится имплантировать в каждое последующее поколение чувство вины и неоплатного долга¹¹. В отечественном варианте данное чувство выполняет задачу примирения с трудностями современного, послевоенного состояния страны («Да, нам нелегко, но зато мы победили в той войне, спасли весь мир»). Верность памяти о Победе с момента утверждения в 1965 году 9 Мая как праздника «обогащает юных..., побуждает к достойным поступкам на благо любимой Родины»¹².

Поскольку коллективная память определяет дальнейшие пути развития сообщества, в котором она живет, то она становится объектом политики консервирования или переписывания прошлого. Коллективная память воздействует на самосознание членов общества и на определение дальнейшей перспективы всего сообщества людей, имеющих одно общеисторическое сознание¹³. Некоторые исследова-

Репина Л.П. Коллективная память и мифы исторического сознания // Сотворение Истории: человек, память, текст / под ред. Е.А. Вишленковой. Казань, 2001. Частью темы политики памяти можно рассматривать «политику повествования», связанную с маркированием рассказов о прошлом как желательных или нежелательных в отношении тех или иных тем либо аспектов прошлого. См.: Till, Karen. Staging the Past: Landscape Designs, Cultural Identity and Erinnerungspolitik at Berlin's Neue Wache // *Ecumene* 6 (3), 1999. P. 251–283; Tumarkin, Nina. The great patriotic war as myth and memory // *Atlantic Monthly*. 1991. № 6 (June). P. 26–44; Tulviste, Peeter, & Wertsch, James V. Official and Unofficial histories: The Case of Estonia // *Journal of Narrative and Life History*. 1994. № 4. P. 311–329.

¹¹ Нагорная О.С. «Век катастроф» в культурной памяти современного российского общества // *Век памяти, память века...* С. 228.

¹² Смолко Е. Цит. соч. С. 19. Это «обогащение» и «побуждение» проходили из года в год в обстановке не только инвариантной, но и различной интенсивности и вариативности словаря лексических и понятийных стереотипов, применяемых к обозначению победы в войне 1941–1945 гг. См.: Басовская Е.Н. Фразеология победы: из истории одной идеологемы (по материалам «Литературной газеты» 1955–2005 гг. // *Стереотипы в языке, коммуникации и культуре* / отв. ред. Л.Л. Федорова. М., 2009. С. 336–347.

¹³ Исследования средств коммуникации, производства и потребления памятников искусства послевоенной эпохи подчеркивают относительно новый момент, связанный с организацией массового производства и массового потребления памяти. Подчеркивают инверсию соотношения меморизации, с одной стороны, и потребляющего взглядывания и исследования, – с другой. Например, сооружение памятника в честь какого-то события повышает обязательства людей помнить об этом событии и рассказывать о нем детям и внукам.

тели памяти полагают, что это «коллективное» в реальности не существует, что это лишь метафора, код для обозначения, и только. В коллективной памяти, с этой точки зрения, искусственно оживляется то, что применимо лишь к индивиду, на уровне индивидуальном¹⁴. В такой интерпретации память есть достояние исключительно индивидуальное, и мы не в состоянии сказать, что из него не уникально. Авторы, активно пользующиеся понятием «коллективная память» и изучающие именно ее содержание, наоборот, подчеркивают, что хотя мы и подразумеваем под термином «память» некую хранимую индивидуальными мозгами информацию, но, в конечном счете, память есть коллективный, групповой феномен. Индивидуальный человеческий мозг, пишет А. Нил, есть, конечно, дифференцирующий признак, отделяющий человека от животных. Но память этого человека, содержимое его «мозгов» преимущественно социально. Мы создаем мир вокруг себя посредством языка, символов, взаимодействий с другими людьми; образы нас и нашего внешнего мира общи актам памяти «легионов мужчин и женщин, которых мы никогда не знали и с которыми никогда не познакомимся»¹⁵.

На чью позицию в данном споре мы бы ни встали, все же лишь через примат индивидуального опыта, через корпус индивидуальных воспоминаний возможно выстраивать то общее, что «коллективно» у одного человека с другим. Такой подход находится в оппозиции к пониманию «коллективной памяти» М. Хальбваксом, включившим в нее практически все «продукты человеческого познания» и исключившим персональную размерность памяти¹⁶. Критика Хальбвакса

См.: Huyssen, Andreas. *Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia*. L.: Routledge, 1994; Idem. *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*. Stanford: Stanford University Press, 2003; Young, James E. *Against Redemption: The Arts of Countermemory in Germany today* // *Symbolic Loss: The Ambiguity of Mourning and Memory at Century's End* ed. by Peter Homans. Charlottesville: University of Virginia Press, 2000. P. 126–146.

¹⁴ Noa Gedi, Yigal Elam. *Collective Memory – What Is It?* // *History and Memory*, 8, no. 1, 1996, P. 30–40.

¹⁵ Neal, Arthur G. *National Trauma and Collective Memory. Major Events in the American Century*. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1998. P. 202. Проблема соотношения индивидуальной и коллективной памяти имеет еще один аспект: обсуждение степени гомогенности коллективной памяти социальной группы. См. прим. 32 на с. 211 в ст.: Хауманн Х. *Переосмысление насилия эпохи сталинизма в личных свидетельствах (методические замечания)* // *Век памяти, память века...*

¹⁶ Halbwachs, Maurice. *Les cadres sociaux de la memoire*. P., 1994 [1925] (рус. пер. 2007); Idem. *La memoire collective*. P., 1987 [1925]; Namer, Gérard. Halbwachs,

может осуществляться с двух противоположных позиций: освобождения (вычищения) памяти из истории (история как стремление к абсолютному повествованию о «реальности» и к удалению памяти как лживого и конъюнктурного нарратива, более близкого «стереотипам» и «мифам», а не «реальной истории») и, с другой стороны, – насыщения истории персонализированной памятью (спорящей с официальной историей). Современная историческая наука стремится принять второй вариант позиции по поводу соотношения памяти и истории, в том числе через применение (авто)биографического метода и реабилитацию устных историй. Изучение «коллективной памяти» становится более осторожным. В некоторых случаях, правда, при изучении «индивидуального восприятия» пропускают некогнитивные, символические, стереотипные, архетипичные уровни стратегий меморизации, живущие в конкретном социуме наподобие «бродячих сюжетов» в фольклоре. Однако сравнение «памятных рассказов о прошлой жизни» между собой в том случае, если оно возможно, явно приоткрывает как невероятное индивидуальное разнообразие опыта и памяти, так и наличие совершенно явных групповых паттернов репрезентации «личного времени» на фоне «эпохального». Подобная ситуация не умаляет значимости автобиографического материала. Она подчеркивает его многообразие и многообразные возможности его использования и изучения, в том числе и в рамках изучения детских воспоминаний об ушедших в прошлое военных временах, воспоминаний малорефлексивного возраста, пропущенных сквозь несколько разных последующих исторических эпох с неоднозначным отношением к памяти о конкретных событиях¹⁷.

mémoire collective. P., 1997. Работы Хальбвакса, умершего в Бухенвальде, стали широко известны и популярны начиная с конца 1960-х гг., а особенно в 1980–1990-х. См.: Niethammer, Lutz. Maurice Halbwachs: Memory and the Feeling of Identity // Bo Strehl, ed. *Myth and Memory in the Construction of Community. Historical Patterns in Europe and Beyond*. Bruxelles-Bern-Berlin: PIE Lang, 2000. (Series Multiple Europas, 9). P. 75–93.

¹⁷ О малорефлексивном мышлении см.: Петренко В.Ф. Психосемантический анализ менталитета сельских жителей (Вопросы методологии) // *Город и село в современной России: перспектива структурного воссоединения* (начало исследования) / под ред. Н.Е. Покровского. М., 2004. С. 60–84; Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке: Устная история. Барнаул, 2008. (особ. С. 373–398); Решикова И. К вопросу о фольклорных источниках посткрестьянских биографий // *Докса: сб. науч. тр. по философии и филологии*. Одесса, 2007. Вып. 11. С. 84–90; Кознова И.Е. XX век в социальной памяти рос-

Индивидуальная память может бороться с коллективной и корректировать ее, выходя на широкую аудиторию. В этом случае коллективная память отождествляется нередко с государственной памятью и «лживой историей», в то время как «помню» означает нередко «это было так», «это истинная правда», обрекая индивида если не на ментальное одиночество, то на «хоронение» в группе «своих». Подобная ситуация ярко видна при сборе устных воспоминаний, когда на фоне общих стандартов того, что принято рассказывать, респондент повествует о таком персональном опыте, который открывает неизвестные страницы жизни не только данного конкретного человека, но и целого поколения.

«Автобиографии детства» важны, как мне кажется, во всех трех вариантах их соотношения с коллективной памятью (коллективная память уже персональной, шире нее или полностью с ней совпадает). Если репрезентированный опыт совпадает с коллективной памятью, автобиография может стать изображением модельного варианта жизненного пути типичного человека данного общества, «типичной биографией» «героя нашего времени» или «сына века», «культурной герменевтикой» поведения. Если персональная память шире коллективной, то это – путь к корректировке последней, к смене взгляда на характер эпохи или события. В данном случае очень показательны воспоминания времен войны, оживляющие казусы индивидуального существования, проступающие сквозь карты сражений и реляции корреспондентов¹⁸. Если персональная память уже коллективной, тогда возникает благоприятная возможность изучения на основе личных воспоминаний господствующих стереотипов, степени диффузии в личностные истории общих паттернов и типичных «историй поведения», глубины и распространенности в личностном сознании структур «коллективного опыта», возможность изучения концепций «общих судеб» значительных групп населения, навязы-

сийского крестьянства. М., 2000; Сергиева Н.С. Время в автобиографическом дискурсе // Власть. Судьба. Интерпретация культурных кодов. Саратов, 2003. С. 262–298; Акельев Е.В. Историческая память российского крестьянства: образы прошлого и настоящего в устных воспоминаниях сельских жителей // Полевые исследования студентов РГГУ: Этнология. Фольклористика. Лингвистика. М., 2006. С. 81–97; Цветаева Н.Н. Биографические нарративы советской эпохи // Социолог. журн. 2000. № 1–2; Рассказы о своей жизни: жизнеописания эстонских земледельцев. Таллинн, 2005; и др.

¹⁸ См., напр.: Справка-доклад «О 28 панфиловцах» // ГАРФ. Ф. Р-8131сч. Оп. 37. Д. 4041. Л. 310–320. Опубл.: Новый Мир. 1997. № 6.

ваемых индивиду образов прошлого и путей решения на их основе проблем сегодняшнего дня. Коллективная память включает собрание внешних стереотипов и образов, вносимых в индивида, например, газетами, книгами (особое место среди них отводится школьным учебникам), радио, ТВ, кино и пр. Значимость сведений о прошлом в этом случае должна быть проинтерпретирована индивидом, принята им «на веру» и встроена в себя. Превалирование коллективной памяти над персональной есть свидетельство тоталитарности сознания и общества. Превалирование индивидуальной памяти над коллективной есть свидетельство периода острого расхождения между групповым сознанием («индивид» как часть «общества») и персональным самоощущением. Такие периоды особо плодотворны на написание воспоминаний как свидетельств *contra* «их [властей, авторитетов] истории»¹⁹.

«Память не может быть жестко индивидуальной, поскольку она символична и потому интерсубъектна. Также она не может быть в буквальном смысле коллективной, поскольку она не сверхъестественна (*superorganic*), но отелеснена (*embodied*). ... С чем мы встречаемся и в чем мы живем есть оформление из динамически выбранных воспоминаний (*memories*) и группового «членства», и индивидуальной «идентичности», и – постоянное добавление, перелицевание, переделка этих воспоминаний, как элементов (*members*), опровергающих и создающих границы и связующие нити между собой»²⁰. Работа «мифологии памяти» по изменению и определению нашего отношения к прошлому может быть вполне продуктивна. Воспоминания о детстве есть один из результатов такой работы, настолько же выделяющий конкретного человека из общества, насколько и «приписывающий» его к именно *этому* обществу и поколению. В случае феномена «расколотой» коллективной памяти, то есть наполненной противоречиями, разночтениями, противоположными мнениями об одних и тех же событиях в прошлом, «примирительную» роль в споре могут сыграть именно воспоминания детства²¹.

¹⁹ Ср.: Леви Д. Биография и история (1989) // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 193.

²⁰ Boyarin, Jonathan. Space, Time and the Politics of Memory // Remapping Memory: The Politics of Time Space. Ed. Jonathan Boyarin. Minneapolis-L., 1994. P. 26.

²¹ Coe R.N. When the Grass Was Taller. Autobiography and the Experience of Childhood. New Haven, 1984; Herf, Jeffrey. Divided Memory: The Nazi Past in the Two Germanies. Cambridge, 1999; etc.

Различное отношение к одному и тому же феномену прошлого, существующее в обществе и в исторической науке, стимулирует историков разыскивать в автобиографиях все новые подтверждения той или иной оценки. Наличие персонального опыта, оцененного и представленного автобиографом и определенного историком как противоречащий общепринятой оценке прошлого (механизм доказательства от «*shared memory*»), может в итоге выступить сильным аргументом для корректировки институализированного наукой официального варианта коллективной памяти. Голоса «малых сих» звучат в данном случае достаточно громко. Понимая этот факт, с ними работают начиная с малых лет, уже с начальной школы имплантируя сконструированные политикой и педагогикой образы прошлого «нашей великой Родины». Одним из самых важных образов служит образ Войны-и-Победы, встречающий ребенка уже в первых классах школы.

Автобиография детства есть результат работы человека с памятью о времени, пропущенной через внутреннюю цензуру последующей жизни и через «выученную историю», добавленную к прожитой. Дискретные воспоминания объединяются в цельное повествование, лакуны заполняются взятой из семейных преданий или общих идеологием информацией. Целостность образа «времени своего детства» оказывает определенное воздействие на представление о целостности всей личности, об оправдании всего случившегося. Время памяти детства создает фантом образа, рожденный для преодоления времени детства и неофициальной памяти о прошлом.

Мир детства как мир памяти

«Слишком часто взрослые, имея дело с детьми, не помнят самих себя маленькими, и потому слишком часто детская душа для них — потемки, еще более сокровенные и загадочные, чем всякая иная чужая душа», — писали в российских журналах почти сто лет назад²². Но и до сих пор остается большое количество вопросов, связанных с реконструкцией истории детства того или иного поколения, на которые историку, на первый взгляд, ответить практически невозможно. Какое место занимало детство в жизни конкретного человека? Как его уникальное детство вписано в детство его эпохи, социальной группы? Насколько оно вариативно и уникально, а насколько типич-

²² Шейнис Л. Из области детской правовой психики // Вестн. воспитания. 1912. № 6. С. 77–78.

но и стандартно? Каким образом то или иное поколение справлялось с личностными кризисами, как оно впоследствии оценивало этот опыт, и какую роль он играл на следующих возрастных этапах? Как на биографию всего поколения в целом влиял одновременно инвариантный и уникальный опыт детства? Как возникают в ту или иную эпоху смысловые ориентиры и ценности, которые представители разных возрастных когорт, выработав, склонны хранить и не учитывать которые не стоит ни при воспитании молодежи, ни в социальной работе с пенсионерами? Как разные поколения представляли и представляют себе людей старше и младше самих себя? По каким писанным и неписанным правилам ожидают и готовы взаимодействовать с ними? Как может быть учтен опыт детства взрослых в решении насущных задач воспитания детей? Эти и подобные им вопросы являются ключевыми при попытках решения социальных, культурных, психологических и педагогических задач с помощью исторических исследований. Чтобы на них ответить, необходимо попасть в тот период жизни конкретного человека и его поколения в целом, который больше всего сокрыт от нас, – в период детства, во времена открытия смысла жизни, совладения и преодоления истории.

Способов проникать в детский мир, смотреть на процесс социализации, воспитания и обучения *глазами ребенка* не так много. Важнейшим источником сведений являются воспоминания о детстве. Практическая работа с воспоминаниями дает возможность научиться понимать изменчивость, многовариантность детства и отдельных детских судеб, анализировать базовые элементы биографического опыта. Работа с воспоминаниями готовит аудиторию к встрече с разными вариантами проблем, скрытых в жизненном опыте.

Воспоминание – сложный процесс. Рассказывая другим или самому себе о своем прошлом, автобиограф уже внутри себя оценивает материал, решая что и как поведать. Он реконструирует прошлое с точки зрения ретроспективы, то есть зная о «последствиях», к которым привели те или иные поступки и события. Отрывочные воспоминания объединяются. Лакуны памяти восполняются художественным гением рассказчика, стереотипами и языком повествуемого и повествующего времени. В зависимости от видения себя, от оценивания своей успешности/неуспешности автобиограф может рассказывать об одном и том же моменте своего прошлого совершенно по-разному.

Очень большое значение имеет общая культура автора воспоминаний, его образовательный и профессиональный статус, его возмож-

ности в плане владения словом, то есть способность выразить себя, выразить то, что хочется сказать. Как мы уже отметили в первой части статьи, далеко не всегда сказанное есть именно выражение себя. Респондент нередко стремится говорить «о времени, а не о себе», описывая не себя и свои чувства, а тех и то, что его окружало. Создается интересный памятник эпохе, но нередко без героя, по крайней мере, на сцене. Представители разных поколений реализуют различные стратегии меморизации и репрезентации жизненного опыта детства. У любой эпохи есть своя собственная иерархия важности и неважности различных аспектов и сторон жизни, важности или неважности не только их воспроизведения в рассказе, но и запоминания того или иного случая в жизни. К этому еще следует добавить влияние представлений о допустимости или недопустимости разговора на те или иные темы.

Исследования автобиографических повествований как жанра проводятся с начала XX столетия. Авторы исследований по истории детства обычно стремятся включить в них различные «рассказы о себе», поскольку те являются наиболее живым и интересным материалом и для читателя, и для исследователя. Однако работы последних лет проявляют много скептицизма в отношении «рассказов о себе». В них отмечается, что воспоминания неправомерно принимать за достоверные источники о детстве, хотя они и являются свидетельствами «из первых рук», т.е. сообщениями «очевидцев». Изучение «рассказов о своем детстве» заставляет оценивать их не как прямые свидетельства о реальной жизни детей, но как отражение «понимания детства» взрослым обществом соответствующей эпохи в литературном, культурном, педагогическом, психологическом и иных контекстах²³.

Тексты «личного происхождения» не столько подчас раскрывают реальные отношения родителей к детям, сколько отражают утопические стремления взрослых. На наш взгляд, все же не стоит полностью отказывать «рассказам о себе» в отражении реалий детства, в выражении личных, индивидуальных мнений и памяти чувств. Авторы «рассказов о себе» не только умалчивают о многих реальных событиях или субъективно их искажают, но и «проговариваются» о многом, не имеющем для них существенного значения, обыденном, но важном

²³ См. подр.: Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях / Безрогов В.Г. [и др.]. М., 2001; Хеннингсен Ю. Автобиография и педагогика. М., 2000.

для исследователя, для людей других поколений и эпох²⁴. Устные рассказы, полученные с помощью интервью, в сравнении с текстами литературно-биографическими, с педагогическими трактатами и т.п. показывают интересные сходства и отличия трактовок детства.

Описания респондентами собственного детства вполне могут быть использованы для воссоздания картины частной жизни прошедших эпох. Никак иначе не документировавшаяся повседневная жизнь детей, особенно до раннего отрочества, проходила по преимуществу внутри семьи, и ее изображение оказывается неотъемлемо связанным с большинством воспоминаний о детстве. Несмотря на исключительную субъективность «рассказа о себе» как источника, отражающего все, что угодно, но только не реальное положение дел, тем не менее, есть внутри него фрагменты, которые ближе других видов источников подходят к реальной жизни в описаниях детских лет. Без учета автобиографических повествований, замечает И. Хардах-Пинке, «история детства останется историей родителей»²⁵. Одной из основных проблем изучения «рассказов о себе» может считаться вопрос о соотношении в них того, что мы обычно называем «реалиями» детства, и того образа детства, который является конструктом коллективной и/или официальной памяти. В его формы «вливаются» конструкты, воплощающие идею судьбы или жизненного пути, необходимые для достижения самоопределения в обществе. «Малая социализация» индивидуума, проходящая через отношения в семье, через удары судьбы и радостные моменты «личной жизни», с помощью «повествований о себе» соединяется с материалами «большой социализации», взаимоотношениями индивида с поколением, социальными институтами, страной, эпохой.

²⁴ Роза Солоухина-Заседателева, вспоминая в середине 2000-х гг. свое военное детство, не останавливается специально на обсуждении полного безразличия советских государственных органов к судьбам детей не из семей красноармейцев. Не рефлексировала она подробно и то, что выживание детей в оккупированной зоне подчас было связано с их более или менее постоянным контактом с подкармливавшими их немцами, поскольку продуктов было взять почти неоткуда. Обе указанные темы присутствуют в ее воспоминаниях как фон повествования. Свобода рассказа о детстве во время войны, приобретенная в постсоветский период, обусловила попытку максимальной фиксации опыта детства. В такую фиксацию вошло «проговаривание» вышеуказанных моментов. См.: Солоухина-Заседателева Р. На задворках Победы. С. 20–74; и др.

²⁵ Hardach-Pinke, I. und G. Pinke. Deutsche Kindheiten. Autobiographische Zeugnisse 1700–1900. Bodenheim, 1983; Idem. Kinderalltag. Deutsche Kindheiten in Selbstzeugnissen. 1700–1900. Rowohlt, 1984.

Воспоминания о детстве зависят также от общей оценки детства как состояния и периода в биографии, характерной для определенного поколения, этноса, региона, пола и т.д. Долгое отсутствие в России идей о ценности конкретного человека, его неповторимого личностного начала приводило, естественно, к пренебрежению таким *несовершенным* периодом в истории «человеческого материала», как детство²⁶. Поэтому «цена ребенка» была достаточно низкой. Отсюда представления о неважности периода детства, о необходимости не только его побыстрее пройти, но и еще быстрее о нем забыть. Однако рассказы о детстве изменяются, как и отношение к этому периоду. Наши бабушки и дедушки не так рассказывают о своем детстве, как это делаем мы сами. История «рассказов о себе» прошла долгий путь, на котором вместе с изменениями в людях рождались и изменялись различные средства выражения себя в воспоминаниях. Изменялись и цели таких рассказов. Автобиограф, работая над текстом, всегда обращается и к своим представлениям о традиции рассказывания (нерассказывания) о детстве. Детство для каждого имеет не только общекультурное измерение. У каждого есть «свое детство», сохраненное в воспоминаниях. Даже у тех, кто постарался по каким-либо причинам навсегда вычеркнуть свое детство из памяти, оно продолжает подспудно влиять на их дальнейшую жизнь. С помощью автобиографического метода исследования детства можно проследить: 1) особенности детского периода в структуре жизненного пути индивида; 2) факторы влияния на развитие личности в процессе воспитания и обучения ребенка; 3) особенности детских реакций на эти влияния, черты детского мировоззрения; 4) возможности взаимодействия с детьми отдельных взрослых людей и общества в целом.

Воспоминания о детстве людей различных поколений показывают со стороны «бывшего ребенка» историю мира детства, историю эмоционального и ментального мира детей, историю педагогической практики и социализации. В центре истории конкретная жизнь реальной личности, причем эта личность может быть, на первый взгляд, абсолютно ничем не выдающейся. Описание и анализ индивидуальной жизни и выбираемой человеком стратегии поведения по его воспоминаниям оказались применимы не только в литературе как художественный прием, но и в психологии, социологии, истории, антропологии, педагогике, эт-

²⁶ Кошелева О.Е. «Свое детство» в Древней Руси и России эпохи Просвещения. М., 2000.

нографии с целью понять способ существования людей в социуме. В социальных науках он получил название «биографического метода»²⁷. Этот метод в значительной степени построен на собранных автобиографических воспоминаниях.

Родственными социальному биографическому методу оказались методы так называемой устной истории, также нацеленной на сбор и анализ «субъективных свидетельств», но уже связанных по большей части не со всей жизнью конкретного человека, но с тем или иным событием в «большой» или «региональной» истории²⁸. Серьезную проблему для исследователя, работающего в рамках «устной истории», представляют современные «войны памяти», когда после единой советской доктрины, определявшей, что и как вспомнить, а что – забыть, приходят разные, конкурирующие между собой доктрины прошлого. Нередко воспоминания о детстве времен войны начинают выстраиваться по линиям противоречащих друг другу концепций коллективной памяти. В этом случае мы получаем разное «военное детство» не только вследствие индивидуальных траекторий жизни и памяти, но и как результат учета и внутреннего принятия рассказчиком той или иной доктрины прошлого. Однако множественность таких «доктрин детства» позволяет все же лучше, полнее, стереоскопичнее представить детство военного поколения, нежели предшествующая монолитная советская доктрина Великой Отечественной войны.

Биографический метод разрабатывался еще в 1920-е – 1930-е годы российским педологом Н.А. Рыбниковым и немецким педагогом К. Улигом. Ими использовались автобиографические материалы для изучения детства. В России начинание Рыбникова вскоре было пресечено официальной педагогикой и возобновлено лишь в 1990-е гг.²⁹ В Германии послевоенному ренессансу автобиографического метода в педагогике положили начало Э. Хоффман и Ю. Хеннингсен уже в 1960-е гг.³⁰ В разработку методологии изучения воспоминаний о дет-

²⁷ Судьбы людей: Россия XX век: биографии семей как объект социологического исследования. М., 1996; Биографический метод: история, методология, практика. М., 1994.

²⁸ Хубова Д.Н. *Verba volant? Устная история*. М., 1997.

²⁹ Рыбников Н.А. Биографический метод в изучении детства // Педология. 1928. № 2; Природа ребенка в зеркале автобиографии / под ред. Б.М. Бим-Бада и О.Е. Кошелевой. М., 1998; Uhlig K. *Die Autobiographie als erziehungswissenschaftliche Quelle*. Hamburg, 1936.

³⁰ Хеннингсен Ю. Автобиография и педагогика. М., 2000. С. 7; Hoffman E. *Kindheitsrinnerungen als Quelle paedagogischer Kinderkunde*. Heidelberg, 1960.

стве внесли большой вклад современные психологи³¹. Проводимые ими исследования механизмов запоминания помогли отойти от оценок воспоминаний как «неправды», «выдумок» и показать работу памяти по отбору и схематизации событий жизни. Особую проблему для психологов представляет именно детская автобиографическая память, имеющая явные отличия от памяти взрослых. Логика ребенка, логика детского запоминания – это иное измерение памяти, имеющее свои внутренние законы³². Поэтому воспоминания о детских годах – это всегда препарирование, «хирургическая операция», совершаемая взрослым автором над своей детской памятью, когда он строит «по-взрослому» единое и цельное «памятование», имеющее «правильную ценностную иерархию», из того, что изначально единым и цельным не является, что при запоминании руководствовалось ценностной иерархией, принятой субкультурой детского, а не взрослого мира³³.

Как из рассказа человека о себе не только узнать об определенных событиях его жизни, но и увидеть, что стоит за фактологическим изложением и субъективными высказываниями автора, какой смысловой горизонт определяет персональный и поколенческий опыт? Рассказ человека о себе – не учебник истории, но и не зеркало. Ни одно рассуждение не попадает туда случайно. Они зависят и от того, например, как человек хочет быть «представлен» в своем рассказе внимающей публике, и от того, зачем это «рассказывание о себе»

³¹ Нуркова В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М., 2000.

³² По поводу военного детства см., напр., тексты в ст.: Безрогов В.Г. Память о военном детстве (воспоминания детей 1940-х годов) // Вестн. ун-та РАО. 2005. № 2. С. 66–79.

³³ Небезынтересную попытку соединить детскую логику и войну предпринял, на мой взгляд, французский режиссер Рене Клеман фильмом 1952 года «Jeux interdits / Запретные игры», в котором городская девочка-сирота и деревенский мальчик создают игрушечное кладбище небольших зверей, подобное реальным кладбищам взрослых – в отличие, например, от фильма итальянского режиссера Роберто Росселини «Germania anno zero / Германия, год нулевой» (1948), в котором действия немецкого мальчика, пытающегося выжить и помочь семье в разрушенном Берлине, определены жесткой логикой взрослого мира; как он ни старается, он не в силах ее преодолеть. В российском кинематографе мне, к сожалению, неизвестна картина, в которой была бы предпринята попытка показать войну не со взрослой точки зрения (за исключением некоторых фрагментов «Иванова детства» А. Тарковского).

нужно лично ему самому, и от чисто индивидуальных особенностей его памяти, и от многого другого.

К воспоминаниям о детстве можно подходить по-разному, обнаруживая в них:

сведения об объективно существовавшей исторической среде, в которой рос рассказчик (рассказчица);

сведения об общих условиях протекания детства (вообще, для данной локальной группы, сословного статуса, пола и т.д.);

представления о детях тогда и теперь; образ ребенка как такового и отношение автобиографа к детям вообще;

что значило «быть ребенком»: дети как субъекты в социуме (их возможности и прочее), общество с точки зрения ребенка, оценка детства (конкретного и идеального) рассказчиком;

«детская культура» – что это? (сообщества детей, мир их эмоций и т.п.);

особенности личного, персонального опыта (и его осознания) у конкретного автора («казусы», «эпизоды» детства);

особенности конкретного варианта соединения персонального опыта и педагогики соответствующего времени;

где рассказ о себе, где – о детстве своего времени, а где – о детстве вообще;

композицию повествования, цель повествования, причины данной композиции, причины появления в наррации тех или иных эпизодов;

что именно открывает автор, рассказывая о своем детстве; рассказывает ли он о *своем* детстве или о *модельном*, идеальном детстве – таком, каким бы он хотел, чтобы оно было?

центральные эпизоды, типичные/нетипичные мотивы поведения (в изображении и в оценке автора и воображаемой им аудитории читателей его произведения);

соотношение рассказов о детстве с полемикой о детстве в науке, культуре, СМИ и т.д.;

отношение к детству по сравнению с другими периодами жизни; определение детства автором (что такое детство?);

детство как период (время) и детство как качество жизни (которого может и не быть: «У меня не было детства»);

в чем видит нарратор связь себя сегодняшнего с собой-ребенком времен войны; какую роль играет в этом память – помогающую или мешающую.

Проанализировав вышеуказанные позиции и вопросы, можно подойти и к одному из самых главных в плане нашего направления исследований: насколько рассказ данного взрослого о своем детстве есть источник для понимания детского опыта, опыта конкретного детства, а насколько – источник для реконструкции представлений и мнений о детстве или об эпохе вообще? Ответы на него всегда неоднозначны.

Мы показали только некоторые аспекты возможного анализа рассказов о детстве. Могут быть и другие. Отдельной стороной работы с воспоминаниями является присутствие в них сильного воздействия внешних факторов. Эти последние выступают как бы в качестве «часов», с «ходом», а иногда и с «боем» которых мы должны сверяться в нашей частной жизни, в воспоминаниях о ней, в оценках ее значимости, единства и оправданности³⁴. Эти часы мы можем отнести к разряду «институционализированной мнемотехники» (Я. Ассман), определяющей функционирование и возобновление как индивидуальной, так и коллективной памяти. Среди таких «часов» немалое значение имеют школьные учебники всех уровней.

Конструирование памяти о войне в учебниках для первого класса

В двух предыдущих разделах статьи мы сказали о том, что коллективная память включает в себя то, что не связано с личным опытом человека, но что имплантировано в его самосознание как общий исторический опыт тех, с кем данный человек идентифицирован в качестве члена сообщества. Среди механизмов «погружения» детского сознания в коллективную память значительную роль играет система образования, в том числе учебная литература. Начиная с первого класса, учебник, как своего рода медиатор, показывает, объясняет, убеждает, принуждает принять предъявленную систему ценностей и классификацию явлений мира, определяющие отношение к ним со стороны развивающейся личности. Он же и контролирует этот процесс.

На первом, начальном, этапе обучения учащимся даются базовые представления о стране/Родине, об основных «отметинах» в ее биографии. Указываются «свои» и «родные» события и места (сель-

³⁴ О часах личных, социальных, коллективных см.: Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя... С. 19–20.

ские ландшафты, крупные центры и т.п.)³⁵. В средней школе иерархические перечни базовых понятий развиваются и корректируются. На начальном этапе важной частью указанного процесса являются имплицитные идеи, образы, стереотипы, заложенные в конструкции учебника. Их можно попробовать выявить, если обратиться не к таким учебникам, которые «по должности» обязаны повествовать о давних военных временах (в советском прошлом – «Рассказы по истории СССР», в постсоветском настоящем – исторические разделы курса «Окружающий мир»), но к таким, в которых материалы о войне помещаются, но в которых их наличие/отсутствие не является осознанной или, по крайней мере, основной заботой составителей учебников и преподающих по ним учителей. В частности, такими учебниками выступают азбуки, буквари, книги для начального литературного чтения³⁶. В них авторы-составители помещают слова, короткие или не очень короткие тексты, иллюстрации, связанные с военной тематикой.

Среди этих материалов основное место занимает Великая Отечественная война, особенно победа в ней. Наличие и характер таких материалов, назначающих «важную дату», показывает скрытую, нерепрезентируемую впрямую степень актуальности военной темы для государственной политики в образовании, для общества, для обращающихся к детям (а также учителям и родителям) официальных представителей взрослого мира с утверждаемым в нем тем или иным

³⁵ См.: Безрогов В.Г. Дети и Родина в современном российском учебнике для начальной школы // Берестень: филос.-культурологич. альманах – под ред. А.Г. Некиты. Вел. Новгород, 2009. С. 8–16.

³⁶ О книгах для чтения как источнике см.: Безрогов В.Г., Макаревич Г.В. Конструирование образовательного идеала в учебнике // Развитие личности. 2005. № 4. С. 79–99; Безрогов В.Г. Нетерпимость и педагогический идеал в начальном литературном образовании 1920–1930-х годов // Психолого-педагогические и этнокультурологические проблемы межнационального общения в образовательном процессе: сб. науч. тр. Междунар. науч. конф. / отв. ред. И.Ф. Нестерова. Тверь, 2006. С. 75–78; Безрогов В.Г., Келли К. Пословица в учебнике советской начальной школы // Учебный текст в советской школе: сб. ст. / сост. С.Г. Леонтьева, К.Г. Маслинский. СПб.; М., 2008. С. 386–417; Макаревич Г.В. Образы детства начала 2000-х годов: визуальная антропология в учебнике по чтению // Какорея: из истории детства в России и других странах / сост. Г.В. Макаревич. М.; Тверь, 2008. С. 259–282. О букварях см.: Безрогов В.Г., Иванченко Г.В., Строкина Т.С. Сравнительно-педагогическое исследование российских и германских букварей // Мировая словесность для детей и о детях / под ред. И.Г. Минераловой. М., 2008. Вып. 13. С. 145–151.

отношением к памяти о Войне, эволюционирующим из года в год, из десятилетия в десятилетие. До начала 1990-х гг. Девятое Мая существовало в букварях и книгах для чтения в одном ряду с Октябрьской революцией, Гражданской войной, «ленинскими датами» (в т.ч. прием в октябрята), полетом Гагарина. В постсоветское время День Победы выступает уже главным, а нередко и единственным историческим событием, упомянутым в первой «официальной» школьной книге. Он принимает на себя не только исполнение собственных функций, но и функций Дня Независимости, объявленного 12 июня, но так и не ставшего главным праздником страны. И в советское, и в постсоветское время 9 Мая заявляет себя мистической основой последующей истории, современного бытия дедушек, бабушек, родителей, самих учащихся, школы, учителей, всего региона, армии и страны в целом³⁷. Оно «опраздничивает» особый социальный опыт «мобилизации на подвиг», приписывает ему центральное значение, делает его непреходящей ценностью, оправдывает им неудачи в мирной жизни, возводит его в эталон счастливого и залог благополучного существования, увлекает за собой будущих ветеранов иных войн³⁸. 9 Мая пре-

³⁷ В постсоветское время такая ситуация корреспондируется с распространенным в обществе мнением о 9 Мая как «самом значительном событии в истории России», самом главном, если не единственном «позитиве» постсоветского национального самосознания (Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Память о войне 60 лет спустя... С. 89, 94).

³⁸ О маргинальном опыте в культуре см.: Михайлин В. Бойцы вспоминают минувшие дни: интерпретация маргинального опыта в литературном тексте // Нов. литерат. обозрен. 2002. № 6. С. 205–208. Мифология Праздника Победы как опоры, фундамента всех последующих достижений (= «завоеваний») порождает и ощущение «всепобедности», то есть неуязвимости страны/армии и непеременимости ее отважной судьбы. Соображение о том, что, следуя колесу Фортуны, статус победителя с неизбежностью и неотвратимостью влечет за собой для данного же субъекта статус побежденного, полностью отсутствует в российском школьном дискурсе. Детей обучают памяти победы, но не обучают тому, как помнить неудачи, трусость, поражения и учиться на них. Гектор, убивший Патрокла, в этой системе патриотических координат никогда не дожидается Ахилла (о соотношении победы и гибели в античных сюжетах см.: Михайлин В., Ксенофонов А. Выбор Ахилла // Нов. литерат. обозрен. 2004. № 4. С. 51; и др.). Образ Великой справедливой Войны обуславливает негативные оценки обществом таких войн, как афганская и чеченские, но он же определяет уверенность в необходимости такого школьного предмета, как «начальная военная подготовка» (Левинсон А. Война и земля как этические категории // Память о войне 60 лет спустя... С. 185–187 и сл.).

вращает историю войны в историю победы³⁹. Это, однако, не праздник, призывающий к свободе и социальной активности индивидов, освободившихся от ига оккупантов. Он репрезентируется как праздник жертв-героев, победивших врага, как праздник требуемых исторической необходимостью долга и подвига. Официальный День Победы, претендуя на роль «главного оправдания власти», ее «идеологического фундамента»⁴⁰, оправдывает и даже диктует проявление героической жертвенности по отношению к государству и в мирное время («Наши предки выстояли, как же нам не выстоять?»). Поэтому не случайно, что на протяжении послевоенной истории он занимает такое важное место во всей системе образования, в том числе и в начальной школе.

Для данной статьи мы проанализировали азбуки и буквари, выпущенные центральными и региональными издательствами с 1945 по 2008 год⁴¹. Эти учебники, присутствующие в школьной и домашней воспитательной практике, оказывали и оказывают действие не только на детей, но и на работавших с этими книгами взрослых. Они же выступают немного «опаздывающими», однако вполне красноречивыми пропагандистами или свидетелями официального отношения взрослого мира к памяти о Войне 1941–1945 гг., руководителями не только детского, но и взрослого отношения к военному прошлому и к его образу в послевоенном политико-культурном дискурсе⁴². Бук-

³⁹ Щербакова И. Над картой памяти // Память о войне 60 лет спустя... С. 203.

⁴⁰ Соколов Н. Школьный учебник как вместилище принятой в обществе исторической позиции // Круглый стол: «1937–2007: память и ответственность». 26.09.2007 г., Москва, Горбачев-Фонд // URL: http://www.gorby.ru/rubrs.asp?art_id=25783&rubr_id=646&page=1; Щербакова И. Над картой памяти // Память о войне 60 лет спустя... С. 196.

⁴¹ Среди региональных изданий отдельно анализировались учебники, изданные в оккупированных во время войны областях и в не оккупированных. Потом данные сопоставлялись между собой и с учебниками центральных издательств.

⁴² Содержание и визуальный ряд учебника имеют временный цикл подготовки, поэтому заложенные в них идеи оказываются доступны аудитории лишь через некоторое время. Мы применяем понятие «учебник-пропагандист» к изданию, явно и открыто (эксплицитно) предъявляющему школьнику и взрослому ту или иную тему, и понятие «учебник-свидетель» – к изданию, где данная тема содержится имплицитно. Автор выражает глубокую благодарность Научной педагогической библиотеке им. К.Д. Ушинского и Научной библиотеке Института Георга Эккерта за предоставленную возможность изучить собранные в них коллекции школьных учебников, а также Юрису Цибульсу, автору и коллек-

варь обучает не только чтению букв и слов, но и чтению прошлого, настоящего и видению будущего, правилам обращения к исторической памяти.

В указанном корпусе учебников изучено наличие/отсутствие связанных с темой войны слов, текстов, иллюстраций. Визуальное или вербальное присутствие военной тематики маркировалось нами как «упоминание». Упоминания разделены на «прямые», бесспорно связанные с темой Великой Отечественной войны, и «косвенные», вводящие милитаристическую тему, но могущие иметь отношение не только к войне 1941–1945 гг. Исторические экскурсы в давние эпохи (Киевская Русь, Петр Первый, война с Наполеоном, Гражданская война и т.п.) не подсчитывались. Таким образом, «косвенные» упоминания могут иметь отношение либо к Великой Отечественной (и сопровождающим ее войнам), либо к последующим военным операциям СССР и Российской Федерации. Упоминания о войне в букварях создают общее поле воспоминаний (памятования о прошлом), включающее в себя детей и взрослых. Они порождают знакомый «отцам», «сыновьям» и «внукам» дискурс исторической памяти, выстраивают разные поколения на общую «линейку» вокруг военных могил.

Наибольшее количество упоминаний о войне содержат, конечно, буквари первых послевоенных времен. Так, в стандартном «Букваре» С.П. Редозубова 1945–1946 гг. по 21 упоминанию военной темы, из которых по 8 в каждом из учебников можно отнести к прямым упоминаниям о войне 1941–1945 гг.⁴³ Достаточно «военизирован» и букварь для школ сельской молодежи 1945 года этого же автора: 14 военных упоминаний, из которых 9 прямых⁴⁴. Однако далеко не все региональные издания следовали подобной парадигме изображения войны в начальном учебнике по обучению родной речи. Например, ленинградский букварь Н.А. Костина на протяжении 1946–1948 гг.

ционеру букварей, за дружескую помощь в моих разысканиях по истории учебных книг (В.Б.).

⁴³ Редозубов С.П. Букварь для обучения неграмотных чтению и письму. М., 1945. 96 с. (Подписан к печати 19.06.1945); Его же. Букварь для обучения чтению и письму. 2-е изд. М., 1946. 96 с. (Подписан к печати 29.03.1946). Далее в сносках календарная дата после количества страниц – время подписания учебника в печать. – В.Б.

⁴⁴ Редозубов С.П. Букварь для школ сельской молодежи. М., 1945. 128 с. (25.07.1945).

показывает стойкое отрицание военной тематики, недопущение ее в учебник. В этих букварях от 2 до 5 общих упоминаний, из которых иногда есть 1 прямое упоминание, а иногда (1948 г.) его и вообще нет. Трудно определенно сказать, насколько в подобном отношении к войне сказался травматический опыт блокады, но, как нам кажется, такой фактор не стоит исключать⁴⁵. Самый конец 1940-х гг. демонстрирует общий спад милитаристического духа в советских букварях. С.П. Редозубов в издании своего «Букваря» 1949 года приводит только 4 общих упоминания, из которых лишь два напрямую указывают на Великую Отечественную⁴⁶. Резкое снижение частоты упоминаний военной темы становится более или менее повсеместным всего лишь на несколько лет. Новая «кульминация» военной темы происходит в букварях и азбуках, изданных в середине 1950-х гг. Вероятно, это произошло под воздействием достаточно скромно отмечавшейся, но все же первой «круглой даты» Дня Победы, тогда, правда, уже и еще не объявленного общегосударственным праздником (известно, что 9 Мая считалось государственным праздником в 1945–1947 гг., а потом стало вновь таковым лишь в 1965 г., обратив памятование о победе в пропаганду политического строя и системы⁴⁷). Буквари 1951–1954 гг. показывают постепенное возвращение военной тематики⁴⁸.

⁴⁵ Костин Н.А. Букварь. Л., 1946. 96 с. (21.08.1946). 2 упоминания, из них 1 прямое; Костин Н.А. Букварь. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1947. 128 с. (23.07.1947). 5 упоминаний, из них 1 прямое; Костин Н.А. Букварь. 3-е изд., перераб. и доп. Л., 1948. 96 с. (1.03.1948). 3 упоминания, из них 0 прямых.

⁴⁶ Редозубов С.П. Букварь для обучения чтению и письму. 4-е изд., перераб. М., 1949. 96 с. (14.02.1949).

⁴⁷ Мы здесь не рассматриваем общую историю праздника и ее влияние на процессы вспоминания детства. См.: Кринко Е.Ф. Эволюция образа врага..., а также: Tumarkin N. *The Living and The Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. N.Y., 1994. Особенно стоит отметить официальный переход от центрального мифа об Октябрьской революции и образовании СССР как обосновывающего советскую идентичность к центральному мифу о победе в войне как обосновывающему российскую идентичность и национальную общность (по крайней мере, с 1995 года, когда были в полном масштабе восстановлены празднества Дня Победы) – несмотря на разработку в культуре представления о войне как «точке кризиса любой идентичности» (Кукулин И. Регулирование боли (Предварительные заметки о трансформации травматического опыта Великой Отечественной / Второй мировой войны в русской литературе 1940-х–1970-х годов) // *Память о войне 60 лет спустя...* С. 651 и сл.).

⁴⁸ Воскресенская А.И. Букварь. 8-е изд. М., 1951. 96 с. (27.07.1950). 5 упоминаний, прямых – 0; Ее же. Букварь. 11-е изд. М., 1954. 95 с. (19.10.1953). 1 косвен-

Один из наиболее «милитаризированных» изданий – «Букварь» А.И. Воскресенской 1955 года: 9 упоминаний, из них 2 прямых⁴⁹. Конечно, эта цифра гораздо меньше показателей 1945–1948 гг., но в отсутствие государственного праздника 9 Мая выглядит достаточно весомо на фоне гораздо меньшего числа упоминаний войны в учебниках рубежа 1940-х – 1950-х гг. В этом же букваре возникает «лозунг-перевертыш» «Нам не нужна война», прикрывавший провозглашением миролюбия милитаризованность экономики всего послевоенного социализма и в разных редакциях присутствующий в букварях до сих пор (формула «Мама. Москва. Мир» и т.п.).

1965-й год стал одновременно годом реанимации Праздника Победы как общегосударственного выходного дня и, тем не менее, годом одного из самых мирных букварей после периода конца 1940-х – начала 1950-х гг. В одиннадцатом издании «Букваря» С.П. Редозубова мы видим лишь два упоминания о войне, из них только одно прямое. Идеологическая составляющая учебника нацелена на иные приоритеты (колхозный строй, работа на фабриках и т.п.)⁵⁰. Период конца 1960-х и 1970-х гг. характерен постепенным повышением «военного градуса», причем нередко не за счет собственно частоты упоминаний, но за счет все большей «развернутости», детализации, длины приведенного в учебнике «военного текста», нацеленной на взросло-го эмоциональности повествования и т.п. В букваре 1970-х всего три упоминания о войне, но одно из них представляет собой впервые после 1945–1946 гг. помещенный в букварь обширный (на целую страницу) рассказ о войне⁵¹.

Военная тема нарастает и в течение 1980-х гг. Ее пик – учебники 1984–1989 гг., в которых по 8–9 упоминаний о войне. В них впервые

ное упоминание; Редозубов С.П. Букварь. 7-е изд. М., 1952. 96 с. (12.10.1951). 6 упоминаний, из них 2 прямых; Бедняков А.С., Чевалков П.И. Букварь: учебн. рус. яз. для 1 класса горно-алтайских школ. Горно-Алтайск, 1954. 188 с. (30.04.1954). 3 упоминания, 1 прямое; Сивко Н.И. Букварь. 10-е изд., испр. и доп. Мн., 1954 (бел. яз). 128 с. (31.07.1953). 4 упоминания, из них 2 прямых; и др.

⁴⁹ Воскресенская А.И. Букварь. 12-е изд. М., 1955. 95 с.

⁵⁰ Редозубов С.П. и др. Букварь. 11-е изд. М., 1965. 95 с. (24.06.1964).

⁵¹ О войне сыну-первокласснику рассказывает отец: о том, как он воевал, как был ранен. Для 1970-х гг. ветеран, имеющий семилетнего сына, все-таки, по-видимому, уже не частое явление. Но этот анахронизм совершенно не замечают авторы учебника: Архангельская Н. и др. Букварь. 14-е изд. М., 1979. 103 с. (13.04.1978). С. 94. В том же учебнике отдельная страница уделена военному параду на Красной площади (С. 101).

начинают звучать тема ветеранов, лозунг «Никто не забыт! Ничто не забыто!». В особых, кульминационных случаях добавляются тема собак-санитаров во время Великой Отечественной войны, расшифровка военной специальности «деда-ветерана» (для данных годов это обычно снайпер), рассказы об обороне Новороссийска или Волгограда (также впервые после текстов о Ленинграде в первых послевоенных учебниках) и т.п.⁵²

С начала 1990-х гг., особенно с 1992 года (издания, подготовленные уже после распада СССР), начинается, хотя и весьма постепенно, новая демилитаризация букварей. Количество упоминаний и длина текстов уменьшаются. Правда, поначалу сохраняются такие ключевые фигуры, как дед-снайпер. Наиболее показательным моментом ухода войны со сцены учебно-педагогического дискурса может служить то, что впервые в послевоенных букварях и азбуках перестают репрезентировать – и таким образом легитимировать – милитаристические игры малышей. В учебнике, подготовленном в 1991-м и изданном в 1993 году, мы не видим ни игры с танком либо в солдатики, ни вооруженного до зубов скачущего на коне мальчугана, ни военных игр на улице⁵³. Игры в войну, присутствовавшие в советских букварях до данного периода, были типологически сходны с милитаристическими играми в донацистских (Кайзеровская империя и Веймарская Республика) и нацистских германских букварях⁵⁴. В послевоенных западногерманских учебниках их уже нет (также и в ана-

⁵² См., напр.: Горецкий В.Г. и др. Букварь. 4-е изд. М., 1984. 127 с. (28.03.1983). 9 упоминаний, но апофеоз по обширности и нагруженности: прямых 6, из них впервые тема ветеранов – 2 текста, отдельно про Новороссийск (Малую землю); к «обычным» лозунговым призывам «За мир!», «Миру мир!», «Нет войне!» и т.п. прибавилось «Никто не забыт! Ничто не забыто!». Отдельная тема – собаки как санитары на войне; Горецкий В.Г. и др. Букварь. 7-е изд. М., 1987. 127 с. (04.07.1986). Все, как в 4-м издании, только Новороссийск заменен на Волгоград, лозунг «Никто не забыт...» оставлен теперь при Волгограде; Горецкий В.Г. и др. Азбука. М., 1989. 191 с. (13.05.1988). 8 упоминаний, 4 прямых; сохраняется тема ветеранов и Парада Победы, боевых орденов дедушки-снайпера, но ушли Новороссийск и Волгоград без замены на какой-нибудь еще город-герой. Несколько расширилась тема пограничников, хотя убрали тему собаки-санитара на войне.

⁵³ Горецкий В.Г. и др. Азбука: учебн. для 1 кл. четырехлетней нач. шк. 8-е изд. М., 1993. 191 с. (26.11.1991).

⁵⁴ См. библиографию немецкоязычных букварей: Teistler, Gisela. Fibel-Findbuch. Deutschsprachige Fibeln von den Anfängen bis 1944. Eine Bibliographie. Osnabrück: H.Th. Wenner, 2003.

логичных букварям голландских, датских, норвежских, американских, современных чешских учебниках), но в советских пособиях, как мы уже сказали, они сохранялись до 1993 года⁵⁵. Однако азбуки и буквари 1990-х и начала 2000-х содержат уже минимальное количество упоминаний о войне либо совсем обходятся без этой темы; чуть больше упоминаний встречается в региональных изданиях субъектов РФ⁵⁶.

Середина 2000-х гг. показывает своего рода «точку расхождения». К этому времени сложились два разных направления в подаче темы войны в первом школьном учебнике. Одно из них продолжает работать в рамках демилитаристической концепции. В такого рода изданиях авторы-составители либо не допускают появления военной тематики, либо уделяют ей минимальное внимание⁵⁷. Второе направление (существует, по-видимому, с конца 1990-х гг., получив «импульс 1995 года», воплотившийся в возобновлении военных парадов и мн. др.) «оживляет» в букваре тему войны, защиты Отечества, памяти о Великой Отечественной войне. Оно опирается на сохранение военной темы во многих региональных изданиях и затем вновь усиливается в центральных⁵⁸. В азбуку возвращаются ветераны, уже не снайперы, но

⁵⁵ Речь не идет о том, можно ли позволять ребенку играть в войну или нет. Указанные свидетельства учебников демонстрируют ту иерархию ценностей, которую утверждают прежде всего среди взрослых, моделирующих для ребенка его «учебный мир».

⁵⁶ См., напр.: [Аноним]. Азбука. Аз. Буки. Веди. М., 1994. 70 с. (14.12.1994). 0 упоминаний; Эльконин Д.Б. Букварь. 2-е изд. М., 1994. 256 с. (26.07.1993). 1 косвенное упоминание; Климанова Л.Ф., Макеева С.Г. АБВГДейка: азбука первоклассника. М., 1995. 272 с. (11.11.1994). 1 косвенное упоминание; Горецкий В.Г. и др. Букварь. 18-е изд. М., 1998. 127 с. (27.07.1998). 1 косвенное упоминание; Климанова Л.Ф., Макеева С.Г. АБВГДейка: азбука первоклассника: в 2 ч. М., 2001. Ч. 2. 128 с. (18.06.2001). 0 упоминаний; Волков М.К. Азбука: для 1 кл. чувашской шк. 5-е изд., перераб. Чебоксары, 2001. 96 с. (1.08.2001). 2 косвенных упоминания; Нурмухаметова А.Ж. и др. Азбука: учебн. для 1 кл. татарской шк. Казань, 2002. 95 с. (22.08.2002). 0 упоминаний.

⁵⁷ Нечаева Н.В., Белорусец К.С. Азбука. Самара, 2007. 112 с. (15.12.2006). 0 упоминаний; Бетенькова Н.М., Горецкий В.Г., Фонин Д.С. Азбука: учебн. для 1 кл. общеобразоват. учреждений: в 2 ч. 3-е изд. М., 2006 (копирайт 2004). Ч. 1. 112 с. (09.06.2006). 0 упоминаний; Ч. 2. 112 с. (09.06.2006). 0 упоминаний; Журова Л.Е., Евдокимова А.О. Букварь: 1 кл.: в 2 ч. М., 2008. Ч. 1. 160 с. (18.12.2007). 3 косвенных упоминания; Ч. 2. 128 с. (18.12.2007). 0 упоминаний; и др.

⁵⁸ Дечули К.Ф., Сем Л.И. Букварь для 1 класса ульчских школ. 3-е изд., дораб. СПб., 2001. 159 с. (23.11.2003). 2 прямых упоминания; Терешкин Н.И., Ку-

«дед-связист» и «дед-простой солдат». Их почитание замыкается теперь пределами интерьера семьи (в отличие от учебников 1970-х – 1980-х гг.). Опять возникает тема санитарки, но уже девушки, а не собаки. Дети вновь изображены играющими в военные игры. Солдат Великой Отечественной показывают продолжателями дел средневековых дружинников и петровских гвардейцев. На фоне лозунгов типа «Мир строит, а война разрушает» в перечень осваиваемых учеником первого класса слов возвращается понятие «герой войны»⁵⁹. Возвращается и «город-герой, город-воин Волгоград»⁶⁰. Вторая тенденция не может быть названа единственной, но она прослеживается достаточно явно. Несомненно некоторое оживление идеологической работы с детской памятью относительно военной тематики, возвращение в системе образования методики формирования коллективной памяти о войне у детей и взрослых начиная с самого первого класса школы⁶¹.

Вероятно, в целом в структуре педагогической *memoria*⁶² можно говорить о четырех пиках внимания к напоминанию социуму о войне с помощью школьного букваря: 1945–1948 гг., периоде «живой памя-

линич Е.Д., Венго М.В. Букварь для 1 класса хантыйских школ (сургутский диалект). 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2002. 159 с. (14.08.2002). 3 упоминания, из них 2 прямых.

⁵⁹ Горецкий В.Г., Халидов М.М. Азбука: учебн. для 1 кл. четырехлетней нач. шк. М., 2005. 208 с. (11.03.2005). 8 упоминаний, из них 4 прямых; Русская азбука: учебн. для 1 кл. / Горецкий В.Г. [и др.]. 9-е изд. М., 2006. 239 с. (21.04.2003). 5 упоминаний, из них 3 прямых; Джежелей О.В. Азбука: в 2 ч. 7-е изд. М., 2008. Ч. 1. 157 с. (25.03.2008). 5 упоминаний, 2 прямых (аналогично 5-е изд. 2005).

⁶⁰ Джежелей О.Ф. Азбука: в 2 ч. 7-е изд. М., 2008. Ч. 1. С. 133.

⁶¹ Представление о том, когда ребенка можно и следует знакомить с той или иной темой, формируется на основе образа ребенка, его возможностей и на основе понимания государственных задач в воспитании. В рамках каждого года обучения можно увидеть свои тенденции и закономерности. Мы проанализировали в данной статье лишь эволюцию имплицитного содержания самых первых школьных учебных книг, варианты «скрытого учебного плана» для первого этапа обучения, чтобы показать серьезность изменений скрытого учебного плана даже на данном уровне. С букварями дети обычно работают первую половину первого учебного года. Учебники для послебукварного обучения еще ждут такого же исследования.

⁶² В данном случае мы рассматриваем *memoria* как действия по акцентированию, запоминанию и сохранению тех или иных событий прошлого в памяти коллектива, своего рода меморизационную (коммеморативную, мемориальную, мемориализационную) деятельность. О разнообразии и длительной истории понятия *memoria* см.: Арнаутова Ю.Е. От *memoria* к «истории памяти» // Одиссей–2003. М., 2003. С. 170–198.

ти»; около 1955 г., исходе первого десятилетия по окончании войны; третьей четверти 1980-х гг., попытке оправдать и удержать советское настоящее с помощью прошлого; середине 2000-х гг., «национализации» памяти о войне, официальном возвращении военной формы как признака патриота и гражданина, утверждения *Победы* как символа величия нации и залога неизбежного и бесспорного прогресса в ее государственном строительстве. «Просвещение памятью» создавало тот или иной ценностный «порядок воспоминаний», который задавал рамку осмысления прошлого детям, внукам и правнукам тех, кто пережил войну 1941–1945 гг. будучи ребенком⁶³. Память о Победе акцентуировалась в особые периоды послевоенной действительности в качестве краеугольного камня предлагаемой концепции исторической идентичности. Оперативно (реже) или с некоторым запаздыванием (чаще) эта акцентуация находила отражение в школьных учебниках, распространяясь и на издания для начальной школы. Можно предположить, что такая акцентуация имела обратное влияние от «внуков» к «дедам», изменяя, так или иначе, рассказы последних о своем детстве. В частности, она не предполагала открытой коммуникации между поколениями на тему о детях как жертвах войны. О преодолении детьми «обычных» трудностей военного времени заговорили в постсоветских учебниках⁶⁴. Такая тенденция корреспондирует с нарас-

⁶³ Термин «порядок воспоминаний» заимствован из «Слова в день Пасхи» свт. Филарета (1845). Под № 195 оно опубликовано в 4-м томе собрания его «Слов и речей» (М., 1882. С. 385–388). См. также: Руткевич А.М. Прошлое историка. М., 2006. С. 21.

⁶⁴ Советские книги для чтения, идущие по программе вслед за азбуками и букварями, поднимали вопросы о подвигах детей (Миша Сильницкий, Ваня Андрианов, «пионерка Таня», «Тоня-партизанка» и т.п.), о помощи детей войскам и партизанам (Л. Кассиль «Плот Алексея Андреевича» и др.), о выполнении «честного слова» солдата и т.д. Только в 1960-е гг. в книгах для чтения появился отрывок из поэмы А. Барто «Звенигород» о детдоме для сирот войны; однако эта тема не акцентировалась. Понятие «жертва» трактовалось применительно лишь к полю боя или к труду на благо всей страны (народа, Родины, государства). Детей, женщин, евреев не позиционировали как жертв вне поля боя. В постсоветское время подходы уже несколько дифференцированы. Составители немалого числа учебников в 1990-е – 2000-е гг. демонстрируют более сложное отношение к теме «дети и Победа». Мы видим широкий спектр отобранных материалов: от продолжения темы «дети и партизаны» до показа временной безотцовщины, рассказов о «мелочах» детского быта в блокаду или знакового игнорирования темы военного детства, недопущения разговора о войне ради неповторения прошлого в будущем. См.: Якимович А. Роднае слова: книга для

тающим вниманием к воспоминаниям «детей войны», которые начинают активно собираться и публиковаться. Интерпретация детей как жертв войны характерна в 2000-х гг. для собирателей и исследователей разных направлений⁶⁵. Детские воспоминания служат аргументом в спорах о взрослых вещах, поскольку они могут теперь лучше и нагляднее показать неофициальную изнанку войны. Ту изнанку, памяти о которой боялись в 1947–1964 гг. и память о которой заглушали в 1965–1991 гг. В нарративе о детском опыте многие важные вещи получают как бы второстепенный статус по отношению к главному рассказу, и потому воспоминания о военном детстве могут «проговориться» о гораздо большем, чем воспоминания взрослых бойцов, сильнее контролируемые цензурой и самоцензурой.

* * *

Мы проследили в данной статье некоторые особенности коллективной памяти в отношении памяти индивидуальной, особенности воспоминаний взрослых людей о детстве и некоторые формы работы с коллективной памятью в практике образования. Насколько внушенная строгим учительским голосом коллективная память оказывает

чтения 2-го класса начальной школы. Мн., 1955. С. 9–10, 46–47, 59–61, 97–104, 166, 170; Соловьева Е.Е. и др. Родная речь: кн. для чтен. во 2-м кл. М., 1967. С. 81–85, 92, 147–154, 162–166, 233–234; Горецкий В.Г. и др. Родная речь: кн. для чтения во 2-м кл. М., 1983. С. 98–105, 185–202, 242, 248–253, 255; Голованова М.В. и др. Наше русское слово. 2 кл. СПб., 1996. Ч. 1–2.; Бунеев Р.Н., Бунеева Е.В. В одном счастливом детстве: кн. для чтения в 3-м кл. М., 2001. Ч. 2. С. 200–209; Кац Э.Э. Литературное чтение: учебн. для 4-го кл. четырехклас. нач. шк.: в 2 ч. М., 2008. Ч. 2.

⁶⁵ Они знали войну не по книгам. Чунский, 2001; Русский Г. (Гунькин Г.П.) Ребенок в войне. М., 2002; Его же. Подросток в войне и после войны. М., 2004; Войной украденное детство: воспоминания малолетних узников концлагерей / сост. В.А. Семко, С.Н. Лысенко, А.А. Попова. Братск, 2003; Детство, опаленное войной. Архангельск, 2005; Мы – дети войны и победы // Центр Азии. 2005. № 6. (конкурс «рассказов детей войны»); Судьбою не обласканные дети / сост. В.М. Новиков. Челябинск, 2005; Дети России в войне 1941–1945 гг. Самара, 2007; Курс о войне: воспоминания шестилеток. Хим. фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1952–1957. 2-е изд. М., 2008; Солоухина-Заседателева Р. На задворках Победы; Карпов Н. Маленький Ostarbeiter / сост. П.М. Полян, Н.Л. Поболь. М., 2008; Кринко Е.Ф. Российско-германский «круглый стол» «Дети войны» // Вестн. Южн. науч. центра Рос. акад. наук. Т. 4. 2008. № 2. С. 113; газета «Судьба» (газета бывших узников фашизма, издается с 1993 г. в г. Улан-Удэ) // URL: <http://sudba.e-baikal.ru/about>; и мн.др.

«узурпирующее» или «освобождающее» влияние на воспоминания о личном детстве? Насколько она чужда или органична человеку? Можем ли мы увидеть в воспоминаниях о войне влияние учебных текстов? Насколько автобиограф детства зависит в своих стратегиях меморизации и стратегиях рассказа от «своей собственной» памяти, а насколько – от современной политико-культурной ситуации? То есть, насколько он *автобиограф*? Эти и многие другие вопросы до сих пор остаются нерешенными, к ответам на некоторые из них стали подходить только в последние несколько лет. Постсоветский период является свидетелем серьезной переработки если не самих личных воспоминаний, то, по крайней мере, устных и письменных биографических нарративов о военном детстве. Среди них мы уже встречаем не одну-единственную версию «военного детства», как раньше, а много разных⁶⁶. Результат ли это выхода личного самосознания из тени общекolleктивного или свидетельство плюрализма видов коллективной памяти? На эти и подобные им вопросы можно ответить, лишь проведя комплексное исследование разнообразных факторов, оказавших то или иное влияние на формирование и репрезентацию воспоминаний о военном детстве. В том числе изменений в учебниках для начальной школы частотности упоминаний и самого содержания образов войны как «лозунгов памяти». Они встречали нас на страницах школьных учебников во времена нашего собственного детства. Их «потомки» встречают теперь наших учеников, детей и внуков. Так и хочется сказать напоследок: «Ох, и тяжела ты, память богатырская, не забываешь ни своих врагов, ни славы своей», поскольку, «возможно, война – это единственное событие прошлого

⁶⁶ См., например: Копыл И. Война глазами подростка // Народная Воля. 2003. 20 июня; Шор Е.Н. Стоило ли родиться, или Не лезь на сосну с голой задницей. М., 2006. А. Лангеноль пишет о том, что постсоветская Россия от единой линии официального повествования о прошлом и гонимых альтернативных вариантов «свалилась в плюрализм» открыто соперничающих друг с другом воспоминаний. Такое состояние отражает «прецедент *различных* взглядов на войну», которого стремились не допустить советские власти конца 1960-х – конца 1970-х гг., запрещавшие создавать музей устной истории войны. Langenohl A. Erinnerung und Modernisierung. Die öffentliche Rekonstruktion politischer Kollektivität am Beispiel des Neuen Rußland. Göttingen, 2000. S. 312–314. Приводится по статье: Хеслер И. Что значит «проработка прошлого»? Об историографии Великой Отечественной войны в СССР и России // Память о войне 60 лет спустя... С. 168. О музее см. там же. С. 716.

века в нашей стране, которым наша страна может безоговорочно гордиться»⁶⁷.

Воспоминания о войне являются во многом встречей памяти с данными о «том времени», полученными в настоящем и в течение всей мирной жизни между военным прошлым и настоящим⁶⁸. Воспоминания о годах детства, опаленного войной, служат классическим примером такой встречи⁶⁹. Памятование о войне становится сначала одним из, а затем и первым «историческим воспоминанием», полагаемым системой образования перед детьми и перед взрослыми при выстраивании их отношений с прошлым семьи, народа, государства. Первым коллективным воспоминанием, которое государство предлагает вместе с собой разделить дедам, отцам, учителям, сыновьям, внукам. От степени официальности воспоминаний зависит многое не только в нашем прошлом, но и в нашем настоящем и будущем⁷⁰.

В Великой Победе продолжают видеть символ и условие возрождения России как целого, даже источник сохранения приверженности «духовно-нравственной традиции», сохранения «духовно-

⁶⁷ Месхиев Д. Просто родину любить надо // Огонек. 2004. № 26.

⁶⁸ «Воспоминание в весьма значительной мере является реконструкцией прошлого при помощи данных, полученных в настоящем» (Хальбвакс М. Коллективная пмять... С. 33).

⁶⁹ Кринко Е.Ф. Эволюция образа врага... С. 187–191.

⁷⁰ Влияние «большого нарратива» о войне на нарративы «малых детей» войны прослеживается, например, в последовательности обсуждения с респондентами, заставшими войну детьми, темы детских игр во время войны. Сначала респондент обычно отрицает вообще их наличие, обосновывая отсутствие игр суровостью военного времени («Нам было не до игр»). В такой позиции видно сильное воздействие на его представление о «правильности воспоминаний» общих идеологических стереотипов, внушенных, в частности, школьным образованием и военно-патриотическим воспитанием. Лишь на втором и третьем этапе разговора, при обсуждении конкретных частных повседневного существования, выясняется и наличие детских игр в военные, даже в оккупационные годы, и их довольно богатый и разнообразный, хотя и специфический спектр (помимо «обычных» также, к примеру, рождались игры-соревнования на скорость разыскания еды или на смелый подход при общении с немцами). Требуется значительное усилие, чтобы проникнуть за коллективную память к памяти индивидуальной или коммуникативной. Благодарю И.В. Реброву, указавшую мне на данную особенность интервьюирования «детей ВОВ». – В.Б.

го бремени ценностей»⁷¹. Интернациональный дискурс победы, объединяющий граждан всех воевавших государств, не приветствуется⁷². Образ Победы репрезентируется сейчас как инструмент официального единения всех поколений «российского народа» вокруг памяти о радости Великой победы, которая оправдала все принесенные жертвы. Не случайно поэтому в феврале–мае 2009 года обсуждалось внесение в Государственную Думу поправок к Уголовному кодексу РФ, предусматривающих пристальное внимание к состоянию коллективной памяти и судебное преследование за отрицание «победы СССР в Великой Отечественной войне»⁷³.

Военное детство либо открывает прошлое, либо легитимирует его, преобразуя настоящее и прогнозируя будущее. Если в советской России оно вместе с учебной литературой отвечало за легитимацию прошлого, настоящего и будущего, то в постсоветской России неоднозначностью своих версий оно приоткрыло это прошлое, вступив в сложный диалог с уже не монофоничными учебниками⁷⁴. Однако должна ли память о войне и победе довлеть над первоклассниками? Не является ли такая система сама «искажением и фальсификацией истории»? «Есть много фактов и деталей, которые были бы забыты индивидом, если бы окружающие не сохраняли для него это воспоминание», – писал М. Хальбвакс, один из классиков в исследованиях коллективной памяти⁷⁵. Мы изо всех сил сохраняем воспоминания о Победе. Как, для кого и с помощью чего? Тема значимого праздника неизбежно воздействует на социальную память, определяющую иерархию ценностей нового поколения, в том числе и через регламентацию памятования «о законном насилии, о спра-

⁷¹ Самойленко В.В. Духовный потенциал Великой Победы и его значение в образовательном процессе современной России // Социология образования. 2007. № 4. С. 33–39; Панарин А.С. Народ без элиты. М., 2006. С. 335–336.

⁷² См.: Re-Calling the Past – (Re)constructing the Past. Collective and Individual Memory of World War II in Russia and Germany. Javäskylä: Gummerus Printing, 2008 (Aleksanteri Series, 2, 2008).

⁷³ URL: http://www.gazeta.ru/politics/2009/05/19_a_2988155.shtml?incut2; Праздник Победы становится «нашим всем»: URL: http://news.yandex.ru/yandsearch?content=quote&cl4url=kurskweb.ru%2Fnews%2Fnews_sm_236.html.

⁷⁴ Cp.: Rudling, Per. «For a Heroic Belarus!»: The Great Patriotic War as Identity Marker in the Lukashenka and Soviet Belarusian Discourses // Nationalities Affairs. 2008. № 32. P. 43–62.

⁷⁵ Цит. по: Ровный Б.И. Инструменты исследования коллективной памяти: возможности и искушения // Век памяти, память века... С. 40.

ведливой, народной войне и о светлом будущем»⁷⁶. Одно дело мир взрослых, другое – мир детей. Включать ли в опыт раннего школьного детства тему победы в войне? Тему справедливого и оправданного убийства, неизбежности личных жертв и ненависти к врагам? Не пора ли освободить наших детей в начальной школе от «науки ненависти и победы» шестидесятипятилетней давности, показать им, что нормальный детский мир не вмещает в себя войну, не опирается на память о ней? Освободиться самим от представлений о всепоколенной важности воспоминаний о 1941–1945 гг., возведенных в непререкаемую школьную ценность? Научное, фундаментальное изучение памяти о военном детстве, изучение «того, как и почему человеку вспомнилось»⁷⁷ то или иное из его военного детства, как и почему он об этом поведал другим, может показать, насколько это детство предмет памятования и обсуждения лишь для тех, кто уже из него вышел⁷⁸.

⁷⁶ Нарский И.В. Конструирование мифа о Гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. // Там же. С. 399.

⁷⁷ Щербакова И.Л. Память ГУЛАГа: опыт исследования мемуаристики и устных свидетельств бывших узников // Там же. С. 184.

⁷⁸ Уже после написания моей статьи и отправки ее научному редактору сборника я познакомился с кн.: Помнить нельзя забыть. Антропология депортационной травмы калмыков. Штутгарт: Ibidem, 2005, автором которой является Эльза-Баир Гучинова. Могу предположить, что именно она впервые использовала в печати приведенную в названии формулу. Она применила ее для маркирования неофициальной памяти. Мне кажется, что данное выражение можно отнести и к некоторым моментам официальной политики памяти, конструируемым в школьном учебнике.

Н.Э. Вашкау

ДЕТИ СТАЛИНГРАДА И ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ

На протяжении последнего десятилетия в Волгоградской области приходят к пониманию важности сохранения и использования в научных и воспитательных целях большого пласта воспоминаний детей военного Сталинграда. Об этом свидетельствуют проекты, посвященные Сталинградской битве, в публицистике, кинематографе, выставочные музейные экспозиции, акции общественных организаций города и области.

Настоящая статья посвящена детям Сталинграда, которые находились в период битвы в городе, жили и выжили в условиях ожесточенных сражений.

Главный источник для воспоминаний – память, явление в высшей степени несовершенное. Часто запоминаются мелочи, а главное бывает безвозвратно потеряно. Память связана с эмоциональным восприятием события, а не с сюжетной его стороной. Рассказывая или записывая, мемуарист не в силах отвлечься от настоящего. Поэтому важно создать такую обстановку, которая позволяет очевидцу событий вспомнить, что он видел, чувствовал, как он оценивал события тогда.

На вопрос, заданный мною студентам 2-го и 4-го курсов исторического факультета Волгоградского университета, доверяют ли они, как будущие исследователи, воспоминаниям детей войны, ответы распределились следующим образом: считают надежным источником воспоминания о войне 50% опрошенных на 2-м курсе и 30% на 4-м. Но одновременно достоверной информацию детей считают 80% (2-й

курс) и 70% (4 курс). Объяснение этому: через 40–60 лет свидетели и участники событий имеют больше свободы для суждений и оценок.

Из жизни уходит и это, военное «детское» поколение. Необходимо успеть запечатлеть их воспоминания сегодня, чтобы дети и внуки осознавали истинную ценность жизни своих дедов и отцов; понимали, что история Сталинградской битвы вместила в себя не только героизм и стойкость советских воинов, но и стойкость детей.

*Мы быстро подрастали, как грибы,
Но только под свинцовыми дождями.
Усталые отцовские ряды
Все чаще пополнялись сыновьями.
Война шла очень долго, без конца –
Три года с гаком, по народным меркам,
И за станком ушедшего отца
Стояли мы, подростки-недомерки.*

Так писал о своих сверстниках сталинградец Лев Киселев.

Научно разработанная методика проведения интервью дает поразительные результаты. Вопросы, сформулированные с точки зрения погружения очевидца в реалии, позволяют разблокировать глубоко запрятанные в сознании, в памяти факты, вспоминать которые информанту было страшно, неприятно, или он считал, что они настолько незначительны, что не могут заинтересовать «ученых». Нами были разработаны анкеты из 75 вопросов, которые постепенно позволяли вспоминать незначительные с точки зрения взрослого человека события, а с точки зрения ребенка – цепко выхватившие какую-либо деталь. Например, от бомбежек дети и взрослые приноровились спасаться на кладбищах – их не бомбили. Это они поняли по собственному опыту.

Тяжелая судьба выпала на долю семьи Вавиловых. Едва пять ребятишек спрятались в щели, как около дома разорвалась фашистская бомба; в доме осталась только грудная девочка. Вокруг падали авиабомбы, и дрожала земля от их разрывов. Несмотря на весь этот ужас, мама бросилась в дом. Через некоторое время она вернулась. Шла медленно, пошатываясь, держа на своих руках мертвую девочку. Мама была смертельно ранена, и ее последними словами были: «Идите все к Волге... Возьмите документы о рождении». Однако выполнить ее наказ не сумели, ушли к Волге без документов. Впоследствии это обстоятельство на долгие годы разлучило детей.

Выбегая из горящего дома, люди спасали самое ценное для них: альбомы с фотографиями, книги и картины.

Л. Тимкова вспоминает о встрече в Ленинске с музыкантом театра музыкальной комедии. Увидев, что музыкант спас только контрабас, девочка спросила: «Дядя Леня, неужели у вас не было вещей ценнее, чем эта?». Он улыбнулся и ответил спокойно: «Милое дитя, это и есть моя величайшая ценность. Ведь война, какой бы страшной она ни была, явление временное, а искусство – вечно»¹.

Часто из калейдоскопа увиденного в памяти остается что-то необычное в своем нечеловеческом проявлении. Вспоминает Люда Красильникова:

«Мы жили на поселке 2 км, рядом с Мамаевым курганом. Когда бомбили курган, то и нам сильно доставалось. Из окопа, в котором мы сидели, носа почти не высывали. Но однажды, когда было чуть потише, мы вышли наружу и увидели жуткую картину. Наших соседей, Устиновых, у которых было 5 человек детей, завалило в окопе землей, и только длинные волосы одной из девочек торчали наружу. Эту страшную картину забыть невозможно».

На вопрос, как относились к немцам и немцы к ним, отвечали по-разному: «Детей скопилось много, что немцам стало их жаль, и вот один принес суп, спрятав под полый шинели кастрюлю».

Военнопленные и местное население. Лагерь военнопленных были образованы в районе Бекетовки, колонны их шли на восстановление через разрушенный город. Дети вспоминают впечатление от пленных, описывают их внешний вид. Относились по-разному, в основном доброжелательно. Помогали, видели, что тоже люди. В руки клали хлеб, папиросы. Те, у кого погибли родные, относились по-другому. Смеялись, пели злые частушки, благо, что немцы не понимали языка. Не хотели учить немецкий язык в школе.

Дети быстро выросли. Обстановка совершенно не располагала к благодушию, юмору, смеху, веселью. Взрослые в их кругу не обсуждали политические темы, не рассказывали анекдоты, поэтому такие случаи запоминались. Рассказ о пикнике за Волгой до начала боевых действий в городе:

¹ Осколки в сердце: письма детей Сталинграда / сост. А.С. Колотилин. Волгоград, 1992. С. 30.

«На обратном пути кто-то бросил газету с портретом Сталина в Волгу, в которой он привез соленую рыбу, – ты поел соленья, попей-ка теперь. Вскоре был арестован за антисоветскую агитацию».

В детской памяти оставались такие факты: назывались суммы денег, на которые приобретали облигации, – 400 руб. (среднегодовой размер займа для взрослого был 1100–1200 руб.), оплата за обед в столовой (30–40 коп.), помнят цены на продукты. На рынке буханка черного хлеба стоила 400 руб., килограмм масла – 1000 руб., 25 руб. стоили пять поленьев дров.

Очень подробно помнят обстановку: комнату в общежитии, собственный гардероб, фасоны платья, цвет берета. На вопрос о первом приобретении после войны, отвечают: обувь (иногда валенки), отрез на платье – как премия за хорошую работу. Л. Бутова: *«какую вещь мне приобрели после войны – пальто из армейского сукна с желтым цигейковым воротником»*. Людмила Сапункова: *«Первую покупку помню очень хорошо. Я работала рассыльной; слышу – в универмаге, в подвале, дают чайники эмалированные. А я – что это такое? Сколько радости было!»*.

Отмечать праздники стали с 1951 г., когда на это стало хватать денег. Это в семье, где в живых осталась хотя бы мать, бабушка, старшая сестра... Но часто дети теряли родителей и день рождения многие не помнили.

Нужда в послевоенные годы была повсеместной. Большинство людей недоедали, жили в тесноте без элементарных бытовых удобств, donaшивали довоенную одежду и обувь. Для детей, многие из которых пережили голод, прошли через оккупацию, скитались по вокзалам и улицам, не имели шансов найти родственников или они были (чаще всего) убиты во время сражения за город, спасением был детский дом.

Накануне Великой Отечественной войны в Сталинградской области имелось 24 детских дома, в которых находилось 2500 детей. В 1941 г. с Украины и Белоруссии в область эвакуирован 71 детский дом (9000 детей), в том числе 3 испанских детдома (520 детей). В результате слияния и реорганизации до начала Сталинградской битвы в области было уже 77 детдомов, в которых воспитывалось 10 145 детей. С приближением фронта из пределов нашей области было эва-

куировано 70 детских домов (9365 детей)². Не успели эвакуировать Нижне-Чирский детдом для умственно отсталых детей. В итоге он оказался на территории, временно оккупированной немцами, 47 воспитанников его были расстреляны³.

Сталинградская битва закончилась 2 февраля, а уже 16 марта 1943 г. в Арчединский детдом поступила первая группа детей, собранных из блиндажей и землянок.

После разгрома немецких войск под Сталинградом в области организовано 30 детдомов и 7 детприемников-распределителей УНКВД, через которые прошли свыше 5 тысяч детей. На 1 августа 1944 г. в Сталинградской области имелось 27 детдомов (4250 детей) и 5 детских приемников-распределителей, в которых находилось свыше 500 детей⁴.

Интервью с бывшими воспитанниками и работниками Дубовского специального детского дома, записанные нами в период с 2005 по 2007 гг., а также материалы их личных архивов⁵ позволяют восстановить жизненный путь таких детей.

Прежде всего, дети теряли родителей. Из интервью с Ниной Бурмистровой (Денисовой):

«...мать, отец, брат Виктор 1932 года, я, еще грудной братик. Когда началась война, отца сразу же призвали. После бомбежки города 23 августа мы из города побежали... Потом мать погибла. Она подорвалась на mine. Это было уже, когда бои в городе закончились. Три дня мы с братом сидели около матери».

² Справка о состоянии работы в детских домах Сталинградской области // ЦДНВО. Ф. 113. Оп. 20. Д. 277. Л. 6.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Годовой отчет детских домов Сталинградского областного отдела народного образования // Государственный архив Волгоградской области. Ф. Р3423. Оп. 1. Д. 53. Л. 4.

⁵ Нами была проведена большая подготовительная работа по установлению адресатов бывших воспитанников и воспитателей Дубовского детского дома. Разработаны специальные анкеты из 39 вопросов, которые были разосланы по 60 адресам в 2004–2006 гг. Получены 33 письма с ответами. Они дали большой материал для осмысления и анализа, а также позволили встретиться с некоторыми из авторов, использовать материалы их личных архивов, фотографии и документы. Автор благодарит выпускника К. Заводюка за участие в проекте и предоставленные материалы. – Н.В.

Из интервью с Василием Васильевым:

«Помню, что жили в Бекетовке. Отца взяли на фронт. Однажды мама поехала в город за продуктами. Немцы бомбили город, и одна бомба попала в вагон, где ехала мама. Я остался с сестренкой Катей, она была постарше. Очнулся, как мне казалось, уже здесь, в Дубовском детском доме...».

Иногда, в силу сложившихся трудностей, от детей отказывались сами родители. Из интервью с Евгенией Шаталиной:

«После окончания боев папа (инвалид до войны) отвел меня в детприемник; сказал мне, что я там буду сыта, а сам остался со старшей сестрой Галей. В детприемнике меня отмыли, накормили, а наутро пришла женщина и увезла меня вместе со всеми в Руднянский детский дом. Там я находилась до 1948 года».

Психологическим шоком была смерть близких на глазах детей. Нина Бурмистрова (Денисова) рассказывает, что во время боев на Мамаевом кургане *«в овраге вырыли пещеру и там прятались. Малыш (младший брат) умер, мы его похоронили тут же. Так что дом этот, большой, многоэтажный, стоит и на костях моего братика, которому даже и имени не успели дать».*

Г. Плавинская вспоминает:

«Летом 42-го мне было всего пять лет. Казалось бы, что может сохранить память в таком возрасте? Но, видно, ученым еще следует разобраться, что происходит с детским сознанием, памятью, когда ребенок попадает в сверхстрессовую ситуацию. До сих пор в глазах бомбежка, убитые, бегущие женщины с детьми. А разве можно забыть голод? А смерть матери? Когда это случилось, мне было очень страшно. Но еще страшнее было потом. Ночью мы с бабушкой вырыли небольшую яму, завернули маму в одеяло и поместили туда. Накрыв могилу железным листом, присыпали его землей. Зная о том, что жители наиболее ценные вещи зарывали, немцы прощупывали землю штыками и искали “клады”. Бедная мама! Четыре раза (!), наткнувшись на железный лист, немцы откапывали ее

и выбрасывали из могилы. Четыре раза нам приходилось зарывать ее заново!»⁶.

Геннадий Ткаченко вспоминает, что от трудностей колхозной жизни военного периода *«мамка на работе надорвалась... Болела уже, а в колхоз бегала – требовали. Так и упала однажды. И в больнице не лежала – на земле померла. Вот нас в детдом и отвезли»⁷.*

Людмила Вакс рассказывает:

«Когда мы сидели в землянке, это было на “Баррикадах”⁸, в Сталинграде, была сильная бомбежка, все кругом горело. Мама вышла из землянки принести продукты, а я сидела с братишкой Женей и сестренкой Агнессой в землянке. И вдруг братишка Женя вышел из землянки и кричит: “Маму убило!!!”. Я ему не поверила, а потом сама увидела, что моя мама лежит на земле. Осколок от снаряда попал ей прямо в голову. Голову мамы разорвало прямо на клочки, и голубой платочек, которым она была повязана, был весь разорван. Платье на маме было все облито кровью, и даже не заметно, что у нее было голубое платье. Мы все сильно плакали. Потом маму зарыли в той же воронке, а чужая тетя кормила нас супом. Братишка Женя сразу же заболел и через три дня умер; меня отдали в детприемник, а сестренку Агнессу тетя взяла в дети»⁹.

О переживаниях детей в то время узнаем не только из их воспоминаний. Много рассказано об этом и на страницах уникальной рукописной книги «История Дубовского специального детского дома 1943–1953 гг.», хранящейся в семейном архиве Кирилла Заводюка.

Алла Богатырева, 5 лет, сообщала воспитателям: *«Папу убило на фронте, а маму убило, когда мы бежали на переправу».* Мать спасла своим телом братика Вадика. Из-под трупа матери красноармеец достал мокрого от маминой крови мальчика. *«Я думала, что он убит, но он оказался живой, и даже не ранен. Это была на нем кровь мамы»¹⁰.*

⁶ Осколки в сердце... С. 57.

⁷ Интервью с Г.П. Ткаченко. Май, 2006 г. // Личный архив Н.Э. Вашкау.

⁸ Завод в г. Сталинграде.

⁹ История Дубовского специального детского дома: рукопись. С. 65 // Личный архив Н.Э. Вашкау.

¹⁰ Там же.

На следующей странице книги говорится о том, что *«шестилетний Тарасов Вова был свидетелем того, как фашист из нагана застрелил отца и мать. Вова был ранен осколком, заикался»*¹¹.

Маленький Юрик (фамилия неизвестна), которому 4 года, не говорит ни единого слова, *«он весь погружен в себя. Выпятив живот, он ходит по комнате среди играющих ребят, заложив руки за спину. Потом садится на пол, свернув ноги калачиком, и, не обращая ни на кого внимания, начинает петь с закрытым ртом. Поет какую-то протяжную тоскливую мелодию. Глаза закрыты, текут слезы. Он поет, и все затихают. Куда уносится мыслями этот малыш? Что вспоминает он, кого? Слезы текут и текут. Песня без единого слова звучит и звучит»*¹².

О том, какими дети поступали в детские дома, пишет директор Дубовского детдома Е.Э. Волошко: *«...28 апреля 1943 г. прибыла первая партия детей – 43 человека. Дети были истощенные, обессиленные долгим голоданием, находясь в оккупированных районах города. По медицинским показаниям данный детский коллектив представлял из себя: 84 процента детей истощенных, 6 процентов – туберкулезных, 5 процентов – цинготных и только 5 процентов – условно здоровых»*¹³.

Таким образом, дети, пополнявшие ряды воспитанников детских домов в результате военных действий, потери близких, нуждались в особом отношении. Ведь в памяти у каждого – терзающие воспоминания, за плечами – трагедии, от которых в 4–5 лет детство закончилось, и уже не хочется жить. Травмы, нанесенные войной, скрывались глубоко в психике человека. И требовалась серьезная кропотливая работа по реабилитации физического и психического здоровья маленьких жертв войны.

Несмотря на отсутствие специальных методик по реабилитации детей военной поры, нужно отдать должное педагогам и работникам детских учреждений в их стремлении облегчить тяжелую участь своих воспитанников. Немногословные записи на страницах рукописной истории Дубовского детдома позволяют нам ощутить ту любовь и заботу, которую проявляли работники этого учреждения к детям. Внимательность и искреннее желание помочь позволяли воспитателям

¹¹ Там же. С. 67.

¹² Там же. С. 65.

¹³ Там же. С. 19.

находить те особые средства, которые возвращали ребенка из мира душевных страданий в мир детства.

Анализ анкет и интервью с бывшими детдомовцами приводят к следующему выводу: чем старше поступал ребенок в детский дом, тем меньше нес он через жизнь печать воспитанника детдома, тем большего достигал он, добивался в жизни. Основная же масса детей становилась детдомовцами в 3–4 года. Из 33 опрошенных 26 человек попали в детский дом в младшем детском возрасте. У таких детей часто возникали проблемы с развитием интеллекта. Психологи выявляют в этом определенную закономерность: у детей, лишенных материнской любви в раннем возрасте, отмечается неразвитость познавательных процессов, неустойчивость внимания, слабая память, слабое развитие мышления, низкая эрудиция и т.д. Формируется искаженная картина мира. Главной причиной является отсутствие качественного содержательного общения с взрослыми, которое было бы адекватно для детей, воспитывающихся в детском доме.

В наибольшей степени трудности и отклонения от нормального становления личности воспитанников детских домов сказались на эмоционально-волевой сфере. Повышенная чувствительность к различного рода препятствиям, неготовность преодолевать трудности, снижение потребности в достижениях и успехе – все это характеризует детей детского дома. Наиболее ярко эти проявления можно проследить на судьбе Елены Олейниковой: она молчаливо переносила все тяготы и лишения колхозной жизни, всех боялась, работала на самых тяжелых участках, да и замуж вышла не за кого хотела, а за такого же изгоя, как и сама.

«Как-то я всегда в последних была, в “плохушках”. И платьице похуже, и чулки, и ботинки. Сказку “Золушка” знаете? Вот, это я и была. Только в сказке Золушка принцессой стала, а я вот в колхозе очутилась, до сих пор живу здесь... Народ в деревне злой, работа в колхозе тяжелая, оплата – палочки. А я всех боюсь, всех слушаюсь. Работа самая грязная, тяжелая. Жила полуголодом... Бывало, бригадир Иван Михайлович скажет: “Эх, Ленка, одна ты у меня самая дисциплинированная! Цены тебе нет... и жениха. Ну ладно, иди-ка ты у свиней почишь. Чтой-то нонче грязи у них много. Не убиралась, что ли, Нюрка, вчера?”. Я и иду. И за Нюрку, и за Польку – за всех! <...> Жила у бабушки. Она мне, земля ей будь пухом, жениха и сыскала. Жил у нас в деревне немец один. Всю его нацию из

Поволжья в Сибирь увезли, а этот с дальней отарой в степи был, как-то остался. Тоже смирный, тоже всех боялся. А Сибири боялся пуще всего. Но это было уже при Хрущеве. Немцев не трогали. Вот бабушка мне и говорит: “Самая тебе, Ленка, пара. Он – немец, да и ты – детдомовская...”. Знала я его: тощий, рыжий, ну и я не красавица, свиньями пропахшая»¹⁴.

Отсутствие условий для внутреннего сосредоточения стандартизирует определенный социальный тип личности. У детей, живущих в детдоме на полном государственном обеспечении, появляется иждивенческая позиция («нам должны», «дайте»), отсутствуют бережливость и ответственность.

Иждивенчество, вырастающее в бывшего воспитанника сиротского учреждения на всю жизнь, – главный, коренной признак приютского синдрома. Он явно прослеживается в интервью с Евгенией Шаталиной, Лидией Чередниковой и другими воспитанниками, которые, рассказывая о своей жизни, приводят массу доказательств наличия в их характере этого синдрома. Доказывают этот тезис слова Лидии Чередниковой: «...Я живу в своей квартире. Я добивалась, мне положено было, как воспитаннице спецдетдома и общественнице. Мне трехкомнатную дали».

«...Квартиру я себе выбила. Ходила в исполком, требовала: дайте, мне положено! Это, считаю, от детдома – всего надо добиваться. Мы – дети государственные. И государство нам обязано. Нужно быть только понастойчивее»¹⁵ (Нина Бурмистрова).

«...После детдома все меня тянуло к казенной кухне: и в школе, и в лагере – все по столовкам. И никакого желания и интереса нет готовить себе. Иной раз и жалко себя станет: что я, приживалка какая?»¹⁶ (Евгения Шаталина).

Говоря о будущем воспитанников послевоенных детских домов, в первую очередь нужно говорить о том, что делалось государством и работниками специальных учреждений для подготовки выпускников к самостоятельной трудовой деятельности. Напомним, что именно организованная трудовая деятельность представлялась педагогам тем незаменимым методом, позволяющим сформировать у подростков необходимые трудовые навыки. Отечественная педагогика имела

¹⁴ Интервью с Е.И. Олейниковой. Май, 2006 г. // Личный архив Н.Э. Вашкау.

¹⁵ Интервью с Н.С. Бурмистровой. Май, 2006 г. // Личный архив Н.Э. Вашкау.

¹⁶ Интервью с Е.Ф. Шаталиной. Май, 2006 г. // Личный архив Н.Э. Вашкау.

замечательный опыт организации производственных бригад в колонии А.С. Макаренко.

С 12 лет детдомовцы должны были работать в мастерских, проходить производственную практику на предприятиях с тем, чтобы ко времени выхода овладеть определенной профессией. Выпускники детских домов направлялись в учебные заведения системы трудовых резервов, ремесленные и железнодорожные училища, школы ФЗО. Большие трудности представляло устройство подростков «с улицы». Война помешала им учиться, и многие из них не имели даже начального образования, что закрывало путь в ремесленные училища и школы ФЗО. С 1949 г. было запрещено направлять воспитанников детских домов и ДПР на предприятия без предварительного обучения их в сельскохозяйственных или ремесленных училищах. Это избавляло предприятия от неквалифицированной рабочей силы, давало подросткам возможность получить специальность и рабочий разряд до поступления на работу¹⁷.

Несмотря на все трудности, большинство из них в жизнь выходили настоящими патриотами. Олег Назаров так сказал в конце беседы: *«Мы были обычными детьми. Обычными сиротами, которых тысячи и тысячи оставила по всей стране самая страшная война. Но отсвет Великой Победы на Волге пал на нас – и мы стали ДЕТЬМИ СТАЛИНГРАДА»*¹⁸.

«Дети Сталинграда» являются одной из социальных групп населения нашего региона, имеющих разностороннюю поддержку Администрации Волгоградской области. Однако вопросами экономической помощи не может быть исчерпана проблематика этой темы. Дети военного Сталинграда, становящиеся сейчас старшим поколением россиян, а значит, носителями традиции и нравственных ценностей нашего народа последних 70–80 лет, поколением, являющимся исторически необходимым, связующим звеном между СССР и новой Россией, остро нуждаются в возможности включить свои воспоминания и свой жизненный опыт в непрерывную ткань исторической памяти. Причем сделать это не только в рамках семейной памяти, а получить общественную трибуну.

¹⁷ О государственной политике по ликвидации беспризорности в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие, материально-технической базе и педагогических кадрах детских домов нами разрабатывается отдельный проект. – Н.В.

¹⁸ Интервью с О.П. Назаровым.

Ю.С. Воеводина

ПАМЯТЬ ДЕТЕЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ ПО УСТНЫМ ИСТОЧНИКАМ

Публикаций, посвященных Великой Отечественной войне, огромное множество, как во всероссийском масштабе¹, так и на материалах Сибири² и Алтайского края³. Но необходимо заметить, что большинство работ освещают экономико-политические реалии военного времени. История военного детства представлена в отечественной исторической литературе преимущественно документальными

© Воеводина Ю.С., 2010

¹ Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970; Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1979; Алексеевич С. У войны не женское лицо: повести. М., 1998; Женщины-механизаторы России. М., 1977.

² Аулов М.Р., Анисков В.Т., Васильев Ю.А. Подвиг земли богатырской (Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М., 1970; Анисков В.Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту 1941–1945 гг. Барнаул, 1966; Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни: крестьянство в Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1993; Гаврилов Н.С. Западная Сибирь в Великой Отечественной войне. Барнаул, 1988.

³ Алтай в годы Великой Отечественной войны: сб. ст. Барнаул, 1960; Гаврилов Н.С. Алтай в годы Великой Отечественной войны. Барнаул, 1990; Гаврилов Н.С. Трудовой подвиг тружеников Алтая в годы Великой Отечественной войны. Барнаул, 1988, Гаврилов Н.С. Подвиг сибиряков-алтайцев в тылу и на фронте в годы Великой Отечественной войны. Барнаул, 1995; Худяков А.А. История Алтайского края. Барнаул, 1971.

очерками и повестями, авторы которых художественно отразили проблему «война и дети».

Рассмотрение таких вопросов, как историческая память о военном детстве, военная повседневность или роль Великой Отечественной войны в изменении поло-ролевых стереотипов в деревне, стало возможным лишь с появлением новых методологических подходов. Среди них необходимо назвать устную историю⁴. По мнению Т.К. Щегловой, «устная история не столько *знание* о будущем, сколько *сознание*, т.е. массовое общественное мнение, обращенное в прошлое»⁵. Метод «устной истории» открывает нам возможность обратиться к исторической памяти людей, переживших войну в детском возрасте. Воспоминания о военном детстве отличаются эмоциональностью, образностью и непосредственностью, чем они и ценны как исторический источник, воссоздающий психологическую атмосферу того времени. В то же время содержащаяся в них историческая информация о положении гражданского населения тылового региона существенно дополняет сведения официальных источников и представляет научную ценность для характеристики исторической памяти поколения военного времени.

Рассказы военного поколения, записанные на диктофон и переведенные (транскрибированные) в текстовые носители, И.В. Реброва и Е.Н. Стрекалова рассматривают как источники личного происхождения, хотя о них, как особом типе источников XX–XXI вв., ничего не го-

⁴ Томпсон П. Голос прошлого: Устная история. М., 2003; Лоскутова М.В. Введение // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003.; Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке: Устная история. Барнаул, 2008.; Щеглова Т.К. Центр устной истории БГПУ: исследовательская работа, документирование устных исторических источников и их интерпретация // Устная история (Oral history): теория и практика: материалы всерос. науч. семинара. Барнаул, 2007. С. 16–23; Хубова Д.П. «Устный архив» в зарубежной практике: технология документирования в устной истории (к постановке проблемы) // Устная история (Oral history): теория и практика... С. 197–202; Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России: матер. и исследования. СПб., 2008.; Реброва И.В. К вопросу о междисциплинарности устной истории // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч. конф. / под ред. Т.К. Щегловой, И.В. Октябрьской. Барнаул, 2008. Вып. 7. С. 220–225.

⁵ Щеглова Т.К. Устная история в XX столетии: метод, источник, направление исторических исследований или самостоятельная дисциплина? // Этнография Алтая и сопредельных территорий... С. 253.

ворится в современных работах по источниковедению новейшей истории России⁶. По мнению авторов, устные рассказы, несмотря на значительную роль исследователя, проводящего интервью, прежде всего доносят субъективный взгляд на прошлое очевидцев событий с учетом вложенного в них смысла отдельного конкретного человека⁷.

Кроме того, устные воспоминания о Великой Отечественной войне имеют свою гендерную⁸ специфику. Как пишет Н.Л. Пушкарева в статье «Устная история: гендерный аспект», «шведская исследовательница М. Хиден, обосновывая различия мужского и женского подходов... обратила внимание и на его последствия... Выявились совершенно разные пласты в рассказах об одном и том же»⁹.

Опора на устные источники с применением методов гендерных исследований позволяет изменить ракурс рассматриваемого нами вопроса. Анализируя тексты интервью о военном детстве, можно выявлять закономерности восприятия детьми самих себя во время войны, воссоздавать детское восприятие войны как целостной картины.

По данной теме автором было проведено более 50 интервью в 6 районах Алтайского края (Чарышском, Шелаболихинском, Тогульском, Быстроистокском, Угловском и Пospелихинском) в рамках историко-этнографических экспедиций Алтайской государственной педагогической академии, проводимых под руководством д-ра ист. наук проф. Т.К. Щегловой по программе «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие», а также собрано более 70 анкет в Тогульском, Быстроистокском, Угловском, Алейском и Пospелихинском районах края. Работа велась среди сельского населения Алтайского края. Собранные и сохраненные на цифровых носителях полевые материалы устных исторических интервью составили отдельный фонд в

⁶ Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве... С. 162.

⁷ Там же.

⁸ Пушкарева Н.Л. Проблема институализации гендерного подхода в системе исторических наук и исторического образования // Женщины. История. Общество. М., 2002. Вып. 2; Ее же. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // Вопр. истории. 1998. № 6. С. 76–86; Ее же. Гендерный подход в исторических исследованиях // Новая и новейш. история. 1998. № 6. С. 48–52; Репина Л.П. Гендерная история проблемы и методы исследования // Новая и новейш. история. 1997. № 6. С. 12–15.

⁹ Пушкарева Н.Л. Устная история: гендерный аспект // Этнография Алтая и сопредельных территорий... С. 219.

архиве Лаборатории исторического краеведения Алтайской государственной педагогической академии.

Нашими респондентами были люди 1925–1936 гг. рождения, которым в годы войны было соответственно от 5 до 16 лет. Среди них можно выделить следующие группы: во-первых, подростки 1925–1929 годов рождения; во-вторых, дети, рожденные не позднее 1936 года. Основой выделения данных возрастных групп служит изменение ведущего вида деятельности от игры в детстве до общения в юности.

Для проведения интервью был составлен вопросник. Неформализованное интервью начиналось с общих вопросов биографического характера, позволяющих информанту рассказать свою историю и историю своей семьи. Общая структура интервью предполагала выяснение нескольких основных тематических блоков. Первая группа вопросов касалась сюжетов повседневной жизни детей, таких, как питание, одежда, состояние здоровья членов семьи, санитарно-бытовые условия в детских дошкольных учреждениях, игры среди детей. Вторая была связана с учебной работой наших респондентов в школе (учебные предметы, поведение учителя и учеников, школьные мероприятия, психологическая атмосфера в классе). Третью группу составили вопросы о влиянии войны на личную судьбу человека. Такая группировка вопросов позволила, на наш взгляд, выявить преобладающие воспоминания жителей сельской местности Алтайского края о своем детстве в годы Великой Отечественной войны.

В данной статье мы хотим остановиться на особенностях детской памяти о войне и наиболее характерных для детей войны воспоминаниях.

По мнению Л.Н. Юсуповой, феномен военного детства заслуживает внимания исследователей при рассмотрении войны как историко-психологического явления¹⁰. Формирование личности ребенка в войну, по словам Л.И. Обердерфера, происходило под влиянием двух основных факторов: недетских переживаний военного времени и особого стиля воспитания в семье. Тип взаимодействия родителей и детей в военные годы существенно отличается от внутрисемейных отношений мирного времени. В период войны родители видели главной целью воспитания помощь детям в адаптации к экстремальной ситуации для физического и духовного выживания. Прежде всего это про-

¹⁰ Юсупова Л.Н. Военное детство в памяти поколения, пережившего оккупацию в Карелии // Военно-историч. антропология. М., 2005. С. 345.

исходило через приобщение детей к труду в самом раннем возрасте, когда трудовая активность вытесняла игру в чистом виде. Дети в войну частично были лишены полноценной игры как формы деятельности, развивающей воображение, фантазию, а также интеллектуальные способности. Раннее вовлечение в производственную деятельность позволяло детям осваивать социальный опыт взрослых уже в подростковом возрасте¹¹.

Рассказывая о начале Великой Отечественной войны, дети тех лет вспоминают прежде всего испытанное чувство страха в связи с боязнью потерять родителей и других членов семьи в обстановке всеобщего страха, связанного с неизвестностью дальнейшей судьбы родных и близких. *«Страшно было. Никто не знал, что будет дальше. Мама по ночам плакала, нам не показывала, а сама рыдала. Всем было страшно. У меня сестренка младшая была, так она, как мама плакать, начинала сразу ко мне жаться, и тоже ревела»*, – вспоминала Мария Григорьевна Санфирова¹².

Дети, оставшиеся без отцовского надзора на попечении матерей, бабушек и старших сестер, отчетливо осознавали опасность, нависшую над уходящими на фронт родными. Вот как об этом вспоминают информаторы: *«...а мама отцу и братьям...заговоры...под сердце зашивала, да я и сама за них каждую ночь слезно молилась, ...боялась очень...»*¹³; *«на проводах вся деревня была, и никто не хотел, чтобы уходили [родные на фронт]»*¹⁴, *«...бабушка наша, она в Бога верила, все время повторяла, что с нашим папой ничего не случится потому, что его дома вон сколько человек любит, а мы все равно боялись»*¹⁵.

Особое место в воспоминаниях респондентов о родителях занимают роль и значение матери как единственного кормильца и защитника семьи. Большинство информантов рассказывают о том,

¹¹ Обердербер Л.И. Проблемы труда и быта сельских женщин Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945). Новосибирск, 2004. С. 187.

¹² Интервью с Санфириной М.Г. 1931 г. р. Пospelихинский р-н, п. Пospelихинский, 11.07.2008 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2008.

¹³ Интервью с Пройдаковой Н.И. 1936 г. р. Шелаболихинский р-н, с. Иня, 02.07.2005 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2005.

¹⁴ Интервью с Корневским Н.М. 1921 г. р. Пospelихинский р-н, п. Пospelихинский, 12.07.2008 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2008.

¹⁵ Интервью с Пройдаковой Н.И. 1936 г. р. Шелаболихинский р-н, с. Иня, 02.07.2005 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2005.

что мать они «и не видали»¹⁶, а также о частых болезнях матери из-за «непроглядного труда»¹⁷ в колхозе. Наряду с этим они должны были выполнять и тяжелую физическую работу по хозяйству и дому. Возможно, именно поэтому столь остро ощущалась потеря мужчин в семье: «... у меня брат на фронте погиб, отец погиб, его брат, дядька мой, погиб.... Вот сколько людей война со свету сжила... Я вот до сих пор живу и недобрым словом вспоминаю...»¹⁸; «Сколько погибло на войне, даже не сосчитаешь. У нас по соседям с нашей улицы всего в одном доме мужик был, безотцовщиной росли»¹⁹.

Трепетное отношение к родителям было характерной чертой военного времени, оставшейся на всю последующую жизнь. Глубокая уверенность в том, что любовь от всего «спасти может, от всего вылечит»²⁰, четко прослеживается во всех воспоминаниях, затрагивающих память о близких. Информанты рассказывают, что «в войну-то все друг за друга держались не только в колхозах, но в семье и подавно»²¹; «Семья какой-то сплоченной была. Хоть тяжело было, но все друг другу помогали»²².

Кроме того, в детской памяти о начале войны особенно запечатлелись два момента. Первая картина связана с тем, что у многих жителей селений одновременно топились бани, почти каждая семья готовилась к проводам мужчин на фронт: «Все воду таскали, все бани топили, чтоб чистыми отправить [на фронт]. В каждом доме провожали»²³. Другим сильным впечатлением, потрясшим детскую душу, остался плач женщин на проводах мужей и сыновей на фронт: «...долго бежал за подводой и махал в след [отцу]. Потом вернулся

¹⁶ Интервью с Петуховой В.Ф. 1932 г. р. Шелаболихинский р-н, с. Ново-Обинцево, 04.07.2005 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2005.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Интервью с Тагильцевой А.Н. 1933 г. р. Шелаболихинский р-н, с. Ново-Обинцево, 07.07.2005 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2005.

¹⁹ Интервью с Яниным С.С. 1930 г. р. Тогульский р-н, с. Тогул, 08.07.2006 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2006.

²⁰ Интервью с Тагильцевой А.Н. 1933 г. р. Шелаболихинский р-н, с. Ново-Обинцево, 07.07.2005 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2005.

²¹ Интервью с Запрягаевой А.И. 1928 г. р. Пospелихинский р-н, п. Пospелихинский, 16.07.2008 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2008.

²² Там же.

²³ Интервью с Карловым В.С. 1937 г. р. Шелаболихинский р-н, с. Иня, 12.07.2005 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2005.

к убитой горем матери»²⁴; «Все прощались, плакали. Когда они [мужчины] пошли, некоторые [жены и матери] за ними в след бросались»²⁵.

В целом воспоминания о детстве в период Великой Отечественной войны подразделяются на два рода – светлые и драматические. С одной стороны, детская память запечатлела характерные для детства игры и веселье, с другой – полуголодное существование семьи, несмотря на то, что мать «круглые сутки работала»²⁶; как приходилось искать перегнивший картофель весной в поле и постоянно бояться наказания в случае обнаружения расхищения «имущества колхоза».

Исходя из анализа собранных устных источников можно с уверенностью сказать, что доминирующим воспоминанием, не зависимо от возрастной группы, является память о голоде. О нем вспоминают все информаторы в первую очередь: «Борис уже тихоньким голосом: “Нин, я есть хочу...”», а я взяла его на руки, а свободной ладошкой ...крошки собрала. А он с жадными глазами все это языком и слизал, а самой 7 лет было»²⁷.

Как известно, постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней»²⁸ подросткам 12–16 лет устанавливался обязательный трудовой минимум не менее 50 трудодней. Между тем многие информанты вспоминают о том, что дети более раннего возраста также участвовали в производственной деятельности. Необходимо указать, что трудовая деятельность мальчиков, по воспоминаниям респондентов, начиналась, как правило, с 6–8 лет, тогда как у девочек – с 10–12. «Ой, да что помню о войне? Труд непроелазный. Хоть я еще девчоночкой была, а работала наравне со взрослыми. У нас все работали, хоть и тяжело было. Вот на бригаде мальчишки работали. Как только может [на корове] сидеть, так на бригаду – помогать. А кому не с кем было оставить, так лет с

²⁴ Интервью с Яниным С.С. 1930 г. р. Тогульский р-н, с. Тогул, 08.07.2006 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2006.

²⁵ Интервью с Корневским Н.М. 1921 г. р. Пospelихинский р-н, п. Пospelихинский, 12.07.2008 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2008.

²⁶ Интервью с Гребневой Е.Ф., 1934 г. р. Шелаболихинский р-н, с. Макарово, 09.07.2005 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2005.

²⁷ Интервью с Пройдаковой Н.И. 1936 г. р. Шелаболихинский р-н, с. Иня, 02.07.2005 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2005.

²⁸ Сборник законов СССР и указов президиума Верх. Совета СССР 1938–1961 гг. М., 1961. С. 657.

пяти приводили, и тоже работенку давали. Как говорила бригадир, чтобы даром затируху [похлебка из сваренной в кипятке муки] не ели»²⁹; «Вот у нас соседка была, а у нее дочка. Так она все по дому делала, мать ведь на бригаде. Так еще и на бригаде работала – помо- гала поварихе»³⁰.

Выявлено различие и в трудовой специализации. Так, мальчики были заняты, как правило, в производительной сфере, то есть пре- имущественно на бригадах и сопряженными с ними работами. Девоч- ки преимущественно выполняли традиционно женскую работу: при- готовление пищи, ведение домашнего и приусадебного хозяйства.

Респонденты объясняют факт вовлечения в общественное про- изводство детей начиная с 6 лет «военным лихолетьем»³¹: «Время бы- ло такое, что и детям приходилось работать. Всем тяжело было»³². Основной рабочей силой военного времени, конечно, были женщины, но вклад детского труда в обеспечение фронта был немалым.

Надо отметить, что сохранились достаточно яркие воспомина- ния информантов, связанные с санитарно-бытовой культурой села. Особенно отчетливы они у респондентов, рожденных с 1933 по 1935 годы. Наши респонденты рассказывают о том, как приспособлялись жить без мыла, как варили щелок из золы, в котором стирали белье, мыли волосы: «Золы в кадочку насыпаят, баню как затопят, ставят туда чугунок, и как скипит, так в кадочку выльют. Получается ще- лок склизкий, его в таз наливали, да мылись»³³.

По воспоминаниям информантов, одним из последствий ухуд- шения санитарной культуры села было появление в избах насеко- мых (блох, клопов и тараканов), которые не только причиняли не- удобства, но и представляли опасность для здоровья. Для борьбы с ними в зимнее время вся семья покидала дом, и насекомых «вымо- раживали». В летнее время с клопами боролись «выбеливанием» мест их скопления известью. По воспоминаниям респондентов, ши-

²⁹ Интервью с Запрягаевой А.И. 1928 г. р. Пospelихинский р-н, п. Пospelихинский, 16.07.2008 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2008.

³⁰ Интервью с Гребневой Е.Ф. 1934 г. р. Шелаболихинский р-н, с. Макарово, 09.07.2005 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2005.

³¹ Цит. по: Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края... С. 373.

³² Интервью с Логиновой А.С. 1923 г. р. Пospelихинский р-н, п. им. Мамон- това, 16.07.2008 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2008.

³³ Цит. по: Щеглова Т.К. Санитарно-бытовая культура и традиции личной ги- гиены сельского населения Алтайского края в 1920–1930 гг. // Этнография Ал- тая и сопредельных территорий... С. 160.

роко применялись народные способы борьбы с вредными насекомыми. Особенно часто упоминают «попыну» (попынь)³⁴. С ее помощью боролись с блохами. Необходимо было лишь разложить попынь-траву под дерюжки (грубая холстина), а также на полу в доме. Против моли боролись при помощи табака, а от клещей спасались керосином. Но наибольшую опасность представляли вши – переносчики таких инфекционных заболеваний, как тиф. Евдокия Федоровна Гребнева вспоминала: «...какие вши нападали, ...на солнце вылезут, и по подушке лазают. Я их собирала, а он [брат] их гирькой давил»³⁵.

Если в городской среде в этот период стали широко распространяться химические препараты, то в деревне применяли народные методы борьбы с педикулезом³⁶. Среди названных информантами способов борьбы с нательными вшами – так называемое «выжаривание» в бане: «Когда паришься, шобы вши мерли»³⁷; «Долго-долго сидели в бане. Пока можешь сидеть. А то [вши] уж больно заедали»³⁸; «Спасения от них не было. Только в баню сходишь, придешь на бригаду и опять чешешься»³⁹. Эти данные подтверждают результаты проведенного в Быстроистокском районе анкетирования, которые показали, что 47% респондентов использовали именно «выжаривание» в бане для борьбы с паразитами. Для выведения постельных и одежных вшей их также «жарили» в бане: «Как в баню придут, все с себя снимают и над каменной трясут»⁴⁰. Менее распространенным способом был керосин (35,3% информантов): «намажут волосы, подвяжут платком и ходили так...»⁴¹. Но, как говорят информанты, было

³⁴ Интервью с Зининым Н.Т. 1934 г. р. Быстроистокский район, с. Хлеборобное, 27.07.2007 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2007.

³⁵ Интервью с Гребневой Е.Ф. 1934 г. р. Шелаболихинский р-н, с. Макарово, 09.07.2005 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2005.

³⁶ Щеглова Т.К. Санитарно-бытовая культура и традиции... С. 158.

³⁷ Интервью с Андреевой Н.Б. 1934 г. р. Быстроистокский район, с. Хлеборобное, 19.07.2007 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2007.

³⁸ Интервью с Райсбих А.Ф. 1929 г. р. Пospелихинский р-н, п. Крутой Яр, 18.07.2008 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2008.

³⁹ Интервью с Книсс Н.Д. 1930 г. р. Пospелихинский р-н, п. Крутой Яр, 19.07.2008 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2008.

⁴⁰ Интервью с Зининым Н.Т. 1934 г. р. Быстроистокский район, с. Хлеборобное, 27.07.2007 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2007.

⁴¹ Интервью с Андреевой Н.Б. 1934 г. р. Быстроистокский район, с. Хлеборобное, 19.07.2007 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2007.

и такое, что *«искали друг у друга в башках»*⁴²; *«на бригадах тебе ни бани, и дуста, даже керосина и того было не выпросить. Сидели, как время было, и искали [вшей]»*⁴³. О таких мерах в борьбе с педикулезом упоминают 11,8% опрошенных. Только 5,9% респондентов среди средств борьбы с паразитами вспоминали дуст. Объясняли этот факт так: *«Ничего не было, а дуста-то и подавно»*⁴⁴.

Распространению насекомых способствовали и некоторые традиции, например, отсутствие постельного белья. *«Не было ни простыней, ни наволочек, ни пододеяльников»*⁴⁵, которые бы снимались и стирались. Спали все время на одной только перине, а для подушки было только две наволочки. Очень часто спали на дерюжках на полу. Кроме того, на дерюжках не только спали, но ими и укрывались во время сна, ими же покрывали кровати и застилали пол в доме.

Ежедневная личная гигиена, по данным Т.К. Щегловой, состояла в утреннем и вечернем умывании. Умывание, по воспоминаниям, состояло из споласкивания водой лица без мыла. Эта процедура была обязательна дважды в день – утром и вечером. Перед едой руки могли вымыть водой только после очень грязной работы⁴⁶.

Гигиена полости рта ограничивалась полосканием. Уход за полостью рта больше имел значение профилактики зубных болей и болезней, так как в военные годы обострилась проблема заболевания зубов из-за ухудшения питания: *«Питались чем попало, зубы не чистили, вот они и болели шибко»*⁴⁷. С зубной болью боролись разными способами. Из рациональных – полоскание отварами трав с дезинфицирующими свойствами, чаще всего «коготков» (календулы). Широкое распространение получили заговоры зубных болей бабушками. По мнению Т.К. Щегловой, таких апокрифических текстов в деревне множество. Интервьюерами записаны различные магические и народные способы лечения – например, прикладывание к больному зу-

⁴² Интервью с Копыловой Л.П. 1932 г. р. Быстроистокский район, с. Быстрый Исток, 21.07.2007 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2007.

⁴³ Интервью с Петуховой В.Ф. 1932 г. р. Шелаболихинский р-н, с. Ново-Обинцево, 04.07.2005 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2005.

⁴⁴ Интервью с Копыловой Л.П. 1932 г. р. Быстроистокский район, с. Быстрый Исток, 21.07.2007 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2007.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Щеглова Т.К. Санитарно-бытовая культура и традиции... С. 162.

⁴⁷ Интервью с Глебовым Н.П. 1932 г. р. Быстроистокский район, с. Хлебо-робное, 23.07.2008 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2008.

бу соленого сала, лечение дымом. В с. Соколово Г.Л. Шаромов объяснял, как он лечил зубную боль: свернутый трубочкой небольшой газетный клочок поджигал так, чтобы дым шел с противоположного конца бумаги. Этот дым «собирал» в перевернутое вверх дном блюдо. Попадая на холодную поверхность, дым образовывал серовато-желтое вещество; его собирали ваткой, которую потом закусывали больным зубом на 60 секунд⁴⁸.

В деле соблюдения санитарно-гигиенических норм большую роль играла баня. 72,7% информантов вспоминают, что в баню ходили еженедельно: *«Обязательно в субботу, традиция такая. Всегда в субботу ходили, и мы тоже по субботам»*⁴⁹. В среде информантов преобладали бани «по-черному»: *«...выйдешь из этой бани весь в саже еще чернее, чем был. Воду, как правило, брали из реки (бани чаще располагались по берегам) и только в случае ее удаленности – из колодца»*⁵⁰. По воспоминаниям информантов, несоблюдение традиционных санитарных норм было связано с отсутствием бани. В тех семьях, где была одна баня на несколько семей, мылись по очереди, что, на наш взгляд, способствовало распространению инфекционных заболеваний. По данным анкетирования, 16,3% семей ходили в баню к соседям 1–2 раза в месяц, а 11,5% – «как придется».

О своей досуговой деятельности больше других вспоминали информанты, заставшие войну в подростковом возрасте. Особенно этот факт интересен, если учесть, что далеко не все взрослые респонденты упоминают о какой-либо деятельности, кроме трудовой. Большинство же отмечают, что *«работали только, а праздников... не видели»*⁵¹. Особое место в воспоминаниях подростков занимают хоро-воды и песни, которые сопровождали повседневную жизнь села. Для подростков особенно была важна атмосфера, созданная песнями и танцами, которая придавала им уверенность и радость: *«Хоро-воды водили, песни пели. В бригаду едут... они [колхозницы] от дома и до самой бригады песни поют. И вечером тоже, хоть как устали –*

⁴⁸ Щеглова Т.К. Санитарно-бытовая культура и традиции... С. 159.

⁴⁹ Интервью с Глебовым Н.П. 1932 г. р. Быстроистокский район, с. Хлеборобное, 23.07.2008 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2008.

⁵⁰ Интервью с Копыловой Л.П. 1932 г. р. Быстроистокский район, с. Быстрый Исток, 21.07.2007 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2008.

⁵¹ Интервью с Петуховой В.Ф. 1932 г. р. Шелаболихинский р-н, с. Ново-Обинцево, 04.07.2005 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2005.

будут петь до самого дома песни»⁵²; «В войну доярки выходят вечером коров доить; споют песню, а только потом под корову идут»⁵³.

В отсутствии в сельской местности детских дошкольных учреждений руководители советского государства видели основное препятствие к полной занятости женщин на селе. При этом многие организованные и открытые во время войны детские ясли, сады и площадки не функционировали или работали неэффективно. По данным Н.С. Гаврилова, в Чарышском районе Алтайского края был открыт один детский сад на 30 человек при потребности в 686 мест⁵⁴. В этом саду *«кормили один раз в день, а часто дети вообще получали на ужин одну только воду. Наши [колхозницы] не хотели отдавать туда своих детей»⁵⁵*. Кроме того, в 1944 г. получила распространение организация столовых для детей фронтовиков. Однако, по данным Л.И. Обердерфера, у детей, питавшихся в этих столовых, карточек хватало на 8–10 дней⁵⁶. В совхозных детских яслях, по воспоминаниям информантов, были вопиющие случаи, когда детей, больных инфекционными болезнями, помещали вместе со здоровыми. Кроме кори большое распространение получили чесотка и конъюнктивит⁵⁷. Респонденты, как правило, во время интервью не могут указать названия болезней, но непременно отмечают, что *«дети там часто болели, потому наши [жители села] эти сады не жаловали»⁵⁸*. В результате часто женщины были вынуждены брать малолетних детей с собой в поле или на ферму. Трактористка Т.Г. Марьина в кабине трактора возила малолетнюю дочь: *«Маленькая она была. Оставить было не с кем. Вот и ездила с ней на тракторе весь день, а когда мне в ночь уходить, то ее на бригаде оставляла, за дочкой поварихи приглядывали»⁵⁹*.

⁵² Интервью с Гребневой Е.Ф. 1934 г. р. Шелаболихинский р-н, с. Макарово, 09.07.2005 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2005.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Гаврилов Н.С. Алтай в годы Великой Отечественной войны. Барнаул, 1990. С. 234.

⁵⁵ Интервью с Ереминой М.В. 1935 г. р. Шелаболихинский р-н, с. Ново-Обинцево, 13.07.2005 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2005.

⁵⁶ Обердерфер Л.И. Проблемы труда и быта... С. 193.

⁵⁷ Там же. С. 195.

⁵⁸ Интервью с Еленой П.П. 1932 г. р. Шелаболихинский р-н, с. Ново-Обинцево, 09.07.2005 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2005.

⁵⁹ Интервью с Марьиной Т.Г. 1921 г. р. Тогульский район, с. Тогул, 11.07.2006 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2006.

Не редки воспоминания информантов о том, как малолетние дети помогали матерям в работе на производстве. В Алтайском крае в некоторых районах большинство жителей во время Великой Отечественной войны были заняты на лесозаготовке и лесосплаве, но особой роли в этой сфере хозяйственной жизни дети не играли. Так, в Шелаболихинском районе был выявлен лишь единичный случай участия ребенка 5 лет на сплаве, и то лишь потому, что *«в сплаве вся семья была»*⁶⁰. Нина Ивановна Пройдакова о себе вспоминала, что работала на «побегушках». Особенно такая помощь была распространена в животноводстве. В частности, Р.А. Щербакова рассказывала, как они *«с сестрой на ферме помогали [матери] план перевыполнять, много нас там таких было. Кто воды натаскает, кто назем уберет. Гляди и телята все целы [в военное время надеж скота рассматривали как вредительство]»*⁶¹.

В начале Великой Отечественной войны намеченная XVIII съездом партии программа введения семилетнего всеобщего и развития общего среднего образования в стране была прервана. Система образования выдержала в годы войны суровые испытания. Как пишет М.Ф. Щербинин, численность учительских кадров сократилась на одну треть, многие дети лишились возможности учиться⁶². Школа как организация не могла решать проблемы и помогать населению, этим непосредственно занимались учителя. Наиболее важная роль на селе отводилась именно учителям. Социальное положение и особенность профессии учителя дают возможность почерпнуть информацию об экономическом и политическом состоянии деревни во время войны. Учитель, будучи образованным, коммуникабельным, интеллигентным человеком был идеалом не только для своих учеников, но и для их родителей: *«учитель на селе всегда был нужным и уважаемым человеком»*⁶³.

Осложнялось снабжение школ учебниками и письменными принадлежностями. Так, по воспоминаниям респондентов, в школах от-

⁶⁰ Интервью с Пройдаковой Н.И. 1936 г. р. Шелаболихинский р-н, с. Иня, 02.07.2005 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2005.

⁶¹ Интервью с Щербаковой Р.А. 1934 г. р. Тогульский район, с. Ново-Иушино, 13.07.2006 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2006.

⁶² М.Ф. Щербинин Сельская школа Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Культурное развитие советской сибирской деревни. Новосибирск, 1980. С. 92.

⁶³ Интервью с Мамонтовой Е.Т. 1919 г. р. Тогульский район, с. Тогул, 06.07.2006 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2006.

существовали не только писчая бумага, но и чернила. Е.Т. Мамонтова вспоминала, что ученики писали на газетной бумаге, а вместо чернил использовали раствор сажки или марганца. *«Писали на лоскутиках, чернила делали из ягоды крушины, как черемуха; идем в забок⁶⁴, нарвем. Наколякаешь на этом листочке и сам не поймешь. Потом тетради появились»⁶⁵; «писали на газетках, брошюрках. Деревянная ручка, в нее вставлялось перышко; деревянный стол»⁶⁶; «на газетках, на книгах писали. Чернила делали сами; растирали ягоду крушину (черная), перышками писали. Зимой рано темнеет, лампы засветят...»⁶⁷. По некоторым воспоминаниям, температурный режим в школе в зимнее время был неприемлем для обучения. Не только дети, но и учителя находились в помещении школы в верхней одежде. В связи с этим в здании школы не оставляли чернила на ночь, так как они замерзали.*

Возможность учиться была не у всех. Многие информанты свидетельствуют, что в школу в период войны не ходили и даже не гуляли на улице зимой, потому что не было теплой одежды, а первая военная зима 1941–1942 гг. была очень холодной: *«Вообще не ходили в школу, не в чем было»⁶⁸. Кроме того, дети, проживающие не в райцентре, были вынуждены ездить туда, чтобы учиться в основной школе. Так, Н.В. Симкина вспоминает: «4 класса закончила [учиться в школе], потом не было денег ездить в поспелихинскую школу»⁶⁹.*

Положение осложнялось тем, что с первых месяцев войны значительная часть учебных заведений была передана в военные и другие ведомства страны. В них размещались детские дома, артшколы и госпитали. Например, в с. Тогул Тогульского района Алтайского края размещались две эвакуированные артшколы из Ленинграда, поэтому занятия в школе из-за недостатка учебных помещений прихо-

⁶⁴ Забока – лесок вдоль берега реки.

⁶⁵ Интервью с Беловым П.Ф. 1932 г. р. Пospелихинский р-н, п. им. Мамонтова, 19.07.2008 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2008.

⁶⁶ Интервью с Квашниной И.И. 1936 г. р. Пospелихинский р-н, п. Пospелихинский, 20.07.2008 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2008.

⁶⁷ Интервью с Корж Р.А. 1933 г. р. Пospелихинский р-н, п. Пospелихинский, 21.07.2008 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2008.

⁶⁸ Интервью с Сердюченко М.Я. 1934 г. р. Пospелихинский р-н, п. им. Мамонтова, 12.07.2008 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2008.

⁶⁹ Интервью с Симкиной Н.В. 1929 г. р. Пospелихинский р-н, п. Пospелихинский, 10.07.2008 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2008.

дилось проводить «в три смены в двухэтажном здании»⁷⁰. Чаще всего школа была деревянная. Учебный процесс, по словам респондентов, начинался всегда с 1 сентября, даже в военное время⁷¹. *«Изучали то же самое [что и сейчас]: русский, арифметика, все такие же предметы изучали, только что сейчас это сильно сложно. География в старших классах, немецкий язык. В школе был один учитель, вел все предметы»*⁷².

Несмотря на все трудности в школе проходили воспитательные мероприятия. П.Ф. Белов вспоминает: *«...школа была большая, окна выходили на солнце. Все мероприятия там проходили, все участвовали. Это было большим событием в жизни села. Самодеятельность была: кто спляшет, кто споет, а кто и стихи рассказывает»*⁷³.

По данным М.Ф. Щербинина, в этих условиях местные органы власти активизировали работу педагогических коллективов, общественности на преодоление сложившихся трудностей. Создавались штабы всеобуча, проводились воскресники и месячники помощи школе. В сельской местности работали комиссии содействия нуждающимся школьникам. Они выясняли причины неявки учеников на занятия и принимали меры к возвращению их в школу: *«В школу ходил с сентября до ноября, не в чем было. Учитель придет, скажет: “хоть что-нибудь одевай, да айда учиться, айда учиться...” И так до морозов, пока тепло было – ходили»*⁷⁴. Помощь в первую очередь получали дети фронтовиков. Необходимые вещи приобретались на средства фонда всеобуча⁷⁵. Устные источники факта государственной помощи учащимся не подтверждают. Единственным воспоминанием респондентов является пропагандистская деятельность учителей, которые освещали события на фронте и разъясняли поставленные правительством задачи, а также *«читали вслух “Молодую гвардию”*

⁷⁰ Интервью с Мамонтовой Е.Т. 1919 г. р. Тогульский район, с. Тогул, 06.07.2006 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2006.

⁷¹ Интервью с Беловым П.Ф. 1932 г. р. Поспелихинский р-н, п. им. Мамонтова, 19.07.2008 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2008.

⁷² Интервью с Пожидаевой М.П. 1931 г. р. Поспелихинский р-н, п. им. Мамонтова, 19.07.2008 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2008.

⁷³ Интервью с Беловым П.Ф. 1932 г. р. Поспелихинский р-н, п. им. Мамонтова, 19.07.2008 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2008.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ М.Ф. Щербинин. Сельская школа Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Культурное развитие советской сибирской деревни. Новосибирск, 1980. С. 116.

А. Фадеева на комсомольско-партийных собраниях. Очень популярностью пользовалась»⁷⁶.

Таким образом, воспоминания детей о военном времени существенно дополняют историческую информацию, содержащуюся в официальных источниках и опубликованных мемуарах. Устный исторический источник, на наш взгляд, ценен прежде всего с точки зрения его субъективности, эмоциональности и непосредственности. Рассмотрение Великой Отечественной войны в рамках устной истории, по нашему мнению, способствует появлению нового комплекса воспоминаний, ценность которых заключается в том, что именно в них присутствует описание бытовых особенностей условий жизни, санитарии и быта, системы питания. Воспоминаний о таких сторонах быта, на которые взрослые не обращали внимания в силу их обыденности. Весь комплекс устно-исторических воспоминаний показывает, что воспоминания о военном детстве сыграли весомую роль в формировании личностей жителей деревень Алтайского края, переживших Великую Отечественную войну в детском возрасте.

⁷⁶ Интервью с Мамонтовой Е.Т. 1919 г. р. Тогульский район, с. Тогул, 06.07.2006 // АЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ – 2006.

А.В. Голубев

ДЕТСКАЯ ПАМЯТЬ О ФИНСКОЙ ОККУПАЦИИ КАРЕЛИИ КАК ПРОСТРАНСТВО БОРЬБЫ ЗА ИСТОРИЮ

В последние годы тема финской оккупации Карелии в 1941–1944 гг. стала предметом все большего внимания историков, в том числе начинающих. Так, различные аспекты финского оккупационного режима изучаются студентами исторического факультета Петрозаводского государственного университета в курсовых и дипломных работах. В связи с малочисленностью документальных источников многие студенты обращаются к воспоминаниям людей, переживших финскую оккупацию Карелии. Это, как правило, приводит их в Карельский союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей – организацию, созданную в 1989 г. и объединившую людей, которые в годы финской оккупации Карелии еще детьми оказались вместе с родителями в финских концентрационных (переселенческих) лагерях. Руководство Союза охотно идет навстречу студентам и предоставляет им телефоны и другие данные бывших малолетних узников финских лагерей. Однако визиты в офис Союза или к представителям других организаций, представляющих интересы бывших малолетних заключенных финских концлагерей, неизменно заканчиваются тем, что со студентов берут обещание «не писать о том, что финны кормили местное население конфетками».

Сама формулировка данной фразы – ее фактически слово в слово повторили несколько моих студентов – очень симптоматична, по-

скольку она основывается на двух логических предпосылках. Во-первых, руководство Союза бывших малолетних узников (далее – Союз БМУ) считает, что оно вправе навязывать исследователям (пусть и молодым) смысловые рамки, которых они должны придерживаться при изучении финской оккупации Карелии. Во-вторых, оно опасается, что в противном случае студенты изобразят финскую оккупацию «неправильно», приукрашивая финский оккупационный режим и не рассказывая о его негативных сторонах. В этом смысле студенты – лишь небольшая часть целевой аудитории, к которой обращается в своей деятельности Союз БМУ. Публикация книг и статей в региональной прессе, участие в телевизионных передачах, выступления перед школьниками и на специально организованных мероприятиях – вот те области, в которых руководство Союза активно высказывает свою позицию, конструируя на основе детских воспоминаний своих членов социальную память о финской оккупации Карелии.

Причины активной деятельности Союза заключаются в тех особенностях, которые характеризовали память о финской оккупации Карелии после 1944 г. – года освобождения республики от финских войск. Вплоть до конца 1980-х гг. эта память была не просто невостребованной – ее фактически не существовало на уровне социальной памяти. Исторические исследования финской оккупации ограничивались изучением деятельности партизан и подпольщиков на оккупированных территориях Карелии, в то время как жизнь мирного населения оставалась за рамками исследования. Это было вызвано тем, что любое, даже самое поверхностное изучение этой темы обнажило бы такие факты взаимодействия мирного населения и оккупационных сил, которые разрушили бы картину единодушного сопротивления советских людей захватчикам и оккупантам, создававшуюся советской идеологией.

В этом отношении весьма показателен эпизод из повести Д. Гусарова «За чертой милосердия», когда восемнадцатилетний партизан, посланный на разведку в родную деревню, сочинил историю, как он задушил родную сестру за то, что та гуляла с финским солдатом. В самом партизанском отряде этот выдуманный случай сделал его героем, и на его основе офицер, ответственный за политработу, подготовил лекцию «Нет пощады предателям»¹. Здесь показательна не столько реакция персонажа, сколько позиция автора: он не осуждает, а, скорее, симпатизирует своему герою, который хотел совершить

¹ Гусаров Д. За чертой милосердия. Петрозаводск, 1977. С. 20–23.

«геройский» поступок – пусть этим поступком и стало вымышленное убийство собственной сестры. Учитывая подобные настроения в советском обществе, неудивительно, что люди, жившие в 1941–1944 гг. на оккупированных финнами территориях, предпочитали молчать о своем опыте военного времени. Лишь во второй половине 1980-х гг. негласная установка на молчание о жизни под финской оккупацией была снята, и память об этих событиях начала социализироваться.

Социализация памяти о финской оккупации – а это, в первую очередь, детская память о пребывании в финских лагерях, так как представители более старших поколений, как правило, к концу 1980-х гг. уже умерли – с самого начала происходила в условиях, не способствующих объективному и взвешенному диалогу между ветеранами и обществом. Даже в самой Финляндии оккупация советской Карелии как исторический феномен вызывает многочисленные споры: большая часть финских историков стремится разделить финский и немецкий оккупационные режимы, показать более гуманный характер «своего» режима², в то время как отдельные исследователи, наоборот, стремятся уравнивать их³. Либерализация общественной жизни в СССР в конце 1980-х гг. не только дала бывшим заключенным финских концлагерей возможность, наконец, рассказать о своем прошлом – она также привела к проникновению обеих точек зрения в отечественную историческую науку⁴. Поскольку официальной позицией

² Самым фундаментальным исследованием, написанным с данных позиций, является последний том шеститомного исследования по истории войны Финляндии и СССР в 1941–1944 гг. (в финской историографии она рассматривается как отдельная война, так называемая «война-продолжение», *jatkosota*): Suomen sota 1941–1945 / Toim. Puolustusvoimien pääesikunnan sotahistoriallinen toimisto. 6.osa. – Helsinki, 1956.

³ Напр., Seppälä H. Suomi miehittäjänä 1941–1944. Helsinki, 1989. 173 s.

⁴ Монография Хельге Сеппяля переведена на русский язык: Сеппяля Х. Финляндия как оккупант / пер. с фин. // Север. 1995. № 4–5. С. 96–113; № 6. С. 108–128, как и ряд трудов одного из наиболее последовательных сторонников «фашистского» характера финской оккупации Йохана Бэкмана, напр.: Бэкман Й. Фашистская оккупация Советской Карелии в 1941–1944 гг. в финской литературе 1970–2000 гг. // Север. 2005. № 7–8. С. 112–119. Наиболее фундаментальное исследование финской оккупации Карелии Suur-Suomen kahdet kasvot (Helsinki, 1982), принадлежащее перу финского историка Антти Лайне, который не придерживается ни той, ни другой позиции, на русском языке так и не было опубликовано. Однако, несмотря на одностороннюю публикацию материалов, споры вокруг характера финской оккупации перенеслись в отечественную историче-

Финляндии остается характеристика финского оккупационного режима как гуманного (особенно в сравнении с немецким), это напрямую сказывается на социально-правовом статусе людей, которые часть своего детства провели в финских лагерях.

Так, бывшие малолетние заключенные финских лагерей не получают компенсаций от немецкого фонда «Память, ответственность, будущее», положенных бывшим узникам германских концлагерей, поскольку территория Карелии была оккупирована не Германией, а Финляндией. Обращение к президенту Финляндии Т. Халонен в 2004 г. с просьбой установить аналогичные выплаты людям, содержавшимся во время войны в финских концлагерях, также встретило отказ на основании отсутствия подобных требований в советско-финляндском мирном договоре 1947 г.⁵ Более того, тот факт, что Карелия была оккупирована Финляндией, а не Германией, стал основанием для снятия ряда ветеранских льгот уже местными карельскими инстанциями, возвращение которых потребовало долгих и болезненных судебных разбирательств⁶.

В данных условиях неудивительно, что руководство Союза пользуется своеобразной монополией на информацию о повседневной жизни под финской оккупацией, чтобы сформировать негативный образ финского оккупационного режима и тем самым обосновать свое право на получение компенсаций за пребывание в финских концлагерях. Монополия на информацию здесь является не метафорой, а вполне реальной характеристикой сложившейся ситуации: практически все документальные материалы были созданы финской стороной и, соответственно, находятся в архивах Хельсинки (не говоря уже о том, что написаны на финском языке), и это значительно затрудняет доступ к ним. Советские документальные материалы были собраны уже после освобождения Карелии специально созданной комиссией и даже с натяжкой не могут быть названы объективными⁷.

скую науку – и вслед за ней в общество – вследствие хорошего знакомства карельских историков с финскоязычной историографией.

⁵ Переписка Карельского союза бывших малолетних узников и администрации президента Финляндии Т. Халонен опубли. он-лайн: URL: <http://www.-autistici.org/deti-uzniki/pisma.html> (дата обращения: 04.03.2009).

⁶ Кузнецов С. Узники бюрократизма // Аргументы и факты. Карелия. 2006. № 43 (25 окт.). С. 1–2.

⁷ Эти материалы были опубликованы в отдельной книге, само название которой является характерным: Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-финской ССР: сб. док. и материалов / под ред.

Пользуясь данной ситуацией, руководство Союза БМУ социализирует детские воспоминания о финской оккупации таким образом, чтобы сформировать в карельском обществе ее устойчивую негативную характеристику. Детские воспоминания, публикуемые в данном контексте, – это воспоминания о голоде, антисанитарии, издевательствах лагерной охраны, расстрелах и избиениях и т.д.⁸ Некоторые эпизоды, представленные в воспоминаниях, вызывают серьезные сомнения в достоверности – например, о том, что заболевших тифом людей сжигали в печах⁹, что детей травили собаками¹⁰, или о забитых до смерти детях¹¹ и медицинских экспериментах над заключенными (в том числе детьми)¹². Здесь явно присутствует более поздняя интерференция с информацией о немецких концлагерях¹³. Впрочем, даже если не рассматривать подобные крайности, картина жизни в финских концлагерях по данным воспоминаниям бывших малолетних заключенных концлагерей представляется едва ли не более жестокой, чем в немецких.

Однако существует и иной пласт детских воспоминаний о финской оккупации Карелии. Во-первых, это воспоминания представителей этнически родственных финнам национальностей – карелов и вепсов. Особенностью финской политики на оккупированных территориях являлось разделение местного населения на привиле-

С. Сулимина и др. Петрозаводск, 1945. 304 с. Еще в советской историографии эта книга была фактически выведена из научного оборота.

⁸ Помимо многочисленных журнальных и газетных публикаций к настоящему времени в свет вышло как минимум четыре книги, составителями и редакторами которых являются члены Союза бывших малолетних узников или представители аналогичных организаций: Судьба: сб. воспоминаний бывш. малолет. узников фашист. лагерей / под ред. И.А. Костина. Петрозаводск, 1999; Лукьянов В.С. Трагическое Заонежье. Петрозаводск, 2004; Плененное детство: сб. воспоминаний бывш. малолет. узников / под ред. И.А. Костина и К.А. Нюппиева. Петрозаводск, 2005; Денисевич Н.И. В финском концлагере: воспоминания и размышления. Мн., 2007.

⁹ Денисевич Н.И. Указ. соч. С. 137.

¹⁰ Лукьянов В.С. Указ. соч. С. 64.

¹¹ Плененное детство... С. 12–13.

¹² Там же. С. 72.

¹³ Данная информация не подтверждается ни в научных исследованиях о финском оккупационном режиме, ни в иных письменных и устных источниках, за исключением процитированных рассказов. Более того, в некоторых из этих рассказов (см. сноски выше) информация о преступлениях финнов подается с оговорками («говорили», «ходили слухи» и пр.).

гированную группу, в которую вошли финно-угорские народы Карелии («родственное» (*kansallinen*) население в терминологии финского руководства), и непривилегированную группу, включавшую всех остальных. Политика финляндского руководства по отношению к первой группе характеризовалась предоставлением больших привилегий и автономии, чем в случае с русским населением Карелии¹⁴.

Как следствие, детские воспоминания о финской оккупации, записанные у карелов и вепсов, изображают финский режим совершенно иначе, чем воспоминания, публикуемые в изданиях Союза БМУ. Очевидно, этот пласт памяти и имели в виду представители Союза бывших малолетних узников, когда просили студентов не писать о том, что «финны кормили местное население конфетками». О том, что эти воспоминания фактически вытеснены из социальной памяти современного карельского общества, говорит тот факт, что до последнего времени не было попыток документально зафиксировать воспоминания карелов или вепсов, живших под финским оккупационным режимом¹⁵. Лейтмотивом подобных детских воспоминаний может служить высказывание одной женщины-вепки, зафиксированное во взятом автором интервью: «У финнов... мы были сытые... Я была и обутая, и одетая... [После восстановления советской власти] ничего не было – голая, босая»¹⁶.

Более того, даже воспоминания русских жителей Карелии, которые прожили финскую оккупацию, представляют совсем другую картину оккупационного режима, если они записываются вне связи с деятельностью Союза БМУ. В этом, в частности, имел возможность убедиться автор данного исследования во время сбора воспоминаний (в основном, как раз детских) о финской оккупации Карелии. Разумеется, в них присутствует и голод, и необходимость тяжелого физического труда, и физические наказания, однако в совокупности не возникает картины жестокой политики на грани геноцида¹⁷. Вот диапа-

¹⁴ Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Helsinki, 1982. S. 105.

¹⁵ Первая такая попытка принадлежит автору и его коллеге А.Ю. Осипову в работе: Устная история в Карелии: сб. науч. ст. и источн. / под ред. А.В. Голубева, А.Ю. Осипова. Петрозаводск, 2007. Вып. 3. Финская оккупация Карелии, где опубликовано восемь интервью с представителями «родственных» финнам национальностей.

¹⁶ Интервью автора с Т.И. Максимовой, 1930 г. р. // Устная история в Карелии... Вып. 3... С. 81.

¹⁷ Интервью с русскими жителями Карелии, жившими под финской оккупацией, опубликованы в сборнике: Устная история в Карелии.... Вып. 3... С. 121–206.

зон мнений, представленных нашими русскими респондентами: «Финны-то вроде относились неплохо, как вот говорят те, кто у немцев был...»¹⁸; «Финны нам худого не делали»¹⁹; «Радует то, что они не издевались так, как немцы. Финны все-таки были добрыми»²⁰; «[Финны] никого не притесняли, питанием обеспечивали, пусть не очень сытно, но все равно...»²¹ и другие²².

Приведенные выше свидетельства не столько противоречат, сколько дополняют воспоминания, опубликованные в изданиях Союза БМУ. Несомненно, что финский оккупационный режим проявлялся по-разному в различных ситуациях, тем более что политика финских властей, хотя и не подразумевала физическое истребление русского населения, была все-таки направлена на этническую чистку карельских территорий²³. Очень многое зависело и от личности отдельных финнов, оказавшихся на руководящих постах в различных должностях финской военной администрации. Сейчас на основе исследований российских и финских историков и обращения к различным комплексам документов и групп воспоминаний отечественная историография могла бы предложить обществу вполне объективную (или, по крайней мере, плюралистическую) историю финской оккупации Карелии. Однако этого не происходит, и не в последнюю очередь из-за того, что руководство Союза БМУ заняло непримиримую позицию по отношению к тем взглядам на финскую оккупацию Карелии, которые не совпадают с его собственными.

Эта непримиримая позиция, в частности, ярко проявилась в связи с публикацией в местной региональной газете «Северный курьер» статьи, в которой автор, известный в Карелии журналист, высказывал вполне обоснованные сомнения в достоверности ряда (далеко не всех) воспоминаний, опубликованных Союзом БМУ²⁴. Автор статьи

¹⁸ Интервью с А.А. Кочановой, 1929 г. р. // Там же. С. 133.

¹⁹ Интервью с Т.А. Рогозиной, 1932 г. р. // Там же. С. 136.

²⁰ Интервью с К.И. Осиповой, 1935 г. р. // Там же. С. 149.

²¹ Интервью с Р.Л. Агаповой, 1937 г. р. // Там же. С. 158.

²² Диапазон мнений составлен на основе сплошной выборки из интервью, опубликованных в: Устная история в Карелии.... Вып. 3... Сами интервью также не проходили никакого предварительного отбора перед публикацией – в сборнике были опубликованы все имеющиеся у составителей интервью. Наконец, не было никакого предварительного отбора и респондентов в связи с многочисленностью оставшихся в живых свидетелей оккупации.

²³ Laine A. *Op. cit.* S. 484–490.

²⁴ Машин В. Тяжелый плен воспоминаний // Северный курьер. 2005. 27 янв.

подверг критике такие очевидно сконструированные свидетельства, как «сотни ежедневно вывозимых трупов» (что за два с половиной года означало бы как минимум 90 тыс. смертей – при общем количестве заключенных финских концлагерей в три раза меньше этой цифры), намеренное истребление заключенных, массовые издевательства и пр., однако при этом он признал как само собой очевидное то, что оккупация Карелии была очень тяжелым испытанием для ее населения и повлекла за собой ненужные смерти и страдания. Но даже такая умеренная позиция не спасла автора от обвинений в беспринципности и «заказном характере» статьи со стороны все того же руководства Союза БМУ²⁵.

В ряде случаев бывшие малолетние узники финских концлагерей сами предпринимали попытки писать фактологический нарратив о финской оккупации Карелии. Однако, объявляя своей целью объективное изложение событий финской оккупации Карелии, они, тем не менее, придерживаются все того же жестко заданного антифинляндского дискурса, игнорируя исследовательскую литературу и источники, где высказывается альтернативная или более широкая позиция. Так, Н.И. Денисевич, рассуждая о событиях, приведших к финской оккупации Карелии, обвиняет финскую сторону в разжигании Зимней войны 1939–1940 гг.²⁶, в то время как В. Михайлов в заметке, жанр которой он охарактеризовал как «историческое расследование», явным образом экстраполирует отдельные, самые тяжелые эпизоды лагерной жизни на весь финский оккупационный режим²⁷.

Все это показывает, что детские воспоминания о финской оккупации в современном карельском обществе стали ареной борьбы за память и за историю. При этом в современном информационном пространстве Республики Карелия доминирует именно крайняя точка зрения о «фашистском» характере финской оккупации, выраженная в изданиях Союза БМУ, о чем, в частности, свидетельствуют научные работы. Это заметно не только на примере студенческих курсовых работ, которые настолько подробно воспроизводят нарратив, сформированный публикациями Союза бывших малолетних узников, что являются прекрасной иллюстрацией современных постмодернистских взглядов на неспособность автора творить самостоятельный исторический

²⁵ Плененное детство... С. 101–105; Нас жарили в бане и травили известью // Курьер Карелии. 2005. 12 февр.

²⁶ Денисевич Н.И. Указ. соч. С. 45.

²⁷ Плененное детство... С. 35–38.

текст, но и на примере научных статей вполне серьезных ученых²⁸. В последней работе, например, «память поколения, пережившего оккупацию в Карелии», – это исключительно детские воспоминания о жизни в финских концлагерях из сборников, опубликованных Союзом БМУ, в то время как все другие пласты детской памяти о войне оказываются исключенными из предмета анализа, словно их не существует вообще.

Сложившаяся ситуация позволяет утверждать, что детская память о жизни в финских концлагерях в ее «редакции» Союза БМУ претендует на заполнение всей исторической памяти о финской оккупации Карелии, а также на роль основного источника в построении научных нарративов об оккупации. Важным фактором здесь становится моральная аргументация, поскольку любое обращение к теме финской оккупации неизбежно приводит к моральной оценке режима, установленного Финляндией на оккупированных карельских территориях. В этом отношении позиция руководства Союза БМУ заключается в том, что преступления финского режима, зафиксированные в памяти бывших малолетних заключенных финских концлагерей, являются достаточным основанием для его характеристики как «фашистского» режима. Вопросы, насколько широко эти преступления были распространены или существовали ли они в отношении других групп населения оккупированных территорий, не принимаются в расчет. Попытки дать иную оценку финскому режиму рассматриваются как «ревизионизм».

Как следствие, сложность обращения к детским воспоминаниям о финской оккупации Карелии как к историческому источнику заключается в том, что позиция бывших малолетних заключенных финских концлагерей, односторонняя и во многом противоречивая, имеет особый моральный вес в силу эффекта личного присутствия (аргументация, строящаяся по модели «Я там был, а вы – нет»). Это, с одной стороны, делает возможным спор между научным подходом к изучению финской оккупации и ее социальным конструированием в обществе (из-за неизбежности оценки финского оккупационного режима) – и это же ставит научный подход, претендующий на объективность, в уязвимое положение именно в силу претензий Союза БМУ на исключительность своей версии финской оккупации, которая

²⁸ Юсупова Л.Н. Военное детство в памяти поколения, пережившего оккупацию в Карелии // Военно-историч. антропология: ежегодн., 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 345–351.

основывается на моральном праве свидетеля и жертвы оккупационного режима. С другой стороны, заявленная руководством Союза БМУ крайняя позиция исключает из социальной памяти те детские воспоминания о финской оккупации Карелии, которые можно определить как «альтернативные» – воспоминания карелов и вепсов, а также воспоминания тех русских жителей Карелии, которые не свидетельствуют о преступлениях финского оккупационного режима. Здесь также используется моральное право жертвы на исключительную роль в репрезентации и конструировании своего прошлого, что приводит к вытеснению из социальной памяти альтернативных пластов детской памяти о финской оккупации Карелии.

Г.Г. Гринченко

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В УСТНЫХ ИСТОРИЯХ БЫВШИХ ДЕТЕЙ-ОСТАРБАЙТЕРОВ

Гигантская программа использования принудительного труда иностранцев, реализованная в нацистской Германии, последние 25 лет является одной из центральных тем изучения истории Второй мировой войны и памяти о ней. Причиной тому послужил целый ряд факторов, в том числе последующее спустя полвека по окончании войны урегулирование вопроса компенсационных выплат этой категории жертв нацистских преследований и вызванная им широкая общественно-политическая дискуссия. Современная историография проблемы использования в нацистской экономике принудительного труда насчитывает сотни авторских и коллективных монографий, сборников, статей¹. В них осуществлен комплексный анализ нацистской системы привлечения к труду военнопленных и гражданских рабочих всех оккупированных европейских стран, а также оккупированных территорий Советского Союза в целом и его союзных республик, в частности; исследована специфика использования принудительного труда в отдельных регионах и отраслях нацистской экономики; изучены особенности труда и быта принудительных рабочих, в том числе детей польских и советских остарбайтеров. С начала

© Гринченко Г.Г., 2010

¹ Обширную (1601 наименование) и детально систематизированную библиографию принудительного труда см.: URL: <http://www.bundesarchiv.de/zwangsarbeit/literatur/Bibliographie-Zwangsarbeit/index.htm> (дата обращения: 25.05.2009).

2000-х гг. предметом научного анализа стала также проблема ответственности и истории урегулирования материальных претензий жертв нацизма, в том числе проблема компенсационных выплат бывшим принудительным рабочим.

Значительное место в литературе, посвященной теме принудительного труда в нацистской Германии периода Второй мировой войны, принадлежит публикациям мемуарного характера. На постсоветском пространстве с начала 1990-х гг. воспоминания бывших оstarбайтеров, в том числе тех, кто был принудительно вывезен в Германию в детском возрасте, печатаются как на страницах газет и журналов, так и в рамках отдельных сборников, научных и научно-популярных изданий. Эти воспоминания публикуются как по личной инициативе бывших оstarбайтеров, так и в рамках просветительских, образовательных и научно-исследовательских проектов различных общественных и государственных фондов, институтов и организаций, инициатирующих и осуществляющих сбор письменных и устных свидетельств бывших принудительных рабочих². В свою очередь, опубликованные воспоминания и записанные устные истории в последнее время также становятся предметом научного анализа, прежде всего – изучения субъективного измерения опыта пребывания на принудительных работах в Третьем рейхе, в том числе и детского³.

² См., напр., библиографию мемуарной литературы бывших оstarбайтеров: Вибрана бібліографія // Спогади-терни. Про моє життя німецьке...: Спогади про перебування на примусових роботах у нацистській Німеччині / гол. ред., вступ. ст. Г.Г. Грінченко; упоряд., коментар І. Є Реброва. Харків, 2008. С. 444–447.

³ См., напр., статьи, опубл. в сб.: *Hitlers Sklaven: Lebensgeschichtliche Analysen zur Zwangsarbeit im internationalen Vergleich* / Herausgegeben von Alexander von Plato, Almut Leh und Christoph Thonfeld unter Mitarbeit von Elena Danchenko, Joachim Riegel und Henriette Schlesinger. Wien-Köln-Weimar: Böhlau Verlag, 2008.

А также: Грінченко Г.Г. Устная история оstarбайтеров: реконструкция события или смысла? // Література та культура Полісся. Ніжин, 2002. Вип. 20. С. 215–219; Ее же. Особенности реконструкции прошлого в устных свидетельствах бывших оstarбайтеров // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / НАН України. Ін-т історії України. К., 2004. Вип. 8. Ч. I. С. 52–58; Ее же. Текстуальний аналіз усно-історичного свідчення (на прикладі усних інтерв'ю з колишніми оstarбайтерами Харківської області) // Схід – Захід: Історико-культурологічний збірник. Вип. VI. Харків; К., 2004. С. 151–171; Ее же. «Устные истории» и проблемы их интерпретации (на примере устных интервью с бывшими оstarбайтерами Харьковской области) // Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии: сб. ст. Челябинск, 2004. С. 215–227; Ее же. Память о принудительном труде в нацистской Германии: опыт реконст-

В рамках данной статьи будут проанализированы два рассказа о детских годах, проведенных в Германии, записанных нами в ходе реализации проекта немецкого фонда «Память, ответственность и будущее», нацеленного на сбор устных свидетельств людей, привлекавшихся в годы войны к рабскому и принудительному труду на территории Третьего рейха⁴. В этом проекте принимали участие исследовательские группы из 27 стран, в том числе США, ЮАР и Израиля. Согласно рекомендациям организаторов проекта исследователи проводили полуоткрытые нарративные автобиографические интервью, построенные по принципу последовательного чередования первой – открытой, второй – объясняющей и третьей, содержащей открытые вопросы, фазы⁵. Украину в проекте представляли две организации: Центр образовательных инициатив (г. Львов) и Восточный институт украиноведения им. Ковальских (г. Харьков) в сотрудничестве с отделом истории Украины периода Второй мировой войны Института истории Украины НАН

рукции // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 352–364; Ее же. «Східний робітник» у нацистській Німеччині – усна історія примусового досвіду // Вісник Харківського національного університету. 2006. Серія «Історія України. Українознавство: історичні та філософські науки». Вип. 8. № 715. С. 98–107; Ее же. Усні свідчення колишніх оstarбайтерів: спроба аналізу // Україна модерна. Число 11. К.; Львів, 2007. С. 111–126; Ее же. Принудительный труд в Третьем рейхе: устные свидетельства очевидцев // Наукові записки з української історії: Збірник наукових статей. Вип. 19. Тернопіль, 2007. С. 481–488; Eadem. Ostarbeiters del Tercer Reich: recordar y olvidar como estrategias de supervivencia // Historia, Antropología y Fuentes Orales. № 35 «Utopía y Contrautopía». 2006. P. 123–137; Eadem. The Shaping of Remembrance: Individual, Group and Collective Patterns of Memory of former Ukrainian Ostarbeiters // Beyond Camps and Forced Labour. Current International Research on Survivors of Nazi Persecution. / Ed. by Johannes-Dieter Steinert and Inge Weber Newth. Osnabrueck: Secolo Verlag, 2008. P. 496–504; Eadem. Zwangsarbeit im nationalsozialistischen Deutschland im Kontext des lebensgeschichtlichen Interviews einer ehemaligen ukrainischen Ostarbeiterin // Julia Obertreis/Anke Stephan (Hg.): Erinnerungen nach der Wende: Oral History und (post)sozialistische Gesellschaften / Remembering After the Fall of Communism: Oral History and (Post-)Socialist Societies. Essen: Klartext Verlag, 2009. P. 133–150.

⁴ Подр. об этой инициативе см.: Alexander von Plato, Almut Leh und Christoph Thonfeld. Einleitung der Herausgeber // Hitlers Sklaven: Lebensgeschichtliche Analysen zur Zwangsarbeit... S. 9–24.

⁵ Подр. об этой схеме проведения интервью см.: G. Rosenthal. Biographical method – biographical research // S. Clive, G. Gobo, J. F. Gubrium, and D. Silverman (eds.). Qualitative Research Practice. L.: SAGE Publications, 2004. P. 48–64.

Украины. Наша группа⁶ проводила интервью в Центральной, Восточной и частично Южной Украине, не включая полуостров Крым. Половину интервью мы записали в городах (как крупных, так и небольших), половину – в районных центрах, деревнях и селах. Из 40 записанных нами интервью 23 было дано женщинами, 17 – мужчинами. Средний возраст опрошенных на момент проведения интервью составлял 82–84 года, большинство из них родились в 1924, 1925, 1926 гг. и попали в наиболее массово вывозимую группу принудительных рабочих. Нами также записано одно интервью с бывшей оstarбайтеркой 1914 г. р. и три интервью с теми, кому на момент принудительной депортации было менее 12 лет: 1933, 1936 и 1937 гг. р. соответственно. Для анализа в рамках данной статьи мы выбрали два интервью: с Александрой Горовой, 1936 г. р., и Евгением Рудневым, 1937 г. р., русскоговорящими, в настоящий момент проживающими в Киеве. Первое интервью записано на видео-, второе – на аудиопленку. Их общая продолжительность в первом случае составляет два часа тридцать минут, во втором – три часа десять минут. Подготовка и запись интервью осуществлялись научным сотрудником отдела истории Украины периода Второй мировой войны Института истории Украины НАН Украины Татьяной Пастушенко.

Наш исследовательский подход к анализу устных историй предполагает изучение интервью как нарратива и основывается на следующих положениях. Во-первых, на особенностях устно-исторического повествования, а также на его жанровой и сюжетной специфике, изложенных в работах А. Портелли⁷; во-вторых, на секвенциональном и реконструктивном подходах и методе анализа тематического поля интервью, разработанных Г. Розенталь⁸; а также

⁶ Восточного института украиноведения им. Ковальских (г. Харьков), руководитель рабочей группы – Г.Г. Гринченко, к.и.н., доц. каф. украиноведения филол. фак-та Харьковского национального ун-та им. В.Н. Каразина.

⁷ Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории / пер., сост., введение, общ. ред. М.В. Лоскутовой. СПб., 2003. С. 32–51; Portelli A. Oral History as Genre / Narrative and Genre. Ed. by M. Chamberlain and P. Thompson. L.; N. Y.: Routledge, 1998. P. 23–45.

⁸ Rosenthal. Biographical method – biographical research ... P. 48–64; G. Rosenthal. Reconstruction of Life Stories. // The Narrative Study of Lives. 1993. № 1 (1). P. 59–91; также в переводе на рус. яз.: Розенталь Г. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью // Хрестоматия по устной истории. С. 322–355. Использование данного метода при анализе устной истории украинской оstar-

на понимании устного интервью как конверсационного нарратива и его структурном анализе, предложенном в работах А. Грила⁹. Интегрирующим принципом, объединяющим названные подходы, является понимание нарратива как единственного способа придания значения действиям человека благодаря организации элементов существования индивида в определенное повествовательное целое. Кроме того, устный автобиографический нарратив рассматривается нами как результат вербализации воспоминаний автобиографического характера, в анализе которого нами будут учтены современные подходы, изложенные в исследованиях автобиографической памяти личности¹⁰.

В данной работе мы планируем остановиться на следующих вопросах. Во-первых, на выделении тематических приоритетов, анализе основных сюжетных линий и мотивов рассказов, а также на выяснении «места рассказчика», который может находиться как вовне, так и в середине рассказа, быть или не быть его персонажем. Помимо упомянутых выше подходов к анализу устноисторического интервью, в изучении данного вопроса мы ориентировались также на исследовательскую стратегию, предложенную в работе Т. Ворониной и И. Утехина, исходной посылкой которой является «внимание не только к тому, что рассказано, но и к тому, как, в каком контексте и почему

байтерки см.: Гринченко Г. Принудительный труд в нацистской Германии: историческая память и проблемы анализа биографических интервью // Вторая мировая война в памяти поколений: сб. науч. статей / под ред. И.В. Ребровой, Н.А. Чугунцовой. Краснодар, 2009. С. 9–41.

⁹ Ronald J. Grele. Oral history as evidence / Handbook of oral history / ed. by Thomas L. Charlton, Lois E. Myers, and Rebecca Sharpless; with the assistance of Leslie Roy Ballard. Lanham, MD: AltaMira Press, 2006. P. 43–104; Grele. R. Movement without aim: Methodological and theoretical problems in Oral History / Ronald J. Grele (Ed.) Envelopes of Sound: The Art of Oral History. N. Y.: Praeger, 1991. P. 136–137; Грил Р. Слушайте их голоса: два примера интерпретации устно-исторических интервью // Хрестоматия по устной истории. С. 296–321.

¹⁰ См., напр.: Hoerl C. Episodic Memory, Autobiographical Memory, Narrative: On Three Key Notions in Current Approaches to Memory Development // Philosophical Psychology. Vol. 20. № 5. Oct. 2007. P. 621–640; Curci A., Lanciano T. Features of Autobiographical Memory: Theoretical and Empirical Issues in the Measurement of Flashbulb Memory // The Journal of General Psychology. 2009. 136 (2). P. 129–150; Нуркова В.В. Автобиографическая память (структура, функции, механизмы): Дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.

именно так рассказано»¹¹. Во-вторых, в данной статье мы предполагаем выяснение места, которое занимают воспоминания о пребывании в Германии в автобиографическом нарративе рассказчиков в целом, а также значения, которое наши партнеры по интервью вкладывают в описываемые события, в том числе с точки зрения их влияния на последующую жизнь. Здесь нами будут учитываться нарративные усилия рассказчиков по созданию образа события и образа самого себя как участника данного события, а также общая модель самопрезентации и тематическое поле интервью. И, наконец, мы планируем определить специфику артикуляции именно детских воспоминаний, связанных с пребыванием на принудительных работах в нацистской Германии в годы Второй мировой войны.

Историческая справка

В течение Второй мировой войны на территории Германии и оккупированных Третьим рейхом областей в различных отраслях и секторах экономики работало свыше 13,5 млн. человек, из которых 8,4 млн. составляли гражданские рабочие, в том числе 2,7 млн. человек – рабочие из Советского Союза¹². В соответствии с данными имперского Министерства внутренних дел, приведенными в исследовании Г. Шварце, по состоянию на 20 июня 1944 г. в Рейхе насчитывалось 75 000 детей-остарбайтеров, 58 000 детей-поляков и 8 300 иных детей¹³. Однако, по мнению российского исследователя П. Поляна, с учетом частых случаев нерегистрации детей в возрасте до 12 лет, эта цифра должна быть увеличена как минимум вдвое¹⁴. Чаще всего дети попадали в Германию вместе с родителями, и в том случае, если работали, привлекались к насильственному труду по месту «трудоис-

¹¹ Воронина Т., Утехин И. Реконструкция смысла в анализе интервью: тематические доминанты и скрытая полемика // Память о блокаде: свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: материалы и исслед. / под ред. М.В. Лоскутовой. М., 2006. С. 230–261.

¹² Spoerer M. Zwangsarbeit unter dem Hakenkreuz. Ausländische Zivilarbeiter, Kriegsgefangene und Häftlinge im Deutsche Reich und im besetzten Europa 1939–1945. Stuttgart, München, 2001. S. 222.

¹³ Gisela Schwarze. Kinder, die nicht zählten: Ostarbeiterinnen und ihre Kinder im Zweiten Weltkrieg. Essen: Klartext-Verl., 1997. S. 125.

¹⁴ Полян П. «Не-пе-ре-но-си-мо!» Маленькие оstarбайтеры – угнанные дети // Солоухина-Заседателева Р. На задворках Победы; Карпов Н. Маленький Ostarbeiter / Р. Солоухина-Заседателева; Н. Карпов [сост. П.М. Полян, Н.Л. Поболь] М., 2008. С. 8.

пользования» старших членов семьи. Это могла быть и подсобная работа по уборке лагеря при заводе или фабрике, где работали родители, и тяжелый труд в сельском хозяйстве наравне со взрослыми, а с конца 1943 г. – часто реализуемое на практике участие в разборе завалов разрушенных после авианалетов домов и улиц. Что касается возраста привлекавшихся к труду детей, то до конца 1943 г. его нижняя граница составляла 14 лет, а рабочий день для них предполагал не более 4 ч в день¹⁵. 29 ноября 1943 г., в соответствии с распоряжением гестапо, к труду было разрешено привлекать детей в возрасте от 10 лет. Для этого соответствующим постановлением от 6 января 1944 г. им было предписано продовольственное содержание наравне со взрослыми. 5 мая 1944 г. Главным уполномоченным по трудоустройству было издано постановление об использовании труда польских и советских детей свыше 4 ч в день¹⁶.

Интервью с Александрой Георгиевной Горева

Александра Георгиевна Горева (в девичестве Дворниченко) родилась 1 апреля 1935 г. в Киеве, в семье Георгия Ивановича Дворниченко и Елены Теодоровны Герц. Всего в семье было трое детей: дочери Лидия (1931 г. р.), Александра (1935 г. р.) и Людмила (1937 г. р.). Будучи мобилизованным в армию, отец Александры Георгиевны пропал без вести летом 1941 г. (только в 1990 г. стало известно, что он погиб в Кременчугском лагере военнопленных в 1942 г.), а она сама с матерью и двумя сестрами была вывезена в Германию в октябре 1943 г. До марта 1944 г. А.Г. Горева вместе с сестрами и матерью находилась в рабочем лагере в г. Зольдау¹⁷, где мать и старшая сестра работали на железной дороге. С весны 1944 г. по весну 1945 г. семья находилась в г. Люкенвальд, земля Бранденбург, у родственницы по материнской линии. На протяжении всего периода пребывания в Германии к принудительным работам А.Г. Горева не привлекалась. По окончании войны семья вернулась в Киев. В 1957 г. Александра Георгиевна вышла замуж за Владимира Горева, в 1958 и 1960 гг. у них родились дочери Людмила и Светлана. С 1952 по 1990 гг.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Gisela Schwarze. Kinder, die nicht zählten... S. 127.

¹⁷ Современный г. Дзялдово в центрально-северной части Польши. Зимой 1939/1940 гг. в Зольдау был организован пересылочный *Durchgangslager* для военнопленных, в гражданский *Arbeitserziehungslager* реорганизован летом 1941 г. – Г.Г.

А.Г. Горева проработала на заводе «Арсенал», получив специальность инженера-диспетчера по окончании оптико-механического техникума при заводе. Муж Владимир Горев умер в 2000 г. В настоящий момент А.Г. Горева на пенсии, проживает одна.

Интервью с А.Г. Горевой было записано 22 декабря 2005 г., копия видеозаписи и транскрипт интервью находятся в архиве Восточного института украиноведения им. Ковальских, шифр хранения: FL005.

Для международного проекта International Slave- and Forced Labourers Documentation Project Александра Георгиевна Горева согласилась дать видеоинтервью, которое состоялось в Киеве у нее в квартире. Как и трое других рассказчиков, А.Г. Горева была предупреждена о проведении интервью и имела четкое представление о его тематической специфике. Помимо этого в 2002 г. по приглашению Национального музея истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Киев) Александра Георгиевна участвовала в подготовке выставки, посвященной советским военнопленным, предоставив организаторам выставки документы и фотографии своей семьи, а также собственные воспоминания, написанные в 2000 г. Таким образом, с одной стороны, мы имеем дело с продуманным заранее рассказом, подготовленным и апробированным как предыдущими встречами и публичными мероприятиями, так и опытом работы над письменным текстом воспоминаний. С другой стороны, специфика интервью как *устной* истории предполагает создание источника особого рода, возникающего в процессе коммуникации исследователя и рассказчика, формирующегося в определенном социально-культурном контексте и детерминированного как целевыми установками партнеров по интервью, так и целым рядом иных, в том числе гендерных, возрастных, мировоззренческих установок и предпочтений. Что, в свою очередь, обуславливает особую формальную структуру представлений о прошлом, в рамках которой упорядочены взгляды рассказчика на историю в целом и собственный субъективный опыт в частности.

В случае рассматриваемого интервью эта структура представляет собой хронологически последовательный автобиографический рассказ, построенный вокруг единой сюжетной линии – истории семьи Александры Горевой. Основное повествование – первую свободную часть интервью, не прерываемую вопросами исследователя – рассказчица посвятила преимущественно детским годам и опыту

пребывания на принудительных работах в нацистской Германии, изложив последующий жизненный путь сжато и кратко. Эта особенность отличает большинство интервью, записанных нами в рамках названного проекта, предварительное знание темы которого ориентировало наших рассказчиков в большей степени на тематическое, нежели сугубо автобиографическое повествование. В ходе подготовки к анализу интервью мы разбили текст его основной части на последовательные эпизоды, критерием выделения которых стал переход рассказчицы от одной темы к другой. В результате эта часть интервью была представлена в виде совокупности следующих тематических блоков: довоенное детство, начало войны и жизнь в оккупированном Киеве, пребывание в Германии, послевоенное обустройство в Киеве, автобиографическое резюме.

Главным организующим (композиционным) элементом первой части интервью выступает рассказ о доме, в котором родились и жили пять поколений родных А. Горевой:

«...жили мы в усадьбе, я себе так, приблизительно... знаю, по этим всем документам, что первоначально был, значит, мой дед. Там родился. Потом, значит, у него родились две дочери: моя бабушка, Екатерина Кирилловна, и ее сестра, Варвара Кирилловна. (вздыхает) Эх... Это уже, значит, будет, второе. Второе. Третье – это уже родился мой папа. Вот. А, значит, (короткая пауза) третий, и четвертой родилась я, пятой родилась моя дочка – одна и вторая. На Печерске, все на Козловке... Мы жили все, значит, вместе. То есть папины родители: это значит, Екатерина Кирилловна и дедушка, Иван Андреевич Дворниченко».

О том, что этого дома уже нет, Александра Георгиевна сообщает в самом начале интервью, тем самым очерчивая временные рамки основного повествования и его главную тематическую составляющую:

«Но, к сожалению, его уже нет. На месте, наших, вот именно на месте нашего домика, такого красивого, замечательного. Потому что все любовались, приходили к нам. У нас был маленький такой палисадник. (вздыхает) Вот. (короткая пауза) Сейчас этот (короткая пауза) именно на площадке, там, где были наши домики, два или три монстра выстроили (с возму-

щением). Архитектор, наверное, это не наш украинец, потому что испортил ландшафт нашего парка красивого, Мариинского, замечательного. Потому что эти монстры, они просто губительно действуют на всех, не только на меня. Я когда увидела, я думала, что вообще, у меня разрыв сердца будет. Бог с ними! Это ... Бог им судья!»

В ходе интервью А. Горева несколько раз делала отступления к рассказу о доме, в который семья Горевых по материнской линии возвращалась дважды: после временного проживания в маленьком городке Киевской области до войны и пребывания на принудительных работах в Германии во время войны. Именно этому мотиву возвращения принадлежит основная структурная и сюжетообразующая роль в организации первой, спонтанной, части интервью, которую, как уже отмечалось, рассказчица ограничила повествованием о детских годах, войне, Германии и возвращении на родину.

Перед войной отец А. Горевой получил временное назначение в г. Здолбунов, куда в скором времени переехала и его жена с дочерьми. О жизни в этом маленьком городке Александра Георгиевна помнит и рассказывает очень мало, и это единственная тема ее спонтанного рассказа первой части интервью, где она приводит эпизод, связанный с детскими воспоминаниями об отце. А именно – эпизод встречи отца после работы, когда четырехлетняя Александра самостоятельно ушла на улицу, вызвав своим отсутствием переполох среди родных и восхищение соседей: *«Ой, вы посмотрите, какая девочка бойкая! Сама и все, встретила отца!»*. Этот эпизод встречи контрастно оттеняет следующий за ним рассказ о расставании с отцом: *«...мы уехали, с отцом попрощались быстренько, как говорится, на вокзале. Вот. И все. После этого мы уже больше не видели отца»*.

В Киеве, помимо родственников по отцовской линии, до войны жили бабушка и прабабушка Александры Георгиевны по линии матери. Именно к ним на время летних каникул 18 июня 1941 г., попрощавшись с отцом на вокзале, и уезжала мать А. Горевой с тремя детьми:

«Когда мама приехала оттуда, мы все приехали [из Здолбунова – Г.Г.], она пошла к бабушке, к своей матери. Еще не только жила бабушка Ната, мать моей матери, а еще и бабушка (корот-

кая пауза) Таня. Вот. Это моя прабабушка уже. Вот. А она жила на Крещатике, 38 (короткая пауза). Наверное, потому что мама ее, поэтому она поехала к маме, а не к свекрухе. И мы жили до того дня, как вступил немец на нашу... в нашу Украину. И когда немцы шли по Крещатику, все дети... ну все дети, и не только дети, все выбегали и смотрели, как они по Крещатику маршем, строем немцы. И конечно, я вот, мне вот так запомнилось, что некоторые были женичины, девушки с цветами даже встречали (многозначительно). Встречали с цветами. Бежали, цветы подносили. Мы стояли... мы дети, мы только стояли и смотрели...»

В структурном отношении последующий рассказ об оккупации Киева организован вокруг возвращения семьи «на Козловку» и последующем там проживании вплоть до вывоза в Германию. И если детские воспоминания о входе немецких войск в Киев только констатируют, «как они по Крещатику маршем», то первый эмоционально насыщенный эпизод рассказа об оккупации связан с бегством из взорванной центральной части города из дома родителей матери в дом родителей отца Александры Георгиевны:

«Через некоторое... через какой-то промежуток времени, э... значит, Крещатик стал взрываться <...> и вот мама, значит, пакует вещи какие-то... чтобы это... Одному – сумку, второму – сумку. Милочка самая маленькая, она схватила своего Джоника, у нас был такой пупс Джоник (короткая пауза) – негр. Вот. Лидочка схватила кокой-то узел, я тоже – какой-то узел, и стали вниз, бегом бежать вниз, потому что взрывается, весь Крещатик взрывается. (Вздыхает). Мама тоже какой-то клумачек еще, потому что мама знала, что все погибнет. Вот (вздыхает). <...> Выбегаем. Выбегаем, а у нас вот этот дом, значит, в котором мы жили, тридцать восемь, у него такая арка была и железные ворота. И, значит, немцы раз – и закрыли железные ворота. Люди просят: дайте выйти, взрывается Крещатик, а они не пускают. Паника! Люди плачут! Дети кричат! Мы тоже... мать нас держит всех троих вот так. “Возле меня! Возле меня”. Стоим мы все. Все в таком состоянии страшном, что это передать невозможно. Но потом, это, открывают эти ворота. Открыли ворота это... и люди (короткая пауза)

бросали эти тюки, бросали все, чтоб только выбежать, чтоб только убежать. Потому что, а вдруг взорвется все это. (Вздыхает) Мама тоже наша... бегом, бегом, по Крещатику, к площади (короткая пауза) Сталина <...> Прибежали мы к бабушке Кате. Бабушка Катя дома, дедушка Ваня. Вот. Прибежали мы, значит, все и бабушка Ната, и, бедненькая, бабушка Таня приковыляла, потому что это... старенькая. Но все бежали, и все пришли на Козловку. И конечно, бабушка Катя приняла нас всех. Ну, это частный дом, у нее там три или четыре комнаты, поэтому она приняла нас всех. И мы стали жить. Вот немцы стали взрывать Крещатик, и мы были на Козловке. Все мы стали жить на Козловке. (пауза) Вот. Ну и, конечно, пошло такое страшное время, что передать это невозможно, это ужасно!».

Свой последующий рассказ о жизни в оккупированном Киеве Александра Георгиевна строит из менее развернутых эпизодов и описаний, в рамках которых рассказывает о «традиционной» практике выживания жителей оккупированных городов благодаря походам в деревни «на менку», о сложностях и опасностях этих длительных переходов, о голоде, болезнях и смерти своих близких. В этих эпизодах А. Горева как действующее лицо участия практически не принимает. Эта часть ее рассказа сконцентрирована вокруг опыта матери, скорее всего, впоследствии пересказанного, нежели основанного на собственных воспоминаниях рассказчицы. Именно мать ходила в деревню менять вещи на продукты, именно она спасала детей от голодной смерти, именно она хоронила трех бабушек Александры Георгиевны, которые умерли во время оккупации. Эта особенность построения отдельных историй, «пропущенных» сквозь опыт матери и связанных с передачей в большей степени материнских, нежели собственных переживаний, сохранится и в тематическом блоке пребывания на принудительных работах в Германии. Тем характернее с точки зрения анализа выбранной рассказчицей стратегии повествования и стремления создать у слушателя определенный образ описываемых событий выглядят те эпизоды тематического блока «о Германии», в которых не только рассказ идет от первого лица, но и сама рассказчица является главным героем рассказываемой истории.

Тематический блок пребывания на принудительных работах в Германии начинается с трех коротких сообщений: о неудачной по-

пытке уехать из Киева, об облаве, в которую попала Александра Георгиевна с сестрами и матерью, и о транспортировке в Германию. Сообщение о переезде в Германию, в отличие от большинства рассказов бывших принудительных рабочих старшего возраста, передано очень кратко, с единственным описательным расширением бытового характера:

«Всех – на вокзал! Всех туда на товарняки, всех закрывают вот так вот. (короткая пауза) Хе... (вздыхает) И нас везут в Германию. Мама и с тремя детьми. (пауза) Едем, не знаем, куда мы едем. (пауза) Делают там эти дырки. Я помню, в полу дырки делали, чтоб туда, как говорится, дети ходили, чтоб горшки... Но у нас там что-то было, какие-то... или какие-то сосуды. Ну, едем мы, сколько там мы ехали, я тоже не помню».

Следующее за сообщением о переезде описание лагеря в г. Зольдау дано так же скупое: бараки, вышки, колючая проволока, проходящая вдалеке железная дорога и большие кучи песка, наличие которых Александра Георгиевна объясняет сначала как возможную меру предотвращения пожаров. В этих кучах песка, спустя несколько эпизодов расскажет она, и игрались дети: *«Никаких игрушек не было, ну что-то там лепили, какие-то дома...».*

Одной из наиболее эмоционально насыщенных в рассказе о лагере предстает история болезни самой младшей сестры, переданная, как и в случае рассказа об оккупации, через переживания матери:

«...были такие случаи, когда дети болели, то они не возвращались уже в бараки. И все, неизвестно. Может, немцы их уничтожали, а может, от того, что (короткая пауза) или не лечили, и они умирали. Но были случаи. И мама очень боялась того, что она потеряет Милочку. Но Бог так дал, так сделал, что все-таки трое детей – все остались живы».

В рамках данного тематического блока именно мотив материнской *тревоги* (а не конкретного действия, как в «оккупационной» подтеме) является главным сюжетообразующим компонентом повествования. Преимущественно вокруг переживаний и волнений матери выстраивает Александра Георгиевна и следующие после описания лагеря пять коротких историй с собственным участием. С точки зре-

ния структуры повествования определяющее значение принадлежит первой истории, наиболее насыщенной как эмоционально, так и символически. Этой историей начинается и ею заканчивается хронологически последовательный ряд нарративных сегментов интервью, каждый из которых имеет свой законченный сюжет и девятилетнюю Александру в роли главной героини повествования:

«Но дети все равно издевались над нами. Дети, я помню, один мальчишка э... (короткая пауза) там вот такой (сурово) наверное, эсэсовец был, не наверно, а точно эсэсовец. Так он все время так (грозно): «Руссиие швайнэ рае! Руссиие швайнэ рае!» – так с презрением таким. А я... Ну, Лидочка наша, она вообще была очень такая нежная девочка, очень всего боялась. Старшая дочка. Ой, дочка, моя сестричка. Она боялась, потому что мама говорила (эмоционально): «Никого не трогайте, никому ничего не говорите! Никому ничего это...» А я была такой бойкой это, девка такая была бойкая. Я вообще ничего не боялась. Я думала: “Если придут наши, так я тебя уничтожу!” (со злом). Такое у меня было, понимаете. Вот».

Обозначив себя как участницу данной истории, в этом отрывке А. Горева только подчеркивает материнское наставление и свои эмоции, которым «даст волю» в заключительной части этого эпизода, к которому вернется позже:

«И я его один раз встретила на улице. Но он был большой мальчик. Ему было... Если мне было девять – десять лет. Мне десять не было, еще в сорок пятом году, когда мы приехали уже в Киев, мне десять лет. Или восемь, ну когда... Так и... я так на него посмотрела и говорю... Вот так говорю: “Дойчланд, дойчланд – юбер алес. Дрались, дрались...” (смех)
<...> И сказала полностью это слово, понимаете. Но он на меня... он белый стал. И он на меня посмотрел и вот так вот... Он бы меня убил вот сейчас (громко). Но я ему высказала все что хотела (спокойно). И мне было так легко! Легко тем, типа того, что я отомстила ему, за его оскорбления (плачет). Ой (вздыхает), ну, это дети – это вполне естественно. Вот...»

Эта разбитая на две части история, центральная в повествовании о пребывании на принудительных работах в нацистской Германии, символична в нескольких смыслах. Во-первых, с точки зрения изучения значения, которое автор вкладывает в рассказанное событие и свой опыт пребывания в Германии в целом. Для наиболее яркого эпизода своего рассказа Александра Георгиевна выбрала емкую и хлесткую поговорку явно не из детского репертуара (окончание которой при записи интервью постеснялась произнести вслух), которой подвела итог не только собственному пребыванию на принудительных работах, но и войне в целом. Большое значение имеет здесь и собирательный образ антигероя истории. С одной стороны, это «большой мальчик», то есть тоже ребенок, чьи оскорбления Александра Георгиевна оправдывает заключительной репликой эпизода: «Ну, это дети – это вполне естественно». С другой стороны, характеристики «точно эсэсовец», который «убил бы вот сейчас», отсылают скорее к совокупному образу врага-нациста, нежели описывают реального подростка-обидчика, который по возрасту мог быть членом гитлерюгенд, но не СС.

Значимость данной истории состоит и в ее функциональных особенностях. Помимо «рамочного» обрамления всех историй с личным участием рассказчицы как главной героини повествования, о котором говорилось выше, структурообразующее значение здесь имеет мотив восстановления справедливости. Его реализация придает законченность тематическому блоку, посвященному войне и ее месту в автобиографическом рассказе А. Горевой: высказывание, от которого стало «так легко», компенсирует не только горечь детской обиды, но служит символическим возмещением всего периода испытаний военного времени.

Наконец, данная история характерна и с точки зрения анализа общей стратегии самопредставления. А именно: позиционирования автором самой себя как смелого и бесстрашного, «бойкого» ребенка, который, невзирая на запрет матери, может позволить себе непослушание (другой вопрос, что это непослушание базируется на скрытой уверенности в безнаказанности, так как окончание рассказа приведено в контексте прихода «наших»). Психологически важным для рассказчицы выступает одобрение собственной детской смелости (вспомним приведенный ранее эпизод встречи отца после работы, который также произошел в контексте нарушения запрета матери, но в изложении Александры Георгиевны вызвал восхищение окружающих). В рамках

рассматриваемой истории необходимое одобрение в первый и единственный раз автор имплицитно ищет у аудитории (ожидание реакции и смех присутствующих при интервью отчетливо видны и слышны в видеозаписи), что подчеркивает значение данного эпизода в его эмоционально-психологической составляющей.

Из рассказанных А. Горовой эпизодов, структурно «вписанных» в изложенную выше историю, приведем пример еще двух не менее эмоционально и символически насыщенных отрывков, дающих представление не только о характере нашей собеседницы и предпринятых ею нарративных усилиях по созданию у слушателя образа самой себя, но и об образе описываемого события:

«Мама, конечно, все время, она меня все время держала за руку. Но когда я улавливала момент, то я моментально уходила, убегала и ходила и смотрела. (короткая пауза) И вот я выбежала – едут эти танки, а я выбежала и кричу (растроганно): “Наши, наши! Русские, наши! Я русская!” (плачет). А один меня подхватил (продолжает плакать), говорит: “Боже, ты смотри, русская! А как тебя зовут?”. Я говорю: “Саня меня зовут, Саша меня зовут!”. Вот. Он меня схватил, вот так вот... поднял и говорит: “Ну, ты посмотри, – говорит, – наша, русская!”. Говорит: «Ну ничего, – говорит, – мы все сделаем, чтоб ты была дома. Ты где живешь?”. Я говорю: “В Киеве. Я с Киева!” (короткая пауза, плачет).

Ну и, конечно, я вам скажу, очень много этих, вот наши эти, как только пришли, наши (короткая пауза) русские люди вот, они (короткая пауза) тоже начали ломить эти магазины (медленно и грустно). И, конечно, вот с этих магазинов, особенно наши, потому что там тоже были наши в лагерях, много тоже было русских. Они: “Все берите, все забирайте!”. Ломали эти магазины. “Все забирайте! Колбасы, сыры – все забирайте! Берите!”. И я тоже, вот (короткая пауза) ящик такой вот (показывает размер), такой вот – творог (короткая пауза) с изюмом. Творог с изюмом. Такой ящик, ну у них упаковка такая, такая хорошая. Он мне этот ящик, говорит: “Так, дочка, бери ящик!”. А я ж не могу дотащить. Я ж не в состоянии, он большой (смеется). Я его, значит, это... я его тащила по асфальту. И дотащила! Дотащила! Мама мне говорит: “Боже, где ты была! Что ты! Тебя убьют другие...” А я говорю: “Никто меня

не убьет! Я уже теперь же ж все. Я уже никого не боюсь. Я могу всех поубивать!» (смеется).

В последнем эпизоде, помимо очередного акцентирования внимания на себе самой как участнице рассказанной истории, Александра Георгиевна в определенной мере пытается оправдать довольно частую практику разграбления немецких магазинов разрешением, данным именно ей – девятилетней девочке, с большим трудом справившейся с тяжелым продуктовым ящиком. Эту практику информантка в целом не порицает, но, тем не менее, рассказывает о ней как разрешенной или инициированной кем-то посторонним, осуществленной не по собственной инициативе, а потому что «все брали». Подобная позиция позволяет рассказчице имплицитно объяснить и «вписать» в свое повествование следующий эпизод, который открывает последний тематический блок, связанный с возвращением семьи в Киев.

«Ну а потом дальше что было. Значит, было такое, что все-таки люди приносили и мамы моей, и мама, очевидно, ходила, потому что там у нас были... (короткая пауза) я уже и забыла, как ее фамилия. И фамилию ее – тоже, тетю Марусю ту, помню, она тоже имела ребеночка маленького. Так она, эта тетя Маруся: “Так, идем! Елена Федоровна, пошли! Идем, там столько обуви, надо выбрать – мы голые и босые!”. В общем, они тоже брали вещи. Эти... и обувь брали, и ткани брали. Все было открыто – и все берите. Немцы не брали, а мы все брали. Все мы брали, и мы все, как говорится, много брали...»

В этом фрагменте рассказчица вновь переходит к основной линии своего повествования – истории собственной семьи, и матери как главному действующему лицу этой истории. Тематически последний блок первой нарративной части интервью посвящен второму «возвращению» семьи в дом «на Козловке», которое в этот раз было сопряжено с судебной тяжбой восстановления в правах собственности: по приезде в Киев дом оказался занятым другими людьми, и до 1949 г. семья Горевых вынуждена была проживать в кухне однокомнатной квартиры знакомой женщины:

«И мама моя пошла к ней в кухню, и мы жили у нее столько, покамест мы, суд нам не отсудил нашу Козловскую улицу. И ко-

гда суд отсудил нашу Козловскую улицу, вот тогда мы пришли на Козловку, и пришел исполнитель, и выселил эту... этих людей, мы стали жить на Козловской улице в нашем доме».

Благополучное завершение судебного разбирательства Александра Георгиевна объясняет, прежде всего, материнским отношением к документам, ее «организованности и предусмотрительности». Все свои документы мать Горевой хранила чрезвычайно бережно:

«И мамочка моя дала все документы, которые носила здесь (показывает на груди) всегда. Даже, когда этапом водили нас в баню, раз в месяц, там еще в этом, да. Она все равно носила, у нее бархатный мешочек был такой коричневый, все эти документы вот здесь носила. И если там, она моет, допустим, Милочку, то я сижусь, держу, или там прикрываю чем-то. Все. Она была очень организованным человеком и очень предусмотрительным. Она знала прекрасно, что документы – это все!».

Большое значение в возвращении семьи в собственный дом сыграли и «хорошие добрые люди», которые помогли матери «и юридически, и морально, и физически». Вообще, в своем рассказе Александра Георгиевна часто упоминает тех, кто помогал семье в сложных обстоятельствах или буквально спасал от смерти. Эти случаи были связаны с попыткой организовать отъезд семьи из Киева осенью 1943 г., когда начинались повальные облавы и обстановка в городе, в связи с приближением фронта, была чрезвычайно опасной; с помощью больной сестре в лагере в г. Зольдау, когда выздороветь девочке помогли принесенные другой женщиной лекарства; с упомянутым участием в послевоенном судебном разбирательстве и возвращении в родной дом. Своей благодарностью всем тем, кто помог матери и семье выжить и прожить достойную жизнь, Александра Георгиевна эмоционально и пафосно заканчивает свой основной рассказ:

«Но я еще раз говорю, что это только благодаря тому, что у мамы все документы остались, а второе, что все-таки есть люди порядочные и хорошие, которые помогли женщине, которая потеряла все (громко), и похоронила – все! и, как говорится, вырастила всех своих детей. Выдала их замуж прекрасно, э... достойно. Вот. Не стали они какими-то, понимаете, уличными женщинами, имели свои семьи, своих мужей, своих детей...»

С точки зрения построения основного рассказа обращает на себя внимание то, что его заключительный пассаж состоит из двух частей: в первой А. Горева подводит итог жизненному пути матери, во второй – параллельно резюмирует и свои прожитые годы:

«И сейчас (короткая пауза) я такая... я счастлива тем, что имею двух прекрасных детей, двух прекрасных дочерей, двух прекрасных зятьев, (короткая пауза) вот. У меня четверо внуков, прекрасных. Уже моя старшая внучечка, Женечка, мне принесла мою чудную правнучку (улыбается), Полинушку. И, конечно, благодаря Богу, я очень счастлива. Очень довольна тем, что я (короткая пауза, вздыхает)... Что я живу, я люблю свою Украину, люблю свой Киев, вот. Это моя родина, не только моя, моих предков родина (громко), я ее обожаю. И свой Мариинский парк. Я когда получаю пенсию, седьмого числа, я всегда иду в Мариинский парк (смеется) обнимаю деревья, или кланяюсь им, говорю: “Вы – это моя жизнь (плачет), моя молодость, мое детство”. (пауза) Вот. Так что вот такие вот. Может, что-то я не рассказала?».

Как и в случае с другими рассказчиками – участниками проекта, предварительное знание темы исследования, посвященной опыту пребывания на принудительных работах в Германии, явилось главной причиной того, что свой автобиографический рассказ Александра Георгиевна закончила эпизодом возвращения на родину. Невзирая на просьбу исследователя рассказать о жизненном пути в целом, подавляющее число наших партнеров по интервью, как мы уже отмечали выше, расценивали именно опыт пребывания в Германии как главную тему исследовательского интереса. Тем более значимым, на наш взгляд, является наличие или отсутствие оценок, данных этому периоду собственной биографии, в первом, не прерываемом дополнительными вопросами основном рассказе бывших принудительных рабочих. В случае анализируемого интервью эти оценки отсутствуют полностью, кроме как «очень страшным» свое пребывание в рабочем лагере Александра Георгиевна не называет. Отсутствуют в ее основном рассказе и упоминания о последующем влиянии факта пребывания в Германии на ее личную судьбу. Сложности, возникшие с послевоенным обустройством в Киеве, она «вписывает» в опыт матери, а не в свой собственный. Только в ответ на прямой вопрос интервьюера

Александра Георгиевна рассказывает историю, в которой недвусмысленно демонстрирует свое отношение к данному факту собственной биографии. Эту чрезвычайно богатую смыслами историю, в которой в концентрированном и сжатом, воплощенном иногда в нескольких словах виде содержится не только личная, но и «общественная» оценка пребывания в Германии в годы войны, мы приведем полностью.

Интервьюер (далее – **И.**): *А никаких у вас таких инцидентов не было... Что вот вы были в Германии, как бы... вот в детстве, в комсомол там...*

Александра Георгиевна (далее – **А.Г.**): *Были. Были. У меня много было инцидентов. Меня из комсомола выбросили (короткая пауза) в один прекрасный день.*

И.: *Вот расскажите эту историю.*

А.Г.: *В один прекрасный день меня выбросили из комсомола. Почему выбросили из комсомола? Вот жила в нашем доме очень такая э... (короткая пауза) женщина. Знаю ее фамилию, э... Наталья Ивановна Куц (короткая пауза). Настоящая такая завзятая партейка (презрительно). Но она партейка, понимаете, есть разные партийные (короткая пауза) члены партии. Есть коммунисты, есть партийные люди, есть работники, есть... (короткая пауза) разные есть люди. А она была из таких. Она приехала из эвакуации и сказала: “Я здесь наведу порядок!”. (пауза) Она сама и не киевлянка, и вообще никогда в жизни не видела ни Киева, ни... (короткая пауза) Украины не знала, что это такое. (короткая пауза) Кацапура такая (зло)... из тех дальних этих (короткая пауза) мест, понимаете? Но она решила навести здесь порядок.*

И вот. (пауза) Значит... э, как то было так, что (короткая пауза). Сын у нее был. И я с сыном, я ж вам сказала, у меня характер такой немножко такой, взрывной. Понимаете, вот такой вот (короткая пауза). И девочкой была и ребенком была, мне что-то хотелось и видеть больше, и я всегда вникала в разговоры. Если несправедливо, я начинала спорить с людьми – вот так вот. Не конфликтовать, но как-то защищать, понимаете, вот такая. И вот этот вот молодой человек, он был старше меня на несколько лет. И по-моему, что-то такое было, что я с ним (короткая пауза), стычка была. Была драка: я и он. Ну, естественно, он меня на два или на три года старше, и естественно, он мне дал и по физиономии хорошенько. Но и я тоже что-то отдала. И они подали на ме-

ня жалобу (короткая пауза). Что я, такая-сякая, приехала из Германии, еще и драку устраиваю и это... И знаете (обиженно) – меня разбирали.

И.: Разбирали в школе?

А.Г.: Разбирали и сказали, что это такое мелкое хулиганство (короткая пауза). И да, действительно, надо наказать за мелкое такое хулиганство. (короткая пауза) Но он мужчина. Но он мальчик, но он мужчина будущий, а я девочка, будущая женщина. Можно мне было или уступить, или не знаю, как-то, да. Нет. Меня наказали.

Но. Я, конечно, было такое... было такое страшное состояние... Комсомол – это было, это было что-то такое (короткая пауза). Господи! Было (короткая пауза) чудо, когда нас принимали в комсомол (эмоционально). Мы были счастливыми людьми, что я комсомолка! Я гордилась этим (эмоционально). Но (вздыхает) у меня было такое состояние, что один раз я думала: “Господи, я, наверное, вот брошусь с моста!” А потом подумала: “Господи! У меня мама, которая пережила и гестапо, и немцев, и что она только не пережила! И голод, и холод и смерти – и она этого не сделала. А я из-за того, что меня выбросили... Значит, надо доказывать, что ты (короткая пауза) не тот человек! Именно, надо доказывать, что ты – комсомолка!” И я пошла по инстанциям. Заинтересовались. Я ж говорю, свет не без добрых людей. Заинтересовалась одна женщина. Она тоже член партии, очевидно, была, потому что это дальше, не в райком, а в горком. Она вызвала всех. И, прямо при мне, когда я помню, такую реплику сказала: “Лес рубят – щепки летят. Что это вы делаете, издеваетесь над ребенком!” (короткая пауза) Ну я подросток уже была.

И.: Сколько вам, четырнадцать было?

А.Г.: Да. Ну может быть, даже пятнадцать. (короткая пауза) И меня восстановили. (короткая пауза) Да. Меня восстановили. (короткая пауза) Я имею и сейчас, храню этот партийный билет, комсомольский билет. Ну, так, для реликвии. Я доказала, что я все-таки нормальный человек. Очевидно, все-таки, за меня вступились люди нормальные. Потому что ненормальные меня, ненормальные меня (короткая пауза) это... выбросили, понимаете. Выбросили. “Вот ты не достойна быть комсомолкой, потому что ты – такая-сякая”. Вот так. (короткая пауза). Так что было всякое...

В данной истории прежде всего обращает на себя внимание то, что для рассказа об опыте пребывания в Германии и его последующем влиянии на собственную судьбу Александра Георгиевна избрала во многих отношениях схожую логику повествования. Ведущим мотивом приведенной выше истории исключения и последующего восстановления в комсомоле является уже отмеченный нами ранее мотив восстановления справедливости, который уподобляет данную историю рассказу, в котором наша героиня высказала немецкому мальчику-подростку «все, что хотела»: в обоих случаях рассказчица начинает с описания нанесенной ей обиды и заканчивает удовлетворительным для нее разрешением ситуации.

Обе истории передают общие «характерные настроения» своего времени: «неофициально-бытовое» отношение к поражению Германии в войне и «официально-торжественное» отношение к комсомолу. Современные исследователи в области автобиографической памяти отмечают, что значимые для человека воспоминания автобиографического характера несут в себе именно те социальные стереотипы (или подчиняются их «давлению»), которые были доминирующими в данном обществе в момент запечатления события. Все последующие переосмысления в данном случае могут лишь немного «подправить» те мерки, с которыми человек подходит к оценке своего прошлого¹⁸. Оба описанных события Александрой Георгиевной переосмыслению не подвергаются, и в спектре личностных переживаний по сей день сохраняют для нее большое значение. Эти истории предельно эмоциональны, в них рассказчица включает собственные слова и мысли «из того времени», такими, какими она их произносила и думала в момент непосредственного события, тем самым подчеркивая его высокую психологическую важность. В этой связи обе истории можно рассматривать как воспоминания-вспышки¹⁹, или, используя терминологию, предложенную В. Нурковой, как «яркие моменты жизни», которые сохраняют особую «метрику» пространства, адекватную возрасту или условиям восприятия ситуации, и в которых актуализируется «мир переживаний», имевший место именно в момент фиксации события²⁰.

¹⁸ Wallace J. B. Reconsidering the life review: The social construction of talk about the past // *Gerontologist*. Feb. 1992. Vol. 32. Issue 1. P. 120.

¹⁹ Термин «воспоминание-вспышка» (*flashbulb*) был введен в научный оборот в работе Брауна и Кулик: Brown R., Kulik J. Flashbulb memories // *Cognition*. 1977. № 5. P. 73–99.

²⁰ Нуркова В.В. Автобиографическая память... С. 88, 90.

Оба события важны и с точки зрения конструирования рассказчицей представления о себе как личности: важные для самопрезентации черты собственного характера Александра Георгиевна описывает как сформировавшиеся еще в детстве, подбирая определения «бойкий характер», «характер немножко такой, взрывной». Эти черты находят проявление в ситуациях, связанных именно с желанием восстановить справедливость: «если несправедливо, я начинала спорить с людьми – вот так вот. Не конфликтовать, но как-то защищать, понимаете, вот такая». При этом в истории про исключение из комсомола мотив «борьбы за справедливость» как главный императив, актуализирующий чувства и действия рассказчицы, реализуется не только повествованием о благополучном восстановлении. Им, на наш взгляд, обусловлено и неэтичное высказывание в адрес этнической принадлежности матери мальчика, с которым у Александры Георгиевны произошел конфликт. Рассказчица подчеркивает ее незнание «ни Киева, ни Украины», иными словами – неправильное и несправедливое отношение к своей родине, и именно поэтому позволяет себе некорректное «кацапура» (вспомним схожую в самом начале интервью оценку архитектора, который «не наш украинец, потому что испортил ландшафт нашего парка красивого, Мариинского, замечательного»).

Оба анализируемых отрывка объединяет также апеллирование к опыту и наставлениям матери, что составляет одну из главных особенностей построения всего автобиографического нарратива А. Горевой. В рассказе об исключении из комсомола обращают на себя внимание параллели, проведенные Александрой Георгиевной между своим и материнским опытом преодоления трудностей: стремление быть достойной матери, перенесшей тяготы военного лихолетья, заставило А. Гореву действовать – «пойти по инстанциям» и доказать, что она «все-таки нормальный человек».

Как и в большинстве случаев, связанных с жизненными трудностями, Александра Георгиевна отдает должное людям, которые помогли в их преодолении. В случае истории об исключении из комсомола помощь была оказана женщиной, которую «заинтересовал» этот случай. Однако важность ее роли как персонажа истории состоит не только в этом. Именно в ее реплику, на наш взгляд, рассказчица вложила как собственное отношение к опыту пребывания в Германии, так и желаемое отношение к этому опыту со стороны «партийных органов», представителем которых выступает в расска-

зе упомянутая женщина: «Лес рубят – щепки летят. Что это вы делаете, издеваетесь над ребенком!». Как и все наши партнеры по интервью, А. Горева ни в коей мере не считает свое пребывание в Германии преступлением или чем-то таким, что может повлечь за собой обвинение «такая-сякая, приехала из Германии, еще и драку устраиваю». По ее мнению, так должны были считать и все «нормальные» люди, которые за нее вступились. По всей видимости, именно этот случай сыграл решающую роль в том, как именно А. Горева поступала в дальнейшей жизни с «фактом пребывания во время войны на территории Германии»: она указывала его в анкетах, но тщательно скрывала от знакомых, ограничив «круг посвященных» мужем и детьми:

«От мужа я не скрывала. Мы скрывали от всех наших знакомых. <...> Ну, скажешь этому человеку, а человек это поймет иначе. Другие люди говорили: “Вы ж добровольно уехали. Вас никто не вывозил. Вы ж поехали в этих, СВ, или, как они называются, купе”. Попробуй, докажи, что ты поехала не в купе. <...> Поэтому, конечно, даже мои знакомые, с которыми я потом дружила с завода “Арсенал”, – никто не знал, что мы были в Германии. Только знали анкеты».

Резюмируя наши наблюдения и рассуждения об автобиографическом нарративе А. Горовой, отметим следующее. Главным тематическим горизонтом, на фоне которого разворачивается все автобиографическое повествование нашей рассказчицы, является история ее семьи, в композиционном плане построенная вокруг рассказа о родительском доме и родном городе. Самопрезентация рассказчицы при этом ориентирована на представление самой себя как дочери, жены и матери. Свою трудовую биографию она подает менее информативно насыщенной, отводя ей второстепенное место в личностных жизненных приоритетах. Во всем автобиографическом нарративе А. Горовой прослеживается сильная эмоциональная привязанность к матери. Многие и детские, и «взрослые» воспоминания Александры Георгиевны не только связаны с матерью, но и представляют материнский взгляд на описываемые события. Эта особенность обуславливает, в том числе, построение рассказа о пребывании на принудительных работах в Германии, где собственный опыт рассказчицы выступает опосредованным материнской тревогой и материнскими переживания-

ниями. Этот опыт нашел свое концентрированное выражение в истории про «большого» мальчика-обидчика, где и восприятие, и преодоление нанесенной обиды предстает как сугубо детское, актуализирующее «мир переживаний» ребенка и демонстрирующее логику поведения маленького, а не взрослого человека. В основной части интервью опыт пребывания в Германии со стороны рассказчицы не подвергается ни интерпретации, ни оценке с точки зрения его влияния на последующую жизнь, — он остается в определенном смысле «замкнутым» в детстве до тех пор, пока не предлагается к «проработке» со стороны интервьюера. Это избегание разговора о последствиях, на наш взгляд, объясняется противоречием, в которое данный опыт вступает с «семейной» моделью самопрезентации рассказчицы: на ее взрослую жизнь, в которой главной является реализация семейных ролей, пребывание в Германии влияния не оказало, этот опыт не вызвал неприятия со стороны родных и близких информантки. В общении же с людьми вне семейного круга, по словам самой рассказчицы, она до недавнего времени успешно скрывала этот факт биографии, предоставив знание о нем «только анкетам». Подобное включение травматического в своей основе опыта в историю семьи, где данный опыт не предается осуждению или отторжению, а, наоборот, находит поддержку и сочувствие, представляет один из способов построения рассказа о принудительном труде в нацистской Германии. Иную стратегию совладения с «немецким» прошлым и иную форму рассказа об этом прошлом демонстрирует следующий пример интервью.

Интервью с Евгением Николаевичем Рудневым

Евгений Николаевич Руднев (Крейцбург) родился в 1937 г. в г. Мироновка Киевской области в семье кадрового военного Николая Федоровича и домохозяйки Полины Александровны Крейцбург. Кроме него в семье была старшая дочь Людмила 1930 г. р. В 1937 г. отец Николай Федорович был разжалован и лишен офицерского звания, однако оправдан и продолжил службу в санитарных частях. Перед войной семья жила в Киеве, откуда в результате облавы 3 ноября 1943 г. Евгений Николаевич вместе с матерью и старшей сестрой был вывезен в Германию. Отец попал в плен и был депортирован в Германию годом ранее. В пересыльном лагере во Франкфурте-на-Одере мать разлучили с детьми, отправив ее на работу на химиче-

ский завод, а шестилетнего Евгения вместе с сестрой – в трудовой лагерь в Кепеник, позднее – в Кельнише Хайде (районы Берлина). На протяжении пребывания в Германии старшая сестра работала разнорабочей на почте и на железной дороге, Евгений убирал территорию лагеря и вокзала, участвовал в разборке руин. После освобождения советскими войсками в апреле 1945 г. Е. Руднев с сестрой пешком дошли до г. Ландсберга²¹, где в фильтрационном лагере встретились с матерью. В Украину семья вернулась в сентябре 1945 г., однако, вследствие запрета на проживание в Киеве, они были выселены в Мироновку. В 1947 г. по настоянию родителей Евгений Николаевич сменил фамилию Крейцбург на девичью фамилию матери – Руднев. После окончания школы в 1955-м поступил в Киевский геологоразведочный техникум, затем окончил геологический факультет Киевского университета и получил профессию инженера-гидрогеолога. Работал в составе геологоразведочных экспедиций, о чем написал несколько художественных книг, принесших ему успех и признание. С 1982 г. – член Союза писателей СССР, лауреат нескольких престижных премий. С середины 1990-х – член Союза писателей Украины. В 1992 г. защитил кандидатскую, в 2002-м – докторскую диссертацию по специальности «гидрогеология». В настоящее время работает в исследовательском институте Академии наук Украины. Женат, имеет сына. С 2000 г. активно публикует свои воспоминания о пребывании в Германии в различных украинских периодических изданиях²².

Интервью с Е.Н. Рудневым было записано 22 апреля 2005 г., копия видеозаписи и транскрипт интервью находятся в архиве Восточного института украиноведения им. Ковальских, шифр хранения: FL027.

Так же, как и А.Г. Горева, первую, свободную, часть интервью Е.Н. Руднев посвятил преимущественно детским годам и опыту пребывания на принудительных работах в Германии, начав его с рассказа о «городке Мироновке, что на юге Киевской области», в котором родился и провел первые годы своей жизни. В первых предложениях своего рассказа он разрывает хронологическую последовательность повествования, и тем самым задает временные рамки всего после-

²¹ Современный город Гожув-Велькопольски на территории Польши, один из двух административных центров Любушского воеводства. – Г.Г.

²² См. напр.: Руднев Е. Плененное детство: воспоминания бывшего остарбайтера // Київський телеграфЪ. 2004. № 18 (208).

дующего нарратива, в которых будет локализована эта часть интервью:

«...никто в нашей семье и в мыслях не держал, что в тысяча девятьсот сорок пятом году мы снова очутимся здесь в Мироновке, и это будет как бы своеобразная зона. Ну, как некоторые называли, железная резервация, для тех, кто побывал в гитлеровской Германии во время войны, кто насильно был вывезен немцами на принудительные работы. Это были репрессивные мероприятия тогдашней власти по отношению вот к людям такого рода...»

В середине 1930-х гг. в Мироновку семья Крейцбургов попала в результате «пресловутых чисток в армии», когда отца «выгнали из армии», не в последнюю очередь, по словам Евгения Николаевича, из-за его немецкой фамилии. В 1939 г. старшего Крейцбурга восстановили:

«Его восстановили... Восстановили, но! Но! Восстановили, увы! Увы, увы – рядовым. Вот в тридцать девятом году есть фотокарточка; отец есть в военной форме – у него три треугольничка – это старший сержант. Ему не вернули эти кубари! И только лишь, когда он вернулся с Финской, мать говорила, только тогда у него был один кубарь. Он как бы начинал все сначала. Что самое главное, ему не разрешили служить вот в войсках, связанных с военной техникой, вот. Понимаете? Вот в той справке, скажем, написано, что он воевал, защищал Киев в составе санитарного батальона, и он командовал, мама говорила, тоже ротой обеспечения. Они обеспечивали вот машинной техникой там и так далее. Вот, а скажем, вот к артиллерии, к танкам, мотомеханизированным этим колоннам его опять-таки не допускали. Очевидно, опять-таки из-за этой фамилии. Вот. Ну, значит, отец... очевидно, связи у него какие-то были, вот... он, значит, снова стал служить в армии...»

Так же, как и предыдущий отрывок, важность которого состоит в предварительной темпоральной локализации предполагаемого для описания события, этот фрагмент имеет большое значение для по-

следующего рассказа Е. Руднева о себе самом: упоминание об отце, который «как бы начинал все сначала», а также акцентирование внимания слушателей на причине преследования – немецкой фамилии, в дальнейшем будут служить основанием структурных и символических параллелей самопрезентации рассказчика. В этом отношении логика самопредставления двух наших партнеров по интервью является схожей: в обоих случаях с родительским опытом (с материнским в первом интервью и с отцовским – во втором) проводятся явные или скрытые параллели, которые структурируют рассказ респондентов о самих себе и являются тематическим фоном артикуляции их детских воспоминаний. При этом в интервью А.Н. Горевой «привязка» к опыту матери не только обуславливает весь автобиографический нарратив, но также тематизирует большинство рассказов о военных годах, которые маленькая Александра провела, не разлучаясь с матерью. Пятилетний Е. Руднев расстался с отцом в самом начале войны, однако в своем рассказе о военных годах в двух тематических эпизодах он старается хронологически последовательно воспроизвести и отцовский опыт, который передает в первом случае, основываясь на собственных воспоминаниях, во втором – со слов матери. Единственное собственное воспоминание об отце, сохранившееся с военного времени, Евгений Николаевич приводит в контексте рассказа о начале войны, построенного из нескольких эпизодов:

«Ну, вот что дальше запомнилось? Вот как, вот, начиналась для нас война. Вот этот штрих я отчетливо помню. Да. Вот. Уже мне было больше чем четыре года, но такие отдельные осколки, куски, да, запомнились. Я помню, что мы с сестрой, да... вот, с сестрой... приехали к бабушке вот в субботу, вот двадцать первого. И, поскольку было очень душно, очень душно было, мы... значит, ночевать легли... Ночевали на улице <...> Да. И, значит, ночью... ночью, да, нас разбудили вот такие взрывы оглушительные <...> оглушительно гремели вот взрывы, и, самое интересное, запомнились вот такие султаны... оранжево-красные, вот над этими корпусами. Вот. Ну, Люда говорит: “Это маневры, маневры”. “Спи, маневры” – вот это я запомнил: “Спи”...

Но уже какой там сон да был? Ну, где-то это длилось в общем-то... в общем-то довольно долго. Потом прибежала бабушка:

“Идемте в дом! В дом, в дом! Быстро в дом!”. Почему в дом, (смеется) я не знаю. Хотя в общем-то надо было куда-то в другое место, если прятаться от бомб. Но, тем не менее, она нас забрала. Вот это я запомнил. Затем, утром... утром, еще мамы не было, мама где-то прибежала или приехала с Екатериновки, где-то уже после обеда. Вот. Мы ходили, смотрели вот эти развалины Политехнического института. Оно все там дымилось, помню. Да и запомнилось вот это первый вот женщины труп. Да. С оторванной ногой... Как и почему она там оказалась? Подол платья у нее подоткнут, да, одной ноги нету, да, и все в крови. Да. Вот.

Вот это врезалось. И мы дальше походили там, посмотрели там обломки от бомб – все дымит, и вернулись домой. И тут – да, приехала мама. “Собирайтесь, – ее слова были, – война”. Война, война! <...>Помню, что отец навещался к нам вот в июле, несколько раз. Уже все так цвела липа. Да. Вот... там, да. И приезжал он на черной «эмочке». Тоже помню, да. И что он тогда сказал: “Вот, стройте такой блиндаж-погреб от осколков, потому что немцы могут бомбить”. И вот во дворе этих домов, военных, вырыли сообща – ну все собрались там, и другие семьи, да, и вырыли, значит, вот такие погреба. Дров было там навалом, можно было пилить, взрослые все делали, мы что-то там помогали. Ну сделали такие то ли блиндажи, то ли я не знаю... Вот... Я помню, мы там сидели иногда, и над нами, над головами, летели самолеты, гудели, гудели, да, и самолеты эти были с крестами, да... Вот это врезалось, вот это было скорее всего по этому запаху липы, который я помню. Это был скорее всего июль, начало августа. Больше отца мы не видели. Да. Мы не видели. Вот, на этом этапе. Вот...»

Подобный способ вербализации собственных воспоминаний составляет особенность всего автобиографического рассказа Е. Руднева. Для этого способа характерны, прежде всего, объединение повествования с описанием, причем именно описание, рассказ о запомнившейся картине – ярком образе прошлого – является доминирующей единицей этих эпизодов. Содержание запечатлевшегося в памяти образа прошлого в рассказах Евгения Николаевича включает не только зрительные, но и слуховые, кинестетические, одорные составляющие, воспоминания о которых придают описываемой карти-

не многогранность и насыщенность. Показательным в этом отношении выступает эпизод тематического блока, посвященного пребыванию в Германии:

*«И вот потом, значит, когда нас освободили, а было это двадцать шестого апреля, да, сорок пятого года. Помню, значит, дым стелится по лагерю, да... И бегут наши солдаты, да, тащат пулемет. Один тащит, и еще сзади бегут и кричат: “Прячьтесь, дети, прячьтесь!”. Да. А мы не прячемся, мы смотрим на них. А впереди, значит, впереди видны мосты через Шпрее. Ну, где-то это... вот с точки зрения теперешнего геолога могу сказать, что это было километров ну пять, ну шесть. Да. Так, поскольку я видел эти очертания. Визуально мы можем определять расстояния. Нас учили в геологии, как это нужно делать. Вот... И тоже все... дым исходил вот... Вот это запомнилось, да... И... э... значит, когда, вот они уже полностью, эта волна прошла, идет вторая волна наших солдат, их уже больше, да. И тут мы уже кинулись им навстречу, начали целовать их, начали целовать сапоги. Вот именно что эти сапоги **пахли** дегтем, суглинком и вот чем-то специфическим, неприятным немецким. Да, это вот, это запомнилось, тоже врезалось так. Именно вот этот третий **запах** врезался. Такой **запах** вот нигде я больше вот не ощущал. Он какой-то специфический, резкий, неприятный **запах**. И это не только в одного, да, и в другого и в третьего солдата. Где они были, я не знаю. А вот это запах да, вот запомнился. Вот...»*

Второй отличительной особенностью артикуляции детских воспоминаний в устной истории Е. Руднева является их продуманная «пространственная организация»: каждый эпизод-картинка помещается автором в четко обозначенное пространство географических и материальных объектов – улиц, домов, лесов, рек, различного рода сооружений. Довольно часто при определении местоположения объектов различной природы, какими они сохранились в воспоминаниях, автор прибегает к собственным теперешним знаниям:

«...вот с точки зрения теперешнего геолога могу сказать, что это было километров ну пять, ну шесть»;

«В общем-то, оно, конечно, с теперешних позиций, как я летал, будучи геологом, по всему Союзу, то он уж не так и далеко. Но тогда нам казалось, что это очень далеко – Франкфурт-на-Одере...»;

«А это на востоке Германии пробираться, ну от Берлина туда было, я так по карте смотрел сейчас уже, где-то километров сто двадцать – сто шестьдесят от Берлина до Ландсберга...»;

или старается дать прошлые и современные названия строений и улиц, где разворачивались описываемые события:

«Ну и... значит, вот, чем запомнился сентябрь. Особенно вот приход немцев в Киев... да, это было 19 сентября. Мы с сестрой стояли... пошли на Крещатик и вот... здесь, значит, на площади Калинина²³, где теперь площадь Незалежности, по-моему, она называется, был тогда дом Гинзбурга²⁴, самый высокий... вот, и там собралось... здесь, по-моему, сейчас фонтан, собрались... огромная толпа людей. Вот. Огромная толпа людей собралась. И вот запомнилось, что немцы въезжали отсюда вот, от филармонии²⁵, на мотоциклах. На мотоциклах, и весь асфальт был усеян букетами цветов. Цветы, цветы, цветы – их (за)бросали цветами. Запомнились попы в черных рясах, и вот, почему-то женичины, тоже в черных платьях. Вот почему, не знаю. Вот такое (смеется), такое в память врезалось. Вот это. И цветы, море цветов... Да, эти мотоциклисты ехали, и на них бросали эти цветы. Вот коляски эти мотоциклетные, они были все в цветах. Такое впечатление, что это какой-то цветущий луг был. Вот это вот... запомнилось, как встречали немцев. Да. Хотя, скажем,

²³ Главная площадь Киева – площадь Независимости (Майдан Незалежності) – в разные годы носила названия: Крещатицкая, Думская, Советская, с 1935-го по 1977 г. – площадь Калинина. Перед переименованием в площадь Независимости в 1991 г. именовалась площадью Октябрьской революции. – Г.Г.

²⁴ Дом Гинзбурга – первый двенадцатизэтажный дом в Киеве, построенный в 1912 г. в районе улицы Крещатик, названный по имени владельца. Осенью 1941 г., как и практически весь Крещатик, был взорван при отступлении Красной Армии. – Г.Г.

²⁵ Здание бывшего Купеческого собрания, где до войны располагалась Киевская государственная филармония, было одним из немногих, уцелевших поблизости разрушенного Крещатика. – Г.Г.

«Бабий яр» в повести Кузнецова, несколько по-другому об этом (усмехается). Но, тем не менее, – это четко я помню, моя сестра помнила... Да».

Помимо указанной выше особенности локализации события в определенном пространстве, приведенный эпизод имеет и иные характерные черты организации рассказа-картинки, присутствующие во многих фрагментах и «историях» интервью. В данном случае речь идет об отсылке к «авторитетному мнению» (известной книге А. Кузнецова²⁶, а в дальнейшем рассказе – к популярным в советское время «Воспоминаниям и размышлениям» Г.К. Жукова²⁷), а также к схожим воспоминаниям иных людей (в приведенном отрывке – к воспоминаниям сестры, в других эпизодах – к воспоминаниям матери). Подобные ссылки позволяют рассказчику не только подкрепить собственные воспоминания воспоминаниями близких людей – участников описываемых событий (а также имплицитно ввести их в рассказ как действующие лица), но и расширить смыслообразующую составляющую события включением его «официальных», «экспертных» знаний и оценок, дополнительно легитимирующих повествование. В целом, для рассказа Евгения Николаевича характерно четкое и акцентированное отделение собственных воспоминаний от рассказов других участников события. Очень часто он вставляет в свое повествование уточняющие личностные «автора воспоминаний» реплики: «вот это мне запомнилось», «вот это я помню», «вот это врезалось в память», а также «со слов маминых», «мать рассказывала», «вот это сестра рассказывала» и т.д.

Особое значение в рассказе Е. Руднева имеют упоминания о воспоминаниях других бывших остарбайтеров. Довольно часто в устных историях этой группы лиц присутствуют ссылки на рассказы других знакомых принудительных рабочих для уточнения и подкрепления «фактологической» стороны собственного повествования. В таких случаях речь идет об уточнении и введении в повествование дополнительных сведений о распорядке дня и условиях работы, подробностях быта и т.д., то есть стремлении объединить собственный рассказ с воспоминаниями других людей и тем самым коллективизировать изначально индивидуальный опыт. Кроме детализации собст-

²⁶ Кузнецов А.В. Бабий яр: роман-документ. М., 1967. 287 с.

²⁷ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. 734 с.

венного повествования обращение к чужим воспоминаниям может играть и иную роль. Так, в заключительном эпизоде интервью Евгений Николаевич обращается к «чужому» воспоминанию как *облегчающему* построение собственного рассказа и артикуляцию собственного опыта.

«Евгений Руднев (далее – Е.Р.): ...она старалась на эти темы никому, ничего, никогда...

Интервьюер (далее – И.): И вам даже она не рассказывала, как она работала на этом заводе?

Е.Р.: Ну, так, вскользь. Да. Тяжело... общие такие фразы, бомбежки, издевательства, изнасилования...

И.: Даже такое было? Со стороны охраны немецкой?

Е.Р.: Да. Да.

И.: Или свои же?

Е.Р.: Ну, она говорила, изнасилования были. Да. Так что, говорит, ты, не дай Бог, пережить такое. А подробности она не любила. Она сразу начинала плакать, начинала трястись, вот так как Людмила Николаевна²⁸.

И.: Людмила Николаевна еще молодцом.

Е.Р.: Еще ничего, но она ж не все говорит. Я ж чувствую, но она, она будет плакать, конечно. Это так, просто так это нельзя рассказывать, особенно женщине. Она очень тяжело, это любая женщина переносит, это ж оскорбление ее женского достоинства. Ведь немцы же, немцы, это ж я четко знаю, что они делали вот с девками. Они ж их превращали в животное. Они ж их раздевали их догола, даже неудобно рассказывать об этом, это ж я помню.

И.: Это когда медкомиссия была...

Е.Р.: Какая медкомиссия? Это издевательство! Какая медкомиссия, это в лагере...

И.: Вот эта охрана?

Е.Р.: Да. Отдельная комната у них. Все. Туда водили и издевались, что хотели, делали над ними. <...> Да. Потом вешались. На завтра встаешь, уже две висят, да. Повесились. Ну, это ж, конечно. Потому что не всякий человек, не всякая девчонка мо-

²⁸ Людмила Николаевна Тарасенко-Залевская, знакомая Е. Руднева, также участвовала в проекте сбора устных свидетельств о рабском и принудительном труде в нацистской Германии. – Г.Г.

жет вынести такие издевательства... такие пытки, да. Это четко, да, я помню. Неоднократно было...»

В этом эпизоде Е. Руднев не столько рассказывает о событии, сколько акцентирует внимание на существовании среди бывших остарбайтеров-женщин чрезвычайно сложного для проговаривания опыта лагерных издевательствах и изнасилований, знанием о котором располагает и он сам. С одной стороны, этот опыт для него «чужой» – подобным издевательствам сам рассказчик не подвергался. С другой стороны, как следует из рассказа, беглое упоминание об изнасилованиях присутствовало в материнских воспоминаниях – для Евгения Николаевича родного, «своего» человека. Для облегчения построения рассказа об этом опыте он привлекает третьего «носителя события» – знакомую женщину, которая также была на принудительных работах в Германии в детском возрасте.

Возвращаясь к рассказу Е. Руднева о начале войны и жизни в оккупированном Киеве, следует отметить, что в сюжетном плане эта часть повествования организована вокруг историй, связанных с обеспечением семьи продуктами питания. Как и в рассказе А. Горевой (а также подавляющего большинства наших партнеров по интервью в рамках всего проекта), здесь присутствует описание практики обмена («менки») между городскими и сельскими жителями, когда на различную мануфактуру, спички, предметы домашнего обихода в селах выменивались продукты питания. В этом тематическом блоке Евгений Николаевич приводит примеры «добычи продуктов» и с собственным участием. Сохраняя логику своего нарратива, здесь он также объединяет повествование с описанием, а также четко локализует описываемые события в пространстве:

«Значит, как вот мы добывали продукты? Это было основное. Основное... а... в тогдашней жизни. Значит, мы ходили, в основном собирали бычки, окурки. Да. И больше всего, вот чаще всего мы... бывали вот, возле театра оперы и балета, особенно вот здесь вот, вниз, по улице Ленина. Да, сразу, где она пересекается с Владимирской, почему-то вот здесь больше всего вот, бывало окурков этих. И... дальше вот, значит, за углом сразу уже по Владимирской напротив оперного было много окурков. Вот возле оперного, почему-то, (смеется) окурков было мало. Да... но помню оперный этот

театр и огромное такое немецкое это красное знамя, белый круг и в середине черная свастика над фронтоном. Это я отчетливо тоже помню. Бычки потом мы потрошили и продавали по стакану табак. Продавали на Евбазе²⁹. Это тогда был очень большой базар, где сейчас это универмаг “Украина”, да...».

«Интересный момент, как еще добывали продукты. Значит, мы... Вот где Пушкинский парк, в самом конце, в самом конце, вот где такие рвы идут, да. Ну сейчас я не знаю, давно уже не был. Вот. А тогда там была бойня, вот там где рвы. Там, значит, окруженные заборами, вот, такими двумя заборами почему-то, я помню, вот. И там, значит, убивали этот скот, ну естественно, для немецкой армии. Да. Вот. И когда убивали уже, там собиралась огромная толпа людей, значит, через забор они бросали эти кишки (смеется). Да. Кишки с этим дерьмом, в крови, да. И люди, значит, бросались на эти кишки, били себя, друг друга били... и да. Измазались в этой крови, в этом дерьме. И вот иногда мы сюда ходили, нам кое-что перепало, ну естественно, детям что там могло хорошего перепасть? Ну, тем не менее, вот это я четко помню...».

В контекст этих коротких эпизодов-«зарисовок», связанных с поиском средств пропитания, впервые в ходе своего повествования Е. Руднев помещает историю, в которой описывает не только событие и действующих в нем лиц, но и последствия, которое оно повлекло за собой, а также его оценку. В структурном отношении эта история представляет собой «полный нарратив» и включает следующие элементы³⁰: короткое изложение сути эпизода/события, о котором рассказывается (тезис); описание времени, места, участников, ситуации (ориентация); изложение последовательности событий (комплекс действий); отношение к эпизоду/событию/действию, определение его значимости и смысла (оценка); сообщение о результатах того, что произошло (резюмация) и возвращение в настоящее время (кода).

²⁹ Еврейский базар в Киеве, располагался в районе современной площади Победы. – Г.Г.

³⁰ См.: Labov W. Speech actions and reactions in personal narrative // D. Tannen (ed.), *Analyzing Discourse: Text and Talk*. Georgetown University Round Table. Washington, DC: Georgetown University Press, 1987. P. 217–247.

«Да, затем, вот, бабушка попыталась эти продукты, вот эти – в основном сало, перепродавать на Евбазе, чтоб что-то заработать. Надо сказать, что она... до революции имела торговлю. **[тезис]** Вот этот вот дом, эта квартира пятьдесят один на Полевой, это как бы такой коридорчик, на втором этаже, затем кухня, маленькая комнатка, еще одна комнатка, и окно выходит прямо на улицу. И здесь, она когда-то рассказывала, что до революции здесь была дверь и прямо у нее была лавка. До революции и вот... в годы НЭПа... уже при советской власти. То есть она любила торговать. Потом эту дверь заложили и сделали окно только. **[ориентация]** “Вот я тут не буду открывать магазин, да. А я пойду на Евбаз и я попытаюсь что-то наторговать! Я вот при немцах! Немцы нам помогут! При немцах разбогатеем!” **[комплекс действий]**. Она очень так надеялась, что при немцах все пойдет очень так хорошо. **[оценка]** Да. И, значит, это уже со слов матери, да, моей. Принесла она это сало, да, на Евбаз, да. Кусочек продала и подошли три немца (смеется) с автоматами. “О! Шник! Гут, гут!” – забрали это сало все, повернулись и уходить. Она бросилась, значит, на немцев: “А деньги, деньги?” Ну, он: “Век!” – оттолкнул ее. Она тогда еще, он взял прикладом ее как дал! В это самое, в лицо – так она и... **[комплекс действий]** и умирая, ощущала этот удар. У нее все время болела левая сторона лица. Да. От этого удара. И с тех пор она больше, да, торговлей не занималась, **[резюмация]** и к немцам, да, она чувствовала тоже, только... страх и ненависть. То что... это уже с ее слов, да, только потом. **[оценка]** Да. Умерла она в шестьдесят пятом году, да, в возрасте семьдесят девять лет» **[кода]**

В этом эпизоде обращает на себя внимание желание рассказчика взглянуть на военное прошлое с разных сторон, не скрывая при этом опыта своих близких, ведь о бабушкиных надеждах, что «при немцах все пойдет очень так хорошо» можно было бы и не говорить. Как и умолчать о том, что родной дядя, брат матери, поехал в Германию добровольно:

«Ну, естественно, в Германию мы ехать не хотели... А вот Николай, мамин брат, вот этот Хворостенко, двадцать чет-

вертого года, он и Шурка Хамаза, еще третий был, я забыл как его фамилия, вот этих трех парней. Они решили ехать. И ехать добровольно, да. Ну, тут объяснения простые. Во-первых, во-первых, шла очень сильная агитация, что это Западная Европа, что это шик, что это немецкий порядок, немецкая культура и так далее, так далее... И все время крутили киноролики, где показывали, как якобы хорошо живут там те из советских юношей и девушек, которые поехали туда. Вот. И это вот сыграло свою роль, я помню четко, что... Николай умер в шестьдесят девятом году, в возрасте сорока пяти лет. Он мне рассказывал, что... вот... “Мы туда поехали добровольно!”. Вот. Добровольно, вот. Так что были и такие. Да, так вот он, он, значит, уехал».

Этим примером добровольного отъезда в Германию, контрастно противопоставленным описанию ситуации собственной депортации принудительного характера, Е. Руднев начинает вторую часть повествования, посвященную опыту пребывания в Германии. В организации этого тематического блока короткие и яркие эпизоды-«зарисовки», характерные для начала интервью, занимают менее важное место. Эту часть своего рассказа Евгений Николаевич строит по-другому, чередуя детальные описания условий жизни (организации рабочего лагеря, питания, одежды и т.д.) с развернутыми и «полными» в указанном выше отношении «историями», центральное место среди которых принадлежит трем «историям о спасении». Эти истории автор приводит как подтверждение, по его словам, именно в тех сложных условиях начавшейся веры в Бога:

«Ну, вот именно да вот сейчас все мы стали верить в Бога, да я вот об этом уже писал, потому что надеяться больше было не на кого. Только на Бога и на себя. То, что это говорили, вот религия опиум для народа, да, дурман да... А это пусть остается на совести тех, кто говорил. А вот тогда, к сожалению, уже было надеяться не на кого...»

В первой истории он рассказывает о случае, произошедшем в апреле 1944 г., когда его чуть было не застрелил комендант лагеря:

«Он выхватил пистолет. И вот я: “Боже! Спаси меня! Спаси меня, Боже!”. И как раз у него этот пистолет дал щелчок. Да. Он не

смог выстрелить, я успел спрыгнуть вниз и там уже под защитой этого отвесного склона мы уже стали убегать. Он уже не мог поразить нас из пистолета, мешал склон. Да. Вот этот факт запомнился на всю жизнь, да...»

Второй случай был связан с «невероятным спасением» во время бомбардировки лагеря военнопленных, осуществленной, по словам рассказчика, «нашими же самолетами». В этой истории Е. Руднев прибегает к характерному для его повествования введению в рассказ другого свидетеля события, а именно сестры. В данном эпизоде это введение объясняется предполагаемым недоверием со стороны слушателя, которое рассказчик подчеркивает также свернутым диалогом, включенным в повествование:

«Тут появились самолеты, и самолеты появились на бреющем. Вот... Первая волна, вот самолета три на бреющем прошли. С красными звездами на крыльях! С красными! Там я на работе рассказывал. “То были американские, то ты не так разглядел! То были белые звезды!”. Ничего подобного, и сестра четко видела этот факт – именно самолеты с красными звездами. Да. И вот следующая волна, где-то самолетов пять, они начали кидать бомбы на эти бараки с военнопленными. И абсолютно все, все погибли! Как мы остались живыми? Так же, примерно, как и в лагере Кепеник. Да, вот... чисто случайно остались живыми. Чисто случайно <...> Потому что мы... бежали, тут кто-то начал кричать: “Дети, прячьтесь, прячьтесь!”. А Люда: “Дяденька, так это ж наши! Это ж наши!”. Да. И, тем не менее, вот, разбомбили. Наши же самолеты уничтожили наших же военнопленных. Да».

Третий случай спасения благодаря вере в Бога произошел уже после окончания военных действий на территории, где находилась семья Крейцбургов, а именно в Ландсберге, где в проверочно-фильтрационном лагере Е. Руднев и его сестра встретились с матерью.

«Ну, вот в Ландсберге, вот в третий раз, вот вера в Бога меня спасла, я считаю. Там было очень много таких озер, выложенных бетонными плитами, ну, искусственных, естественно. У них, вообще, у немцев это в моде, такие озера. Ну, я плавать не

умел, да. Вот... И запускал кораблик. Ну, там кораблик не плыл, одним словом я бултыхнулся. Вот, а там сразу глубина, почти отвесная идет бортовая стенка. Я кричу: “Спасите! Помогите!”. Где-то, ну буквально в метрах в пятидесяти, стоит старый немец, хмуро смотрит и словно не слышит. Ноль внимания. А чувствую, что уже все: несколько секунд – и я начну тонуть. Плавать же не умел, да и где было учиться, когда. Но тут, слава Богу, проходил наш солдат, да. “Дяденька, помогите!”. Ну, он подошел: “Ну что ж ты, браток! Эх ты!”. Снял ремень, кинул мне, вытащил. Да. Вот. И все. А почему я не пошел ко дну? Потому что вот: “Боже! Спаси, помоги!”. Да. И вот правая рука нащупала скобу под водой. Под водой, вот на этой отвесной бортовой стенке и я удержался. Ну, сколько, я так тоже долго ж не мог держать. Но это вот спасло, я считаю, да».

В организации других историй о пребывании в Германии обращает на себя внимание роль, которую рассказчик отводит самому себе как участнику описываемых событий. Эта роль чаще всего пассивна, собственное участие в контексте описываемых событий рассказчик передает либо как обусловленное внешними обстоятельствами, либо как осуществленное в рамках коллективной инициативы – вместе с сестрой, с другими принудительными рабочими. На этом фоне особое значение приобретает следующая история, в которой автор повествования выступает активным действующим лицом:

«Наших солдат человек шесть ходило впереди и я замыкающий, значит, и вошли в эти самые, в эту оранжерею, или как ее назвать, цветочную или что. Вот мы идем и рассматриваем, да. Вот солдаты что-то там говорят между собой... и вот там возле некоторых вазонов вот этих с цветами, да... Все так красиво было, благоухает, солнце бьет через стекла... Стоят фотографии немецких солдат, немецких офицеров, в таких красивых рамках, не кое-где – везде. Ну, я не знаю, или тут работали женщины, это были их мужья там, сыновья, но, тем не менее, перед этим же проходили наши части, уже они освобождали ж это. Даже Жуков описывает, как они штурмовали Ландсберг, его войска... да, в своих мемуарах. Но, тем не менее, все это осталось. Почему-то где-то это стояло. Возможно, потому,

что там было много этих цветов, или что. Ну, тем не менее. И вот когда я увидел эти фотографии да... я начал это все рушить. Рушить, да. Ну, немцы, немецкие фотографии, немецкие офицеры...

И.: У вас как у ребенка тогда ненависть...

Е.Р.: Да! Страшная ненависть, большая ненависть была. Да.

И.: Это еще с Киева, наверное, сохранилось...

Е.Р.: Вот в Киеве еще я забыл рассказать про эту кухню. Но я расскажу.

И.: Потом расскажите.

Е.Р.: Вот про эту кухню напомните мне, что возле зоологического. Отсюда пошла ненависть, вот эта кухня, и когда мы возвращались, как задавила гестаповская машина, вот тут, возле Керосинной, мальчика. Вот это я забыл рассказать, это я расскажу потом.

Да. И я стал это крушить. А там, значит, какой-то солдат говорит: “Малыш, перестань! Перестань добро рушить!”. А второй говорит: “Да пусть отведет душу, пусть отведет! Хоть здесь отведет на фрицах душу!”»

Особенность этой истории состоит в специфике передачи рассказчиком собственного опыта, имеющего большую эмоциональную значимость. Для артикуляции этого опыта Е. Руднев, во-первых, прибегает к помощи других участников события, которых включает в повествование: реплику, в которой дается объяснение собственного поступка и собственного настроения, он произносит не от своего имени, а от имени солдата, наблюдавшего за случившимся. К стратегии построения рассказа путем включения прямой речи, произносимой в настоящем времени, Евгений Николаевич прибегает довольно часто, что позволяет и автору, и слушателю «вжиться» в повествование, прочувствовать его как заново происходящее. В данном же случае эта прямая речь имеет и иное значение: с ее помощью рассказчик передает свою точку зрения на событие как разделяемую другими людьми. Во-вторых, в данном отрывке отчетливо видна помощь, оказываемая со стороны интервьюера: слова о страшной и большой ненависти произносятся как ответ на «подсказку» партнера по интервью. Так же, как и отсылка к будущему рассказу о причине этой ненависти — случаю с хладнокровным убийством мальчика, о котором Е. Руднев действительно подробно расскажет далее. Это обращение к

помощи интервьюера, выстраивание рассказа как ответа на его вопросы или реплики мы уже отмечали в ходе приведенного выше анализа рассказа о случаях изнасилования, трансляция воспоминаний о которых для рассказчика была так же затруднительна.

Символически важным в данной истории предстает ее начало, где Евгений Николаевич говорит о том, как «все так красиво было, благоухает, солнце бьет через стекла». Здесь следует оговориться, что в нашу задачу не входит анализ или, тем более, оценка поступка Е. Руднева – для нас важным является исследование языковых средств, к которым прибегает рассказчик для артикуляции собственных воспоминаний. Описанием собственной детской ненависти к немцам и поступка, «давшего волю» чувствам, автор пытается передать свое отношение к войне в целом, и для этого помещает их в контекст контрастного противопоставления «красоты» и последующего разрушения. Это противопоставление имеет важную компенсаторную функцию: главный герой истории символически поступает так же, как поступил тот, кого он ненавидит, разрушив войною «красоту» мирной жизни.

По окончании рассказа о пребывании в Германии дальнейшее повествование Е. Руднева, так же, как и А. Горевой, в определяющей степени направлялось конкретными или уточняющими вопросами интервьюера. Конкретные вопросы были посвящены послевоенной биографии, в ответ на которые рассказчик часто включал истории судеб своих родных и близких, а также знакомых людей. Уточняющие вопросы, в соответствии с основной темой исследования, возвращали рассказчика к воспоминаниям об опыте пребывания в Германии, и именно на этом этапе интервью в ответ на поставленный вопрос Евгений Николаевич впервые рассказал о собственной принудительной работе, поместив этот рассказ в контекст упоминания о компенсационных выплатах бывшим принудительным рабочим:

«Сестра работала, да, и она получила вот первый транш. Она получила, поскольку она работала, где-то тысяча четыреста евро, она мне говорила. Ей осталось еще порядка девятьсот там или восемьсот евро. Но она уже второй, ее сыновья, я так понимаю, получили, потому что она умерла. Вот... я получил где-то четыреста девяносто девять, а второй с добавкой где-то четыреста там двадцать, где-то так, да. Она работала вот, как я уже рассказывал на станции Шлишебанхоф, на

сортировке посылок немцам, немецким солдатам. Вот... В Берлине... Потом она работала на какой-то фабрике в Берлине. Да. Но она там работала недолго, она что-то там стащила и каким-то образом это дело замяли, но ее выгнали оттуда. Вот. Ну и обычная такая работа, когда часто бомбили, это по расчистке руин всех выгоняли. Все, от мала до велика.

И.: И вас?

Е.Р.: Да. Всех. Абсолютно всех. То, что говорят, что согласно немецким законам Третьего рейха дети до двенадцати лет не работали. Возможно, такой закон и был! Но дети работали. Работали. Да. И по уборке лагеря, и по заготовке брюквы, переносили эту брюкву, все время давали задание. Вот. Перелопачивали в буртах, вот, чтобы она меньше гнила... Ну, а по расчистке руин, конечно, там дети, там... занимались такой работой наиболее легкой. Заметали там, если... там расчистили, там подметали. Вот... и так далее. А взрослые? Взрослые более тяжелые работы: разбирали эти глыбы, выносили на носилках. Вот....».

Как уже отмечалось выше, свой собственный опыт пребывания в Германии Е. Руднев в большинстве случаев не персонифицирует; его рассказ о себе самом в значительной степени ориентирован на обобщения, представляющие коллективный, а не индивидуальный опыт. В этом, как и ряде других отрывков, рассказчик демонстрирует интерес, проявленный им к современным трактовкам и точкам зрения на описываемые события, в уточнение которых он старается внести и свой вклад, и, видимо, поэтому выбирает логику обобщения, а не индивидуализации. В этой трансляции коллективного опыта показательным выступает следующий за приведенным выше фрагмент:

«Ну и насчет того, боролись ли остарбайтеры, эти узники, с гитлеровцами? Да. Было. Естественно, это не было с помощью оружия (смеется) и так далее. Ну и такое было. Это и Людмила рассказывала, и я сам немного помню. Потому что, скажем, вот то, что сыпали в бунксы песок, потом эти бунксы дымили и по существу вагоны выходили из строя. Это давным-давно известно. И это было, я знаю, лично это видел, как ребята это делали. Вот... А... э... скажем, как вот эти посылки, как Люда рассказывала, там подменяли. Вот она работала на э... сорти-

ровке посылок, которые шли на Восток. На Восточный фронт. Да. Эти посылки очень часто подменяли. Просили подменять. По цепочке. Откуда это происходило там, от какой организации? Об этом, естественно, там никто не спрашивал, да и кто бы там ответил на это вопрос. Но, тем не менее, да вот четко (кашляет). Тогда вот дальше шла информация, что там-то тогда-то взорвался какой-то э... вагон. Да. И, в общем-то, просчитывали, что это как раз взорвался тот вагон, где была эта подмененная посылка. Да. Естественно, никто не спрашивал, что в середине этой посылки. Раз надо подменить, то, конечно, все это делали. Вот... Ну... безусловно, что большинство этих, кто так или иначе был причастен к таким диверсиям, немцы или сразу расстреливали, или передавали в гестапо. Ну это тоже, значит, верная смерть. (короткая пауза) Ну это было как нечто само собой разумеющееся, поскольку все знали, все чувствовали, что Красная Армия не сегодня завтра будет в Берлине. Вот. И по-иному жить, по-иному действовать было нельзя. Только так».

Этот эпизод сохраняет те особенности построения рассказа Е. Руднева, о которых шла речь выше, а именно: стремление рассказчика уточнить имеющиеся на сегодня сведения («это давным-давно известно»), а также дать четкую информацию об «авторе воспоминания» и подтверждающую ссылку на иных участников события («это и Людмила рассказывала, и я сам немного помню»). Помимо этого, в данном фрагменте обращает на себя внимание то, что составляет не столько фактическую, сколько «нарративную правду»³¹ рассказанной истории, предлагающую дополнительные способы понимания опыта пережитого события и его значения в жизни человека. В данном фрагменте нарративная правда как организующий принцип повествования обусловила появление сообщения про такие способы «борьбы оstarбайтеров с гитлеровцами», которые, в соответствии с намерениями рассказчика, должны продемонстрировать бесстрашие и смелость советских принудительных рабочих, подразумевают наличие некой «организации», которая направляла и координировала их «борьбу», показывают общее настроение и уверен-

³¹ О «нарративной правде» см.: BenEzer G. The Ethiopian Jewish Exodus: Narratives of the Migration Journey to Israel 1977–1985. L.; N. Y.: Routledge, 2002. P. 46.

ность в скором освобождении и взятии Берлина именно Красной Армией, резюмируемые однозначной формулой «по-иному жить, по-иному действовать было нельзя».

В этом, как и в некоторых других фрагментах интервью, автор исходит из стереотипов современного дискурса о принудительном труде и принудительных рабочих нацистской Германии, семантически основанного на двух центральных образах – образе борца и образе жертвы. На наш взгляд, этот отрывок является одной из главных смысловых точек рассказа. Именно здесь Е. Руднев выражает свое отношение ко всему описываемому событию: в условиях чрезвычайной опасности всеми доступными средствами остарбайтеры боролись с врагом. Приоритет образа борца по сравнению с образом жертвы в его рассказе очевиден, и именно этим он отличается от рассказа А. Горевой, организованного вокруг опыта лишений, страданий и тревоги военного времени. Другой отличительной особенностью рассказа Е. Руднева является высокая степень генерализации смысла, вкладываемого в описываемое событие в целом. В своем повествовании он стремится к презентации совокупного опыта всех остарбайтеров, а не опыта себя и своей семьи, как в случае А. Горевой. Сравнивая эти два автобиографических нарратива, мы можем говорить о двух стратегиях совладания с «немецким» прошлым, которые одновременно определяют и форму, и содержание интервью: включения этого прошлого в семейную историю в первом случае и в коллективный опыт всех принудительных рабочих – во втором.

Конечно, эти два примера не исчерпывают всех возможностей организации повествования о пребывании на принудительных работах в нацистской Германии. Так же, как и наши рассуждения и наблюдения не претендуют на всеохватывающую интерпретацию всего богатства смыслов и значений этих двух историй. К этим, как и к любым другим интервью, можно поставить множество иных вопросов, применять другие подходы и методы анализа, составляющие суть критики устноисторического источника. В этой статье мы постарались показать, каким образом, анализируя форму и структуру текста интервью, можно делать выводы о системе представлений рассказчика, а также о способах, с помощью которых обычные люди, приобретшие схожий в широком значении опыт, структурируют свои рассказы и само прошлое.

Франка Маубах

СКАЗКИ, ИГРЫ, РОЛЕВОЙ ОБМЕН: ДЕТСКОЕ ОСВОЕНИЕ ВОЕННОГО НАСИЛИЯ (1939–1945)¹

Введение

Уже несколько лет широкая общественность Германии обсуждает вопросы истории детей военного времени. С 2002 года эта тема оказалась в центре внимания в связи с дебатами о «немцах как жертвах». Вопрос о страданиях немцев в период Второй мировой войны, являвшийся в ФРГ запретной темой и рассматривавшийся в ГДР с идеологических позиций, стал актуален благодаря двум ключевым текстам: роману Гюнтера Грасса «Траектория краба», посвященному изгнанию немцев из Восточной Европы, и яростной фуге «Пожар» Йорга Фридриха, в которой бомбовая война передана, прежде всего, в своих чувственных аспектах². Дети военного времени, родившиеся в основном в 1930-х годах, воплощали в себе немецкие страдания наиболее наглядно: в силу своего возраста, вне всякого сомнения, невиновные в немецких преступлениях, они, как утверждалось, были беспомощными жертвами войны и ничего не могли противопоставить развивавшимся вокруг них событиям, бездейственными наблюдателя-

© Франка Маубах, 2010

¹ © Шварцкопф К.Э., перевод на русский язык, 2009.

² См.: Günter Grass: Im Krebsgang, Göttingen 2002; Jörg Friedrich: Der Brand. Deutschland im Bombenkrieg 1940–1945. Frankfurt a.M./Zürich/Wien, 2003 [1-е изд. – 2002].

ми которых они являлись³. Пассивность, присущая детскому восприятию, невозможность преобразовать впечатления в опыт, то есть выразить эти впечатления словами и тем самым упорядочить их и осмыслить, нередко оказывали на детей травмирующее воздействие и впоследствии приводили к отклонениям в детской психике. Неудивительно, что первые путеводные исследования, касающиеся детей военного времени, принадлежали перу психологов, таких, например, как Гартмунд Радебольд, который смог установить, что такие травмирующие впечатления, как потеря отца, бомбовая война и изгнание оказывали негативное воздействие даже на психику бывших детей, которые уже стали взрослыми⁴.

Между тем в настоящее время психопатологический подход применяется исследователями уже не только по отношению к детям военного времени, но и по отношению к последующему поколению. Смотря на эту проблему в аспекте связей между поколениями, ученые изучают передачу негативных переживаний от детей военного времени «детям детей войны», родившимся уже после войны. При этом вопрос о негативном влиянии этих психологических травм на последующие поколения рассматривается в научно-популярной литературе (такой, к примеру, как недавно вышедшая в свет книга Анны-Эв Усторф) чрезвычайно спекулятивным образом. В действительности же нельзя с уверенностью утверждать, что неспособность испытывать привязанность к окружающим, присущая какой-нибудь дочери ребенка военного времени, родившейся уже в 1960-е годы, берет свое начало в детских воспоминаниях ее отца об изгнании. Утвер-

³ Стереотипная картина безвинного детства распространена не только в исследуемом здесь пространственно-временном контексте. См. о детях Второй мировой войны заголовки охватывающего несколько стран исследования Эмми Вернер: *Through the Eyes of Innocents. Children Witness World War II*, Boulder 1999 [на нем яз.: *Unschuldige Zeugen. Der Zweite Weltkrieg in den Augen von Kindern*. Hamburg/Wien, 2001]. Ср. первые нашедшие широкий резонанс в СМИ книги, авторами которых являются две журналистки: Hilke Lorenz: *Kriegskinder. Das Schicksal einer Generation*, München, 2003; Sabine Bode: *Die vergessene Generation. Die Kriegskinder brechen ihr Schweigen*. Stuttgart, 2004.

⁴ См.: Hartmut Radebold: *Abwesende Väter. Folgen der Kriegskindheit in Psychoanalysen*. Göttingen, 2001; Его же: (Hg.): *Kindheiten im II. Weltkrieg und ihre Folgen*. Gießen, 2004; Hermann Schulz/Hartmut Radebold/Jürgen Reulecke: *Söhne ohne Väter: Erfahrungen der Kriegsgeneration*. Berlin, 2004.

ждать, что это именно так, можно лишь в тех случаях, когда имела место крайне тяжелая психологическая травма⁵.

Такие примеры спекулятивного расширения дискурса травмы на потомков детей военного времени особенно четко показывают, что подход к этой проблеме с позиций психологии, безусловно, является антиисторичным, поскольку в этом случае о прошлом говорят исходя из современных психических симптомов, то есть определяют прошлое через настоящее. Радебольд с его психологическим подходом рассматривает детство «детей войны» как раз через призму современных симптомов. Этот психологический подход может быть оправдан, но он не должен быть лейтмотивом исследований о поколении детей военного времени и, прежде всего, не должен использоваться расширительно, в научно-популярной манере, то есть не должен распространяться на потомков детей военного времени.

Таким образом, дискурс о немецких «детях войны» с самого начала был порожден восприятием психопатологических симптомов. Этим детям почти автоматически стали рассматривать как «поколение жертв». И действительно, дети особенно беззащитны перед психологическими травмами, поскольку они совсем не могут (либо недостаточно могут) выразить свои переживания словами. А ведь травма и молчание идут рука об руку. Тем не менее, вслед за Ульрикой Юрайт, необходимо задаться вопросом о том, какую роль играют позднейшие описания страданий этого поколения. Ведь легко можно себе представить, что лица, родившиеся в 1930-е годы, могли специально делать особый акцент «на благе своего позднего рождения», которое заключалось в возможности не принадлежать к преступным элитам Третьего рейха, к лицам, несущим ответственность за преступления режима. Таким образом, ностальгические воспоминания о детстве как о некоем островке Эдем среди ада войны могли быть моделью, которую дети, ставшие взрослыми, использовали как описание самих себя, могли быть продолжением нарратива «созидающего поколения», к которому лица, родившиеся в 1930-е годы, долгое время себя причисляли. К тому же этот дискурс мог опереться на классическую

⁵ См.: Anne-Ev Ustorf: *Wir Kinder der Kriegskinder: Die Generation im Schatten des Zweiten Weltkriegs*, Freiburg, 2008; Sabine Bode: *Kriegsenkel: Die Erben der vergessenen Generation*. Stuttgart, 2009; научные работы следующих авторов: Hartmut Radebold/Werner Bohleber/Jürgen Zinnecker (Hg.): *Transgenerationelle Weitergabe kriegsbelasteter Kindheiten. Interdisziplinäre Studien zur Nachhaltigkeit historischer Erfahrungen über vier Generationen*. Weinheim/München, 2008.

идею детской невинности (но не беспомощности), и, тем самым, центральным моментом самосознания этих лиц становилось деятельное созидание в послевоенный период, а не страдания времен войны. Итак, чтобы взглянуть на дискурс о немецких «детях войны» критически, необходимо прежде всего понять представления этого поколения о самом себе и задаться вопросом о причинах, по которым это поколение думает о себе именно таким образом, а не как-нибудь иначе.

Дискуссия на эту тему, идущая в средствах массовой информации, с самого начала критически осмыслялась учеными – и по прошествии нескольких лет, то есть, как обычно, немного запоздало, стала рассматриваться в более обширном пространственно-временном контексте, что позволило найти взаимосвязь этой проблемы с другими явлениями⁶. И хотя преуменьшение немецких преступлений, а именно геноцида евреев Европы, сейчас уже определенно не принимает угрожающих размеров, страдания немцев, благодаря интенсивным исследованиям, уже стали неотъемлемой частью немецкой истории, а также историографии. Парадоксальным образом именно научное осмысление дискуссий, развернувшихся в СМИ, – проходившее, конечно с подобающим вниманием к деталям изучаемого явления, – сыграло не последнюю роль в устойчивом распространении дискурса о немцах как о жертвах. Кроме того, в настоящее время история детей военного времени обсуждается учеными и средствами массовой информации не как самостоятельное явление, а в широком контексте. Это происходит, во-первых, посредством расширения географических рамок: жизнь детей военного времени исследуется в масштабах всей Европы, при этом ее варианты сравниваются друг с другом. К примеру, совсем недавно на телевизионные экраны вышел четырехсерийный фильм, посвященный детям Европы, жившим в военное время⁷.

⁶ См. критическую работу Лотара Кеттенакера: *Ein Volk von Opfern? Die neue Debatte um den Bombenkrieg 1940–1944*. Berlin, 2003; по теме изгнания см., напр., диссертация проекта Кристиана Кёнига в университете города Йена: *Vertriebene in der Aufbaugeneration der DDR. Eine sozial- und erfahrungsgeschichtliche Studie*; по теме воздушной войны см. его же работу на получение ученой степени доктора наук; по теме сравнений между Германией и Англией см. также Dietmar Süß (Hg.): *Deutschland im Luftkrieg. Geschichte und Erinnerung*. München, 2007; о детях войны см. работу Лу Зегерс на получение степени доктора наук о девочках Германии и Польши в период войны и статью в этом сборнике. Сходным вопросам посвящены и мои собственные размышления.

⁷ См. очень интересный сопроводительный труд Юрия и Сони Винтерберг: *Kriegskinder. Erinnerungen einer Generation*. Berlin, 2009.

Основополагающая работа Николаса Старгарта также весьма способствовала формированию единого и в то же время дифференцированного подхода к истории детей военного времени – например, к истории немецких детей, переживших бомбовую войну или же истории преследовавшихся детей, которым удалось пережить национал-социалистическую политику изгнания и геноцида⁸. Благодаря контекстному рассмотрению, читателям была продемонстрирована широкая палитра различных детских впечатлений, и в результате вопрос о пережитых психологических травмах перестал быть центральным. На передний план выступили самые различные формы осмысления военного насилия детьми – формы, которые свидетельствуют не только о том, что дети были беспомощными и бессильными жертвами войны, которую вели взрослые. В настоящее время уже имеется почти необозримое количество воспоминаний детей, живших на самых разных театрах военных действий в самые разные временные фазы войны.

Чего все-таки не хватает, так это попытки описать с теоретических позиций сущность осознания войны детьми. То есть: как именно дети, не знавшие о войне практически ничего, эту самую войну воспринимали? В чем особенность детских впечатлений по сравнению с опытом взрослых? Ставя эти вопросы, мы можем стать жертвой вечного искушения, которое состоит в том, что мир детства рассматривается с высоты взрослого опыта. Эта опасность объясняется не в последнюю очередь тем обстоятельством, что большинство автобиографических источников по истории детства написано взрослыми, которые взирают на свои детские годы с позиций взрослого, дееспособного человека⁹.

Далее, необходимо попытаться описать типы специфически детских образов восприятия и поведения: во-первых, сказку как шаблон для детского восприятия войны, во-вторых, игру как способ поиска возможных форм поведения в опасной ситуации. Принимая это во внимание, можно рассматривать ролевые игры еврейских детей как игру «не на жизнь, а на смерть». Другими словами, еврейским детям, идентифицирующим себя с преследователями – или, в более широ-

⁸ Nicholas Stargardt: «Maikäfer flieg!» Hitlers Krieg und die Kinder. München, 2006 (в англ. оригинале 2005).

⁹ См.: Imbke Behnken/Jürgen Zinnecker: Die Lebensgeschichte der Kinder und die Kindheit in der Lebensgeschichte, in: dies. (Hg.): Kinder, Kindheit, Lebensgeschichte. Ein Handbuch, Seelze-Velber 2001. S. 22.

ком смысле, с христианами, удавалось – хотя и в ограниченном количестве случаев – пережить Холокост¹⁰.

1. Хрупкий и свободный: детский мир переживаний во время войны (теоретические основы)

Опыт порождает осознание – такова основополагающая мысль истории человеческого восприятия. Выражая пережитое словесно и структурируя эти переживания, люди придают им смысл, соединяют свои впечатления в биографическую цепочку и тем самым делают их понятными для себя и других. Опыт – это повторяющееся переживание, которое, становясь привычным, теряет изначально присущий ему ужас новизны и наконец-таки поддается оценке. Незведанное, напротив, часто пугает, и одновременно является основой для новых открытий, посредством которых оспаривается известное ранее. Поэтому опыт – это не в последнюю очередь опорная, оберегающая структура, посредством которой впечатления, поступающие из хаотического мира, фиксируются посредством биографической и общественной категорий. Зигмунт Бауман определяет опыт как «объективную сторону «переживания», а переживание как «субъективную сторону опыта»¹¹. Наконец, понятие опыта скорее относится к жизненному миру взрослых: опыт едва ли может передаваться опосредованно; наоборот, в соответствии с пословицей, он приобретается каждым человеком в течение жизни. Об этом, к примеру, свидетельствует реакция разных поколений на начало Второй мировой войны: в то время как в Германии старшее поколение, уже пережившее Первую мировую войну, встретило начало войны скорее с чувством страха и скепсиса, многие дети и молодые люди с восторгом поверили в пропагандируемую в то время идею «окончательной победы» – и первые победоносные «блицкриги» подтвердили их ожидания¹². Но когда, в ко-

¹⁰ В немного измененной форме я представила эту аргументацию в тексте: Märchen, Spiel und Rollentausch: kindliche Aneignungen gewaltsamer Übermächtigungen im Krieg (1939–1945) // Historische Anthropologie. 17 (2009). Heft 3. S. 406–430.

¹¹ Zygmunt Bauman: Eine Welt voller Erlebnisse, in: Kay Junge/Daniel Šuber/Gerold Gerber (Hg.): Erleben, Erleiden, Erfahren. Die Konstitution sozialen Sinns jenseits instrumenteller Vernunft. Bielefeld, 2008. S. 45–62, 45.

¹² См. о детях: Winterberg: Kriegskinder... S. 11–12. Эти наблюдения подходят так же для более взрослых, рожденных в начале/середине 1920-х годов молодых солдат и женщин, которые во время войны несли добровольческую служ-

нечном итоге, война была проиграна, многие молодые люди обратились к опыту старшего поколения и по прошествии лет признали правоту стариков.

Детское восприятие мира, в отличие от взрослого, основано на восприятии, при этом большинство переживаний в силу своей новизны не могут стать частью имеющегося эмпирического запаса. Многие переживания совершенно еще не могут послужить основой для приобретения нового опыта – и потому существуют разрозненно, субъективно. В этом смысле справедливо будет говорить о некоем детском «мире переживаний»¹³. Этот мир переживаний еще не вполне структурирован и упорядочен, он хаотичен, как и сам окружающий мир. Если смысловым стержнем взрослого опыта является речь, то смысловой стержень детских переживаний – бессловесность. В особенности маленькие дети реагируют на новые события без слов – то есть, в буквальном смысле этого термина, инфантильно, но зато воспринимают их всеми своими чувствами, вместо того чтобы – возможно, преждевременно – преобразовывать эти события в существующие речевые шаблоны¹⁴. В лучшем случае детским воспоминаниям при-

бу. О «поколении добровольцев» и их непоколебимой вере в победу в противоположность зачастую скептически настроенным по отношению к войне их родителям см.: Franka Maubach: *Die Stellung halten. Kriegserfahrungen und Lebensgeschichten von Wehrmachthelferinnen*. Göttingen, 2009.

¹³ Это понятие примыкает к размышлениям из «жизненной философии» конца XIX столетия, в рамках которой было введено понятие «жизненный мир», как это сделал, к примеру, Дильтей в своих размышлениях о переживании. Его определение переживания все же противоречит тому смыслу, который вкладывается в это понятие в данной работе. Ведь переживание создает именно взаимосвязь смысла и понимания и тем самым более соответствует такому используемому в этой же работе понятию, как опыт. Понятие «жизненного мира» используется и развивается Гуссерлем. См.: Edmund Husserl: *Phänomenologie der Lebenswelt. Ausgewählte Texte II*. Stuttgart, 1998 (первое издание в 1986).

¹⁴ См. о детской инфантильности и ее последствиях прежде всего также рассуждения итальянского философа Джорджо Агамена: «Детство и история. Исследование о разрушении жизненного опыта» и в его же работе: *Kindheit und Geschichte. Versuch über die Zerstörung der Erfahrung*, in: ders.: *Kindheit und Geschichte. Zerstörung der Erfahrung und Ursprung der Geschichte*. Frankfurt a.M., 2004 (в итал. оригинале 1978). S. 21–95, 69. Агамен обращается здесь именно против Гуссерля и его веры в чистый и «немой» опыт, который никогда нельзя постигнуть в субъекте, так как субъект конституирует себя только благодаря языку. «Будучи далеко отдаленным от того, чтобы представлять собой нечто субъективное, исходный опыт может являться только тем, что имеется в чело-

сущ этот действительно чувственный привкус ранних впечатлений. Описанный писателем Прустом вкус пирожного «Мадлен», которое герой по имени Сван окунает в чай и тем самым пробуждает к жизни все свои детские воспоминания – лишь один из классических примеров чувственности, присущей детскому миру переживаний¹⁵. В бесчисленных более прозаических вариантах, встречающихся в автобиографической литературе, описываются схожие впечатления, обусловленные интенсивным шумовым, вкусовым или цветовым воздействиями.

В автобиографической литературе, принадлежащей перу детей военного времени, можно, к примеру, обнаружить эстетизацию бомбовой войны, отражающую именно эту чувственную открытость, свойственную детству. Часто на это первоначальное переживание наслаиваются более поздний опыт и знание о том, что бомбы могут принести с собой смерть. Те авторы, которым, хоть и не в полной мере, удастся отделить этот более поздний опыт от первоначального переживания, вспоминают о том, что воспринимали бомбовую войну как «прекрасное зрелище».

Чувствительность к эстетике этого впечатления может иметь своей причиной тот факт, что бомбовая война осталась лишь коротким эпизодом в жизни ребенка, то есть вовсе не была воспринята им как деструктивное явление. Эта мысль верна, к примеру, в отношении польского писателя Ричарда Капустинского, родившегося в 1932 году. В одной из автобиографических заметок о своем детстве в Польше периода войны он описывал первый (и практически последний) пережитый им бомбовый налет следующим образом:

«Все начинается с того, что однажды на чистом, голубом небе (а небо в сентябре 1939 года было в великолепной лазури, без единого облака) я обнаруживаю двенадцать мерцающих серебряным светом точек, парящих очень высоко. Светлый купол неба наполняется монотонным, неизвестным мне прежде гулом. Мне семь лет, я стою на каком-то лугу и смотрю вверх на эти

веке до субъекта, то есть до языка – а именно «немым» опытом в буквальном смысле, *инфантильностью* человека, границы которой как раз таки и определяются языком. В этом смысле теория опыта может быть ничем другим как теорией детства». (Курсив Дж. А.)

¹⁵ Marcel Proust: *Auf der Suche nach der verlorenen Zeit*, Bd. 1. Frankfurt a.M., 2000 (на нем. впервые в 1953, на франц. 1913). S. 63–67.

точки, которые, как мне кажется, едва передвигаются по небу. Внезапно совсем близко, перед лесом, раздается ужасный грохот, и я слышу, как бомбы разрываются с дьявольским шумом (о том, что речь идет о бомбах, я узнал лишь позже, в этот же момент я еще даже не подозреваю, что такое явление как бомбы существует, это явление мне незнакомо – мне, ребенку из глубокой провинции, который никогда не видел ни радио, ни кино, не умеет ни писать, ни читать и ничего не знает о войне и смертоносном оружии). Я вижу, как взмывают вверх гигантские фонтаны земли. Я хочу побежать к этому необычному зрелищу, которое притягивает и очаровывает меня, ведь я еще ничего не знаю о войне и не в состоянии связать воедино причину и следствие, связать эти блистающие серебряным цветом самолеты, гремящие бомбы и земляные знамена, реющие на уровне верхушек деревьев, с угрожающей мне смертью. Итак, я бегу в направлении леса, бегу к падающим и взрывающимся бомбам, но тут сзади за плечо меня хватает рука и бросает на землю. “Ложись, – слышу я дрожащий голос матери, – не двигайся”. И я вспоминаю, как мать прижимает меня к себе и говорит о чем-то таком, о существовании чего я не знаю, смысл чего мне неведом и о чем я хотел бы спросить. “Там – смерть”, – говорит она¹⁶».

Рассматривая это воспоминание о начале войны, мы сразу же видим, как Капустинский осознанно пытается разделить свои более ранние ощущения и последующие знания. Он подчеркивает, что, будучи ребенком из провинции, не умевшим ни читать, ни писать, не знал о том, что такое бомба, не говоря уже о собственно войне. Поэтому первый бомбовый налет в сентябре 1939 года, потрясший мальчика, воспринимался автором как восхитительное представление, очаровательное в силу присущих этому явлению мощных чувственных впечатлений. Маленький мальчик видит сначала только светящиеся серебряным светом точки на лазурно-голубом небе уходящего лета, затем слышит «гул», «ужасный грохот» и «адский шум», видит затем «гигантские фонтаны земли», которые – словно огонь –

¹⁶ Ryszard Kapuściński: Pińsk, in: ders.: Die Erde ist ein gewalttätiges Paradies. Reportagen, Essays, Interviews aus vierzig Jahren. München, 2002 (на нем. впервые в 2000 г., в польском оригинале этот фрагмент встречается в различных произведениях). S. 11–30, 12–13. Курсив приводится по первоисточнику.

взлетают до самых макушек деревьев. Это переживание, в процессе которого он был едва в состоянии отличить «причину и следствие» и тем более оценить смертельное действие прекрасного зрелища, притягивало его с такой силой, что он хотел даже побежать навстречу происходящему, чтобы получше рассмотреть данное событие. Мать, которая внезапно бросила его на землю, воплощает здесь точку зрения на происходящее с позиций опыта взрослого: она понимает, что бомбы могут стать причиной смерти. Только благодаря ее дрожащему от страха возгласу «там – смерть» ребенок смог осознать, что чуть не вверг себя в большую опасность. Сам ребенок в этой сценке не говорит, а лишь переживает происходящее. Эта тщательно зарисованная сценка дает нам некоторое представление о самой сущности такого явления, как детские переживания.

В следующем рассматриваемом примере вся чувственная мощь детского восприятия сохранилась, поскольку в этом случае детские переживания – в отличие от истории с Капустинским – являются частью развернутого повествования, в котором бомбовая война предстает не как нападение, а как спасительный акт. Писатель Гюнтер Кунерт, который родился в 1929 году в Берлине, и семья которого отвергала национал-социалистический режим (не в последнюю очередь из-за того, что мать была еврейкой), полагал, будучи ребенком, что бомбардировщики союзников по антигитлеровской коалиции не могут причинить ему вреда, поскольку он мог считать себя приверженцем союзных сил. Он даже полагал, что эти бомбардировщики не только не убьют его, но наоборот, спасут. В своих воспоминаниях «Игры взрослых» Кунерт изображает авиационные налеты как большой красочный фейерверк, устроенный для того, чтобы его защитить. Кунерт пишет:

«Ночью англичане, днем американцы. Мои симпатии принадлежат персоналу “летающих крепостей”, которые в солнечном сиянии прокладывают через небесную лазурь нежные, белые полосы, сопровождаемые бесшумно падающими ватными шариками – взрывающимися зенитными снарядами. Какое зрелище! Я абсолютно уверен, что мне нечего бояться. Люди наверху не желают мне зла. Напротив: то, что они спускают из своих машин на крыши, предназначается не мне и тем самым не может меня настичь. Судный день меня не коснется. Цель бомбежек – другие люди, люди, которые должны принести право-

судию искупительную жертву. И, будучи твердо, хоть и без всяких на то оснований, убежден в том, что благодаря своей вынужденной позиции стороннего наблюдателя я защищен от бомб, “бомбоустойчив”, я наблюдаю за воздушным налетом как за волнующей передышкой, прервавшей мои будни¹⁷».

В данном случае эстетическое впечатление, имевшее в истории с Капустинским скорее форму нейтрального цветового восприятия (серебряные точки на лазурно-голубом фоне и прочее), усиливается посредством поэтизации, осмысленно вводимой в повествование взрослым человеком – самолеты «прокладывают в солнечном сиянии нежные, белые полосы сквозь небесную лазурь». Ребенок наблюдает за воздушным налетом с удовлетворением находящегося в безопасности стороннего наблюдателя, защищенного благодаря своей симпатии к нападающим. В отличие от Капустинского Кунерт, которому к этому времени исполнилось где-то лет десять, знает о разрушительной силе бомб, но все же полагает, что они не могут ему навредить. Возникшее в это время выражение «быть бомбоустойчивым», распространенное также и после 1945 года в немецком послевоенном обществе, используется здесь неожиданным способом: «бомбоустойчивым» можно быть даже под градом пуль, если на тебе надета защитная мантия твоей прочной веры в победу «добра» над «злом». И эта вера кажется бессмысленной только с позиции более позднего, якобы рационального взгляда на мир, присущего взрослому человеку. В момент же самого налета такая вера может оказывать на психику ребенка успокаивающее воздействие. В указанном примере мы видим, как проявляет себя присущая детям манера борьбы со своим страхом – манера, на которую до сегодняшнего времени в исследованиях, посвященных детям военного времени и сосредоточенных на травматических последствиях, обращалось мало внимания. Кстати говоря, Кунерт и сам указывает на «своеобразную психологическую защитную оболочку», присущую детям войны¹⁸. В отличие от взрослых Кунерт, находясь в подвале, не испытывал страха и даже воспользовался человеческой сутолокой в темноте для того, чтобы пережить свое первое любовное приключение. И даже когда дом его семьи

¹⁷ Günter Kunert: *Erwachsenenspiele. Erinnerungen*. München, 1999 (первое изд., 1997 г.). S. 45–46.

¹⁸ Winterberg: *Kriegskinder...* S. 110.

разбомбили, Кунерт предположил ошибку. Как он сам заявляет, «я утешал себя той мыслью, что кто-то там наверху плохо прицелился»¹⁹.

Эстетизированные, приукрашенные описания бомбовой войны являются лишь частью обширного мира детских переживаний. Этот мир отличался своей аморфной структурой. И как раз по причине того, что дети не могут опереться на уже существующий, структурированный опыт, детским переживаниям и жизни присущи такие качества, как незаурядная хрупкость *и в то же время* столь же исключительная гибкость. Говоря о детстве детей военного времени, эту двойственность необходимо иметь в виду, дабы не оказаться в плену одностороннего подхода. Переживания детей военного времени можно назвать хрупкими из-за того, что дети нередко бежали навстречу опасности (как Ричард Капустинский) вместо того, чтобы защититься от нее. Но, с другой стороны, действия детей, не будучи детерминированными имеющимся опытом, являлись более гибкими, чем действия взрослых. В то время как опыт, приобретаемый нами в ходе нашей жизни, управляет нами и ограничивает наши способы реагирования и поведения, предоставляя в наше распоряжение лишь ограниченный набор рационально осмысленных возможностей, совершенно свободное от опыта переживание является предпосылкой специфически детского способа восприятия событий и реагирования на них. Эта особенность могла во время войны защитить детей и даже помочь им выжить (как в примере с ментальным защитным слоем Гюнтера Кунерта). Если принять эту характерную черту во внимание, дети военного времени предстанут перед нами в совсем другом ракурсе, свободном от явления проекции, а это заставит нас удивиться также и другим способностям, имеющимся у детей.

Исследование детских восприятий, способов переживания и действия уже само по себе возвращает взрослого в мир, в котором существует множество возможностей восприятия событий и реагирования на эти события. Для того чтобы проводить такое исследование, требуется относиться серьезно к таким альтернативным восприятиям и способам действия, которые кажутся нам иррациональными и даже более того – невозможными для дееспособного человека. Перед нами внезапно открывается огромный выбор исторических альтернатив, которые мы – в силу их кажущейся бессмысленности – ранее забра-

¹⁹ Kunert: Erwachsenenspiele... S. 61.

ковали. Это объясняется не в последнюю очередь тем обстоятельством, что прочные причинные связи – причина и следствие – чужды ребенку. Это совершенно очевидно на примере описания Капустинским налета бомбардировочной авиации. Причина (бомбы) и следствие (возможная смерть) не образуют логической причинно-следственной цепочки, вместо этого серебряные точки на небе кажутся автору причиной того, что земля взлетает от почвы к деревьям огненными фонтанами. В то время как причина и следствие являются важнейшими темпоральными структурами исторической науки, разграничивают один исторический период от другого и, говоря в целом, являются средством создания истории как явления, дети переживают мир как скопление разрозненных, не связанных друг с другом событий. Это позволяло им прибегать во время войны к таким способам восприятия и реагирования, которые являлись как опасными для жизни, так и необходимыми для выживания одновременно. Приближаясь к источнику опасности, дети встречали ее лицом к лицу и тем самым лишали эту опасность способности вызывать страх. Так, когда под конец войны русские самолеты сбрасывали бомбы на немецких оккупантов, русская девочка Вера поступала точно так же, как Капустинский и Кунерт. Она побежала к месту бомбежки, чтобы посмотреть на «наши бомбы», а затем принесла один из осколков домой. Испуганной, опасющейся за жизнь своей дочери матери она объяснила, что собственные бомбы не могут ее убить²⁰.

2. Сказка как гибкий способ восприятия

Специфический детский мир переживаний можно охарактеризовать как сказочный мир, ведь именно эта созданная взрослыми и отвечающая детским потребностям художественная форма весьма близка к детскому миру переживаний и потому нередко применялась и применяется детьми для того, чтобы упорядочить и выразить словами свои переживания²¹. Я понимаю сказку как посреднический жанр: с ее помощью взрослые приближаются к пониманию детского мира переживаний, в то время как детям сказка дает возможность впервые дать некую форму их зачастую бессловесному восприятию

²⁰ Swetlana Alexijewitsch: Die letzten Zeugen. Kinder im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 2005 (в рус. оригинале в 2004 г.). S. 66–67.

²¹ См. о сказках: Bruno Bettelheim: Kinder brauchen Märchen. München, 2008 (на нем. впервые в 1977 г., в амер. оригинале – в 1975-м); Stefan Neuhaus: Märchen. Tübingen/Basel, 2005.

хаотичного мира и выразить это восприятие словами. Аморфная структура мира детей, отсутствие рационального принципа «причина–следствие» ликвидируются благодаря свойствам сказки как пространства, в котором возможно все и вся: здесь звери разговаривают и превращаются в людей, люди летают и могут воскреснуть. Детский мир едва ли знает что-либо о рациональных причинно-следственных связях. Наоборот: он создает собственные логические обоснования. Этот факт как раз и проявляется в мире сказок – в мире, в котором взмах волшебной палочкой может привести к тому, что зверь превратится в человека.

В то время как свойственная сказке беспредельность возможностей соответствует детскому мироощущению, ясные и неопровержимые представления о Добре и Зле, являющиеся отличительными характеристиками всех сказок, позволяют преобразовать хаос в некую первичную упорядоченную структуру²². К тому же эта манихейская картина мира, чуждая любым противоречиям, позволяет упорядочить весь необъятный мир на принципах морали, поскольку исходит из того, что Добро всегда в конечном итоге побеждает Зло (в соответствии с пословицей «Хорошо все то, что хорошо заканчивается»). Во время войны дети столкнулись с насилием и разрушением, потерями и смертью, и только вера в победу Добра (или же «хороших» людей) могла придать им силы, необходимые для выживания. Такой взгляд на мир немного уменьшал потребность детей в защите со стороны взрослых. Это именно та логика сказки, которая придавала Гюнтеру Кунерту уверенность в том, что «хорошие» (союзники) убьют не его, а только лишь «плохих» (нацистов). Точно так же и русская девочка Вера совершенно бесстрашно приблизилась к «своим» бомбам. В этих примерах обоснование, как можно догадаться, вытекало из того простого правила, что бомбы могут навредить только тем, кому они предназначены – то есть, бомбы ведут себя соответственно намерениям того, кто их сбрасывает. В основе таких способов поведения лежит сказочная, манихейская, моральная картина мира.

Беспредельность возможностей, присущая сказке, равно как и выбор в пользу Добра лежат в основе появившихся впоследствии автобиографических и художественных описаний детских переживаний в период войны. Они вновь и вновь бросаются в глаза, стоит лишь единожды заострить на этой особенности внимание. Способ

²² См. к этому: Bettelheim: Kinder... S. 87–89.

описания прошедшего военного детства повинуются логике сказки, особенно в случаях, связанных с наиболее глубокими впечатлениями, оставленными войной. Это хорошо можно продемонстрировать на примере произведения Арона Appelfeld, израильского писателя, родившегося в 1932 году в городе Черновцы, принадлежавшем в то время Румынии. Appelfeld ясно осознает сказочный характер своего восприятия войны. После того как в 1940 году немецкие оккупанты и их румынские пособники расстреляли его мать, он со своим отцом был депортирован в трудовой лагерь, расположенный в украинской Буковине. Appelfeld удалось убежать из лагеря. Следующие несколько лет он скитался на свой страх и риск в лесах, временно проживал у одной проститутки, пока не был, наконец, обнаружен бойцами Красной Армии, и в итоге в 1946 году перебрался через Италию в Израиль, где сегодня является известным писателем. В его текстах преследование евреев изображается как сказка, написанная в манере Кафки. А причиной того, что эта сказка не заканчивается хорошо, не в последнюю очередь является тот факт, что рассказчик, присутствующий в сказке, является взрослеющей и даже взрослой личностью, обладающей соответствующими знаниями о происходящем. Возможно, что не в последнюю очередь именно эта сказочная условность его более чем 30 романов, которые почти все посвящены теме Холокоста, является причиной того, что в отличие от писателей-очевидцев – Имре Кертеса, Примо Леви или Хорхе Семпруна – Appelfeld почти неизвестен широкой читательской аудитории за пределами Израиля.

Когда Appelfeld в одном из интервью спросили, рассказывал ли он своим детям о своей (для взрослых почти невероятной) истории выживания и в какой форме он это сделал, он ответил, что поведал им «немного» о своих «приключениях» в скорее «сказочной» форме – «ведь на ребенка его рассказы как раз и производили впечатление сказки» – и затем добавил следующее: «В конце концов, моя жизнь была похожа на сказку. И только поэтому я и смог выжить»²³. Воспринимая окружающий мир как сказку, он смог отрицать сам факт убийства своей матери, хотя он и непосредственно пережил это событие. В своей автобиографии Appelfeld рассказывает, как он вновь увидел свою мать в тот день, когда блуждал в лесу и искал питьевой источник:

²³ Martin Doerry: «Nirgendwo und überall zu Haus». Gespräche mit Überlebenden des Holocaust. München, 2006. S. 26.

«Я искал весь день, и только под вечер нашел ручей. Я опустился на колени и начал пить. Вода открыла мне глаза: я увидел мать, которую не видел уже очень давно. Сначала я увидел, как она стоит у окна и смотрит вниз – точно так же, как она это делала всегда. Вдруг она повернулась ко мне и удивилась тому, что я был в лесу совершенно один <...>

Мать убили в начале войны. Я не видел, как она умирала, но слышал ее один единственный крик. Ее смерть глубоко меня впечатлила. Но еще глубже – ее воскрешение. Всегда, когда я радуюсь или грущу, передо мной появляется ее лицо; она опирается на подоконник или стоит в двери, как будто она хочет вот-вот ко мне подойти. Сейчас я на тридцать лет старше, чем была она. Годы не смогли ей ничем навредить. Она молода, и ее молодость всегда неповторима²⁴».

Даже будучи взрослым и признавая тот факт, что его мать действительно умерла, Аппельфельд все же верит в то, что она вернется или в то, что он ее снова увидит. Детская вера в сказку уступила место религиозному взгляду на мир, который не является ни иудейским, ни христианским, а пантеистическим или же гуманистическим, своего рода все еще детским²⁵. Наличие тесной связи между детским и взрослым вариантами веры у Аппельфельда показывает фраза, которую он высказал несколько лет назад в одном интервью: «Они (родители) были со мной. Они всегда были со мной. Я всегда вел с ними беседу и всегда говорил самому себе: они меня не покинули. Они придут. Я должен ждать. Они придут. И я жду – до сегодняшнего дня»²⁶.

Рецензенты и литературоведы указывали на то, что Аппельфельд почти во всех своих романах зондирует периметр Холокоста, не касаясь центральных событий. Действительно, Аппельфельд открывает нам широкий контекст нацистского геноцида европейских и восточноевропейских евреев, освещает обычный в Европе традиционный антисемитизм, повседневные практики исключения из общества (но также и нацеленные на интеграцию в общество жесты неко-

²⁴ Aharon Appelfeld: *Geschichte eines Lebens*, Reinbek bei Hamburg, 2006 (впервые в 2005, в оригинале на иврите в 1999). S. 58.

²⁵ В его работах эту «взрослую детскую веру» легко можно выявить.

²⁶ Интервью с Ароном Аппельфельдом, интервьюер – Барбара Добрик для SWR. URL: www.swr.de/swr2/programm/sendungen/zeitgenossen/archiv/id=660644/nid=660644/did=2818040/k8y7ir/index.html [5.7.2009].

торых христиан, зачастую женщин-христианок). Центральной темой его романов является, прежде всего, предыстория и последствия Холокоста. Только в 1997 году в романе «Ледяная мина» он отваживается затронуть самую сердцевину политики геноцида и устремляется мыслью в рабочий лагерь на реке Буг, в который он некогда был депортирован вместе с отцом²⁷. Здесь он – восьмилетний мальчик, убежавший вскоре из этого лагеря – мысленно рисует историю своего отца, который вместе с другими заключенными должен был строить мост через Буг. Есть ощущение, что сказочность его текстов возрастает по мере приближения к центральным событиям Холокоста. В «Ледяной мине» Аппельфельд использует сказочные мотивы в такой степени, как ни в одном другом из своих текстов. Так, в его романе именно заключенный Буцци обладает, несмотря на время, проведенное в лагере, «нечеловеческими силами», позволяющими ему раздавить трех немецких офицеров, прижав их к своей груди и в заключение обратить весь лагерь в пламя, и «в этом огромном пламени вознестись на небо самому»: «В тот вечер Буцци не выглядел как человек, а выглядел как великан, который набросился на силы тьмы, чтобы уничтожить их огнем»²⁸.

Некоторые дети на пороге взросления – или еще раньше – осознали, что война и преследования – это страшная сказка и кошмарный сон, в котором Добро никогда не сможет победить. В результате у них рано развился жанр пессимистической сказки. Еврейка Зельма Меербаум-Айзингер, на семь лет старше Аппельфельда, но рожденная так же, как и он в Черновцах и депортированная в рабочий лагерь на оккупированной Украине, где она и умерла, оставила нам 57 стихотворений. В семи из них содержатся прямые отсылки к сказке. Сначала эти отсылки имеют сугубо положительный смысл, как например, в том случае, когда Зельма пишет, что силуэт города, видимый издалека во время прогулки по сельской местности, напоминает «картинку из сказки», что вечерний свет светит «как в сказке» или что вечерний воздух так тих, «как будто он вслушивается в какую-то сказку»²⁹. Но в конце концов из сказки исчезает счастливый финал, и

²⁷ См.: Aharon Appelfeld: Die Eismine. Berlin, 2000 (в оригинале на иврите в 1997 г.).

²⁸ Там же. С. 197–198.

²⁹ Selma Meerbaum-Eisinger: Ich bin in Sehnsucht eingehüllt, hrsg. von Jürgen Serke. Hamburg, 2008 (первое издание в 1980 г.); Gedichte «Spaziergang» vom

этот пессимистический вариант сказки объединяется любовной печалью Зельмы, свойственной ее возрасту. И в этой печали отражаются актуальные события – постоянное преследование нацистами и страх перед депортацией. В этом отягощающем состоянии внутренних и внешних страхов Зельма создает новый, гораздо более приближенный к реалиям вариант сказки. При этом основная функция сказки теряется. В то время как сказка, которую мать или отец читают ребенку перед сном, является успокаивающей мантрой, направленной против страха и кошмарных снов, в стихотворении Зельмы «Колыбельная для меня» успокаивающая формула, которую она сама себе наговаривает, теряет свою действенную силу. Прежняя вера в счастливый финал сказки уступает место знаниям и опыту. Даже заклиняющее повторение не может восстановить прежнюю веру 16-летней Зельмы:

Я рассказываю, рассказываю и рассказываю себе легенду,
Легенду о любви,
Я рассказываю ее себе и все же уже не верю
И знаю, что все закончится плохо³⁰.

А в стихотворении «Сказка» героиню ожидает в итоге только черное как ночь одиночество:

Итак. Возможно, что это конец.
Дождь плачет и плачет ночь,
И плачет мой рот, моля о поцелуе
И плачет, и плачет – и смеется.

Наверное, так заканчивается любая сказка,
Потому, что в противном случае – разве это не так,
Кто-то остается один наедине с ветром,
И его алтарем становится ночь³¹.

Вера в победу Добра здесь давно уступила место уверенному предчувствию наступающей смерти.

29.11.1939 (S. 21), «Abend I» vom 14.7.1941 (S. 28), «Abend II» vom 12.12.1941 (S. 29).

³⁰ Meerbaum-Eisinger: «Sehnsucht» vom Januar 1941 (S. 35).

³¹ Meerbaum-Eisinger: «Märchen» vom 7.3.1941 (S. 37).

3. Игра как гибкий образ действия

Игра преобразует гибкое восприятие мира, присущее сказке, в активное детское действие. Поскольку детский мир переживаний как бы обретает плоть во время игры, то интерпретация игровых форм содействует реконструкции этих переживаний. Хотя игра, преодолевая время и пространство, представляет собой константу в жизни ребенка, она все же меняется в ходе исторического процесса. В игре особенно хорошо наблюдается «изменение постоянного»³², хотя многие игровые формы – такие как игры «разбойник и жандарм» или «прятки» – остаются в течение времени неизменными, регулярно эти формы все же наполняются новым содержанием, которые отражают конкретную историческую ситуацию: войну и преследование. Классическая игра «разбойник и жандарм» могла превратиться в игру в преследование евреев со стороны СС, а игра в «прятки» – стать репетицией «акции» в гетто. Особенно традиционная военная игра «разбойник и жандарм», в которой две группы участников действуют друг против друга, приобретает новые очертания под воздействием конкретных военных ситуаций³³. Акт игры часто является детской интерпретацией исторических событий. При этом речь идет все же не о повторении «один в один» исторического события. Игра часто отражает это событие в зеркальном отражении или ставит его с ног на голову – то есть отражает события специфически детским способом, которому присуще богатство фантазии. В этом случае взаимосвязи пространства и времени, причины и следствия свободно komponуются. Именно поэтому интерпретация игровой обработки войны и гонения позволяет вычленивать исторический контекст, исходя из специфически детской перспективы.

³² См. также: Jochen Martin: Der Wandel des Beständigen. Überlegungen zu einer historischen Anthropologie, in: Freiburger Universitätsblätter 33 (1994), S. 35–47. См. классическую работу об историзации детства: Philippe Ariès: Geschichte der Kindheit. München, 2003 (первое изд. на нем. – 1975 г., оригинал на фр. – 1960 г.).

³³ См. также о военной игре планируемую к публикации работу Сони Левзен: Krieg und Spiel. Zur Geschichte einer Beziehung seit dem 19. Jahrhundert sowie dies.: Der gespielte Krieg. Krieg und Spiel in Deutschland und Frankreich zwischen 1870 und 1950. Ein Projekt im Tübinger Sonderforschungsbereich «Kriegserfahrungen. Krieg und Gesellschaft in der Neuzeit», in: Jahrbuch der Historischen Forschung. Berichtsjahr 2004. München, 2005. S. 109–116.

Культуролог Йохан Хейзинга в своем вышедшем в 1938 году классическом трактате «Человек играющий» понимает игру как «свободное действие»³⁴. И хотя Георг Айзен в своей работе о связях между игрой и Холокостом, равно как и другие авторы, критикует это определение как романтическое³⁵, для нас оно является важным. Нередко игра «в войнушку» интерпретируется, прежде всего, как манипуляции детьми со стороны взрослых, как подготовка детей к войне. Одни лишь военные игрушки, изготовленные взрослыми для детей (весь мир оловянных солдатиков), уже сами по себе достаточно обосновывают этот тезис. Но самостоятельное преобразование этих игр детьми посредством активных игровых действий не поддается безоговорочной манипуляции. Как указала Сабина Бодэ, игра позволила детям выработать во время войны специфический и не всегда понятный для взрослых подход к тем испытаниям, которым они подвергались³⁶. Более того: это позволило детям бояться меньше, чем боялись взрослые, поскольку дети знали, как посредством игры укротить свои страхи. Часто детям удавалось побороть свой страх благодаря тому, что они вживались в роли сильных мира сего, в роли агрессоров. В этом, пожалуй, и состоит существенное различие игры с миром сказок, которому априори присуща солидарность с Добром. Для детей, играющих в войну, речь, наоборот, идет о том, чтобы добиться победы посредством насилия, пусть и сыгранного.

Этот гибкий образ действий, как подчеркивает все тот же Хейзинга, позволяет создать на ограниченной от внешнего, повседневного мира и от логики взрослого опыта игровой территории новый мир, в котором действуют собственные правила³⁷. Игра здесь также подобна сказке. Но изучая фантазийный мир игры, можно, тем не менее, выяснить существенные факты о войне, место детей в ней, особенно об их отношении к насилию. Во-первых, вместо того чтобы уклониться от опасности или защитить себя, дети приближались к источ-

³⁴ См. также: Johan Huizinga: *Homo ludens. Vom Ursprung der Kultur im Spiel*. Reinbek bei Hamburg, 2006 (на нем. впервые в 1956, в оригинале на голланд. в 1938). S. 16.

³⁵ См.: George Eisen: *Spielen im Schatten des Todes. Kinder im Holocaust*. München/Zürich, 1993 (в амер. оригинале 1988). S. 18, 165.

³⁶ См.: Sabine Bode. *Op. cit.* S. 203. Хильке Лоренц, напротив, не верит в это укрощение страха посредством военных игр, например, во время бомбовой войны. Lorenz: *Kriegskinder...* S. 117.

³⁷ См.: Huizinga: *Homo ludens...* S. 16.

нику этой опасности. Может даже показаться, что благодаря такому поведению они надеялись укротить эту опасность и суметь ее победить. В этом случае, возможно, проявилось детское свойство применять логику сказки по отношению к игровой реальности, ведь в сказках преодоление опасности нередко связано с действием магических заклинаний, а также соприкосновений. Сказочные герои превосходят всех отнюдь не физически, они побеждают не посредством оружия и борьбы, а благодаря имеющейся у них волшебной силе. Во вторых, необходимо рассмотреть такие игры, в которых дети олицетворяли себя с более сильными личностями, которые нередко одновременно являлись врагами – то есть пользовались стратегией, которой в этом случае не обладали взрослые. Немецкие дети играли в пилотов американских бомбардировщиков, преследуемые дети из еврейских семей играли в своих преследователей-немцев. Как поясняют эти два примера, принятие на себя идентичности более сильного наблюдалось в совершенно различных ситуациях. Далее мы продемонстрируем, что эта тождественность исчезала в тех ситуациях, в которых ролевая игра – как в случае со многими еврейскими детьми – становилась необходимым условием для выживания и теряла игровой характер.

Прикосновение к опасности в целях ее укрощения

Детская склонность приблизиться к опасности и «потрогать» ее противоположна поведению взрослых, которым свойственно либо убегать, либо защищать себя. Вместо этого ребенок полагает, что может предотвратить опасность уже только тем, что прикоснется к ней – как если бы посредством этого прикосновения происходило волшебство, обезвреживающее опасность. Примерами такой детской стратегии пестрит как история преследования и убийства евреев, так и бомбовая война. К примеру, Николас Штаргардт рассказывает в своей книге о еврейских детях в концентрационном лагере, которые состязались в том, чтобы добежать до электрической изгороди и дотронуться до нее, поскольку они знали, что электрический ток в течение дня был отключен и рассчитывали на это³⁸.

Похожим образом дети вели себя и в совершенно другом контексте – в ситуации бомбовой войны. Бомбовая война для детей также являлась фронтовой ситуацией, в которой протекала их повсе-

³⁸ См.: Stargardt: Maikäfer... S. 259. Он опирается здесь на книгу Инге Дойчкрон: ...Denn ihrer war die Hölle. Kinder in Gettos und Lagern. Köln, 1985.

дневная жизнь и в которой они выражали себя через специфические формы детской борьбы – в том случае, конечно, если они, как Кунерт, не полагали, исходя из своей особенной ситуации, что бомбы не могут им навредить. Игра с оружием, неразорвавшимися боеголовками или же осколками бомб и гранат постоянно описывается в литературе. Но зачастую авторы недооценивают то жизненное, в буквальном смысле этого слова, значение, которое эти игры могли иметь в плане осмысления войны детьми – войны, которую дети обычно переживали пассивно, сидя в бункере³⁹. Собираание осколков снарядов – явление, задокументированное на немецком театре военных действий не единожды, особенно четко показывает нам, что дети стремились предотвратить опасность, грозящую им с воздуха, заведая осколками снарядов. Дитер Форте, который представил на суд читателей в Германии литературное описание бомбовой войны, принадлежащее перу бывшего ребенка военных лет, описывает соби́рание осколков и обмен ими в своем романе-трилогии «Дом на моих плечах»:

«Собирать осколки было любимой игрой всех детей. Нужно было найти самые необычные и самые большие осколки бомб, чтобы обменяться с другими детьми – так же, как раньше обменивались марками. Чтобы получить высоко ценимые, красивые осколки, нужно было тотчас же после бомбового налета мчаться на улицу, собирать с помощью перчаток тяжелые, еще горячие, остроконечные бомбовые осколки и тащить их домой в жестяной канистре прежде, чем наступит следующий налет. Только такая смелость позволяла добыть необычные экземпляры, которыми все восхищались. Маленькие же осколки мог собрать каждый, ведь их можно было найти и в жилых помещениях»⁴⁰.

Тот факт, что надо было собирать еще не остывшие осколки – и чем горячее, тем лучше – сразу же после налета, показывает нам, какое значение придавалось возможности подойти к источнику опасно-

³⁹ О собирании осколков гранат см. также: Winterberg: Kriegskinder... S. 125; Margarete Dörr: «Der Krieg hat uns geprägt.» Wie Kinder den Zweiten Weltkrieg erlebten, 2 Bde., Bd. 1. Frankfurt/N. Y., 2007. S. 59–60.

⁴⁰ Dieter Forte: Das Haus auf meinen Schultern. Romantrilogie. Frankfurt a.M., 2004 (в этом изд. впервые в 1999). S. 472.

сти как можно ближе. Очевидно, таким образом можно было притянуть к себе ту разрушительную силу, которой обладали бомбы. В пользу этого говорит и то обстоятельство, что самые крупные осколки были наиболее вожделенными предметами обмена. Для детей это разрушенное оружие отнюдь не было бесполезным, в осколках еще присутствовали следы прежней действующей силы, которая сгущалась в самых больших обломках. Дети прямо-таки навьючивали себя взрывной способностью этих бомб, чтобы таким способом стать неуязвимыми. Сам Форте понимал происходящее именно таким образом:

«Возможно, все эти игры были только попыткой бросить вызов смерти; так как мы постоянно ускользали от рушившихся стен, снова и снова могли бежать по стальным балкам, не срываясь вниз, снова и снова вовремя перепрыгивали через неразорвавшиеся снаряды. И благодаря всему этому мы обретали уверенность в том, что будем жить»⁴¹.

В то время как взрослые, по обыкновению, бежали из зоны опасности или защищались с оружием в руках, дети, как им самим казалось, укрощали опасность, прикасаясь к ней или вбирая ее в себя. Даже если эта стратегия в действительности не могла ничем помочь против разрушительной силы взрослых, это поведение, все же уменьшало страх и тем самым являлось специфической, обусловленной войной версией классического испытания на мужество, которое готовило людей к реальной опасности.

Отождествление себя с более сильным

Дети постоянно воспроизводили в своих действиях военные события, происходившие на самом деле. В классических военных играх и играх-сражениях чаще всего две стороны выступают друг против друга – именно таким образом это происходит, к примеру, в классических игровых формах, таких как «разбойник и жандарм». Во время войны границы, отделяющие одну сторону от другой, пролегли в соответствии с положением линии фронта. Тем самым сугубо дихотомная структура сказки была перенесена в военные игры, разумеется, с тем различием, что пользующиеся спросом игровые позиции не всегда располагались на стороне «хороших». Участники игры хотели бо-

⁴¹ Там же. S. 474–475.

роться на стороне более сильных. Здесь ребенок не только прикасался к опасности, но и отождествлял себя с насилием. Это игровое отождествление можно обнаружить на различных театрах войны в различные временные периоды, как в ситуации с бомбовой войной в Германии, так и в контексте нацистской политики преследования и уничтожения. Однако смысл этой ролевой игры для отдельного ребенка имел во всех этих случаях разные значения. Еврейскому ребенку переход – и не игровой, а вполне реальный переход – к неиудейской, «арийской» идентичности даже мог спасти жизнь. Для детей, испытывавших на себе тяготы бомбовой войны в Германии, игры, связанные с налетами бомбардировочной авиации, выполняли, прежде всего, задачу осмысления уже случившегося, позволяли повторно обрести способность к действию в ситуациях, неподвластных человеческой воле.

Насколько целительным игровое отождествление с агрессором могло быть в поставленном с ног на голову мире, в случае с бомбовой войной, показывает отрывок из сборника «Ничейная земля», изданного немецким писателем Генрихом Бёллем. Здесь запечатлены воспоминания тогдашних детей и юношей о конце войны и первых годах послевоенного времени. В этом сборнике есть рассказ Маргарет Йен об истории ее подруги Лени, которая в одиннадцать лет была «выгнана бомбами из полдюжины городов». Эта девочка была в конце концов эвакуирована на север Германии, и там она объяснила Маргарет, еще ничего не знающей о бомбовой войне, как следует себя вести во время налета:

«Несколько часов подряд мне приходится репетировать вместе с Лени “большой налет” <...> Лени сама изображает вой предупредительной сирены. Я, как сельский ребенок, слишком глупа для того, чтобы найти бункер, но мне повезло найти убежище в подвале частного дома, которое самым образцовым образом оснащено предметами, предназначенными для борьбы с пожаром и самостоятельного освобождения. И тут Лени нападает. Ее первая “комбинация”, состоящая из смеси простых фугасных бомб с дюжиной бомб зажигательных, после нескольких дней тренировок принуждает меня лишь небрежно тянуться к средствам тушения огня. Я экономлю силы для более изощренных “смесей”, которые Лени посылает мне с высот ее страха в мой городской дом. В то время как она, изображая вражескую

бомбардирочную эскадрилью, задает мне жару, я защищаю свою жизнь водой и песком, лопатой и заступом, топором и стамеской, я проворна и осмотрительна и никогда не падаю духом, пока Лени не проревет отбой.

Только тогда выпускает она меня из своего поля зрения, лишь тогда расслабляется ее лицо, только тогда она начинает верить в то, что выйдет невредимой из седьмого по счету города. И тогда весь остаток дня я могу играть с ней в другие игры»⁴².

Здесь мы видим, как тесно была связана вера детей в то, что они выживут, с заимствованием ими насильственных, приносящих смерть ролевых позиций. Один мальчик 1932 года рождения описывает, как он все лето 1945 года обустроивал в песчанике бункер, в который ставил своих оловянных солдатиков, чтобы затем бомбардировать их камнями. Как он сам объясняет, таким поведением природа (или, лучше сказать, гибкая детская психика) помогала сама себе⁴³.

Нацистская политика насилия по отношению к евреям Европы также привела к появлению бесчисленных новых игровых форм, при которых дети-евреи отождествляли себя с преследовавшими их немцами. В этом случае дети точно так же, как в примерах, о которых шла речь выше, присваивали себе такие способности к действию, которыми они не обладали в реальности. Джордж Айзен собрал многие примеры игр, свойственных для гетто – игр, с помощью которых дети переигрывали пресловутые «акции». Охотясь в гетто на спрятавшихся евреев, СС переворачивало все вверх дном. А во время игрового осмысления этих событий сильные и более взрослые дети выбирали себе роли эсэсовцев, в то время как более слабые и младшие должны были играть преследуемых евреев (тем самым, происходило перемещение реального соотношения сил в мир детей). Эта игра, равно как и совершенно обыденная игра в прятки позволяла детям подготовиться к реальным «акциям». Дети учились быстро

⁴² Margarete Jehn: Niemand's Land, in: Niemand's Land. Kindheitserinnerungen an die Jahre 1945 bis 1949, hg. von Heinrich Böll unter Mitarbeit von Jürgen Starbatty, München 1987 (впервые в 1985). S. 19–32, 20–21. Эту сцену Боден также воспринимает как пример осмысления травматических воспоминаний: Kriegskinder... S. 203–204.

⁴³ См.: Dörr: Krieg... S. 182.

прятаться, они искали и находили лучшие укромные уголки в гетто и могли при этом использовать преимущества своего небольшого роста для того, чтобы скрыться в недоступных для взрослых убежищах. (Фильм «Жизнь прекрасна» Роберто Бенини в этом смысле близок к мироощущению таких детей. Отец превращает концентрационный лагерь в огромную игровую площадку и учит сына, среди прочего, находить подходящий укромный уголок и сидеть там бесшумно так долго, насколько это необходимо, – и обещает сыну, что если мальчику это удастся, он выиграет новехонький танк. Спрятавшись, мальчик выживает). Один из основных тезисов Георга Штайнера как раз и заключается в том, что благодаря таким играм, дети приспособлялись к ситуации и могли разрабатывать стратегию выживания⁴⁴. Игра в агрессора или поиск подходящих укромных уголков могли спасти жизнь.

Если игровые партнеры, как это нередко бывает при игре в прятки, отсутствовали, такую игру можно было затеять и против других противников. Отрывок из автобиографического романа «Ложь во времена войны» Луи Бегли, который, будучи ребенком, пережил преследования евреев в Польше и смог выжить, является в этом плане особенно убедительным, доставляющим почти физическую боль, примером:

«Борьба против клопов в тайном убежище способствовала временному улучшению нашего положения, а также имела для меня дополнительное обаяние, о котором я ничего не рассказывал тете Тане. Я понимал эту борьбу как игру в войнушку, играя в которую, я, по меньшей мере в этом замкнутом пространстве, мог быть охотником и агрессором. Я был эсэсовцем, уничтожавшим в лесах партизан или же евреев-повстанцев в Варшавском гетто. Иногда СС приходилось проводить секретные акции – и нам приходилось делать то же самое»⁴⁵.

В этом примере Я-рассказчик воспроизводит в своем сознании «акцию» в гетто, при этом клопы символизируют евреев. Здесь мы видим обескураживающее заимствование нацистского жаргона, описывающего людей как насекомых, и придуманного нацистами для

⁴⁴ См.: Eisen: Spielen... S. 27.

⁴⁵ Louis Begley: Lügen in Zeiten des Krieges. Frankfurt a.M., 1996 (на нем. впервые в 1994, в амер. оригинале 1991). S. 107.

того, чтобы лишить свои еврейские жертвы человеческого облика. Эта идеологическая связь ведет в этом случае, осознанно или нет, к возникновению во время борьбы против насекомых такой игровой ассоциации, при которой ребенок переводит себя из пассивного состояния прятков в активную действенную позицию. Даже если Бегли в этом примере дополнительно, задним числом, домыслил эту ситуацию и придал ей художественные черты, все же в этой игре непосредственно проявляется историческая правда.

Такие ролевые игры могли стать репетицией ролевых обменов, происходящих на полном серьезе. Именно детям удавалось снова и снова выжить во время войны благодаря заимствованию неиудейской (христианской или «арийской») идентичности. Спрятать себя за маской агрессора получалось у детей – гибких и способных к адаптации уже по своей природе – чаще гораздо лучше, нежели это удавалось взрослым. К тому же еврейские дети вообще не имели другой возможности выжить. Будучи нетрудоспособными, они с самого начала были обречены на насильственную смерть. В лагерях им оставалась единственная возможность – играть роль взрослых, чтобы иметь право работать. Писатель и германист Рут Клюгер, 1931 года рождения, смог таким образом пережить Освенцим. Он стал одним из самых молодых узников, сумевших это сделать. В возрасте 12 лет он выдал себя во время «отбраковки» в концлагере за 15-летнего⁴⁶. В других случаях детям оставалось лишь прятаться или бежать – как это сделал Арон Аппельфельд. Вместе с тем многие родители заранее принимали решение спрятать своих детей, отдавая их в другие семьи или скрывая их в католических интернатах. Истории успешной смены ролей еще только собираются воедино. Довести это дело до конца – деяние, достойное похвалы, посредством которого можно было бы многое узнать о способах детей справиться с преследованием и насилием.

Так, Арон Аппельфельд выжил благодаря тому, что превратился в христианского юношу украинского происхождения (в этом ему помогла его «арийская» внешность). Язык и христианская вера были ему знакомы уже в раннем детстве, благодаря украинской няне, кото-

⁴⁶ См. также сцену «отбраковки» у Руфь Клюгер: *Weiter leben. Eine Jugend*. München, 1994 (впервые в 1992). S. 128–134. Этот аспект попыток казаться старше, чем на самом деле, обнаруживается во многих автобиографиях преследуемых в то время детей, например, у родившейся в 1929 г. Галины Биренбаум: *Die Hoffnung stirbt zuletzt. Aufbruch in eine neue Vergangenheit*, Oświęcim 2006 (на нем. впервые в 1989, в оригинале на польск. в 1986). S. 14–15.

рая в этом отношении сыграла спасительную «ассимилирующую» роль. Точно так же и знаменитый историк Зауль Фридлендер, недавно опубликовавший свое уже ставшее классическим произведение «Третий рейх и евреи», пережил войну в католическом интернате во Франции – в интернате, рьяно фундаменталистские и националистически окрашенные религиозные установки которого не далеко отстояли от традиционного антисемитизма и фашистской системы. В своей автобиографии Фридлендер описывает свое (пере) отождествление с христианством, которое зашло так далеко, что еврейский мальчик Пауль Фридлендер (которого отныне называли Пауль-Анри Ферланд и который впоследствии стал носить имя Зауль Фридлендер) смог воспринять даже классический христианский антисемитизм. Критика этого христианского антисемитизма, знакомого ему по собственному опыту, пронизывает всю его книгу, и кажется, что само понятие «избавляющий антисемитизм», которое он вывел для национал-социализма, отражает нечестивый альянс, образованный благодаря соединению двух разновидностей антисемитизма – традиционного христианского и «расового». «Третий рейх и евреи» – это одна из первых книг о Холокосте, в которой геноцид рассматривается сбалансированно, в аспекте действий как жертв, так и преступников, и в которой принимается во внимание вся неоднозначность этих действий, включая такое явление, как содействие жертв насилию над ними. Возможно, не в последнюю очередь именно собственная биография Зауля Фридлендера позволила ему построить свой рассказ об истреблении европейских евреев на принципах синхронности и сбалансированности, исходя при этом из обеих перспектив.

Спрятать себя в другой идентичности означало, как не в последнюю очередь показывает пример Зауля Фридлендера, играть ролевою игру «преследователь и преследуемый» против себя самого. Две стороны были объединены в одной единственной личности, и ребенок, не обладавший прочной идентичностью, а «игравший» еще с идентичностью гибкой, часто легко мог делать выбор между той или иной идентичностью или даже принимать решение о том, какая из идентичностей является его собственной. Почти шизофреническая ситуация Салли Перель, родившегося в 1925 году, показывает почти с идеальной типичностью, в какое направление и насколько далеко мог завести такой ролевой обмен. Эта ситуация до такой степени необычна и сказочно неправдоподобна, что, когда в начале 1990-х Перель опубликовал свою автобиографию, эта исто-

рия вызвала интерес широкой общественности и даже была экранизирована⁴⁷. Салли Перель бежал со своей семьей от нацистов в Польшу, а позже, со своим братом, – в Белоруссию, где его взяли в плен немцы. Выдав себя в этой ситуации за этнического немца, маленький и тщедушный 15-летний мальчик стал всеми любимым талисманом боевого подразделения вермахта. Командир роты хотел даже усыновить его и отправил его в Германию, где Салли посещал элитную школу для членов Гитлерюгенда и там со временем даже полностью отождествил себя с этой системой. Это привело к почти шизофренической ситуации и постоянной мании преследования, но одновременно и к дружеским отношениям с его «товарищами» в вермахте и Гитлерюгенде. Когда война закончилась, он отнюдь не сбросил с себя маску сразу же. Он не только сохранял некоторое время свою униформу Гитлерюгенда – ему даже потребовался некоторый переходный период для того, чтобы опять превратиться в еврейского молодого человека.

Именно эту шизофреническую ситуацию отождествления себя с агрессором на полном серьезе многие дети после войны восприняли как свое собственное преступление. Это специфично детская вариация чувства личной вины за то, что они выжили, распространенного у переживших войну. Они воспринимали как вину тот факт, что они отождествили себя с преследователями и агрессорами, что в этой смертельной игре они не только подражали им, а буквально воплощали – лишь с тем отличием, что они являлись в одно и то же время жертвами и преступниками, иудеями и христианами, преследуемыми и преследователями. Но все же эта особенная ситуация подарила им возможность двустороннего, а не одностороннего взгляда на мир. Вот как об этом писал Салли Перель:

«Ревностно молясь об их (то есть прежних товарищей по оружию – Прим. автора) быстром поражении и о спасении моей семьи и моих братьев по вере, я чувствовал какую-то странную привязанность к тем людям, увидеть которых навшими было моей заветной мечтой. Это, без сомнения, непостижимо для того, кто имеет исключительно одномерный взгляд на вещи»⁴⁸.

⁴⁷ См.: Sally Perel: Ich war Hitlerjunge Salomon. München, 2005 (19-е изд.; на нем. впервые в 1992, в оригинале на фр. в 1990).

⁴⁸ Там же. S. 91.

Эта способность к сдвоенной перспективе и ролевому обмену наложила долговременный отпечаток на послевоенные биографии «детей войны», а каким именно образом, остается вопросом для дальнейших исследований.

Заключение

С экстремальным случаем ролевой игры преследуемых еврейских детей мир детской игры приходит к своему логическому завершению. В данном случае речь шла уже не об осмыслении происходящего посредством игры – все было предельно серьезно. Дети, спрятавшиеся в ролях других людей, постоянно боялись разоблачения. Игра больше не приносила им радости. «Интерес к игре, и вообще ко всему прочему, у меня пропал», – пишет родившаяся в 1929 году в Варшаве Галина Биренбаум, которая провела в Варшавском гетто все свое трудное детство⁴⁹. Многие «дети войны», как преследуемые, так и не преследуемые, впоследствии сожалели о своем потерянном детстве, подчеркивая, как рано – слишком рано! – они стали взрослыми. Именно при рассмотрении биографий преследуемых детей эта точка зрения становится очевидной – и, кажется, все же не совсем отражающей действительность. Детей нередко спасала как раз их способность к безоговорочному восприятию и гибкому действию. Рассматривать мир войны как сказку, в которой мертвые восстанут и Добро, в конце концов, победит, и устранять опасность, приближаясь к ней или же заимствуя ее силы в ходе игре – все это приводило к тому, что дети переносили тяготы этой тяжелой войны чуть легче. При этом успешному ролевому обмену способствовало отсутствие прочной идентичности. Возможно, представление о том, что эти дети рано повзрослели – лишь видимость. И что на самом деле они просто стали играть в свои игры на полном серьезе.

Получая выгоды благодаря своим специфически детским способностям, дети в то же время подвергали себя опасности. Поскольку у них отсутствовал опыт, поскольку они не могли эту опасность оценить, они нередко устремлялись прямо в ее объятия. Именно во время войны детский мир переживаний был гибким и хрупким одновременно. В этом смысле дети действительно являются первыми жертвами войны. И тем важнее воссоздать их хрупкую возможность к действию и позволить им обрести то, что принадлежит им по праву.

⁴⁹ Birenbaum: Hoffnung... S. 18.

В.В. Нуркова

ВОЙНА И МІРЬ: ВОЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ В ВОСПОМИНАНИЯХ О ДЕТСТВЕ¹

Претензия на проблематизацию реальности, стоящей за словосочетанием «военное детство», может вызвать у читателя вполне обоснованные сомнения: выглядит очевидным, что травма войны накладывает трагический отпечаток на мироощущение человека, особенно, если она перенесена в начале жизни. Однако, оставив в стороне этическую оценку войны как безусловного зла и, увы, самой распространенной формы гуманитарной катастрофы, зададимся вопросом: существуют ли в действительности фундаментальные различия в воспоминаниях о детстве тех, для кого этот период жизни пришелся на военные годы, и тех, кому посчастливилось войти в «мірь»² в мирное время? Война – абстрактное понятие, недоступное детскому сознанию. Возможно, военное детство – это всего лишь проживание каждодневных бытовых радостей и лишений, исторический контекст и источник которых невнятен до поры взросления? Именно в подобном ракурсе задается содержание воспоминаний о войне в интервью с поэтом Робертом Рождественским (1932–1994), которое он незадолго до смерти дал корреспонденту газеты «Извес-

© Нуркова В.В., 2010

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МК-2180.2008.6.

² До орфографической реформы 1917–1918 гг. современное написание слова «мир» соответствовало антониму к слову «война», а слово «мірь» было синонимично понятиям «человечество», «общество». – В.Н.

тия»: «...Для нас, мальчишек, война прежде всего была голодом. Потом – холодом...»³.

К чему относится смысловое ударение в памяти о детстве в контексте войны: к войне или все-таки – к детству? И, продолжая заострять поставленный вопрос, – может ли быть обнаружен позитивный потенциал в воспоминаниях о военном детстве? В данной статье мы сначала приведем результаты исследования взаимосвязи характеристик воспоминаний о детстве и психологических характеристик взрослой личности. Затем рассмотрим специфику феноменологии детских воспоминаний военного периода по сравнению с воспоминаниями мирного времени. И в последней части статьи предложим гипотезу о функциональном потенциале детских воспоминаний о войне, который оправдывает присутствие болезненных эпизодов прошлого военного содержания в памяти человека.

В тематике воспоминаний о детстве четко прослеживается две линии рассуждений. Первая рассматривает эти воспоминания как отражение детского опыта либо в прямой форме, либо в форме, трансформированной психологической защитой⁴. В этом подходе анализ воспоминания направлен на реконструкцию исследователем исходной (обычно семейной) ситуации ребенка, которая мыслится как условие становления его личностных свойств. Суммируя взгляды этой линии работ, можно сказать: взрослый человек располагает теми воспоминаниями, которые дало ему проживание собственного детства. Однако доказано, что даже воспоминания ребенка неоднородны по своему источнику. В нашей работе⁵ было выделено четыре типа детских воспоминаний: 1) «натуральные» воспоминания – эпизоды, которые запечатлелись в детской памяти в связи с их новизной и эмоциональной насыщенностью; 2) «социальные» воспоминания, которые сложились на основе «натуральных» в условиях опосредствующих диалогов со взрослыми, задающих интерпретации опыта ребенка в системе социокультурных значений и формирующих особые структуры автобиографических рассказов; 3) «фантазийные» воспоминания, содержащие нереальные события, ошибочно маркируемые ребенком в качестве реально случившихся; 4) «артефактные» воспоми-

³ Поэт Роберт Рождественский: «Я был верующим – верующим в Сталина» // Известия. 2009. 19 авг.

⁴ Фрейд З. Избранное. М., 1989.

⁵ Нуркова В.В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М., 2000.

нения, ретроспективно созданные взрослыми с воспитательными целями. Другими словами, считать, что мы, взрослые, вспоминаем свое детство таким, каким оно было «на самом деле», как минимум – большое упрощение.

Вторая линия исследований видит в воспоминаниях о детстве результат конструктивного процесса построения уже зрелой личностью автобиографического нарратива на основе преобразования запечатленного в детстве мнемического материала. Такой ракурс анализа предполагает, что взрослый селективно и творчески использует содержание автобиографического опыта для создания внутренне согласованной истории своей жизни. «Когда выдающийся писатель или художник дает нам иллюзию потока, возвращающегося к своему истоку, когда он сам думает, что заново переживает свое детство, рассказывая о нем, это значит, что он более других сохранил былую способность видеть и ощущать волнение. Но это не ребенок, выживший из детского возраста, – это взрослый, который заново творит в себе и вокруг себя целый уже исчезнувший мир, и в эту картину входит больше вымысла, чем правды», – справедливо замечает М. Хальбвакс⁶.

Двигаясь в логике положений концепции А. Адлера, можно считать, что воспоминания о детстве – это модель межличностных отношений настоящего, как бы «опрокинутая» в прошлое⁷. Иными словами, «проблемные» воспоминания о ранних годах интерпретируются не как свидетельство реальных проблем в далеком прошлом, а как сигнал о неблагополучии в актуальных для субъекта ситуациях. М.О. Бондаревой⁸ не выявлено однозначной связи между объективным уровнем благополучия ситуации в детстве и оценкой своего детства взрослыми (за исключением случаев крайне высокого и крайне низкого благополучия), однако обнаружена устойчивая связь высоких показателей рефлексивности, интернальности и осмысленности жизни с позитивной оценкой своего детства.

Мы считаем продуктивным путь интеграции, утверждая, что, с одной стороны, пережитый опыт детства, означенный в контексте социальной ситуации развития субъекта, формирует потенциально доступный впоследствии корпус воспоминаний, а с другой стороны, сло-

⁶ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 132.

⁷ Исполатова Е.Н., Николаева Т.П. Модифицированная техника анализа ранних воспоминаний личности // Вопр. психологии. 1999. № 1.

⁸ Бондарева М.О. Образ детства взрослого человека в контексте жизненной ситуации: дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2007.

жившаяся личность выступает «селектором» и источником преобразования своего автобиографического потенциала.

Для того чтобы понять, как воспоминания о детстве принимают ту или иную форму, в какой степени они детерминированы обстоятельствами жизни ребенка, в какой – личностными свойствами вспоминающего, а в какой – внутренними механизмами работы автобиографической памяти (особой мнемической подсистемы фиксации и преобразования личного опыта человека), продуктивно применить к ним «интенциональную» исследовательскую оптику⁹. Поэтому остановимся чуть подробнее на функциях воспоминаний о детстве в психической жизни взрослого. Нами было предложено конкретное наполнение системы функций автобиографической памяти (табл. 1).

Таблица 1. Система функций автобиографических воспоминаний

СИСТЕМА ФУНКЦИЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ			
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ			
Я – другой	Я – Я		
	Я как психологический субъект	Я как личность	
Достижение социальной солидарности или отторжения; установление и поддержание межличностных контактов; самопрезентация; передача своего уникального опыта жизни и ценностей новому поколению	Саморегуляция психических состояний	Извлечение «жизненных уроков», планирование будущего	Формирование самоидентичности; периодизация этапов жизненного пути; осознание уникальности; самопознание; определение смысла жизни; самоопределение в координатах истории и культуры; осознание временной протяженности; экзистенциальная интеграция личности

Очевидно, что воспоминания о детстве могут быть использованы человеком как материал для осуществления каждой из указанных выше функций. Например, можно вспомнить забавный эпизод из детства,

⁹ Серeda Г.К. Теоретическая модель памяти как механизма системной организации индивидуального опыта // Психология деятельности и познавательных процессов: Вестн. Харьк. ун-та. № 253. Харьков: Вища школа, 1984.

чтобы стало легче на душе (функция саморегуляции психических состояний) или чтобы возобновить прервавшиеся дружеские связи (именно для обслуживания функции поддержания межличностных контактов в опоре на детские воспоминания создан чрезвычайно популярный сайт www.odnoklassniki.ru). *«Еще с самого нежнейшего возраста у меня обнаружилась порочная склонность считать себя не таким, как все прочие простые смертные. И посмотрите, как блестяще мне это удастся»*, – пишет о функции осознания уникальности своей жизни испанский художник Сальвадор Дали¹⁰. В контекст извлечения жизненных уроков и осознанного построения стратегии будущей жизни ставит свои воспоминания о детстве Наталья Сац – основатель Детского музыкального театра в Москве: *«Однажды мальчик Аркадий меня побил. Побежала домой, пожаловалась папе... Папа поздоровался с ним вежливо, а потом сказал: “Вот, Аркадий, серебряная монета, десять копеек. Я буду давать тебе каждый раз столько же, когда ты будешь бить Наташу; буду давать до тех пор, пока она не научится сама за себя заступиться”*. У меня от удивления слезы высохли. Мы с папой вышли из чужой квартиры и долго молчали. Только перед сном папа меня обнял и сказал: *“Не годится тебе, моя ученица, жаловаться! В жизни будет много трудностей. Учись их преодолевать, а не хныкать. Учись бороться и побеждать”*»¹¹.

Любое ли детство «годится» для освоения такого широкого функционального потенциала? Если бы для этого было бы необходимо прожить некое идеальное детство, едва ли многие из нас смогли бы похвастаться существенной пользой от детских воспоминаний. На помощь приходит феноменальная пластичность памяти о личном прошлом и, в особенности, о детстве. Современные исследователи отказались от метафоры памяти как пассивного «хранилища» запечатленной информации, подчеркивая ее конструктивный характер¹². Многочисленные работы показывают, что большая часть воспоминаний о детстве включает в себя значительные искажения или вовсе не соответствует реальности. Отметим, что воспоминания о детстве характеризуются высочайшей субъективной достоверностью. Это свя-

¹⁰ Дали С. Дневник одного гения. М.: Искусство, 1991. С. 125.

¹¹ Сац Н.И. Новеллы моей жизни. Кн. 1. М., 1984. С. 31.

¹² Нуркова В.В., Бернштейн Д.М. Корреспондентный подход в изучении памяти и проблема истинности воспоминаний // Учен. зап. каф. общ. психологии Моск. ун-та / под ред. Б.С. Братуся, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2006.

зано с тем, что процесс воспоминания событий личного прошлого сопровождается особым состоянием сознания, которое Э. Тульвинг называл «автоноэзисом» – переживанием «путешествия» в прошлое, вызывающим чувство принадлежности актуализируемого опыта к «я» субъекта¹³. Воспоминания о детстве обнаруживают максимальную пластичность по сравнению с другими содержаниями памяти, так как адресованы к «прошлому я» личности, отделенному от «длящегося я» множеством личностных трансформаций¹⁴.

Расхождения между реальными характеристиками запечатленного события и воспоминанием о нем могут включать в себя полную потерю доступа к информации, искажения ее первоначального значения, достройки с помощью включения новых элементов, перепутывание фрагментов различных воспоминаний. Выявлен ряд факторов, оказывающих влияние на изменение воспоминаний о детстве. Показано, например, что ложные воспоминания могут возникать под воздействием авторитета. В одном из экспериментов Э. Лофтус¹⁵ старший брат рассказывал младшему вымышленный случай. Через несколько дней тестировалась память младшего брата относительно рассказанного ложного события. Например, 14-летнему Кристоферу было рассказано, как в возрасте пяти лет он потерялся в большом универсальном магазине и затем был обнаружен пожилым человеком. Во время опроса, последовавшего через неделю после внушающего воздействия со стороны старшего брата, Кристофер представил исследовательнице полную деталей версию ложного происшествия (в воспоминании упоминались «фланелевая рубашка», «слезы матери» и т.д.). Авторам удалось внушить вымышленные события детства четверти испытуемых. Были разработаны различные приемы, эксплуатирующие авторитет врача: апелляция к проблемам испытуемого («ваш страх может быть результатом пережитого в детстве нападения собаки»), «толкование» сновидений («ваш сон говорит мне, что в раннем возрасте вы перенесли погружение на большую глубину»). Сильный внушающий эффект оказывают «документальные свидетельства». Их

¹³ Нуркова В.В. Память. Общая психология: в 7 т. / под ред. Б.С. Братуся. М., 2006. Т. 3.

¹⁴ Nourkova V.V., Bernstein D.M., Loftus E.F. The biography becomes autobiography: Distorting the subjective past // The American Journal of Psychology. 2004. Vol. 117. № 1.

¹⁵ Loftus E. Researchers are showing how suggestion and imagination can create «memories» of events that did not actually occur // Scientific American. 1997. Vol. 277.

визуальная очевидность заставляет испытуемых фальсифицировать воспоминания высочайшей степени субъективной достоверности. Так, в работе Уэйда, Гарри, Рида и Линдсея¹⁶ с помощью компьютерной программы PhotoShop была произведена компиляция реальных детских фотографий и контекста вымышленной ситуации (полет на воздушном шаре). 40% испытуемых «вспоминало» обстоятельства «воздушной прогулки» и сообщало множество ее подробностей.

Еще один фактор – это высокая оценка вероятности события. Показано, что даже невероятные события после определенного воздействия приобретают статус субъективно возможных. Участники исследования Дж. Маззони¹⁷ были помещены в специально организованную информационную среду, в которой факт «увидеть человека, одержимого дьяволом», представлялся рядовым событием. Испытуемые читали статьи, утверждающие, что одержимость дьяволом весьма распространенное явление, смотрели запись ток-шоу, где «жертвы» обсуждали свой опыт одержимости и даже знакомились с интервью с премьер-министром, в котором он признавался журналистам, что в детстве был свидетелем сцены одержимости. Спустя некоторое время после воздействия испытуемые были в значимо большей степени готовы признать, что в детстве сами пережили подобное.

Принятию ложных воспоминаний способствует и мысленная реконструкция события, примером которой может быть акт воображения. Эйрой Хайманом с коллегами¹⁸ на основе опроса родителей студентов колледжа о событиях жизни их детей был составлен список нереальных событий (например, «ребенком присутствовал на свадьбе родственников и во время застолья пролил праздничный пунш на платье невесты»). При первом интервью факт воспоминаний о подобных событиях отрицался испытуемыми. Затем им давалась инструкция максимально ярко представить описанные ситуации. При повторном опросе 25% испытуемых утверждали, что помнят данные события.

¹⁶ Wade K.A., Garry M., Read J.D., Lindsay D.S. A picture is worth a thousand lies: Using false photographs to create false childhood memories // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2002. Vol. 9.

¹⁷ Mazzoni G. Did you witness demonic possession? A response time analysis of the relationship between event plausibility and autobiographical beliefs // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2007. Vol. 14. P. 277–281.

¹⁸ Hyman I.E., Jr., Husband T.H., Billings F.J. False memories of childhood experiences // *Applied Cognitive Psychology*. 1995. № 9.

Пластичность воспоминаний о детстве повышается, когда человеку приходится оперировать информацией, полученной на неродном языке. В проведенном нами эксперименте испытуемых просили оценить, насколько они уверены в том, что то или иное из событий произошло в их детстве. Затем половина из перечня событий случайным образом были выбраны и переведены на английский язык. В ходе занятий по иностранному языку переведенные названия событий детства предлагались испытуемым в качестве материала для упражнений. Испытуемые расценивали процедуру как часть обычных учебных занятий и не усматривали связи между ней и исследованием. И, наконец, испытуемые повторно заполняли опросник, аналогичный первому. В результате почти три четверти испытуемых (73%) повысили свои оценки уверенности в том, что событие, описание которого было включено в выполнение промежуточного задания на иностранном языке, имело место в их личном прошлом¹⁹.

Таким образом, воспоминания о детстве значительно преобразуются в памяти взрослого под воздействием социокультурных факторов, таких, как авторитетный источник информации, высокая вероятность события, необходимость верификации воспоминания в ином лингвистическом контексте и т.п. Причем эта пластичность – не дефект памяти, а особый механизм, позволяющий оптимально приравнивать воспоминания к требованиям текущего дня.

Особенности воспоминаний о детстве и психологический облик взрослой личности

В проведенном эмпирическом исследовании²⁰, во-первых, нас интересовал вопрос о стилевой устойчивости воспоминаний о детстве (поскольку только наличие устойчиво воспроизводящегося стиля воспоминаний позволяет обосновать гипотезу о его связи с фактами биографии и/или личностными свойствами). Во-вторых, мы попытались выявить связи между характеристиками воспоминаний о детстве и особенностями представлений о своих личностных характеристиках взрослого человека.

¹⁹ Nourkova V.V., Bernstein D.M. Imagination Inflation After a Change in Linguistic Context // Psychology in Russia. State of the Art / ed. by Juri P. Zinchenko, Victor F. Petrenko. M., 2008.

²⁰ В проведении данного исследования принимала участие Г.Ю. Масолова.

В исследовании приняло участие 182 респондента в возрасте 17–79 лет (средний возраст – 40,94 года (15,76)²¹; из них 121 женщина и 61 мужчина. Для 22 участников исследования детство пришлось на период Великой Отечественной войны.

Использовался следующий методический инструментарий: во-первых, авторская методика исследования воспоминаний о детстве, где испытуемым предлагалось оценить по пятибалльной шкале частоту обращения к детским воспоминаниям и их субъективную важность. Далее требовалось за пять минут кратко записать максимальное количество воспоминаний о детстве, указать возраст, к которому они относятся, а затем выбрать из них два, являющихся наиболее важными – теми, от которых они не смогли бы отказаться ни при каких обстоятельствах. Каждое из этих двух воспоминаний оценивалось испытуемыми по пятибалльной шкале по параметрам: 1) локализации источника воспоминания (помню сам или узнал от других); 2) субъективной частоте обращения к воспоминанию; 3) эмоциональной окраске (отрицательное – положительное); 4) яркости воспоминания; 5) готовности обсуждать это воспоминание с окружающими. Специально требовалось указать действующих лиц, присутствовавших в актуализируемом эпизоде. Во-вторых, применялась методика исследования самоотношения (МиС) – шкалы: саморуководство, отраженное самоотношение, самооценność, самопринятие и внутренний конфликт (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев); в-третьих, опросник 16 ЛФ Кетелла; в-четвертых, авторский вариант методики «Линия жизни»²².

Методика «Линия жизни» базируется на топографической метафоре организации субъективной картины личного прошлого. Испытуемому предлагается лист бумаги формата А4, разделенный по центру стрелкой, которая обозначает время, и следующая инструкция: «Представьте, что это – Ваша жизнь, от начала до сегодняшнего дня. Обозначьте самые значимые, наиболее запомнившиеся события. Чем более позитивно событие, тем выше отмечайте его от центральной оси времени (поставьте точку и подпишите). И чем оно негативнее – тем ниже. На самой оси укажите, сколько Вам было лет, когда это событие произошло». Применение методики «Линия жизни», по нашему мнению, имеет ряд серьезных преимуществ. Во-первых, требование поместить на один лист все наиболее значимые воспоминания,

²¹ В тексте статьи стандартное отклонение величины дано в скобках после среднего значения. – В.Н.

²² Нуркова В.В. Свершенное продолжается...

задает испытуемому высокий критерий селективности, отсекая попадание случайных (что часто можно наблюдать при неструктурированных рассказах). Во-вторых, испытуемому предоставляется возможность работать в наиболее органичной для него стратегии (от настоящего к прошлому, от прошлого к настоящему, от ключевых событий к интервалам между ними и т.д.). Таким образом, снимается один из обычных артефактов автобиографического интервью, когда пространственный рассказ о детстве исчерпывает временные и энергетические ресурсы испытуемого, что ведет к плохой вербальной проработке более поздних периодов жизни. В-третьих, создание изображения субъективной картины прошлого представляет для большинства испытуемых новое орудие рефлексии содержания своей автобиографической памяти, что приводит к повышению уровня осознанности ее функционирования.

В результате сбора данных было получено 185 полных протоколов.

Полученные в корреляционном исследовании результаты свидетельствуют об интраиндивидуальной (стилевой) устойчивости характеристик воспоминаний о детстве и их связи с психологическим обликом взрослого. На уровне значимости $p < .01$ обнаружены положительные корреляции между большинством показателей оценки первого и второго воспоминаний, актуализированных в качестве наиболее значимых. Таким образом, подтверждена устойчивость стиливых характеристик воспоминаний о детстве.

Испытуемые считают, что воспоминания о детстве не слишком важны для них (ср. = 3.39 (1.2)). При этом субъективно высокая оценка важности связана с высокой частотой обращения к этому воспоминанию ($t = 4.153$, $p = .000$) и тенденцией к нарастанию внутреннего конфликта ($t = 1.804$, $p = .07$).

Средний возраст самого раннего воспоминания респондентов составил 4.4 года (2.09). По данным зарубежных авторов, средний возраст, к которому адресуется самое раннее воспоминание, является культурозависимым и варьирует в пределах от 2.1 года (представители народа маори) до 4.1 года (у китайцев)²³. Полученные нами данные объясняются тем, что в исследовании не было создано специальной установки на поиск самого раннего воспоминания,

²³ Hayne H. Earliest memories in Maori New Zealanders // *Memory*. 2000. Vol. 8. № 6; Wang Q. Infantile amnesia reconsidered: A cross-cultural analysis // *Memory*. 2003. № 11 (1).

поэтому испытуемые сами устанавливали критерий качества, исключая отрывочные, фрагментарные образы младенчества, и воспроизводили только полноценные, вполне сформированные воспоминания.

Доступность более ранних воспоминаний обнаруживает однозначно позитивную связь с благополучными для бытия личности характеристиками – саморуководством ($F = 2.241, p = .046$), самооценностью ($F = 3.532, p = .03$) и низким уровнем внутреннего конфликта ($F = 3.304, p = .04$). Поскольку субъективное смещение начала личной истории к более позднему возрасту нельзя объяснить действием когнитивных механизмов²⁴, разумно считать причиной этого мотивационные факторы. Феномен «утраты» детства, обнаруженный нами у лиц в ситуации тяжелого кризиса²⁵, проявляется в мягкой форме при переживании потери контроля над своей жизнью, снижении самооценности и внутреннем конфликте. При этом детство психологически «изолируется» как нерелевантное существующей здесь и сейчас ситуации. Мотивационная интерпретация результата о продуктивности обладания воспоминаниями о ранних периодах жизни подтверждается также обнаруженным фактом того, что большое количество испытуемых при выполнении методики «Линия жизни» выходят за пределы инструкции и наносят на нее событие своего рождения (которое является высокоценностно насыщенным автобиографическим знанием, но, конечно, не может храниться в памяти). При работе с методикой «Линия жизни» 25% участников исследования нанесли на ось времени событие «мое рождение» или «я родился». Подобная активность испытуемых показала связь с низким уровнем внутреннего конфликта ($t = -2.488, p = .01$), удовлетворенностью (черта Q4 16 ЛФ, $t = -2.694, MD = -1.05, p = .008$) и эмоциональной стабильностью (черта C 16 ЛФ, $t = 2.443, p = .016$). Наоборот, испытуемые с высокой выраженностью черты Q4 (фрустрированность, напряженность) в два раза реже обозначают факт своего рождения на «линии жизни» (21%) по сравнению с людьми с низкой выраженностью данной черты (46%) ($F = 2.891, p = 0.006$).

²⁴ Нуркова В.В. Доверчивая память: как информация включается в систему автобиографических знаний // Когнитивные исследования. Сб. науч. тр. / под ред. В.Д. Соловьева и Т.В. Черниговской. М.: Ин-т психологии РАН, 2008. С. 87–102.

²⁵ Нуркова В.В., Василевская К.Н. Автобиографическая память в трудной жизненной ситуации // Вопр. психологии. 2003. № 5.

По нашему мнению, как за ранним формированием автобиографической памяти, так и за стремлением включить в нее содержание, не осознанное лично, но воспринятое по рассказам членов семьи, стоит такая ситуация семейного воспитания, где взрослые активно общаются с ребенком и поощряют развернутые автобиографические рассказы²⁶. Становление личности человека в подобной семейной обстановке более благополучно по сравнению с ситуацией депривации общения со взрослыми²⁷. Таким образом, раннее развитие автобиографической памяти является индикатором гармоничной истории развития личности.

Среди воспоминаний о детстве, которые испытуемые отнесли к наиболее важным, преобладали однозначно позитивные (71.4%). Среднее значение оценки позитивной эмоциональной насыщенности составило 4.43 (1.1). Позитивная оценка воспоминаний о детстве обнаружила связь с переменными, отражающими включенность человека в социальную группу. Позитивная эмоциональная окраска воспоминаний (на уровне от 4.5 и выше) свойственна людям, которые уверены в позитивном отношении к себе со стороны окружающих (шкала отраженного самоотношения МиС, $t = 1.972$, $p = .05$), эмоционально стабильны (черта С 16 ЛФ, $t = 1.941$, $p = .05$), отличаются высоким самоконтролем (черта Q3 16 ЛФ, $t = 2.436$, $p = .02$) и практичностью (черта М 16 ЛФ, $t = -3.386$, $p = .002$). Можно предположить, что позитивные воспоминания о детстве являются, с одной стороны, оптимальным психологическим орудием для поддержания теплого внутригруппового климата, а, с другой стороны, снимают тревожность относительно принятия членами группы.

Показано, что большая часть событий (до 90%), которая фиксируется в памяти ребенка в ходе обсуждения с родителями, имеет позитивную эмоциональную нагрузку²⁸. В связи с этим демонстрация ярко выраженной негативной окраски воспоминаний о детстве представляется своеобразным «мнемическим нонконформизмом» и должна свидетельствовать о серьезной социальной дезадаптации. Действительно, наше

²⁶ Нуркова В.В. Анализ феноменов автобиографической памяти с позиций культурно-исторического подхода // Культурно-историч. психология. 2008. № 1. С. 17–25.

²⁷ Fivush R., Vasudeva A. Remembering to relate: Socioemotional correlates of mother–child reminiscing // Journal of Cognition and Development. 2002. № 3.

²⁸ Reese E., Brown N. Reminiscing and recounting in the preschool years // Applied Cognitive Psychology. 2000. № 14.

исследование показало, что подобные респонденты показывают значительно более низкий уровень самопринятия и выходящий за границу нормы реализм (часто, по-видимому, переходящий в цинизм и нигилистическое отрицание).

Другой переменной данной группы является количество персонажей в воспоминании. В описании воспоминания о детстве в среднем присутствовало три персонажа. Большее количество персонажей в воспоминаниях связано с групповой дезинтеграцией. Люди, в чьих воспоминаниях принимают участие более четырех персонажей, характеризуются низким уровнем отраженного самоотношения, т.е. уверены, что окружающие относятся к ним негативно ($F = 1.943$, $p = .06$), высоким уровнем внутреннего конфликта ($F = 2.462$, $p = 0.02$) и высокой независимостью от группы (черта Q2 16 ЛФ, $F = 2.065$, $p = 0.04$). Можно предположить, что «многолюдность» образа воспоминания отражает недифференцированность в межличностных отношениях. Человек понимает, что в его жизнь включено много людей, но не умеет (а возможно, и не стремится) устанавливать с ними личные персонифицированные контакты. Подобное предположение подтверждает тот факт, что выраженность личностных характеристик изменяется нелинейно. Оптимальные показатели наблюдаются в группе, включившей в описания воспоминаний детства 2–4 персонажа, в то время как носители «многолюдных» воспоминаний схожи с теми, у кого в воспоминаниях присутствует только один персонаж – они сами. Если рассмотреть подгруппу, в воспоминаниях которой присутствует только один персонаж, то указанная тенденция низкого уровня отраженного самоотношения становится значимой ($t = 1.957$, $p = .05$). Вероятно, можно интерпретировать данный показатель как две стороны одной медали: прямое одиночество и «одиночество в толпе».

Нами анализировались также различия между характеристиками первого и второго по порядку воспроизведения воспоминаний о детстве. Были выделены три стратегии при переходе от одного воспоминания к другому: стратегия эквивалентности (и первое, и второе воспоминания высокоположительно эмоционально насыщены), стратегия «улучшения» (второе воспоминание более позитивно, чем первое) и стратегия «ухудшения» (второе воспоминание более негативно, чем первое). Мы считаем, что при реализации стратегии удержания, вызванного воспоминанием эмоционального состояния или его улучше-

ния, имеет место произвольное управление потоком воспоминаний. Это происходит за счет актуализации аналогичного по эмоциональной насыщенности воспоминания (позитивное 1, позитивное 2) или за счет компенсации вторым воспоминанием негативного аффекта первого воспоминания (негативное 1, позитивное 2). Напротив, при реализации стратегии, когда за позитивным воспоминанием следует негативное, испытуемый, по каким-то причинам ассоциативно «соскальзывающий» на негативное воспоминание, не способен вернуться к целевому позитивному эмоциональному состоянию, т.е. недостаточно произвольно использует саморегуляционный потенциал автобиографической памяти.

Стратегия «улучшения» оказалась гендерно специфичной и свойственной мужчинам (85%, $F = 8.483$, $p = 0.000$). Для дальнейшего исследования с целью элиминации гендерного эффекта мы рассматривали только женскую часть выборки ($N = 121$). Было установлено, что у представительниц подгруппы, реализующих «эквивалентную» стратегию актуализации воспоминаний, значимо более высокие показатели по следующим шкалам 16 ЛФ Кетелла: по шкале E ($F = 4.35$, $df = 2$, $MS = 13.24$, $p = 0.04$), по шкале G ($F = 3.852$, $df = 2$, $MS = 11.7$, $p = 0.05$) и шкале Q3 ($F = 4.651$, $df = 2$, $MS = 25.9$, $p = 0.03$). Причем по шкалам G и Q3 средние значения достаточно высоки (6.44 (1.6) и 6.94 (2.2) соответственно). Данный результат можно проинтерпретировать следующим образом: испытуемые, способные удерживать желаемое направление и интенсивность эмоциональной насыщенности произвольно воспроизводимых автобиографических воспоминаний, характеризуются как более выдержанные, решительные, обязательные, ответственные и более дисциплинированные, точные в выполнении социальных требований, хорошо контролирующие свои эмоции.

Анализ субъективных оценок частоты обращения к воспоминаниям о детстве (ср. = 3,34, ст. откл. = 0.75) показал, что более высокая относительно средней частота связана с высоким уровнем самооценки ($F = 2.225$, $p = 0.027$), открытостью, участливостью (шкала A опросника 16 ЛФ Кетелла, $F = 2.229$, $p = 0.022$), при высокой зависимости от группы (шкала Q2 опросника 16 ЛФ Кетелла, $F = 2.677$, $p = 0.008$) и фрустрированности (шкала Q4 опросника 16 ЛФ Кетелла, $F = 2.326$, $p = 0.025$).

Испытуемые в среднем оценивали свои воспоминания о детстве как чрезвычайно яркие (при среднем значении 4.17 балла, $SD =$

0.84). Более высокая по сравнению со средней яркость воспоминаний о детстве связана с высоким уровнем самопринятия ($F = 2.195$, $p = 0.041$) и мечтательностью, сентиментальностью, эмоциональной чувствительностью (шкала I опросника 16 ЛФ Кетелла, $F = 2.738$, $p = 0.007$).

Нами было обосновано, что феноменологические характеристики воспоминания меняются в связи с динамикой смысла действия, к которому относится воспоминание²⁹. При повышении актуальности мотивации безопасности (после захвата заложников на спектакле «Норд Ост») испытуемые оценивали одно и то же свое воспоминание, содержательно связанное с данной темой (взрывы жилых домов в Москве), как более детальное, яркое и достоверное, чем за полгода до этого. Другими словами, на нарастание актуальности мотива деятельности, в рамках которой выполняется мнемическая задача, чувственная ткань образа воспоминания «отвечает» повышением субъективной яркости, полноты и детальности. Данный процесс осуществляется произвольно и не осознается. В связи с этим можно предположить, что высокая яркость воспоминаний о детстве свидетельствует о мотивационной насыщенности образа детства в жизни взрослого, которая помогает поддерживать субъективную целостность представления о своем жизненном пути в целом, сохранять преемственность различных жизненных этапов.

Среди воспоминаний, которые испытуемые указывают в качестве значимых, встречаются как те, которые являются частым предметом для обсуждения с окружающими, так и те, которые сохраняются «для себя» вне контекста коммуникации (ср. = 2.77, ст. откл. = 1.18). Стремление активно включать воспоминания о детстве в коммуникацию с другими людьми связано с низкими показателями по шкале С опросника 16 ЛФ Кетелла (слабое Я) – $F = 2.383$, $p = 0.017$), и высокими показателями по шкале М опросника 16 ЛФ Кетелла (мечтательность, погруженность в себя, отсутствие заботы о повседневной жизни) – $F = 2.562$, $p = 0.014$).

В кратком виде связь психологического облика взрослого и устойчивых стилевых характеристик его воспоминаний о детстве представлена в табл. 2.

²⁹ Нуркова В.В. Эффект зависимости феноменологических характеристик мнемического образа от мотивационно-смысловой динамики деятельности // Культурно-историч. психология. 2009. № 2. С. 72–84.

Таблица 2. Свойства воспоминаний о детстве и характеристики взрослой личности

Свойства воспоминаний о детстве	Психологические характеристики личности
Высокая субъективная важность воспоминаний о детстве	тенденция к нарастанию внутреннего конфликта
Первое воспоминание о детстве ранее 4 лет	высокий уровень саморукводства высокий уровень самооценности низкий уровень внутреннего конфликта
Позитивная эмоциональная оценка воспоминаний о детстве	высокий уровень отраженного самоотношения эмоциональная стабильность самоконтроль практичность
Ярко негативная эмоциональная оценка воспоминаний о детстве	низкий уровень самопринятия избыточный реализм
Количество персонажей, включенных в воспоминания о детстве, отличается от оптимального (2–4)	низкий уровень отраженного самоотношения высокий уровень внутреннего конфликта независимость от группы
Высокая частота обращения к воспоминаниям о детстве	высокий уровень самооценности открытость зависимость фрустрированность
Высокая яркость воспоминаний о детстве	высокий уровень самопринятия мечтательность
Активное включение воспоминаний о детстве в коммуникацию	слабое Я погруженность в себя, непрактичность
Присутствие на «линии жизни» события «мое рождение»	эмоциональная стабильность низкий уровень внутреннего конфликта самоценность удовлетворенность
Стратегия сохранения или повышения высокой позитивной эмоциональной насыщенности в ряду воспоминаний	самоконтроль сознательность, ответственность

Таким образом, в корреляционном исследовании обнаружены связи между особенностями психологического облика взрослого и устойчивыми стилевыми характеристиками воспоминаний о детстве. Мы интерпретируем этот факт как результат двустороннего взаимодействия реально пережитого опыта детства с механизмами селективности психики взрослого, отбирающими для актуального использования те воспоминания, которые согласуются со сложившейся структурой личности и максимально обеспечивают ее оптимальное функционирование.

Включение события «мое рождение» в графическое изображение своего прошлого связано с высоким уровнем эмоциональной устойчивости и удовлетворенности и с низким уровнем внутреннего конфликта.

Люди, которым спонтанно доступны более ранние воспоминания, характеризуются высоким уровнем саморуководства и самооценности при низком уровне внутреннего конфликта.

Люди, чьи воспоминания о детстве включают преимущественно позитивные эмоции, уверены в хорошем отношении окружающих, эмоционально устойчивы, отличаются высоким самоконтролем.

Резко негативная эмоциональная окраска воспоминаний о детстве связана с низким уровнем самопринятия и выходящей за пределы нормы тенденцией к реализму и избеганию иллюзий.

Обнаружено оптимальное число персонажей воспоминания о детстве (2–4), отклонение от которого связано с низким уровнем отраженного самоотношения, изоляцией от социального окружения и высоким уровнем внутреннего конфликта.

Люди с высоким уровнем развития произвольности способны к регуляции своего эмоционального состояния за счет актуализации последовательности воспоминаний с выбранным эмоциональным знаком.

В целом по результатам первого исследования можно заключить, что автобиографические воспоминания о детстве, с одной стороны, являются источником содержания персональной самоидентичности (я такой, каким себя помню), а, с другой стороны, за счет селективности, пластичности и символического характера выступают орудием закрепления достигнутой конфигурации личностных свойств (вот почему я такой).

Военное детство vs мирное детство в воспоминаниях

Задачей второго эмпирического исследования стал анализ специфики детских воспоминаний военного времени с точки зрения разработанных нами критериев оптимальных для личности параметров воспоминаний о детстве. Однако прямое сопоставление воспоминаний мирного и военного периода не могло быть признано удовлетворительным, так как не позволяло разделить влияние возрастного и собственно «военного» факторов. Очевидно, что все респонденты, пережившие военное детство, относятся к старшей возрастной группе (ср. возраст – 69.5 (3.96)). Кроме того, временная дистанция, разделяющая детский опыт этих людей и сегодняшний день, значительно превышает аналогичную дистанцию у других респондентов.

Корпус исследований возрастных различий автобиографической памяти относительно невелик³⁰. Показано, что пожилые люди демонстрируют более высокую эмоциональность автобиографических воспоминаний в целом и, в частности, большую доступность эмоций негативного характера³¹. Поэтому возможно, что воспоминания о детстве пожилых респондентов будут несколько более негативны не в связи с их объективным военным содержанием, а именно по этой причине. Обратим внимание на то, что результаты Алеа с коллегами были получены на выборке пожилых респондентов, не имевших сходного с отечественным военного опыта (исследование было проведено во Флориде). Хотя ряд авторов указывают на обеднение феноменологических характеристик автобиографических воспоминаний у пожилых людей, суть событий прошлого испытуемые передают одинаково хорошо независимо от возраста³². Зафиксирован также факт меньшей пластичности автобиографических воспоминаний у пожилых, их «кристаллизованность» и поэтому высокая воспроизводимость при повторных опросах³³. В данном случае речь идет о том, что пожилые люди уже сформировали функциональный репертуар для наиболее часто воспроизводимых эпизодов и эффективнее используют обращение к прошлому для сознательно поставленных целей.

Важно отметить, что общий объем автобиографической продукции не зависит от возраста и стремится к специфичной для данной личности константе. Данный факт обнаруживается вполне устойчиво³⁴. Однако западные коллеги не могут предложить этому удовлетворительного объяснения, считая «загадочным» и «парадоксальным». Согласно реализуемому нами подходу, основанному на методологии Л.С. Выготского³⁵,

³⁰ См. обзор: Василевская К.Н. Разработка и апробация диагностического опросника «Функции автобиографической памяти» // Психол. наука и образование. 2008. № 4.

³¹ Alea N., Bluck S., Semegon A. Young and Older Adults' Expression of Emotional Experience: Do Autobiographical Narratives Tell a Different Story? // Journal of Adult Development. Oct. 2004. Vol. 11. Issue 4.

³² Piolino P., Desgranges B., Clarys D., Guillery-Girard B., Taconnat L., Isingrini M. Autobiographical Memory, Autonoetic Consciousness, and Self-Perspective in Aging // Psychology and Aging. 2006. Vol. 21. №. 3. P. 510–525.

³³ Anderson S., Cohen G., Taylor S. Rewriting the past: some factors affecting the variability of personal memories // Applied Cognitive Psychology. Sep. 2000. Vol. 14. Issue 5. P. 435–455.

³⁴ См., напр.: Rubin D.C., Schulking M.D. The distribution of autobiographical memories across the lifespan // Memory and Cognition. 1997. Vol. 25. № 6. P. 859–866.

³⁵ Нуркова В.В. Анализ феноменов автобиографической памяти...

макроструктура субъективной картины прошлого представляет собой психологическое орудие для обеспечения личностно значимой конфигурации функций и, соответственно, максимально «отточено» у пожилых людей, что позволяет скомпенсировать неизбежное в этом возрасте снижение когнитивного функционирования. Данное видение поддерживают полученные нами данные о преобладании среди пожилых респондентов тех, кто ориентирован на эквивалентную или улучшающую стратегию извлечения воспоминаний ($t = 1.96$, $MD = 0.3$, $p = 0.05$), т.е., по нашему мнению, в большей степени способен произвольно управлять работой своей памяти.

В связи со сказанным выше на данном этапе исследования мы провели сравнение следующих подгрупп воспоминаний: «военные» воспоминания военного времени ($N = 17$), «мирные» воспоминания военного времени ($N = 27$) и «мирные» воспоминания мирного времени (полученные от более молодых респондентов) ($N = 293$). Примеры воспоминаний, отнесенных к данным подгруппам, представлены в табл. 3.

Таблица 3. Примеры воспоминаний о периоде 1941–1945 гг.

Воспоминания военного детства, содержащие тему «Война»	Воспоминания военного детства, не содержащие тему «Война»	Воспоминания мирного детства
<p>«В деревне во время войны шли войска мимо нашего дома, и мы ждали, когда они пройдут, чтобы пойти в лес» (7 лет)</p> <p>«Воздушные тревоги» (6 лет)</p> <p>«Начало оккупации» (7 лет)</p> <p>«Освобождение от оккупации» (8 лет)</p> <p>«Приезд на побывку отца с фронта» (9 лет)</p> <p>«День Победы» (11 лет)</p> <p>«Во время войны смотрели с братом, как падают бомбы» (7 лет)</p>	<p>«В детском саду подарили чемоданчик» (4 года)</p> <p>«Как снимали угол с мамой у хозяйки в Подмосковье. Я болела. Мамы не было рядом, меня кормила хозяйка» (6 лет)</p> <p>«Вышила салфеточку» (5 лет)</p> <p>«Пропорола ногу о корягу, прыгая в воду» (10 лет)</p> <p>«Я целый день сижу на груше, боюсь, что меня арестуют, так как я случайно порвал портрет Сталина» (5 лет)</p> <p>«Я бегаю с зеленой головой: все дети детдома заболели лишаем, и всех нас намазали зеленкой и предварительно наголо постригли» (7 лет)</p>	<p>«Вступительный экзамен в музыкальную школу» (6 лет)</p> <p>«Мама сильно отшлепала за то, что я резала колготы» (4 года)</p> <p>«Первая встреча со школой» (7 лет)</p> <p>«Летели из Норильска в Москву; на остановке я увидел зеленую траву, нарвал охапку и взял с собой в самолет» (7 лет)</p> <p>«В зубном кабинете врач пообещала игрушечную машинку, если я не буду плакать, но не дала» (5 лет)</p>

Показателен тот факт, что воспоминания о периоде 1941–1945 гг. не обязательно включают в себя отсылку к военному контексту. Из 44 включенных в анализ воспоминаний, относящихся к периоду 1941–1945 гг., только 17 явно содержат в себе военное измерение, а 27 – схожи по содержанию с обычными мирными воспоминаниями. При использовании Т-критерия для независимых подгрупп нами был выявлен ряд статистически значимых различий и не менее существенного тождества между тремя группами воспоминаний о детстве.

Все три вида воспоминаний не различаются по параметрам возраста, субъективного источника (внутреннего), частоты воспроизведения и включения в коммуникацию. Детские воспоминания о войне не являются более доступными для воспроизведения и с равной вероятностью появляются на каждой из позиций в последовательности воспоминаний ($t = -1.55$, $p = 0.127$).

Воспоминания периода 1941–1945 гг. оцениваются как более негативные – для воспоминаний с военным содержанием $t = 6.12$, $p = 0.000$; для воспоминаний с мирным содержанием $t = 4.245$, $p = 0.000$ (рис. 1). При этом средние значения оценки эмоциональной окраски военных и мирных воспоминаний, относящихся к военному времени, не различаются значимо ($t = 1.397$, $p = 0.19$). Как было показано в первой части статьи, резко негативная оценка воспоминаний о детстве связана с низким уровнем самопринятия и избыточным реализмом. Таким образом, поскольку у респондентов старшего возраста не выявлено значимых отличий от младшей группы по всем шкалам включенных в исследование личностных опросников, можно предположить, что воспоминания военного периода в целом не включены в осуществление саморегуляционной функции автобиографических воспоминаний. Особенно дисфункциональны в этом смысле те из них, которые прямо включают повествование о войне (ср. = 2.77 (1.85)).

Другой переменной, значимо различающейся у всех трех видов воспоминаний, является количество персонажей в мнемическом образе (рис. 2). Воспоминания, включающие военную тематику, значимо более многолюдны как по сравнению с воспоминаниями респондентов, родившихся после Великой Отечественной войны ($t = -5.776$, $p = 0.000$), так и в отношении к «мирным» воспоминаниям военного периода ($t = -4.644$, $p = 0.000$). В их описании преобладают даже не отдельные персонажи, а целые группы людей, маркированные по социальной роли, – например, «оккупанты», «солдаты Красной Армии», «матросы корабля», «раненые». Среди них нет ни одного, где вспоминающий был бы представлен в одиночестве или в диаде с

кем-либо из своих близких. Согласно результатам, представленным в первой части, избыточная многолюдность воспоминаний о детстве связана с социальной дезинтеграцией, переживанием травмирующей изоляции. Полученные нами данные свидетельствуют о том, что детские воспоминания с военным содержанием препятствуют исполнению функции социальной солидарности с представителями младших поколений. Отраженный в них опыт настолько отличен от опыта детей и внуков, что становится поистине «непереводимым», непонятым и пугающим. *«Вот почему мы не всегда понимаем наших детей, а они не понимают нас. Мы – другие люди. Забуду, живу как все. А иногда проснешься ночью, вспомнишь – и кричать хочется...»*, – говорит восьмилетний в пору войны Юрий Карпович³⁶.

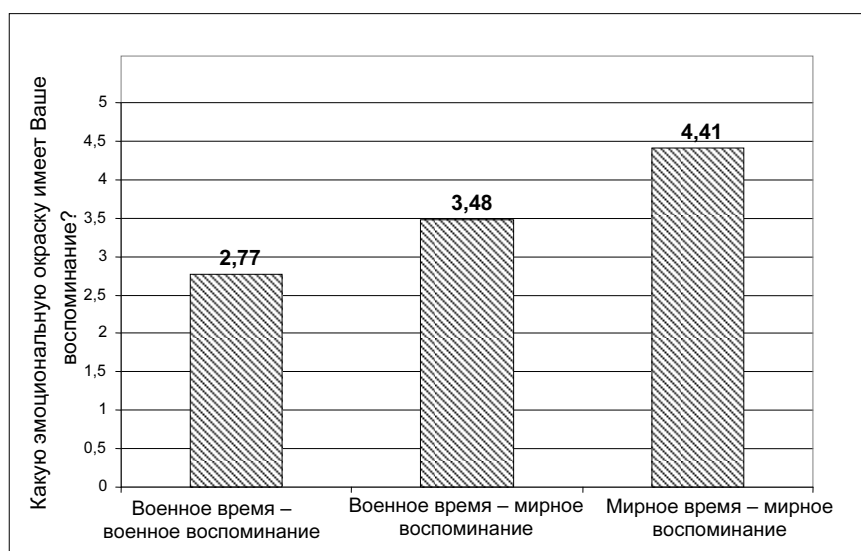

Рисунок 1. Оценка позитивности воспоминаний о детстве

Однако «мирные» воспоминания военного периода, наоборот, на уровне тенденции даже менее многолюдны, чем воспоминания младших респондентов ($t = -1.885$, $p = 0.06$). Причем среднее значение данной переменной лежит в рамках оптимального числа персонажей воспоминания – 2.66 (1.9). Около половины случаев составляют диадические воспоминания типа «я и мать». Мать часто является действующим лицом тех воспоминаний данной группы, где участвуют более двух персонажей, например, «мама и воспитатель Екатерина Ивановна», «мама, бабушка и брат». По нашему мнению, именно воспоминания такого типа служат функции социальной консолидации, своеобразным сигналом о том общем, универсальном, «дет-

³⁶ URL: <http://www.screen.ru/school/war/children.htm>

ском», что присутствовало даже в катастрофическом опыте ребенка военного времени.

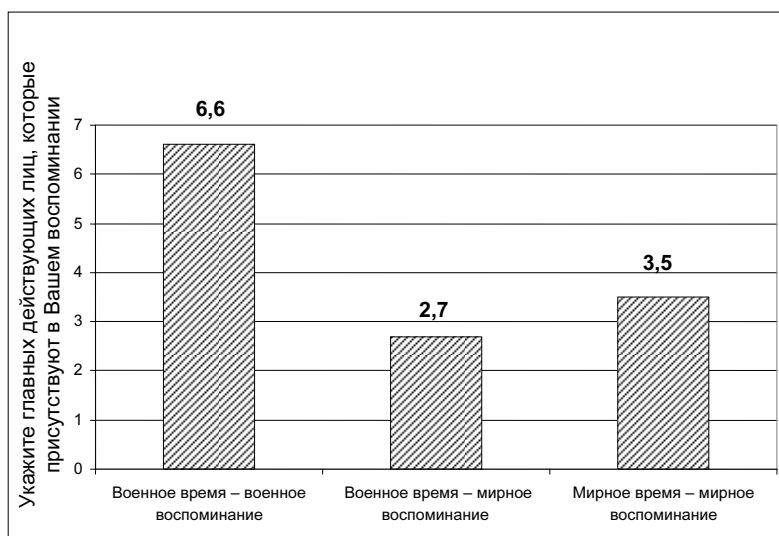

Рисунок 2. Среднее количество персонажей в мнемическом образе

И, наконец, третьей переменной различно проявившейся в трех группах воспоминаний является субъективная яркость мнемического образа. Воспоминания с военным содержанием наиболее перцептивно насыщены, ярки (рис. 3). В то время как воспоминания о детстве более молодых респондентов (ср. = 4.17 (0.9)) и мирные воспоминания военного периода (ср. = 3,89 (0,9)) не различаются по субъективной яркости ($t = 1.52$, $p = 0.13$), воспоминания военного содержания максимально ярки, они встают перед мысленным взором вспоминающего как «живые картины», «стоп-кадры» прошлого (ср. = 4.82 (0.39), для мирных воспоминаний военного периода $t = 3.624$, $p = 0.001$).

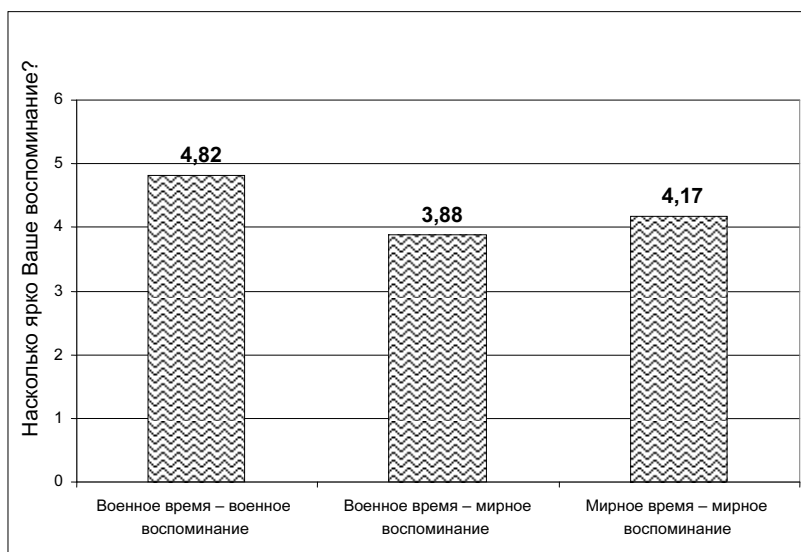

Рисунок 3. Субъективная яркость мнемического образа

Чрезвычайная субъективная яркость воспоминаний о детстве с военным содержанием в совокупности с негативной эмоциональной насыщенностью и избыточным количеством персонажей, включенных в мнемический образ, выявляет их глубокую противоречивость: обычно максимальной яркостью характеризуются воспоминания о «драгоценных фрагментах прошлого»; массив ярких воспоминаний создает своеобразное ностальгическое убежище, к которому человек обращается, чтобы временно отвлечься от проблем настоящего, почувствовать себя защищенным. Едва ли страшные сцены бомбежек, оккупации, голода и холода могут вызывать ностальгические чувства. Однако все участники нашего исследования из старшей группы в той или иной форме актуализировали воспоминания о детстве с военным содержанием. В чем же заключена необходимость хранить в памяти военные эпизоды детства?

Функциональный потенциал воспоминаний о детстве с военным содержанием

По нашему мнению, именно за феноменальной яркостью военных образов детства и скрывается основная функциональная нагрузка этих воспоминаний, их уникальная специфика. Как было указано ранее, острота автоноэзиса (непроизвольная и нерелективная оценка образа памяти как крайне яркого, детального, достоверного) определяется не совпадением с реальным эпизодом прошлого, а интенсивностью мотивационного напряжения той жизненной темы, с которой связано актуализируемое воспоминание³⁷. Тема войны пребывает в статусе вершины иерархии жизненных тем для большей части военного поколения. Широкомасштабное исследование, включавшее опрос двух тысяч представителей 12 стран, показало, что в качестве наиболее значимых исторических событий за последнюю тысячу лет чаще всего называется Вторая мировая война (72% опрошенных). Для 23% россиян главным объектом национальной гордости является победа над фашизмом, среди представителей старшего поколения доля данного ответа достигает 84%³⁸. Помнить о войне оказывается тяжело, болезненно, но крайне экзистенциально важно, пусть даже человек не отдает себе в этом

³⁷ Нуркова В.В. Эффект зависимости феноменологических характеристик...

³⁸ Нуркова В.В. История как личный опыт // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 8–25.

полного отчета. Память о войне оказывается наиболее доступным способом задать масштаб всем последующим событиям жизни человека. Причем этот масштаб оказывается не частным, а историческим, вписывающим личность в координаты глобальной мировой истории. Подлежащим детского воспоминания такого типа становится не детство человека (как в «мирных» воспоминаниях военного времени), а сама История.

Функциональный репертуар переживания исторических событий как фактов личной биографии весьма многообразен. Воспоминания об исторических событиях могут:

обеспечивать исторический смысл контекста индивидуальной жизни;

детерминировать переживание себя как части целостной аксиологически значимой социальной, территориальной или временной системы (этноса, народа, государства, эпохи);

формировать чувство принадлежности к конкретной социальной общности («социальную солидарность») или отторжения определенных социальных групп;

служить основанием для осмысления личностью себя как творца современности (самореализации в преобразовании действительности, инновационной деятельности)³⁹.

Ранее нами было теоретически обосновано, что относительно исторического события субъект может находиться в четырех различных психологических позициях: *Участника, Очевидца, Современника и Наследника* исторического опыта⁴⁰.

Ядром воспоминания Участника исторического события является его личный опыт. Однако Участник события не может знать последствий происходящего с ним. Участник события не способен охватить всю «архитектуру» происходящего; его переживания неизбежно фрагментарны, поскольку конкретная роль отчасти затемняет общий смысл происшедшего. Главным механизмом развития исторического воспоминания во времени для Участника является механизм ретроспективного означивания содержания памяти. Включение в

³⁹ Нуркова В.В. Историческое событие как факт автобиографической памяти // Воображаемое прошлое Америки (История как культурный конструкт): сб. работ. М., 2001. С. 20–34.

⁴⁰ Нуркова В.В. Историческое событие как факт автобиографической памяти...; Нуркова В.В., Василевская К.Н. Автобиографическая память в трудной жизненной ситуации...; Нуркова В.В. История как личный опыт...

автобиографическую память исторических событий, переживаемых с позиции Участника, служит функции осмысления себя как творца современности.

Очевидец физически не включен в событие, однако оно свершается «на его глазах». Пространственное и временное совпадение с историческим событием формирует абсолютную убежденность в истинности своего опыта. Центральной функцией включения воспоминания об историческом событии для Свидетеля является функция социальной солидарности («Я там был!»). При этом психологически Очевидец стремится к сдвигу своей позиции в сторону позиции Участника.

Максимальный объем исторических сведений насыщает историческую память человека, находящегося в позиции Современника. Ядром воспоминания об историческом событии для Современника является факт его личной, нейтральной для исторического процесса жизни. Исторический контекст выступает здесь как периферия. Позиция Современника, то есть человека, совпавшего с тем или иным событием во времени, но разминувшегося в пространстве (хотя последствия и дистантного события порой способны в значительной степени определять течение его жизни), отнюдь не мешает переживанию эмоциональной вовлеченности в происходящее. Включение исторических событий в индивидуальную память Современника вызвано стремлением обеспечить исторический смысл контекста индивидуальной жизни и почувствовать себя частью целостной аксиологически значимой системы.

Опираясь на предложенную А.Н. Леонтьевым⁴¹ модель трехаспектной структуры сознания (чувственная ткань образа – значение – смысл), можно утверждать, что воспоминание Участника исторического события насыщено чувственной тканью образа и личностным смыслом, но дефицитарно в отношении значения; воспоминание Очевидца исторического события насыщено чувственной тканью образа и значением, но дефицитарно в отношении личностного смысла и, наконец, воспоминание Современника исторического события насыщено значением и личностным смыслом при дефиците чувственной ткани образа. Соответственно данной специфике и разворачивается активность субъекта по «достраиванию» своего исторического опыта (рис. 4).

⁴¹ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

Упрощенно можно сказать, что Участник стремится обрести недостающую информацию о причинах и результатах события («Понять, что это было на самом деле»), присвоив, таким образом, характеристики Современника. Современник нацелен на поиск образной составляющей («Увидеть, как это было»), т.е. осуществляет движение в сторону позиции Очевидца. Очевидец, в свою очередь, озабочен осмыслением воспринятого со стороны в контексте течения своей жизни («Чем это стало для меня»).

Рисунок 4. Психологические позиции Участника, Очевидца и Современника относительно исторического опыта (в контексте трех образующих сознания по А.Н. Леонтьеву)

Человек, который переживает связь с историческими событиями, имевшими место до его рождения, занимает позицию *Наследника*. При отсутствии соответствующего личного опыта он выступает в качестве реципиента готовых формул – схем исторических событий.

Носитель воспоминаний о военном детстве тяготеет к позиции Очевидца истории. Он осознает значение войны для страны и всего человечества и располагает собственными яркими эпизодами (конечно, фрагментарными) этого исторического события. Однако, по объективным возрастным причинам лишенный возможности активного участия в военных действиях, он вынужден постоянно пребывать в смысловом напряжении, решая вопрос о личностном смысле войны в своей жизни. Таким образом, военные воспоминания о детстве представляют собой не психологический балласт травматического опыта, а ресурс личностного развития.

В серии проведенных нами исследований⁴² (общее количество испытуемых – 476, из них 50 пережили детство в период Великой Отечественной войны) было показано, что около 20% респондентов без специальной направляющей инструкции включают в свою линию жизни воспоминания об исторических событиях (рис. 5, 6 и 7). Причем для участников исследования младше 60 лет данная пропорция составляет в среднем 11%, а для старшей возрастной группы достигает 64%.

Между респондентами с высокой и низкой сензитивностью к историческому контексту своей жизни были обнаружены статистически значимые различия (при помощи однофакторного дисперсионного анализа ANOVA).

В картине прошлого носителей ярко выраженного исторического компонента автобиографической памяти присутствует значительно больше жизненных тем (9.24 против 6.63, $F = 7.323$, $p = 0.000$) и значительно больше позитивно оцениваемых воспоминаний о жизненных событиях (13 против 8.9, $F = 4.886$, $p = 0.004$). Другими словами, соотношение своей личной жизни с историческим контекстом обнаруживает связь с более позитивным и многообразным отношением к своему опыту в целом. Представители данной группы чаще склонны реализовывать контролирующий стиль жизни (23.24 балла против 19.8, $F = 6.533$, $p = 0.005$). Можно предположить, что учет исторического аспекта своего бытия позволяет более адекватно оценивать события своей жизни и за счет этого успешнее контролировать ее.

Респонденты, чья память характеризуется историчностью, в целом более активно вовлечены в работу над историей своей жизни. Они значительно в большей мере обращаются к своим воспоминаниям с целью трансляции своего личного опыта ($F = 4.063$, $p = 0.009$) и для поддержания близких межличностных контактов ($F = 10.859$, $p = 0.000$). Носители исторической памяти продемонстрировали более высокие показатели по шкале N ($F = 9.407$, $p < 0.000$), при более низких показателях по шкале I ($F = 4.241$, $p < 0.008$). Раскрывая содержание данных результатов, можно сказать, что исторический контекст шире присутствует в памяти проницательных, независимых, реалистически мыслящих людей по сравнению с теми, кто обладает противоположными характеристиками.

⁴² В проведении данной серии исследований принимали участие А.В. Лысикова и Ж.В. Цветкова.

Несмотря на то, что исторический опыт, представленный в автобиографической памяти респондентов, несет по преимуществу негативную эмоциональную нагрузку, были обнаружены различия в выраженности симптоматики посттравматических стрессовых расстройств (ПТСР) в указанных подгруппах. Историчность индивидуальной памяти связана с более низкими показателями по данному параметру (35.2 против 41.25, $F = 10.02$, $p = 0.003$). Другими словами, представленность исторического индивидуального компонента автобиографической памяти представляет собой фактор психологического благополучия личности, что проявляется в более низком уровне симптоматики ПТСР.

Таким образом, наличие исторического компонента в структуре автобиографической памяти связано с более благополучным функционированием личности. Исторический контекст шире присутствует в памяти проницательных, независимых, реалистически мыслящих людей, характеризующихся позитивным и многообразным отношением к своему опыту в целом и более низкими показателями симптоматики ПТСР.

Опираясь на изложенные результаты, можно считать, что деструктивное и, казалось бы, дисфункциональное содержание военных воспоминаний компенсируется его историческим содержанием, которое, конечно, не включено в сам образ памяти, а появляется в результате последующей ретроспективной достройки. Будучи Очевидцами войны, представители военного поколения располагают события личной истории в семантическом пространстве тягот, лишений и побед, пережитых народом в целом и в первую очередь фронтовиками – активными Участниками войны. Обладание (пусть пассивным и ограниченным) историческим опытом войны становится для них высокоосмысленным и ценностно нагруженным дебютом жизненной пьесы, в отношении которого оцениваются все ее дальнейшие перипетии. Такая пиковая точка отсчета, с одной стороны, придает всем личным достижениям особый психологический вес, а с другой, облегчает преодоление стрессовых ситуаций (ведь все познается в сравнении).

Примеры включения воспоминаний о войне в целостную картину прошлого (рис. 5–7).

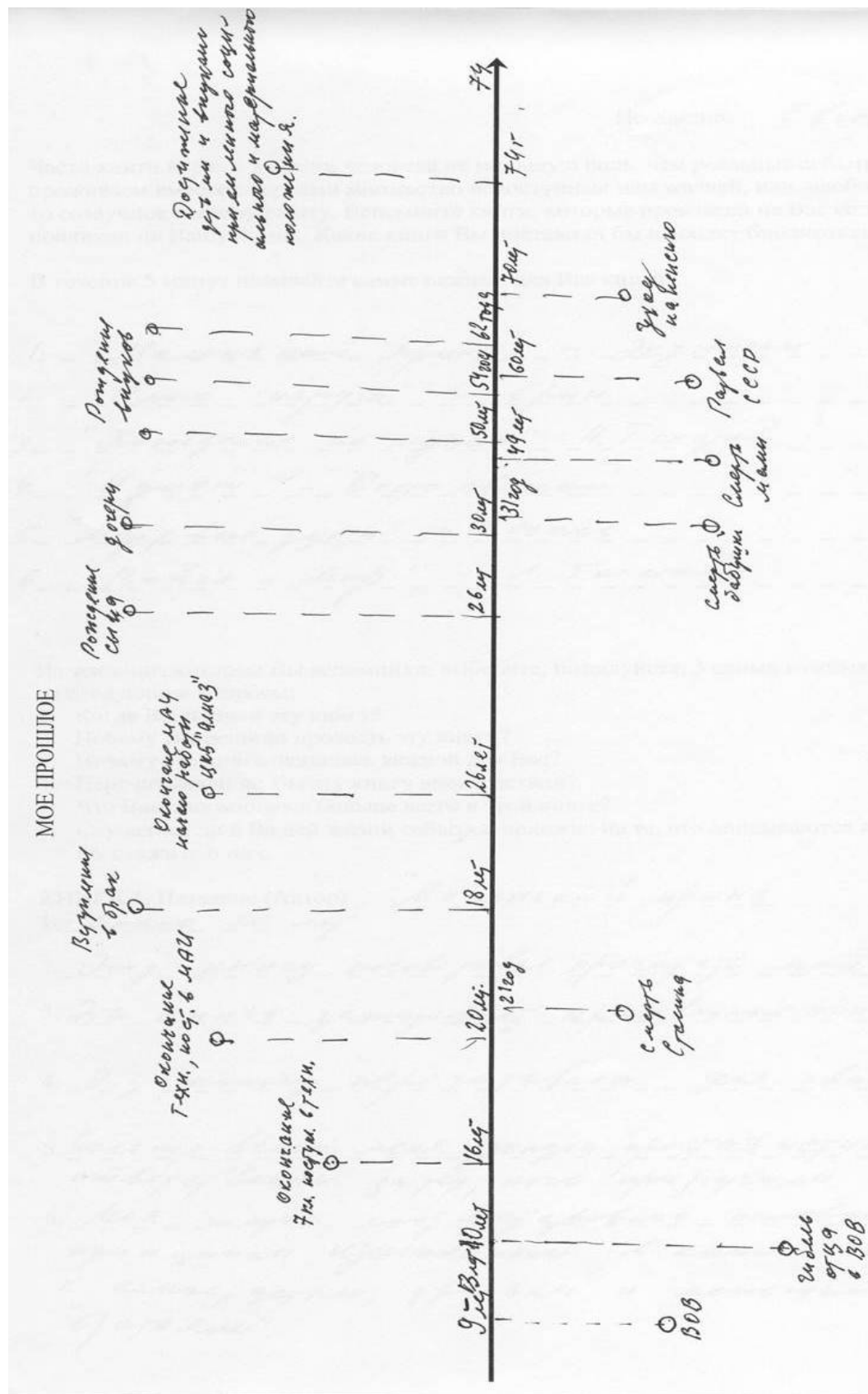

Рисунок 5.

№	Время	Наблюдения
8	10	Болит, обостряется
9	10	Орнитозная лихорадка
10	18	Нормализация в 18
11	21	Золотистый
12	22	Позеленение горла
13	25	Обострение в 25
14	27	Позеленение
15	29	Позеленение
16	31	Обострение горла
17	03	Позеленение
18	05	Позеленение
19	07	Позеленение
20	09	Позеленение
21	11	Позеленение
22	13	Позеленение
23	15	Позеленение
24	17	Позеленение
25	19	Позеленение
26	21	Позеленение
27	23	Позеленение
28	25	Позеленение
29	27	Позеленение
30	29	Позеленение
31	31	Позеленение
32	03	Позеленение
33	05	Позеленение
34	07	Позеленение
35	09	Позеленение
36	11	Позеленение
37	13	Позеленение
38	15	Позеленение
39	17	Позеленение
40	19	Позеленение
41	21	Позеленение
42	23	Позеленение
43	25	Позеленение
44	27	Позеленение
45	29	Позеленение
46	31	Позеленение
47	03	Позеленение
48	05	Позеленение
49	07	Позеленение
50	09	Позеленение
51	11	Позеленение
52	13	Позеленение
53	15	Позеленение
54	17	Позеленение
55	19	Позеленение
56	21	Позеленение
57	23	Позеленение
58	25	Позеленение
59	27	Позеленение
60	29	Позеленение
61	31	Позеленение
62	03	Позеленение
63	05	Позеленение
64	07	Позеленение
65	09	Позеленение
66	11	Позеленение
67	13	Позеленение
68	15	Позеленение
69	17	Позеленение
70	19	Позеленение
71	21	Позеленение
72	23	Позеленение
73	25	Позеленение
74	27	Позеленение
75	29	Позеленение
76	31	Позеленение
77	03	Позеленение
78	05	Позеленение
79	07	Позеленение
80	09	Позеленение
81	11	Позеленение
82	13	Позеленение
83	15	Позеленение
84	17	Позеленение
85	19	Позеленение
86	21	Позеленение
87	23	Позеленение
88	25	Позеленение
89	27	Позеленение
90	29	Позеленение
91	31	Позеленение
92	03	Позеленение
93	05	Позеленение
94	07	Позеленение
95	09	Позеленение
96	11	Позеленение
97	13	Позеленение
98	15	Позеленение
99	17	Позеленение
100	19	Позеленение

Рисунок 6.

МОЕ ПРОШЛОЕ

• Тосемская полесье
фронт (шла вместе,
рукавицы, угадывала
в концертах для раненых,
ухаживала за бойками)
1941-1943

• Безвозвратная
сдача крови
1965-1975гг.

Защитство,
рождение сына,
годы: 1954-1955, 1967

• Умерла мама
1947 год

• Умер
отец
1970г.

• Умер муж
2004г.

Представьте, что это – Ваша жизнь, от начала до сегодняшнего дня. Пожалуйста, обозначьте самые значимые, наиболее запомнившиеся события. Чем более приятное, радостное, позитивное событие, тем выше отмечайте его от центральной оси времени (поставьте точку и подпишите). И чем оно негативнее, печальнее, неприятнее, – тем ниже. На самой оси обязательно укажите, сколько Вам было лет, когда это событие произошло.

Рисунок 7.

Заключение

Результаты проведенного исследования и вторичного анализа полученных нами ранее данных позволили провести оценку специфики функционирования воспоминаний о детстве периода Великой Отечественной войны.

Большинство детских воспоминаний о военном времени составляют воспоминания, не имеющие эксплицитного военного измерения. В нашем исследовании 61,4% воспоминаний о детстве, полученных в интервью с респондентами, чье детство пришлось на период Великой Отечественной войны, по содержанию было тождественно типичным воспоминаниям людей, не переживших военной катастрофы. Преимущество при воспроизведении воспоминаний о детстве мирного содержания мы связываем не с тем, что ребенок «не замечает» происходящего вокруг него, а с селективностью автобиографической памяти взрослого, избирательно актуализирующей наиболее функционально ресурсные воспоминания. Полученный факт не может быть сведен к действию механизмов психологической защиты, так как 38,6% воспоминаний о детстве данных респондентов явно включают военную тему.

Воспоминания военного времени с «мирным» содержанием выполняют функцию межпоколенной социальной солидарности, так как рассказывают об универсальных, коммуникативно прозрачных для детей, внуков и правнуков вспоминающего семейных ценностях, устоявших вопреки военным испытаниям. Суть заключающегося в них послания может быть передана следующей цитатой из уже упоминавшегося во вводной части текста интервью с Р. Рождественским: *«У меня было счастливое детство?.. Да. Потому что – детство. Оно было трудное. Но там была Победа, и она озарила все»*⁴³.

Детские воспоминания с явно военным содержанием за счет своей глубоко негативной эмоциональной окраски, пассивной страдательной внутренней позиции и избыточного количества персонажей не могут эффективно использоваться в реализации тех функций автобиографической памяти, которые ориентированы на социальное взаимодействие и саморегуляцию. Однако они остаются в психологическом репертуаре памяти не только как деструктивные последствия военной травмы, но и как обладающие экзистенциальным функциональным потенциалом. Военные воспоминания о детстве выступают материа-

⁴³ Поэт Роберт Рождественский: «Я был верующим – верующим в Сталина» // Известия. 2009. 19 авг.

лом для реализации одной из экзистенциальных функций автобиографической памяти – функции самоопределения в координатах истории и культуры. Высокая историчность автобиографической памяти дает особую «Оптику» в оценке себя и своего жизненного пути. Суть этой «Оптики» заключается в масштабе, относительно которого оценивается личное Я. Носитель исторической автобиографической памяти соотносит свою личность с ценностями более высокого порядка – Родиной и историей и поэтому более конструктивно справляется с вызовами текущей жизни.

Мы считаем, что людей, переживших войну в первые годы своей жизни, несправедливо называть «потерявшими детство». Скорее к ним применимо знаменитое высказывание Ф. Ницше: «То, что нас не убивает, делает нас сильнее».

Н.К. Петрова

ДЕТИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В одной из своих статей академик Д.С. Лихачев писал, что воспитывают человека не только семья, школа, коллектив. Незаметно для каждого из нас учителями становится прошлое, история. О Второй мировой, о Великой Отечественной войне написано и опубликовано немало исследовательских работ и сборников документальных материалов. Но можно смело сказать, что не все еще сделано. Ряд проблем затронут, но до конца не изучен. Одной из таких малоизученных тем является тема «дети Великой Отечественной войны», в частности, такие ее аспекты, как война глазами детей, детская память о войне. Несмотря на то, что на рубеже XX и XXI веков в свет вышло немалое количество сборников воспоминаний и архивных документов, в первую очередь, подготовленных в регионах, эти проблемы ждут своих исследователей.

В 1966 г., готовя к изданию свое собрание сочинений, К. Симонов в первом томе поместил обращение к читателю, назвав его «Перед первой страницей». В нем есть такие слова: «Я глубоко убежден, что в книгах, изображающих историю нашего общества, будет рассказана вся правда о всех сторонах нашей жизни в разные эпохи... Это необходимо для нормального развития нашего общества, и это, безусловно, будет сделано...»¹.

Обращение к изучению прошлого – это не только закономерная связь настоящего с прошлым Родины, оно необходимо для понима-

ния настоящего и прогнозирования будущего. При этом нужен *объективный* и *всесторонний* анализ событий, не простой, личностный их пересмотр, переоценка, а *документальное, всестороннее* их освещение. Отмечая неоспоримую ценность публикаций, основанных на документальных рассказах тех, чье детство прошло на фронте, в партизанском отряде, на заводе или в колхозном поле, настоящее время требует обратиться к ранее недоступным и закрытым документам архивов для объективного раскрытия научной проблемы.

Говоря о Великой Отечественной войне, отдавая дань военному и трудовому подвигу нашего народа, мы долгое время умалчивали о всех трудностях 1941–1945 гг. А если и говорили, то это касалось тягот военных лет. С начала 90-х годов прошлого века проявилась другая тенденция: перечеркивание героического прошлого и поиск, выпячивание, можно сказать, утрирование в ряде случаев просчетов и ошибок, допущенных как на полях сражений, так и в работе тыла. Между тем дети Великой Отечественной войны, их судьбы до сих пор оставались вне поля зрения исследователей.

В предисловии к книге «Интересные незнакомцы (Дети и война)» А.М. Горький писал: «Дети – это завтрашние судьи наши, это критики наших воззрений, деяний, это люди, которые идут в мире на великую работу строительства новых форм жизни». Анализируя обстановку, в которой воспитываются дети на войне, Горький писал, что «их отношение друг к другу, к человеку, миру складываются во время войны, когда одни дети играют с трупами, другие вместе со взрослыми принимают непосредственное участие в войне <...> и мне кажется, что нам, взрослым... следует знать, как мыслят дети о войне...»².

За время Великой Отечественной войны был собран обширный и разнообразный материал о жизни детей в годы войны, который позволяет раскрыть те изменения, которые внесла война в

² Интересные незнакомцы (Дети и война) / сост. С.А. Левитин. М.: Гослитиздат, 1919. Цит. по: URL: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/articles/article-177.htm>. Предисловие написано в ноябре 1915 г. и предназначалось для книги, которую предполагало выпустить издательство «Парус»; это издание не состоялось. Из сохранившейся переписки между С.А. Левитиным и М. Горьким (февраль 1916 г.) выясняется, что издание книги было приостановлено М. Горьким вследствие принципиальных разногласий с ее составителем. – *Прим. ред.*

психологию детей и восприятие ими мира. В 1944 г. Союз писателей СССР обратился в ЦК ВЛКСМ на имя его секретарей Н.А. Михайлова и О.П. Мишаковой с предложением подготовить большой документальный сборник «Дети в Отечественной войне» и издать его в 1944 г. в издательстве «Молодая гвардия» или «Детгиз». Предисловие предполагалось поручить написать А.Н. Толстому или С.Я. Маршаку³. К сожалению, очень интересная идея оказалась не реализованной в том объеме, как намечалось, и ждет своих публикаторов.

4 часа утра 22 июня 1941 года – это рубеж, от которого начался отсчет 1418 дней Великой Отечественной войны. Начиная с этого времени, одной из главных проблем общества, государства стала забота о детях: сохранить, вырастить, воспитать и обучить. В этом направлении велась работа на всех уровнях власти, всеми общественными организациями и средствами массовой информации.

В условиях стремительного наступления противника, огромных людских потерь, паники среди гражданского (в первую очередь) населения остро стоял вопрос оказания помощи сотням тысяч детей. В первую очередь велась работа по эвакуации. На учет брались дети, родители которых ушли на фронт или поступили на работу. В тяжелых условиях военного времени велась эвакуация детских домов из прифронтовой полосы и угрожаемых районов. При этом велась работа по выявлению оставших от эшелонов ребят.

Дети вывозились в тыл железнодорожным транспортом, в отдельных случаях автогужевым или водным. Редко, но были случаи пешеходного ухода⁴. За период с 22/VI–1941 и 1942 гг. было вывезено 976 детских домов со 107 223 воспитанниками. В стране в те годы существовали детские дома нескольких типов – дошкольные, школьные и так называемые смешанные дома (для разновозрастных детей-родственников). С начала войны с территории Украины вывезли 257 детдомов, с территории Белоруссии – 132 детдома. Они в основном были размещены в республиках Средней Азии. На Урале, в Подмосковье и других районах работали детдома для детей Прибалтики⁵.

³ РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 32. Д. 271. Л. 19–20.

⁴ См.: Кондакова Н.И. Война, государство, общество. 1941–1945. М., 2002. С. 253–255.

⁵ Великая Отечественная война. 1941–1945: энциклопедия. М., 1985. С. 240.

В тыл были вывезены десятки тысяч осиротевших или утративших связь с семьей детей. Справедливо говорят, что у войны разные лица: жестокое и милосердное, живое и мертвое, но самое трагичное – это детское. Именно дети как самая уязвимая часть населения оказались в первую очередь жертвами военного лихолетья. Резкое увеличение численности сирот, оставшихся к тому же без крыши над головой, затрудняло их размещение в приемных семьях, детских домах, специальных ремесленных, суворовских и нахимовских училищах, домах ребенка, детских приемниках-распределителях.

23 января 1943 г. было принято постановление СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», наметившее комплекс мер по предупреждению детской безнадзорности. При СНК союзных и автономных республик, исполкомах местных Советов были созданы комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей, была расширена сеть детских приемников-распределителей. При органах НКВД работали справочные столы для розыска детей. Дети до трех лет направлялись в дошкольные учреждения или передавались в семьи трудящихся на патронат.

В годы войны были созданы новые учреждения общественного воспитания – школьные интернаты, возникли общественные организации шефства над детскими домами – попечительские советы. Было открыто свыше 400 колхозных детских домов. Из детских домов и приемников-распределителей на воспитание в семьи трудящихся было взято 308 тыс. детей.

За годы войны ассигнования на детские дома и мероприятия по охране детства составили в РСФСР 16% всех расходов на народное образование. Для детей воинов Советской Армии и партизан с 1943 г. создавались специальные детские дома. В 1945 г. их действовало 120 (17,2 тыс. воспитанников). Имелись также детские дома для иностранных детей: в Узбекистане находились 23 польских детских дома (свыше 1900 чел.) и дом испанской молодежи. Польские детские дома размещались также в Казахстане, Киргизии и Таджикистане. При детских домах имелись подсобные хозяйства, оборудовались столярные, слесарные, швейные и др. мастерские. Профессиональная подготовка воспитанников, достигших 14 лет, велась главным образом в системе трудовых резервов и через производственное ученичество.

За этими сухими цифрами и фактами шла «вторая» жизнь.

Несмотря на то, что забота об эвакуированных детях была в поле зрения государственных и общественных организаций, а так же

партийных и комсомольских руководителей, далеко не все было безупречно в этой работе. В письме секретарю ЦК ВКП (б) А.А. Андрееву от 22 ноября 1941 г. секретарь ЦК ВЛКСМ О. Мишакова сообщала о тех безобразиях, которые она лично наблюдала в течение двух месяцев в детских домах Сталинградской области. О. Мишакова была женщиной не сентиментальной, жесткой. Ее письмо в ЦК ВКП(б) оставляет тяжелое впечатление о действительности того времени. Оно лишено лакировки «заботы о детях». Привожу его почти полностью. Публикуется оно впервые⁶.

«Трудное время настало для наших детей. Много детей страдает. Тяжело смотреть на их страдания. И особенно тяжело потому, что в значительной степени могли бы облегчить положение многих ребят. Но, к сожалению, у нас сейчас нет такой авторитетной организации, которая бы занималась непосредственно оказанием помощи детям. Отделы народного образования, комсомол мало заботятся о детях. Да, ряд вопросов они сами не в состоянии решить, как-то: вопросы питания, одежды, помещения. Местные исполкомы зачастую идут по пути наименьшего сопротивления и отбирают помещения, в первую очередь, школ и детских учреждений.

...[В Сталинградской области – Н.П.] ... питанием проезжающих эвакуированных малолетних детей, кормящих матерей – никто не занимается. Дети едут голодные, болеют... Все это происходит потому, что наши партийные и особенно комсомольские руководители считают для себя низким заниматься, по их мнению, “вопросами питания детей”».

Особенно горькая картина предстает из письма О. Мишаковой об эвакуированных детях из Калачевского детского дома:

«У них не было даже смены белья. 100 человек восьмилетних ребят разутых и раздетых вели в мороз по городу на пароход. В детских домах эвакуированных детей развелось много прихлебателей, которые объедают и обижают наших детей. Эти люди лучшее питание, помещения забирают для себя. Эти люди никакого отношения не имеют к детскому дому. Часть из них

⁶ РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 4. Д. 1. Л. 124а-124б.

заделалась воспитателями. Часто эти воспитатели везут всю свою семью, родных и знакомых, питают их за счет детей, размещают в д/домах. Эти люди преступно относятся к детям. Мне пришлось быть на пароходе “Красный Профинтерн”, который перевозил из Сталинградской области в Энгельс несколько детских домов с эвакуированными ребятами. На этом пароходе мы обнаружили следующее: большинство лучших, теплых кают было занято взрослыми людьми из обслуживающего персонала, их родных и знакомых, а восьмилетние, разутые и раздетые дети находились в проходах и холодных коридорах. ...Мы предлагаем создать авторитетный центр, областные детские комиссии по оказанию помощи детям».

Откровения такого рода исследователям встречаются не очень часто, но они дополняют картину, восстанавливают в деталях то, о чем слышали, но не читали сами, и не хотели верить, что все это было в действительности.

Надо полагать, что это письмо не осталось без внимания. 3 декабря 1941 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление «О фактах пренебрежительно-бюрократического отношения комсомольских организаций к эвакуированным детям». Многочисленные факты пренебрежительно-бюрократического отношения к эвакуированным детям, о которых было известно на местах от райкома до ЦК комсомола союзных республик и с которыми они примирились, стали известны руководству ЦК ВЛКСМ. Последовала немедленная реакция. Центральный Комитет ВЛКСМ назвал это «совершенно нетерпимым» и потребовал, чтобы «комсомольские организации взяли в свои руки дело обслуживания эвакуированных детей»⁷. Были намечены конкретные задачи, и все последующие военные годы по их выполнению велся жесткий контроль.

О проведенной работе ЦК ВЛКСМ отчитывался (или докладывал) в ЦК ВКП (б). Материалы архивов хранят докладные записки от секретаря ЦК ВЛКСМ Н. Михайлова секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву, Г.М. Маленкову, А.С. Щербакову и др. о состоянии дел по обслуживанию детей в пути, правильном размещении на местах, заботе о питании, одежде для детей, устройстве на работу детей старших возрастов, о занятиях спортом и т.д. Время определяло задачи,

⁷ РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 3. Д. 277. Л. 58.

требовало их решения. Так, в связи с эвакуацией дети отставали от поездов, теряли своих родственников. Некоторые воспитанники детских домов всеми силами стремились попасть на фронт, хотели воевать. Это вело к тому, что в 1942–1943 гг. отмечался рост задержанных беспризорников и безнадзорных. Больше всего их было в Горьковской, Московской, Свердловской, Челябинской, Ярославской областях и в Азербайджанской, Грузинской, Узбекской и Казахской республиках⁸.

Бежали из детдомов еще и потому, что в некоторых из них плохо кормили, били. По этой причине только в 1942 г. сбежало около 19 тыс. детей⁹. Не хватало воспитателей, работали часто случайные люди. В 1942–1943 гг. прошли мобилизации членов ВЛКСМ на работу с детьми, особенно для работы в детских колониях НКВД. Только в 1943 г. туда было направлено около 700 комсомольцев¹⁰. Одновременно с этим 300 коммунистов было мобилизовано в детские учреждения и 600 квалифицированных рабочих – для работы с детьми в мастерских¹¹.

В учебном 1942/43 году из числа подлежащих обучению по плану всеобща остались вне школы 3100 тыс. детей. А в ходе учебного года из школ выбыло свыше 700 тыс. детей. Анализ причин показал, что из-за отсутствия одежды 33%, а в некоторых областях до 45% оставляли школу. Выбывали из школ так же из-за недостаточного питания и из-за отдаленности школ. Учеба в некоторых из них была в две и даже в три смены. Дети покидали и учебные заведения ФЗО. В 1943 г. из 43 училищ ушло свыше 900 тыс. учеников.

В детских домах отмечалось неупорядоченное питание, точнее, снижение его норм. Так, в Чкаловской области по крупе – с 1800 до 750 г в месяц, по жирам – с 500 до 230 г, по сахару – с 500 до 330 г и т.д. Наибольшие трудности испытывали детдома в Кировской, Саратовской, Куйбышевской областях¹².

В 1943 г. НКВД было рекомендовано создать трудовые воспитательные колонии для содержания в них беспризорных и безнадзорных детей, а также детей и подростков, замеченных в мелком хулиганстве и других незначительных преступлениях, в возрасте от 11 до

⁸ РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 7. Д. 69. Л. 37.

⁹ Там же. Л. 38.

¹⁰ Там же. Л. 42–43об.

¹¹ Там же. Л. 39об.–40.

¹² Там же. Л. 26–27.

16 лет. До этого была практика, когда в ряде трудовых воспитательных колоний содержалось большое количество взрослых осужденных за измену родине, убийства и т.д. Дети там были предоставлены сами себе. Настольные игры им не выдавали, так как боялись, что их могут украсть, и лыжи не выдавали по той же причине, что «они убегут». По статистике, 47,2% воспитанников таких колоний числились в бегах¹³.

Ранее в советской литературе акцентировалось внимание читателей на огромной заботе Родины о детях в годы Великой Отечественной войны, на том хорошем, чего удалось добиться в это трудное время. Да, было сделано многое для детей фронтовиков, для детей из неполных семей, вообще для всех, кто был в возрасте до 16 лет. Но в силу ряда причин, и в первую очередь из-за закрытости материалов, многие негативные стороны военного времени не освещались. Обратимся к новым фактам.

Весной 1943 г. от начальника главного управления милиции НКВД А. Галкина на имя секретаря ЦК ВЛКСМ Н. Михайлова поступила записка, анализирующая причины беспризорности детей и рост безнадзорности. И ставилась задача: «В целях предотвращения беспризорности детей обстановка требует усиления заботы о детях, активизации работы школ, пионерских, общественных и комсомольских организаций». Казалось бы, что и годом раньше эти задачи определялись, между тем в ряде мест эта работа ослабела, и как следствие – большой рост преступности среди несовершеннолетних. В 1942 г. по сравнению с 1941 г. количество уголовных преступлений увеличилось на 55% и, по данным на 10 апреля 1943 г., продолжало расти. За 1942 г. несовершеннолетними было совершено около 39 тыс. уголовных преступлений, из них 86% кражи, остальные – разбои, грабежи и хулиганство¹⁴.

При этом значительная часть преступлений совершалась учащимися ремесленных училищ (РУ) и школ фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). Этому способствовала слабая дисциплина и плохие культурно-бытовые условия. Так, в октябре 1942 г. на заводе № 8 (г. Свердловск) было трудоустроено до 300 несовершеннолетних, освобожденных из мест заключения. Их разместили в недостроенном бараке, без печей, не обеспечили одеждой, обувью, постельными принадлежностями. Началось воровство, многие разбежались. Так, в

¹³ РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 4. Д. 129. Л. 2–10.

¹⁴ Там же. Оп. 4. Д. 42. Л. 6.

школе ФЗО № 38 из 40 подростков не осталось никого. Бежали не от хорошей жизни: баня была один раз в три месяца. Из 200 учащихся, эвакуированных из г. Загорска Московской обл. в Томск, осталось 43 чел., 139 учащихся дезертировали и 18 были арестованы за уголовные преступления¹⁵.

Вызывало тревогу и то, что освобожденные из тюрем и ИТЛ несовершеннолетние, то есть дети до 16 лет, не учились, воспитательная работа с ними не велась. В результате многие из них совершали повторные преступления, становились рецидивистами и разлагающе действовали на нетрудоустроенных и безнадзорных несовершеннолетних. Соответствующие инстанции совершенно верно отмечали, что «рост преступности... не может быть приостановлен одними мерами репрессий»¹⁶. Несмотря на то, что о состоянии детской преступности были информированы партийные, советские и комсомольские организации, решения, которые, ими принимались в большинстве оставались не выполненными, а мероприятия проводились эпизодически и кампаниями. Комсомольские организации (Пензенской, Челябинской, Горьковской, Куйбышевской, Молотовской, Новосибирской, Омской областей) к выполнению постановления от 7 августа 1942 г. «О мерах комсомольских организаций по борьбе с детской безнадзорностью и по предупреждению детской беспризорности» отнеслись формально. Как результат – положение не улучшалось, уголовная преступность росла.

Все отмеченное мною выше стало предметом обсуждения на секретариате ЦК ВЛКСМ 24 апреля 1943 г. Было принято закрытое постановление по предложениям Н. Михайлова. Суть этих предложений заключалась в следующем: составить и разослать письмо обкомам ВКП(б) и облисполкомам, в котором отразить факты бездушного отношения к устройству детей, неудовлетворительную работу в РУ, ФЗО. ЦК ВЛКСМ констатировал в этом письме, что «такое положение дел не может быть терпимо, несмотря на трудности военного времени, мы можем и обязаны проявлять повседневную заботу о детях, не допускать беспризорных и безнадзорных детей. Для этого нужно перечитать задачи партийных и других органов»¹⁷. В свою очередь, ЦК ВЛКСМ поставил вопрос об изменении 40-го пункта постановления СНК СССР от 23 января 1942 г. о том, что в детские приемники и распределители на-

¹⁵ Там же. Л. 9–9об.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 4. Д. 42. Л. 11.

¹⁷ Там же. Л. 13, 14.

правляются дети в возрасте до 17 лет включительно (вместо 15 лет). Одновременно было принято решение о введении комсorghов ЦК ВЛКСМ в школах, насчитывающих 500 и более учащихся.

Необходимо отметить, что ЦК ВЛКСМ делал очень многое для решения жизненно важных проблем эвакуированных детей, но проблем больших и малых было бесконечное множество. Маленькие сердца детей надо было согреть, в их души требовалось вдохнуть надежду и веру в будущее, понять обиженных, усмирить возбужденных и неуравновешенных. И это все должны были делать юноши и девушки – ровесники или немногим взрослее тех, о ком надо было заботиться.

Во многих районах страны комсомольские организации начали создавать фонд помощи эвакуированным детям. Комсомольцы собирали продукты питания, одежду, обувь, постельные принадлежности, книги, игрушки и т.д. В марте–апреле 1942 г. по инициативе комсомольских организаций во многих областях, краях и республиках стали проводиться воскресники в фонд помощи детям.

Воентехник 1-го ранга Николай Корниенко предложил организовать при «Комсомольской правде» специальный фонд помощи детям, пострадавшим от фашизма, и внес 300 руб. Так при газете «Комсомольская правда» был открыт счет № 160180 помощи детям, пострадавшим от войны. Всего за годы войны на этот счет поступило 208 млн. руб. Кроме того, имелись деньги в обкомах комсомола. На эти деньги были открыты 14 комсомольских здравниц для больных и физически ослабленных детей. Ежегодно в этих здравницах отдыхало 12 000 детей. Областные комитеты комсомола создали за счет фонда помощи детям 126 детских домов, содержали сотни оздоровительных детских площадок и детских садов. Свыше 100 тысяч бесплатных путевок в лагеря было приобретено ребятам за счет фонда. Только в одном 1945 г. выдано детям 45 000 стипендий на сумму 221 500 000 руб. 11 млн. руб. было выдано для оказания индивидуальной помощи детям, отдельным детским домам, детским площадкам, детским столовым.

4 февраля 1942 года в «Комсомольской правде» было опубликовано письмо командира ВВС Тихоокеанского флота комсомольца Петра Безносикова. Он сообщил о своем решении взять на воспитание ребенка, пострадавшего от немцев. Почин комсомольца Петра Безносикова горячо поддержали советские люди. К маю 1945 г. свыше 300 тыс. детей было взято в семьи. Еще шире развернулось в стране движение по усыновлению осиротевших детей после Всесоюзного митин-

га в защиту детей от фашистского варварства, который по инициативе комсомола состоялся в Москве 19 апреля 1942 г.

В Москве только за три месяца 1942 г. было взято на воспитание и патронат 1 500 детей, в Калининской области – 2 940 детей. 1 100 осиротевших детей нашли снова материнскую любовь и отцовскую ласку в семьях трудящихся далекого солнечного Узбекистана. Только в одном Ташкенте 643 семьи и 69 коллективов взяли на воспитание детей, оставшихся без родителей. Кузнец Ахмед Шамухамедов взял на воспитание десятерых детей. Среди них – узбеки, русские, украинцы и белорусы¹⁸.

В свою очередь, советские дети стремились в меру своих сил помогать взрослым в их героической борьбе за честь, свободу и независимость Родины: работали на полях колхозов и совхозов; принимали активное участие в восстановлении разрушенных немцами школ; вносили свои сбережения в фонд обороны Родины. Вместе с комсомольцами пионеры не раз выходили на воскресники. Ребята во всем помогали своим старшим братьям: ремонтировали здания, возили дрова, расчищали дороги.

За 1942–1944 гг. пионеры и школьники выработали 588 600 тыс. трудодней. Во многих школах создавались мастерские, в которых работали пионеры и школьники, выполняя заказы фронта. Девочки с любовью обметывали петли морских кителей, юные столяры обстругивали до блеска ложе винтовок и лыжные палки, юные слесари и токари изготавливали различные детали для мин и другого оружия.

За три года войны ребята собрали 240 784 т плодов дикорастущих растений. В годы войны развернулось движение тимуровцев по оказанию помощи семьям фронтовиков. Ребята помогали в хозяйстве, ухаживали за малышами, кололи дрова, варили пищу, стирали белье, работали в огороде и т.д. В детских садах и яслях ребята помогали воспитательницам, они делали для малышей игрушки. Дарили им свои книги. Миллионы детских писем, подарков шли на фронт бойцам и офицерам Красной Армии. Не было в стране ни одного госпиталя, где бы ни побывали пионеры и школьники: они украшали госпитали цветами, устраивали концерты художественной самодеятельности, дарили раненым свои рисунки, предметы рукоделия, чинили раненым белье, помогали писать письма. Ученики Борисовской школы Московской обл. летом приносили в свой подшефный госпи-

¹⁸ РГАСПИ. Ф. М-6. Оп. 11. Д. 119. Л. 17–19.

таль целые корзины земляники и клубники, а некоторые пионеры специально держали кур, чтобы для слабых больных всегда были свежие яйца¹⁹.

В отечественных научных и научно-популярных статьях не принято вводить в текст стихотворения. Отступая от этого правила, привожу одно из них. Стихотворение называется «Армия», написано в 1959 г. Его автор – Е. Евтушенко, один из детей войны. Его детство пришлось на годы войны, он испытал эвакуацию, трудности тылового быта. Годы войны увидены глазами мальчика. Поэтому темой его стала «беда», «всемирная беда», «общенациональное горе». «Спешите, если есть куда спешить», – это программное заявление поэта, оно созвучно тому времени, в котором прошло его детство:

*В палате выключили радио,
И кто-то гладил мне вихор...
В зиминском госпитале раненым
давал концерты наш детский хор.
Уже начать нам знаки делали.
Двумя рядами у стены
стояли мальчики и девочки
перед героями войны.
Они,
 родные,
 некрасивые,
С большими впадинами глаз,
И сами жалкие,
 несильные,
смотрели с жалостью на нас.
В тылу измученные битвами,
худы,
 заморены,
 бледны
в своих пальтишках драных
 были мы
для них героями войны.
...Солдаты пели, словно школьники,
 и, как солдаты пели мы...²⁰*

¹⁹ РГАСПИ. Ф. М-6. Оп. 11. Д. 119. Л. 10–12.

²⁰ Евтушенко Е. Идут белые снега... М., 1969. С. 28.

В годы войны газета «Пионерская правда» разослала анкету с вопросами: «Чем ты помог Красной Армии?», «Чему ты учишься у наших воинов?», «Что ты хочешь изобрести для Красной Армии?» Множество ответов пришло на эти вопросы. Все они разные – одни ребята писали, что спасли раненых в тылу у немцев, другие о том, что выходили коня, третьи – о своем желании изобрести непробиваемую броню или снаряд, который долетел бы до Гитлера и уничтожил его, четвертые мечтали стать дружинниками, чтобы спасать раненых... Но все ответы ребят говорили об одном – о безграничной любви к Красной Армии, о желании учиться и трудиться в помощь ей, во славу своей Родины.

Многие пионеры и школьники страны в годы Великой Отечественной войны отдали свои сбережения на строительство танков, самолетов, пушек. На фронт в 1942–1945 гг. шли танковые колонны «Московский пионер», «Куйбышевский пионер», «Ташкентский пионер» и др.²¹

В праздничном ноябрьском номере газеты «Красная звезда» в 1942 г. был помещен очерк К. Симонова «Москва». Одобренный А.С. Щербаковым, посвященный Москве и ее гражданам очерк занял целую полосу. Газету разложили на кресла участников торжественного заседания в Кремле, что свидетельствовало о его значимости. Что было особенного в том очерке? Там есть строки о подростках зимы 1941–1942 гг., о ребятах 15–16 лет, которые заменили своих отцов на рабочих местах. К. Симонов высказал надежду, что «когда-нибудь хороший детский писатель напишет о них замечательную книгу... И если когда-нибудь в столице на площади будет воздвигнут памятник обороне Москвы, то среди бронзовых фигур рядом с отцом, держащим автомат, должен стоять его 15-летний сын, сделавший ему этот автомат осенью 1941 года...». И от себя Давид Ортенберг, автор книги «Год 1942», в прошлом главный редактор газеты «Красная звезда», добавлял: «Как бы хотелось, чтобы это вещее желание Константина Симонова сбылось...»²². Книга, где помещены эти строки, вышла в 1988 году. А памятник ждет решения...

Дети-подростки были повсюду: на заводах делали гранаты, автоматы, снаряды, мины. В госпиталях дежурили, заменяя сиделок и сестер. Во время воздушных тревог дежурили на крышах. В школьных мастерских клеили пакеты для подарков и посылок, делали жестяные кружки, вязали варежки и перчатки. Они защищали Москву и Родину.

²¹ РГАСПИ. Ф. М-6. Оп. 11. Д. 119. Л. 13.

²² Ортенберг Д. Год 1942. М., 1988. С. 408–409.

Точную цифру юных защитников назвать невозможно. Эта родившаяся в годы тяжелых испытаний никем не запланированная категория «военнослужащих», естественно, не подлежала никакому учету. Подростков не всегда заносили в списки воинских частей, не всегда выдавали им красноармейские книжки. Но можно смело говорить, что их было десятки тысяч.

Только в Белоруссии в партизанских отрядах находилось более 30 тыс. школьников. Многие участвовали в операциях. Полоцкий детский дом не успел эвакуироваться в тыл. 13 педагогов с директором М.С. Форинко образовали подпольную группу «Бесстрашные», помогали партизанам, и в то же время спасли немало безнадзорных детей. В начале 1943 г. эта группа по приказу с Большой земли была переправлена на самолетах через линию фронта²³.

О том, что огонь войны опалил детство многих, убедительно свидетельствуют архивные документы. Не дожидаясь призывного возраста, мальчишки самыми разными путями стремились попасть на фронт. Сотни ребят на товарных платформах, под брезентом, а если повезет, в теплушках самовольно устремлялись на запад. Их задерживали, возвращали в тыл, но самые отчаянные снова и снова убегали из дома, всеми правдами и неправдами оказывались в боевых частях. Каждому из них хотелось стать сыном полка.

Порой на пепелище, в полузасыпанной землянке или прямо на дороге подбирали солдаты замерзшего, голодного, заплаканного мальчишку, оставшегося сиротой. Его обогревали, мыли и кормили. Бывало, что уже на следующий день очередной сын полка появлялся в перешитых по размеру шинели, гимнастерке, брюках, находились для него и подходящие сапоги.

Более 25 тыс. сирот стали сыновьями полков, которые жили в солдатских землянках и при армейских штабах. Столько же ребят находилось на боевых кораблях и в партизанских отрядах²⁴. За участие в боевых действиях более 200 тыс. детей были награждены боевыми орденами и медалями, из них более 20 тыс. – медалью «За оборону Москвы», 15 249 – медалью «За оборону Ленинграда», а шестеро ПОСМЕРТНО удостоены звания ГЕРОЯ Советского Союза²⁵.

²³ Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1976. С. 110.

²⁴ Источник. 1994. № 4. С. 54–55.

²⁵ Народ и война: 50 лет Великой Победы. СПб., 1995. С. 227–228.

На оккупированной врагом территории дети сполна испытали жестокость установленного оккупантами «нового порядка»: голод и холод, тяжелый труд, казни, издевательства. Но страшнее всего было оказаться в концентрационном лагере. Там малышей превращали в доноров и подопытных «кроликов», мало кому из них удалось выжить. В г. Ейске в октябре 1942 г. было уничтожено в душегубках 214 воспитанников детского дома, эвакуированных из Симферополя. В г. Житомире фашисты выкачивали кровь из детей для раненых офицеров. Пускали яд в кровь (1943), ставя опыты²⁶.

6 октября 1989 г. Совет Министров СССР принял постановление «О предоставлении льгот бывшим несовершеннолетним узникам фашистских лагерей». На них распространились льготы, которые имели участники войны²⁷.

Проблема детских судеб в условиях войны и после нее имеет и другие аспекты, в частности, морально-этический. Связан он с многочисленными фактами рождения детей, чьими отцами были военнослужащие оккупационных войск вермахта и СС²⁸. Как правило, это результат изнасилования женщин и девочек подросткового возраста. Причем, если в других странах, оккупированных гитлеровцами, командование вермахта на такие «шалости» своих военнослужащих смотрело сквозь пальцы, то на территории СССР за это строго взыскивалось, но причина тут не в морали, а в расистских соображениях. Тем не менее ставка Гитлера располагала сведениями о том, что к концу войны на временно оккупированной советской территории почти от 11 млн. немецких военнослужащих, побывавших там, родилось около 3 млн. детей, в то время как во Франции, Бельгии, Нидерландах, Дании и Норвегии таких детей оказалось менее 200 тыс.

Судьба этих детей была не радостной в Советском Союзе. После окончания Великой Отечественной войны отношение советского государства и общества было крайне негативным к матерям, родившим детей от оккупантов. К сожалению, эта неприязнь переносилась и на ни в чем неповинных маленьких детей этих матерей. Никого не интересовало: по доброй воле или в силу жесткого принуждения был зачат и родился тот или другой ребенок. Поэтому матерям приходилось всеми правдами и неправдами скрывать правду об отцовстве детей. Существовала и обратная сторона «медали». По данным ФРГ, в со-

²⁶ РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 2582, 2453.

²⁷ Правда. 1990. 9 апр.

²⁸ Великая Отечественная война. Народ и война: в 4 т. М., 2000. Т. 4. С. 290.

ветской зоне оккупации от военнослужащих Красной Армии немецкие женщины родили около 292 тыс. детей²⁹.

На судебном процессе в Нюрнберге среди многочисленных свидетельств были представлены фотодокументы так называемого «оркестра смерти», организованного из заключенных Яновского концентрационного лагеря. Композиторам из числа заключенных было приказано написать «Танго смерти», под которое совершались экзекуции. Комендант лагеря оберштурмфюрер Вильгауз по случаю своего 54-летия отобрал из заключенных 54 человека и лично их расстрелял. Этот же Вильгауз имел обыкновение «ради спорта и удовольствия жены и дочери» стрелять из автомата с балкона канцелярии лагеря по заключенным, работавшим в мастерских, а «чтобы доставить приятные ощущения своей девятилетней дочери, заставлял подбрасывать в воздух детей двух-четырех лет и стрелял в них. Дочь аплодировала и кричала: «Папа, еще, папа, еще!». И он стрелял³⁰.

Известно, что цели третьего рейха состояли в захвате и ликвидации СССР как государства, порабощении и истреблении огромных масс славянских и других народов, являвшихся, по мнению германских идеологов и теоретиков, «низшей расой». Нацистами только на территории Украины было создано более 230 концлагерей³¹. Не меньшее количество таких центров массового геноцида советских людей было создано и действовало на территории России, Белоруссии, Прибалтики. Эти центры – страшные фабрики смерти, к сожалению, не так широко известны мировой общественности, как Майдадек, Освенцим, Трешлинка, Дахау, Бухенвальд, Равенсбрюк, Заксенхаузен, Алитус, Саласпилс или Резекне.

Немецкие карательные части в 1941 г. истребили за несколько месяцев около 2 млн. человек, среди них сотни тысяч детей. Именно они организовали «форт смерти» № 9 под Каунасом, расстреляли 100 тыс. человек в Бабьем Яру под Киевом, потопили тысячи женщин и детей в Мозырских болотах и т.д. Й. Геббельс после совещания в Ванзее 7 марта 1942 г., где детально обсуждался вопрос об истреблении евреев, записал в своем дневнике: «Отсюда вытекает бездна чрезвычайно щепетильных вопросов... Но это неизбежно. Настало время окончательно решить еврейский вопрос. У после-

²⁹ См.: Междунар. жизнь. 1994. № 5. С. 90, 92.

³⁰ Сов. Россия. 1997. 21 июня.

³¹ 50-летие Великой Победы над фашизмом: История и современность. Смоленск, 1995. С. 273–274.

дующих поколений не будет уже ни смелости, ни охранительного инстинкта...»³².

К началу 1943 г. фашистская Германия оккупировала около 2 млн. кв. м советской территории, на которой до начала войны проживало 88 млн. человек. Было эвакуировано на Восток страны, а так же призвано в Красную Армию около 15 млн. Под властью гитлеровцев осталось не менее 73 млн. человек, или 37% всего населения страны. Всего в России подверглись оккупации в той или иной степени 23 области, края и автономные республики (по административно-территориальному делению военных лет). Накануне войны там проживало около 30 млн. человек.

Сроки оккупации районов были разные: от нескольких дней и недель до трех лет. По имеющимся данным, на оккупированной территории умерло, в том числе и от непосильного труда, голода, отсутствия медицинской помощи, 8,5 млн. человек. Если вычесть из этого числа естественную убыль (6% населения), рассчитанную для условий мирного времени и составляющую 4,4 млн. человек, то число преждевременно умерших от жестокости оккупационного режима (голод, инфекционные болезни, отсутствие медицинской помощи и др.) составило не менее 4,1 млн. человек, в т.ч. и детей.

Общее число безвозвратно потерянных жизней гражданского населения на оккупированных территориях и на принудительных работах в Германии составляет больше половины людских жертв Советского Союза за период Великой Отечественной войны (13,7 млн. и 26,6 млн. человек соответственно).

Потери детей, родившихся в годы войны и тогда же умерших из-за повышенной детской смертности, составили 1,3 млн. человек. В соответствии с гитлеровским планом «Ост», всего было преднамеренно истреблено на оккупированной территории более 7,4 млн. человек мирного населения, в том числе 216 431 детей³³.

В том числе по России – 1 млн. 800 тыс. человек, из них, по неполным данным, более 15 тыс. детей. В соответствии с гитлеровской комплексной программой колонизации и германизации «восточного пространства» уничтожению подлежали не только славянские, но и другие народы «неарийского» происхождения, жившие на террито-

³² См.: Геббельс Й. Дневники 1945 года: Последние записи. М., 1978. С. 23–24.

³³ Россия и СССР в войнах XX века: потери вооруженных сил: стат. исслед. М., 2001. С. 229, 231.

рии СССР. Общеизвестно, что наиболее жестоким было отношение к евреям, которых истребляли зачастую в первую очередь. Той же участи подвергались цыгане. Из 5 269 513 человек, угнанных в Германию, 2 164 313 умерли в неволе³⁴. Основные причины смертности среди «остарбайтеров» – каторжный труд, плохое питание, жестокое обращение лагерной администрации или хозяев, медицинские опыты над людьми, оканчивавшиеся смертью.

Не будем забывать, что среди угнанных в Германию были дети от младенческого до 16-летнего возраста. По данным Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации на 1 марта 1946 г. отмечалось, что «указать количество детей до 14 лет... не предоставляется возможным из-за отсутствия данных». Однако в Справке о количестве репатриированных советских граждан, направленных к постоянному месту жительства в Украинской ССР по состоянию на 1 марта 1946 г. отмечалось, что из 1 114 132 чел. из 15 областей детей до 16 лет – 127 082 чел. При этом больше всего детей из Киевской обл. – 12 541, Днепропетровской – 8 972; Запорожской – 7 848; Харьковской – 7 493; Ворошиловградской – 3 451; Закарпатской – 570 чел.³⁵.

Для малолетних узников фашистских лагерей и гетто победа пришла не с майским салютом 1945 г., а значительно позже. Только в 1960-е гг. стала чуть-чуть приоткрываться завеса тайны над их судьбами. Мы начали узнавать о зверствах фашистов над детьми в концлагерях и ужасались: неужели возможно *такое*?! В московской школе № 1137 был открыт музей «Бухенвальдский набат», вокруг него собирались бывшие узники. В те годы в печати высвечивался героический аспект (подпольные организации Сопротивления в лагерях). Но разве жить и выжить в тех нечеловеческих условиях, было не подвигом? Выжить и остаться человеком – это тоже был подвиг.

Рассматривая тему «Дети войны», мы не можем оставить без внимания проблему депортации (насильственного переселения) в годы войны многих малых народов Северного Кавказа, национальных меньшинств Крыма, Поволжья и других регионов страны. Поводом и причиной для этих акций послужило сотрудничество некоторой части местного населения с врагом.

Прежде всего, репрессии начались против этнических немцев. С конца августа 1941 г. началось переселение всего немецкого населения, проживавшего в автономной республике немцев Поволжья. По

³⁴ Всероссийская книга памяти. 1941–1945. М., 1995. С. 406.

³⁵ РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 4. Д. 97. Л. 11.

специальным постановлениям директивных органов было осуществлено выселение немцев из Москвы, Московской и Ростовской областей, из пригородов Ленинграда, из Крыма, Днепропетровской, Харьковской, Горьковской и других областей. В августе – октябре 1941 г. 1,5 млн. советских немцев были переселены в слабообжитые районы на востоке. Как отмечалось в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г., это делается для их спасения от «гнева народа».

В 1944 г. были вывезены в Сибирь, на Урал, в Казахстан и Среднюю Азию сотни тысяч взрослых и детей: балкарцы, ингуши, чеченцы, карачаевцы, калмыки, казахи, крымские татары, турки-месхетинцы, болгары, греки из причерноморских районов. Предусматривалась государственная помощь по обустройству³⁶. На деле все оказалось совсем не так, не все обещания были выполнены, не быстрым было возвращение в родные места.

Дети войны. Дети на войне... Это, может быть, самая страшная, самая горькая страница военных лет. Неокрепшие души, открытые ужасам войны. Неокрепшие руки, сжимающие автомат или гранату. Но война Отечественная не обошла их стороной. Война опалила всех, и особенно она коснулась тех, кто остался без родителей.

Идет время. Из жизни уходят те, кто подростками взял в руки оружие. Но остается память. Не в словах, а в делах. Память, которая дает начало многим благородным делам. Опубликована лишь десятая часть правды о детях войны. Но прошлое – это история нашей Родины, России. Пережив, выжив в тяжелые годы Великой Отечественной войны, зная сейчас многое из того героического и трагического времени, неужели в XXI веке мы не найдем сил и средств, чтобы сохранить документальную правду о детях Отечественной войны 1941–1945 гг. и использовать положительный опыт того времени, воспитывая детей?

³⁶ См.: Новое время. 1994. № 23. С. 36, 37; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003. С. 76–121.

М.Н. Потемкина

ОТРАЖЕНИЕ ВОЙНЫ В ПАМЯТИ ЭВАКУИРОВАННЫХ ДЕТЕЙ

«Глубинное воздействие, которое Вторая мировая война оказала на жизненный опыт людей, становится тем заметнее, чем дальше в историю она уходит <...> Поэтому в прошлом, на самом деле, меньше прошедшего, чем многим кажется <...> Если бы прошлое было всего лишь историей, оно было бы заморожено. И не болело бы», – писал Х. Вельцер¹.

Историк, исследующий коллективную память, должен всегда спрашивать себя и других: какая социальная группа и какая социальная среда удерживает в памяти именно это прошлое? «Социальные рамки коллективной памяти», исследуемой в данной статье, – воспоминания людей, переживших детьми *эвакуацию в СССР в годы Второй мировой войны*.

Цель нашего исследования заключается в выявлении характерных черт и особенностей коммуникативной памяти людей, которые в детском возрасте пережили войну и эвакуацию. Конечно, необходимо учитывать, «что памяти самой по себе, так же как и прошлого, не существует. Это всегда конструкция, результат непрерывной и неслышной активности, порой сознательного, а порой бессознательного взаимодействия многочисленных людей и разнонаправленных сил, кото-

© Потемкина М.Н., 2010

¹ Вельцер Х. История, память и современность прошлого // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 63.

рые снова и снова ткнут воздушное покрывало прошлого»². Процесс «вспоминания» военного детства – это интерпретация, формирующаяся под влиянием военной действительности, официальной советской пропаганды, индивидуальных особенностей личности и преломленная через время. Поскольку память индивидуальна, единого унифицированного «детского образа» войны и эвакуации быть не может.

Историография

Долгое время изучение «детского мира» в отечественной историографии было прерогативой почти исключительно педологов. Историки писали только о «заботе партии и правительства о детях»³. Первые серьезные исследования российских историков, посвященные теме детства, появились в 1990-е гг. и выполнены в русле истории повседневности (А.А. Сальникова, Е. Кринко, С.В. Журавлев, А.К. Соколов, О.Е. Кошелева, П.П. Данилов, К.Г. Митрофанов, Т.М. Смирнова)⁴. Исследования, посвященные исторической памяти о войне, раскрывают межгосударственные и национальные аспекты проблемы⁵. Таким образом, отдельного места в историографии для характеристики особенностей отражения войны в памяти эвакуированных детей пока не нашлось.

Источниковая база исследования

Основу статьи составили материалы, собранные при работе над документальным фильмом «Эвакуация» (в котором автор выступала в качестве главного научного консультанта), опубликованные дет-

² Феретти М. Непримируемая память: Россия и война. Заметки на полях спора на жгучую тему // Память о войне 60 лет спустя... С. 135.

³ См., напр.: Александрова Г.И. Забота партии о детях-сиротах // Борьба партии за укрепление социально-политического единства советского общества (1941–1945). Петрозаводск, 1981. С. 90–96.

⁴ Сальникова А.А. Детство как миф: некоторые аспекты изучения российско-советского детства в зарубежной историографии. Казань, 2002; Кошелева О.Е. Дети ГУЛАГа, 1918–1956. М., 2002; Митрофанова К.Г. Новейшая история глазами детей. М., 2002; Смирнова Т.М. Дети Советской России. М., 2004; Данилов П.П. И в блокадном Ленинграде дети учились // Отеч. история. 2004. № 3. С. 35–41; Кринко Е., Хлынина Т., Юрчук И. На грани выживания: детские дома Кубани в 1941–1945 годы // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М., 2008. С. 35–60; Журавлёв С.В., Соколов А.К. «Счастливое детство» // Соц. история: ежегод., 1997. М., 1998. С. 158–178.

⁵ Память о войне 60 лет спустя...

ские воспоминания, архив интервью Центра инновационных исторических проектов Магнитогорского госуниверситета. Поиск информации был затруднен тем, что практически не сохранилось детских воспоминаний об эвакуации, написанных во время войны.

Анализируя воспоминания, записанные много лет спустя, необходимо учитывать не только их субъективный характер, но и психологические особенности запоминания и вспоминания. Для детской памяти характерно следующее. 1) Отрывочность и выборочность памяти. В первую очередь, человек запоминает то, что эмоционально окрашено. 2) Стирание временных и пространственных рамок. В автобиографической истории конкретные исторические даты зачастую либо не играют вообще никакой роли, либо оказываются сдвинутыми во времени. 3) Особенно развита сенсорная память, то есть ребенок помнит запах, вкус, цвет лучше, чем само событие. Вот что вспоминает о дороге в эвакуацию Л.А. Денисюк: *«Помню, как мы с бабушкой ехали на открытой платформе с черным углем, а на нем лежал белый снег. Так мы осенью 1941 года оказались в Ростове Ярославской области на попечении чужих людей»*⁶. 4) Иногда проявляется феномен выдачи желаемого за действительно происходящее, то есть воспроизведение фактов, которые на самом деле человек не может помнить. Беря интервью у Э.Е. Заславец, я обратила внимание на то, что, пережив эвакуацию в возрасте полутора лет, она эмоционально рассказывала о том, как ехали, что с собой взяли, и даже называла фамилию машиниста поезда, который их вез. Информант не могла этого помнить, но искренне была убеждена, что помнит. Дело в том, что в семейном архиве хранятся воспоминания старшей сестры о войне и эвакуации (сестра Анна была 1931 г. рождения), именно этот текст остался в памяти Эмили Ефимовны⁷.

Общая атмосфера эвакуации в СССР

О возможной эвакуации населения в предстоящей войне не думало ни советское руководство, ни население. В СССР в конце 30-х годов господствовала военная доктрина, базировавшаяся на идее ответного сокрушительного удара с целью разгрома агрессора и перенесения боевых действий на его территорию уже в первые дни войны. В

⁶ Не гаснет памяти свеча: сб. писем-воспоминаний детей погибших защитников Отечества. Магнитогорск, 2005. С. 9.

⁷ Интервью с Заславец Э.Е. Магнитогорск. 21.03.2008 // Архив Устной истории ЦИИП МаГУ.

выступлениях военных руководителей страны звучали слова о самом высоком в мире уровне вооруженности и боевой подготовки, а, следовательно, непобедимости РККА. В довоенном мобилизационном плане на случай войны массовые эвакуационные перевозки не предусматривались. Подобные взгляды могли быть расценены как «пораженческие настроения».

Но уже в первые дни войны стало ясно, что массовой эвакуации не избежать. 24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей» при СНК СССР был создан Совет по эвакуации. Основопологающим документом, определявшим очередность эвакуации, стало постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Существует еще два постановления (под грифом «сверхсекретно»), отдельно регламентировавших порядок эвакуации рабочих и ИТР заводов, а также партийных и советских номенклатурных работников.

В фондах РГАСПИ нами обнаружен первоначальный проект постановления от 27 июня 1941 г. с редакционной правкой, сделанной рукой Л.М. Кагановича. Показательно сравнение этих двух документов. Пункт 2-б регламентировал порядок эвакуации населения. В первую очередь эвакуации подлежали: в проекте – «население, квалифицированные рабочие вместе с эвакуируемыми с фронта предприятиями, семьи начсостава Красной Армии, работников НКВД и ответственных советских и партийных работников, дети до 15 лет»; в исправленном варианте постановления – «квалифицированные рабочие, инженеры и служащие вместе с эвакуируемыми с фронта предприятиями, население, в первую очередь молодежь, годная для военной службы, ответственные советские и партийные работники»⁸.

Обратим внимание на то, что из проекта вычеркнуты слова «дети до 15 лет». Как мы видим, в окончательном варианте во главу угла поставлены государственные и номенклатурные интересы, а не спасение жизней малолетних. Вместе с тем реальная практика эвакуации показывает большую долю детей среди эвакуанов: по нашим подсче-

⁸ Первые дни войны: эвакуация (по материалам «особых папок» Политбюро ЦК ВКП(б) // Отеч. архивы. 1995. № 2. С. 28–29; РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 351. Л. 30–31.

там, произведенным на основе данных центральных и уральских архивов, эта цифра составляет более 35%⁹ (дети до 14 лет).

Решение об эвакуации давалось людям очень трудно: как все бросить в одночасье и уехать в никуда? М.М. Литичевский вспоминает долгие споры между отцом и дедом: *«День и ночь через город шли беженцы. Дед каждый день приводил людей, кормил их и расспрашивал. Дед пережил оккупацию немцев в Первую мировую войну и говорил о них как о цивилизованной нации. Но беженцы рассказывали страшные вещи. Отец настаивал на эвакуации. Мы уехали с оборудованием завода предпоследним эшелон»*¹⁰.

Эвакуация детей требовала особой внимательности, но зачастую непродуманность действий местных руководителей приводила к печальным результатам, ценой которых были человеческие жизни. Например, в Ленинграде на начало блокады оставалось 2554 тыс. гражданского населения, в том числе 400 тыс. детей¹¹. В этом прямая вина местных властей, не сумевших правильно и вовремя оценить военную обстановку вокруг города. Вот как об этом вспоминает жительница Ленинграда О.М. Фрейденберг: *«Началось бегство из города. Тогда-то, в условиях нараставшей опасности и тревоги, наши головыяны из Ленсовета “организовали” эвакуацию детей. Десятки тысяч детей, эшелон за эшелон, отправлялись со школами, с детскими домами и учреждениями. <...> Расквартирование не было подготовлено. Детей поселяли в грязных крестьянских избах, в деревнях тех местностей, которыми немец шел на Ленинград; уже в пути начались массовые детские заболевания»*¹².

Эшелоны попадали под бомбёжки, дети гибли. Вскоре оставшихся в живых ребят начали возвращать обратно в город на Неве. На 10 августа 1941 г. 175 400 детей и сопровождавших их взрослых были реэвакуированы. Все это повлияло на общественные настроения ленинградцев. Так, ленинградка А.А. Майорова высказала свою точку зрения: *«Эвакуацию придумали евреи. Сами они испугались и давно*

⁹ Потемкина М.Н. Эваконаселение в Уральском тылу (1941–1948). Магнитогорск, 2006. С. 259.

¹⁰ Интервью с М.М. Литичевским. Магнитогорск. 25.06.2008 // Архив Устной истории ЦИИП МаГУ.

¹¹ Ковальчук В.М. Эвакуация населения Ленинграда летом 1941 г. // Отеч. история. 2000. № 3. С. 17, 22.

¹² Фрейденберг О.М. Осада человека // Минувшее: ист. альман. М., 1991. Вып. 3. С. 10.

*сбежали, а мы не боимся и никуда не поедem. Нас научила эвакуация на Валдай – многие матери потеряли своих детей. Нас повезут на расстрел к фашистам»*¹³. Работницы прекращали работу, уходили из цехов, штурмовали заводоуправления, требуя оформить им отпуска для поездки за детьми. Напряжение нарастало, грозя перерасти в настоящие беспорядки¹⁴. Руководство города направило по домам агитаторов для разъяснения обстановки. Г.А. Комардина (Донская) вспоминает: *«По квартирам ходили женщины и агитировали наших матерей эвакуироваться. Но мама сказала, что она родилась в Ленинграде и умрет здесь, а детей не отдаст никуда, пока жива»*¹⁵. Бурное сопротивление вызвали у людей слухи о принудительной эвакуации.

Часто родители не имели возможности принимать решение об эвакуации своих собственных детей. Типичен такой пример. Спасая от бомбежки, детей г. Бобруйска вывезли 26 июня 1941 г. в составе детских садов за 30 км от города. На следующий день их в город не вернули, а отправили в эвакуацию в Свердловск¹⁶. Что мог чувствовать ребенок, которого, без объяснений, оторвали от родителей и везут неведомо куда?

Осенью 1941 г., когда фронт близко подошел к Москве, была начата массовая эвакуация жителей столицы. Чтобы разгрузить город от нетрудоспособного населения (запасы продовольствия были ограничены), была организована эвакуация из Москвы детей школьного возраста, которые вывозились без родителей. В докладной записке от 23 сентября 1941 г. на имя председателя совета по эвакуации Н.М. Шверника нарком просвещения РСФСР В.П. Потемкин указывал на то, что «многие родители отказываются эвакуировать своих детей из г. Москвы, ссылаясь на отсутствие обуви и теплой одежды, а также на высокую плату, взыскиваемую за содержание детей. Кроме того, многие родители жалуются на то, что их дети школьного возраста эвакуируются в одно место, а дети дошкольного возраста – в другое»¹⁷. Вопрос о воссоединении семей также решался чиновниками. Только

¹³ Ковальчук В.М. Указ. соч. С. 18.

¹⁴ Дзенискевич А.Р. Блокада и политика. Оборона Ленинграда в политической конъюнктуре. СПб., 1998. С. 49.

¹⁵ Кармазин В.Д. Добро, спасающее мир. К., 1989. С. 74.

¹⁶ ГАСО. Ф. 540-р. Оп. 1. Д. 108. Л. 9.

¹⁷ Москва военная. 1941–1945: Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 364–365.

решением СНК СССР от 5 апреля 1943 г. родителям – жителям Москвы – было разрешено забрать своих детей в возрасте до 10 лет из эвакуированных в восточные районы страны детских домов и интернатов¹⁸.

Нередко эвакуация не разрешалась семьям рабочих и служащих, вывозившимся вместе с предприятиями и учреждениями. Вспоминая отъезд в эвакуацию, Р. Орлевская писала: *«В надежде уехать пришла семья моего дяди, призванного в первые дни войны. Два брата 9 и 11 лет испуганно жалась к матери. Но их не взяли»*¹⁹. Помощь в эвакуации своей семье считалась нарушением трудовой дисциплины. Так, в октябре 1941 г. из рядов партии был исключен Г.Э. Зухер за то, что, эвакуируясь с заводом, вывез в тыл свою семью²⁰. Конечно, люди шли на любой обман, чтобы вывезти своих жен и детей. Например, при эвакуации из Москвы в Челябинск Промбанка СССР руководители банка, чтобы вывезти свои семьи, перед эвакуацией уволили ряд работников и на их места приняли своих жен. Те получили подъемные, бесплатный проезд, жилплощадь, а потом по приезде в эвакуацию в Челябинск были сокращены²¹.

Мужчины призывного возраста рисковали жизнью, если пытались помочь в эвакуации своих жен и детей. Удивительный случай вспоминает Людмила Викторовна Миронова: когда начали бомбить городок в Донбассе, жители бросились на вокзал, но поезда не ходили. *«На привокзальной площади стояла грузовая машина, заполненная людьми. Шофер был убит. Отец сел за руль и спросил: “Куда везти?”. “Подальше отсюда!” – кричали возбужденные страхом люди»*. И он повел машину с людьми, беременной женой и четырехлетней дочкой. *«По дороге у него были неприятности: чуть не расстреляли, хотели отправить на фронт. Мама умоляла, стоя на коленях, плакала, просила разрешения довезти нас»*. Довез, ушел на фронт и погиб²².

Война разбросала родных и близких. При поспешной эвакуации одних яслей из Москвы каждому ребенку написали на ручонке его имя химическим карандашом. Но по прибытии на место всех искупали, смыв, таким образом, имена²³. Ради справедливости следует упо-

¹⁸ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 398. Л. 200, 202.

¹⁹ Магнитогорский рабочий. 1988. 22 июня.

²⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 135. Л. 41.

²¹ ОГАЧО. ПФ. 288. Оп. 4. Д. 138. Л. 101.

²² Не гаснет памяти свеча... С. 14.

²³ Инбер В.М. Почти три года (Ленинградский дневник) // Собр. соч. М., 1965. Т. 3. С. 132–133.

мянуть, что 23 января 1942 г. было принято постановление СНК СССР «Об оказании помощи родителям и родственникам по отысканию отставших от них детей»²⁴. В наркомпросе РСФСР при Управлении детскими домами в 1942 г. был создан специальный отдел по охране прав детей. В его рамках существовал на общественных началах отдел розыска детей, потерявших связь со своими родителями²⁵. Но запросов было так много, что учетно-справочные бюро не справлялись с работой, и количество положительных ответов было низким. В письмах звучали крик отчаяния и надежда... Вот письмо с фронта от старшего лейтенанта Н.Г. Зекина с просьбой разыскать сына, датированное декабрем 1941 г. В начале войны жена Николая Георгиевича была убита осколком бомбы, сам он ушел на фронт, пятилетнего сына Диму оставил друзьям. Вскоре город Короп Черниговской области, где они жили, попал под оккупацию. В надежде, что ребенка успели эвакуировать в тыл, Зекин писал: *«Убедительно прошу ответить на все вопросы полностью, а не штампованно и формально... ведь дело касается жизни и смерти такого же гражданина, как и вы, но только с той разницей, что вы всегда и всюду себя можете защитить, а мой сын в этом нуждается»*²⁶. На тот момент в Свердловском областном учетно-справочном бюро было всего три штатных работника и никаких технических вспомогательных средств, а писем поступало ежедневно в среднем до четырехсот. Реально обрабатывалось в день 150–170 писем. И за каждым письмом стояла чья-то судьба²⁷. Кого-то из детей родители находили, а кто-то на всю жизнь оставался сиротой.

Дорога в эвакуацию – дорога в неизвестность

Дорога в эвакуацию была сильным стрессом для детей, и во всех детских воспоминаниях она описана очень подробно. Чего не скажешь об обратной дороге домой в конце войны. Какие-либо описания реэвакуации практически отсутствуют. Это вполне понятно: путь в эвакуацию был дорогой в неизвестность, к тому же происходившей в

²⁴ Судоргина Т.В. Гриф «секретно» снят // Великая Отечественная и Южный Урал. 1941–1945 гг. Оренбург, 1995. С. 9.

²⁵ Нечаева А.М. Дети-сироты в России (послеоктябрьский период) // Государство и право. 1993. № 1. С. 126–127.

²⁶ ГАСО. Ф. 540-р. Оп. 1. Д. 108. Л. 1.

²⁷ Там же. Д. 105. Л. 4.

условиях вражеских бомбардировок и постоянным страхом погибнуть или быть застигнутыми войсками неприятеля.

В детских воспоминаниях запечатлены звук падающих снарядов, кровь и крики людей, вид свастики на самолетах, лица фашистских летчиков²⁸: *«До сих пор в моих глазах стоит атакующий на низкой высоте немецкий самолет, разрисованный экзотическими животными, с пиковыми тузами на фюзеляже. Помню, кажется, и лицо того летчика, поливающего свинцовым огнем огородные межи, в которые, закрыв головы руками, попадали люди»*²⁹. Как правило, сначала во время бомбежек эшелон останавливался, люди выскакивали из вагонов и пытались прятаться, но налеты происходили так часто, что через несколько дней пути состав уже не останавливался при звуках гудящих в небе самолетов: *«В один из таких налетов бомба попала в сцепление между нашим и последним вагоном. К счастью, там не было людей, лишь медицинский инвентарь. Вагон загорелся, и его оторвало от эшелона. Я стояла в тамбуре и все видела. Этот горящий вагон, как будто уезжал от нас, эту картину я частенько вижу во сне»*³⁰.

Все пережившие эвакуацию подробно вспоминают ту «теплушку», в которой они ехали: *«Посреди вагона стояла «буржуйка» с трубой на крыше. Люди спали на дощатом полу или на нарах. Ехали два месяца. Украина была в кольце фронтов, эшелоны кружили от станции к станции и не могли вырваться. Немцы бомбили»*³¹. Простой эшелон по 5–10 суток на отдельных станциях и разъездах, скорость продвижения 30–80 км в сутки, отсутствие медицинской помощи, регулярного снабжения питанием, топливом, кипятком приводили к заболеваниям и смерти. С наступлением холодов, так как вагоны часто были не оборудованными и не отапливаемыми, а люди не имели достаточно теплой одежды и обуви, участились случаи обморожений.

В условиях нехватки вагонов люди часто ехали в товарных вагонах, без оконных рам, без нар, без топлива. Александр Юзефович описал в своих воспоминаниях, как ему и другим людям пришлось в январе 1942 г. ехать в эвакуацию на открытых платформах: *«И вот*

²⁸ Эвакуация: док. сериал. Проект Самария Зеликина. 2006. Фильм Первый.

²⁹ Юзефович А.Н. Команда молодости нашей: записки строителя. Пермь, 1997. С. 12–13.

³⁰ Не гаснет памяти свеча... С. 9.

³¹ Интервью с М.М. Литичевским...

утром наш состав занял путь на станции Пенза. Рядом с нами стоял другой эшелон, но это были настоящие теплушки, из труб которых струилось благословенное тепло. То был воинский эшелон с солдатами-сибиряками, шедший в сторону фронта. В полной тишине стояли эти два состава. Вдруг солдаты увидели, что «сугробы» на открытых платформах «живые» и, что это женщины и дети». В итоге солдаты поменялись с эвакуируемыми вагонами³².

В детской памяти дорога в эвакуацию чаще всего запечатлевалась как череда монотонных действий, не имевших какой-либо четкой хронологии: *«И снова, на телегах, запряженных лошадьми, под бомбами от пролетающих самолетов-бомбардировщиков мы двигались по направлению к г. Баку, а точнее, к морю. Днем шли, изнемогая от жары, а ночью спали, где придется. Месяц шли пешком; изредка, меняя друг друга, садились на телеги. В Баку нас посадили на грузовой танкер. Трое суток мы плыли по морю, попали в одну из ночей в шторм, пароход накренился сильно, прикасаясь к поверхности моря. Бедных пассажиров укачивало до обмороков, головокружений. Наконец, мы прибыли в г. Красноводск, где размещался эвакуопункт. Там сортировали беженцев. Нас с мамой посадили в товарный вагон эшелона, где все спали вповалку на полах, крытых соломой. Мы двинулись в путь. <...> В ноябре 1942 г. мы прибыли в г. Березники Молотовской области»*³³.

Детская психика получала неизлечимую травму на всю оставшуюся жизнь. Нервное истощение проявлялось в виде глубокой депрессии, которая сопровождалась апатией. О психологическом состоянии эвакуированных детей вспоминает бывшая сотрудница комнаты матери и ребенка на станции Пермь-2: *«В комнатах всегда стояла тишина – ни смеха, ни капризного плача. Они ничего не просили, привыкли терпеть и ждать»*³⁴.

Дети, которые ехали в эвакуацию с родителями, вспоминают, что доминирующей эмоцией был страх потеряться. Двенадцатилетняя Лида при эвакуации из блокадного Ленинграда в вокзальной суете потеряла маму. Чужие люди посадили ее в эшелон. Проехав не одну сотню километров, поезд остановился ночью на маленькой станции.

³² Юзефович А.Н. Указ. соч. С. 14.

³³ Дворсон Л.Г. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Бесмертный подвиг народа. Пермь, 2000. С. 146.

³⁴ Победители – потомкам: Прикамье в годы Великой Отечественной войны. Пермь, 2000. С. 277.

Спрыгнув из вагона, чтобы набрать воды, девочка слышала мамин крик: «Лида!!!». Вспоминать этот эпизод, и сейчас, спустя шесть десятков лет, Лидия Уткина без слез не может³⁵. В данном конкретном случае девочка и мама нашли друг друга, но чаще дети и родители теряли друг друга на долгие годы, нередко – навсегда.

Дети не склонны думать о глобальных проблемах страны, в их памяти остаются личные, чем-то эмоционально затронувшие их эпизоды: «У меня, странно, очень счастливые воспоминания о днях, проведенных в вагоне, потому что я мог общаться с Любой Ереминой. Это моя первая любовь... Я вообще до этого до нее боялся подойти...», – вспоминает Виктор Мушинский³⁶. Наверное, детская память отличается большой избирательностью: в памяти картинками остаются эмоционально яркие, положительно или отрицательно окрашенные эпизоды.

Люди, эвакуируясь из прифронтовой зоны, как правило, не могли взять с собой всего самого необходимого. Да многие и не предполагали, что их пребывание в местах эвакуации будет продолжительным. Ленинградец Ф.К. Ржаксинский был эвакуирован со школой. Когда мама собирала ему вещи, «соседка Мария Семеновна удивлялась: “Зачем вы берете свитер и теплую рубашку? А валенки зачем? Ведь война к зиме, наверное, кончится”»³⁷.

Но выживать в эвакуации пришлось не месяц-два, а несколько лет.

Отражение военной повседневности в памяти эвакуированных детей

Воспоминания эвакуированных детей о военных буднях в местах эвакуации мало отличаются от воспоминаний других жителей советского тыла. Чаще всего в своих воспоминаниях о военном детстве люди говорят о еде и постоянном чувстве голода, сопровождавшем их в годы военного лихолетья. И.Г. Христюкова в своей книге, посвященной истории Оханского детского дома (Молотовская область) пишет о военном времени: «Питание военных лет было скудным. Что заготовим, то и будем есть. Летом собирали щавель, дикий чеснок, крапиву и варили вкусный борщ. Из хвои делали напиток, чтобы не было цинги. На своем огороде мы выращивали овощи и

³⁵ Эвакуация... Фильм Первый.

³⁶ Эвакуация... Фильм Первый.

³⁷ Листки блокадного календаря. Л., 1988. С. 72.

картофель. Даже все детские площадки были распаханы под капусту»³⁸. Трудности с питанием воспитанников детских домов усугублялись недобросовестностью педперсонала, отдельные представители которого воровали из «детского котла». Отдельные судебные процессы над расхитителями не могли кардинально изменить ситуацию.

Дети обычно запоминали, что ели, а не то, что было «вкусно» или «невкусно». Любопытно, что в их воспоминаниях часто звучит «как ели». Смысл был в том, чтобы максимально продлить процесс еды, тем самым «обмануть» организм. Молоко не пили, а «лакали, как кошечки»; хлеб делили на много кусочков, съедая не сразу, а через определенные временные промежутки; каждую хлебную крошку «долго сосали во рту, прежде чем проглотить»³⁹. Недоедание сказывалось на здоровье подрастающего поколения. По данным медосмотра детей из семей военнослужащих, проведенного в Молотовской области в январе 1944 г., из 130 827 человек у 8000 детей обнаружен туберкулез, у 2000 – дистрофия, у 6000 – рахит, у 60 000 – общая ослабленность⁴⁰.

Вот что вспоминает о своем детстве в эвакуации Н. Гарельникова: *«Но как только появились первые прогалинки земли на картофельных колхозных полях, вся деревенская ребятня устремилась на поиски прошлогоднего картофеля. <...> Самой удачной находкой был картофель с неповрежденной кожурой. Его мякоть полностью сохранялась и, если перемерзшую картошку натереть на терке, то лепешки получались классные»*⁴¹. Вкус мерзлой картошки запомнился многим детям военной поры. Все говорят, что это было вкусно, но, пожалуй, только сестра Марии Ильиничны Луневой решилась через много лет совершить эксперимент. Найдя случайно забытую в гараже замерзшую картошку, начала печь лепешки: *«Испекла одну. Получилась красивая, вся в разводах, как в те далекие годы. Нагляделась на нее, с нетерпением откусила и начала жевать. Неописуемо противный вкус, крахмал рассыпчатый и горький, не смогла проглотить»*⁴².

³⁸ Христолюбова И.Г. Дом, который нельзя забыть. Пермь, 1988. С. 32.

³⁹ Эвакуация... Фильм Четвёртый.

⁴⁰ ГАНИОПДПО. Ф. 105. Оп. 15. Д. 124. Л. 31.

⁴¹ Мы приближали победу: Очерки. Воспоминания. Письма. Екатеринбург, 2000. С. 402.

⁴² Не гаснет памяти свеча... С. 104.

Вообще картофель и хлеб были основой питания для большинства людей в тылу. Такие продукты, как сахар, яйца, конфеты, мороженое и т. п. считались деликатесами. И если удавалось их попробовать, такой эпизод, как правило, врезался в память ребенка на всю жизнь. Вспоминает о своем военном детстве Нина Тантлевская-Лебедева: *«Начало войны. Мне 7 лет, брату 4 года. Вместе с мамой эвакуированы на Урал. Живем в бараках. Внутри вместо стен развешаны простыни. За каждой такой “стеной” – семья. <...> Помню свой день рождения – 7 января 1942 г. Соседка – учительница-эстонка Ольга Павловна Нокс – подарила мне целое богатство – стакан сахара»*⁴³. Воспитатели одного из детских садов Магнитогорска решили придумать что-нибудь такое, чтобы детям запомнился День Победы: *«Раздобыли яйца, сахар, молоко. В большую деревянную бочку поставили бидон с этой смесью, обложили льдом с солью. Потом крутили этот бидон, пока на стенках не появилось подобие мороженого. Всего по несколько ложечек досталось ребятишкам, но этот “пломбир сорок пятого” они помнят до сих пор»*⁴⁴.

На протяжении всего военного времени купить предметы повседневного спроса было практически невозможно. В условиях страшного дефицита деформировались понятия «красиво – некрасиво», «по размеру велико – мало» и даже понятие «мое». Если одни валенки на всех детей в семье и в них ходят все по очереди, то как определить их хозяина? У детей было свое представление о «моде». Бывший в то время подростком В. Шкварко вспоминает: *«Ходили в залатанной, или перешитой из отцовской, одежде, самодельной обуви (клееные резиновые чуни со стегаными бурками, а то и лапти с портянками). Особенно модным считался лыжный костюм, сшитый из списанного гостиньного одеяла»*⁴⁵.

Воспоминания подтверждаются архивными документами. Особенно наглядно это прослеживалось в детских домах: на 1 января 1942 г. в эвакуированном в Уфалейский район Челябинской области детдоме на 205 детей было 2 пальто, 4 шапки, ни одной пары валенок; в Павловском детдоме Очерского района Молотовской области только у половины детей были зимние пальто, а валенки и зимние шапки

⁴³ Недописанные страницы...: О детях-воинах, детях-жертвах и просто детях, живших в годы Второй мировой войны. М., 1996. С. 227–229.

⁴⁴ Магнитогорский рабочий. 1988. 14 сент.

⁴⁵ Шкварко В. Дети Победы и дети беды // Диалог. 1995. № 4. С. 78.

отсутствовали совсем; в январе 1943 г. в детдомах Чкаловской области, как правило, на 100 воспитанников приходилось 20–25 тарелок и ложек; в сентябре 1944 г. в детских домах Свердловской области не хватало 8500 матрацев, 7200 подушек, 8000 одеял⁴⁶.

Особое место в жизни детей занимала школа как форма не только учебы, но и многолетнего каждодневного общения, в ходе которого происходило познание окружающего мира, формировались устойчивые детские коллективы, вырабатывались специфические традиции, связи, нормы поведения.

Роль школы в жизни детей в военный период возросла в связи со снижением роли семьи. Война коренным образом изменила условия обучения и воспитания детей. Сократилось количество школьных и внешкольных учреждений, ухудшилась их материальная база. Вместе с тем, наплыв эвакуированных детей привел к переполненности классов. В обучении эвакуированных детей возникали дополнительные трудности: языковой барьер, нехватка учебников, сложности с прохождением программ, так как многие дети прибыли в эвакуацию не к началу учебного года. Иногда дети прибывали в эвакуацию настолько ослабленными и истощенными, что не могли выдержать учебной нагрузки. Часть учеников оставила школы по тем или иным причинам: отсутствие теплой обуви и одежды, необходимость работать или следить за хозяйством и т.д. В Башкирии отсев школьников достигал 22,3%, в Удмуртии – свыше 26%, в Челябинской области – более 33%⁴⁷.

Некоторые трудности с обучением детей носили временный и конкретный характер. В отчетах Свердловского облоно за военный период постоянно говорилось о недостатках в материальном обеспечении школ и детских домов: в 44 детдомах отсутствовало электрическое освещение, снабжение керосином было нерегулярным, ламп не хватало; детям не на чем было писать. В отчете отмечалось, что в Щербаковском детдоме Свердловской области за вторую четверть 1943/1944 учебного года «не получили ни одной тетради, дети пишут на чем попало»⁴⁸. Мой папа вспоминает: *«В школе не было тетрадей, ручек и карандашей. Вместо тетрадей использовали старые книги, вместо чернил – свекольный сок и сажу, разведенную водой. Перья для ручек*

⁴⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 110. Л. 64; ГАНИОПДПО. Ф. 3414. Оп. 1. Д. 4. Л. 35–36; ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 600. Л. 87; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 11. Л. 82.

⁴⁷ Урал – фронту. М., 1985. С. 251.

⁴⁸ ГАСО. Ф. 233. Оп. 3. Д. 514. Л. 11.

мы привязывали к палочкам. Учебники давали на несколько человек один экземпляр»⁴⁹. При этом учился он очень хорошо. Положительную роль сыграло то, что в годы войны в эвакуацию в глухую деревню, где жил мой отец, приехали высококвалифицированные учителя.

Исследователи С.В. Журавлев и А.К. Соколов отмечают, что по документам 30-х гг. прослеживается возрастающая пропасть в доступе к образованию и культурным ценностям между молодежью крупных городов (особенно Москвы и Ленинграда) и далеких деревень СССР⁵⁰. Применительно к военному периоду, на наш взгляд, эта пропасть стала несколько меньше (впрочем, это было временным явлением). Массовая эвакуация столичной интеллигенции, врачей, учителей, ученых, а также музеев, театров и других учреждений науки и культуры в восточные районы страны сыграли роль вынужденного «культурного десанта». Эвакуация детей из крупных городов европейской части СССР неожиданно положительно отразилась на школьной успеваемости тыловых регионов: в школах г. Шадринска (маленький городок на Урале) после начала войны доля приехавших по эвакуации учеников составляла 20–25%, и «благодаря притоку московских и ленинградских учеников повысился уровень развития местных школьников»⁵¹.

В условиях неблагоприятных демографических изменений в составе населения советского тыла и необходимости постоянной борьбы за выживание, детям приходилось много трудиться: *«Летом нас, учащихся школы, привлекали на различные работы в колхозе. Мы пасли свиней, осенью собирали в поле колоски, оставшиеся после уборки урожая. Начиная с шестого класса, я уже мог запрягать и управлять лошадьми. Участвовал в перевозке снопов с поля на ток и к скирдам. В паре со взрослыми выезжал в поле боронить и пахать»*⁵². Поскольку в условиях всеобщей трудовой мобилизации взрослые работали без отпусков и выходных, то заботы по дому ложились на плечи детей. Дети должны были нянчить младших сестер и братьев, готовить еду, заниматься уборкой по дому, стоять в многочасовых очередях, для того, чтобы отovarить карточки и т.д. Привычка к труду стала неотъемлемой чертой военного детства. Такие условия военной повседневности формировали у детей гипертрофированное чувство долга. Долг и тру-

⁴⁹ Николаев Н.А. Страницы жизни. Челябинск, 2008. С. 8.

⁵⁰ Журавлёв С.В., Соколов А.К. Указ. соч. С. 176.

⁵¹ Шадринск военной поры. Шадринск, 1995. Т. 1. С. 12.

⁵² Николаев Н.А. Указ. соч. С. 11.

долюбие преподносятся в воспоминаниях детей войны как главные нравственные ценности их поколения и нередко они упрекают современную молодежь в недостатке этих качеств.

Познание войны

Понимание того, что такое война приходило не сразу. Война в представлениях детей была окутана ореолом романтики: *«а мы, мальчишки, услышав, что началась война, выскочили на улицу и кричали: “Ура! Война!”*, *«Настолько я был уверен в свои 8 идиотских лет, что “броня крепка и танки наши быстры”, что не очень волновался по поводу серьезности начавшейся войны»*⁵³. Война ассоциировалась у детей с игрой.

Но реальная военная действительность оказалась страшнее любых представлений о войне. Пришедшее осознание беды заставило детей внезапно резко повзрослеть. Вот как описывает этот эпизод Л.А. Денисюк: *«Я хорошо запомнила этот первый день войны. Погожий день, солнечное утро, на улицах много народу, воскресенье. Я с бабушкой стояла в очереди за солью...»*. Внезапно в небе появились самолеты, и началась бомбежка. *«Потом все как-то сорвалось с места: кто-то пытался оказать помощь пострадавшим, кто-то побежал прочь, и все кричали. Бабушка тянула меня домой, а я не могла оторвать глаз от маленькой девочки, меньше меня. Она была в светлом платье, с огромным розовым бантом в светлых волосах. Девочка тормозила женщину, лежащую на земле лицом в темнотной луже. Так для меня началась война. Эту жуткую сцену я всю жизнь вижу во сне»*⁵⁴.

Формами познания войны для детей стали проводы отца на фронт, письма с фронта, шефство над госпиталями, участие в акциях всенародной помощи, тимуровское движение.

Звуковым символом военного времени стал для детей голос Левитана: *«Сколько себя помню, каждый день слушала сводки с фронтов, которые читал Ю. Левитан. В конце передачи он называл фамилии погибших. Теперь-то я понимаю, что родители не занимали столь высокого положения, чтобы о них мог говорить Левитан. Но тогда я этого не знала и всегда со страхом слушала, не скажут ли что о них. Не услышав родных фамилий, я успокаивалась до следующего сообщения.*

⁵³ Эвакуация... Фильм Первый.

⁵⁴ Не гаснет памяти свеча... С. 7.

*Так и запомнились мне эти годы: постоянное чувство голода и голос Ю. Левитана»*⁵⁵. Когда началась война, Л.А. Денисюк было 5 лет и воспоминания о военных годах у нее отрывочные. Она не запомнила содержание радиопередач, но в памяти остался звук и тембр голоса диктора, а также чувства, которые в этот момент она испытывала.

В экстремальных условиях войны семья как традиционная ячейка общества теряет значительную долю своих функций. Отцы были мобилизованы в действующую армию либо, работая в тылу на оборонных заводах, почти не появлялись дома. Часто отец становился идеализированным отдаленным образом, мерил поступков ребенка. Матери, хваля и ругая ребенка, использовали в воспитательных целях фразы типа: «папа был бы доволен», «отец воюет, а ты его хочешь огорчить» и т.д.

Практически все «дети войны» вспоминают проводы отцов на фронт. В силу малолетнего возраста они не понимали, что происходит, но чувствовали трагичную значимость этого события: *«Прощаясь с нами, отец поднял меня высоко-высоко и сказал: “А ты, доченька, меня и знать совсем не будешь”*⁵⁶. *«Воспоминания о войне у меня отрывочные. Хорошо помню последнюю встречу с отцом, когда он на открытой легковой машине заскочил домой, забрал меня и бабушку и – на вокзал... На ходу поцеловал меня, крикнул водителю: “Гони!” – и умчался от меня навсегда»*⁵⁷.

Реальным воспитателем становилась «улица»: *«Всех нас воспитывала улица, и у нее были свои правила морали: поделись куском хлеба, не обижай малого и старого, не лги, помогай товарищу. Любимая игра – в войну: штабы, партизаны, наступление пехоты. Все хотели быть разведчиками и красными командирами, “немцами” становились по очереди: роль врага не привлекала никого»*⁵⁸.

В сознание детей внедрялись ненависть к врагу, готовность к самопожертвованию. В официальной печати чаще всего широко освещались и предлагались в качестве эталона поведения подвиги, связанные с гибелью советского человека (Александр Матросов, Николай Гастелло, Зоя Космодемьянская и др.). Были аналогичные герои – образцы для подражания и среди детей пионерского возраста: Валя Котик, Зина Портнова, Марат Казей и др. *«Нашими героями были Зоя*

⁵⁵ Там же. С. 10.

⁵⁶ Не гаснет памяти свеча... С. 162.

⁵⁷ Там же. С. 8.

⁵⁸ Кудрецкая Э. Дети военных лет // Казань. 2005. № 4. С. 94.

*Космодемьянская и молодогвардейцы, а моим кумиром стал красно-донец Сергей Тюленин, который, уже идя на казнь, освободил товарища»*⁵⁹. Воспитывая в детях «беззаветную преданность Родине», режим подразумевал, в первую очередь, готовность отдать свою жизнь по первому приказу. Воспитательные формы были различны, например, детям на уроках в школе предлагалось написать сочинение на тему: «Умереть так, чтобы Родина гордилась!»⁶⁰.

Реальных врагов дети тыловых областей увидели в конце войны. Это были военнопленные: *«Относились в целом к ним нормально, когда уходили эшелоны с немецкими военнопленными, часть женщин плакала. Я бегал в лагерь военнопленных и менял на хлеб иностранные монеты и др.»*⁶¹.

«Свои» – «чужие» в мире взрослых и в мире детей

Дети, вынужденные эвакуироваться, прибыв на новое место жительства, сталкивались не только с бытовыми трудностями, но и с проблемами психологической адаптации. Наплыв эвакуированных в тыловые города имел своим следствием ухудшение санитарно-эпидемической обстановки, жилищный кризис, рост цен на колхозных рынках и т.д. Массовое сознание коренных жителей зачастую связывало все эти трудности с приездом «чужаков» («понаехали тут...») и обрушивало на них волну негодования. М.М. Литичевский вспоминает: *«Отношения с местными были плохие. Ведь они не видели войны. У местных женщин забрали на фронт мужей, а тут приехали в эвакуацию здоровые мужики с бронью»*⁶².

Поскольку значительную долю эвакуированных составляли евреи или жители двух столиц: Москвы и Ленинграда, то они, как правило, и становились «козлами отпущения». Неприязнь была особенно заметна в сельской местности. Дети войны вспоминают: *«москвич было бранным словом, москвич сраный...», «они нас очень не любили... Черт вас принес...», «главное, что я запомнил, что меня страшно били каждый день по дороге из школы», «председатель колхоза посмотрел на нас с мамой и сказал: а на что они нам, они же пахать не могут...»*⁶³. В Уфе в 1942 г. произошел случай зверского убийства под-

⁵⁹ Там же. С. 95.

⁶⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 176. Л. 79.

⁶¹ Интервью с М.М. Литичевским...

⁶² Интервью с М.М. Литичевским...

⁶³ Эвакуация... Фильм Четвёртый.

ростками эвакуированного мальчика-еврея⁶⁴. Следует отметить, что проявления межнациональной розни коснулись и русского эвакуированного населения. В докладной записке в Башкирский обком ВКП (б) от 29 июня 1942 г. говорилось о том, что в марийской деревне Шелкановка затравили русского эвакуированного мальчика⁶⁵.

Казалось бы, дети в экстремальных условиях войны должны были стать дополнительной обузой для семьи, но иногда именно они помогали выжить в чужих краях. Четырехлетняя Раиса Соколовская с братом, мамой и бабушкой в эвакуацию были привезены в глухой узбекский кишлак: *«Долгое время мы жили в атмосфере какого-то вакуума: ни мы к кому, ни к нам кто»*. Ситуация усугублялась незнанием языка и неприязнью местного населения к «чужакам». Девочка привезла с собой куклу. *«Когда я показала куклу, узбекские дети были ошеломлены. Они никогда не видели такого, играли совсем в другие игры. И боролись за право ее потрогать»*. И дети начали общаться, быстро схватывая незнакомые слова. А вслед за этим «лед растаял» и в отношениях взрослых: *«И когда мы уезжали, то нас уже провожал весь кишлак»*⁶⁶.

Итак, массовая эвакуация детей, имевшая место в годы Великой Отечественной войны, с одной стороны, дала возможность спасти сотни тысяч детских жизней, с другой – стала дополнительным стрессогенным фактором, оставившим неизгладимый след в душе каждого ребенка. Анализ воспоминаний эвакуированных детей позволяет сделать вывод о том, что именно эвакуация занимает доминирующее место в их памяти о военном периоде. Наиболее часто в их воспоминаниях встречаются такие сюжеты, как вражеские бомбежки, «мир теплушки», страх потери близких.

Память детей идеологически менее окрашена, чем память взрослых. Рассказы эвакуированных детей о повседневной жизни в советском тылу во многом совпадают с рассказами местных жителей. Чаще других упоминаются темы питания, «образа» отца, ушедшего на фронт, школы, взаимоотношений со сверстниками. Эвакуированные дети последнюю тему раскрывают в русле преодоления конфликта «свои» – «чужие».

Часть детей по окончании войны навсегда осталась в местах эвакуации, но и те, кто вернулся на прежнее местожительство, почти ничего не помнят о своей реэвакуации.

⁶⁴ ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 21. Д. 23. Л. 187–190.

⁶⁵ Там же. Л. 184–185.

⁶⁶ Эвакуация... Фильм Четвёртый.

И.В. Реброва

**СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ:
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
ГЛАЗАМИ «ДЕТЕЙ ВОЙНЫ» И ЕЕ ВОСПРИЯТИЕ
СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖЬЮ¹**

В 2008 г. коллектив ученых из Краснодара, Ставрополя, Ростова-на-Дону и Армавира приступил к работе над исследовательским проектом по гранту РГНФ № 08-01-00511а «Трансформация коллективной памяти о Великой Отечественной войне в воспоминаниях детей военного времени (1940-е – 2000-е гг.)». Согласно заявленному плану и общему распределению заданий мне было поручено собрать и проанализировать устные воспоминания о войне людей, переживших ее в детском возрасте.

На начальном этапе работы над проектом мне казалась сомнительной сама постановка проблемы. В самом деле, что может помнить 6–8-летний ребенок о войне? Ведь память о детских годах фиксирует только самые яркие, эмоционально окрашенные события. Как выяснилось, «дети войны» и спустя годы помнят свое военное прошлое достаточно отчетливо. Отдельные образы-картины военного времени находили объяснение в более зрелом возрасте, на них могли наслаиваться знания о Великой Отечественной войне, почерпнутые из уроков исто-

© Реброва И.В., 2010

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 08-01-00511а «Трансформация коллективной памяти о Великой Отечественной войне в воспоминаниях детей военного времени (1940-е – 2000-е гг.)».

рии, средств массовой информации, художественных фильмов, научной литературы. В сознании субъекта с течением времени происходило неосознанное переплетение индивидуального и коллективного пластов социальной памяти. Детские неосознанные образы под влиянием официальной политики памяти постепенно оседали в глубине сознания как нерепрезентативные и незначимые. Картина войны, сформированная непосредственно в детском возрасте, могла существенно отличаться от картины войны в сознании людей старшего поколения. Тем не менее, события, запечатленные детской памятью, существенно влияли как на судьбу самих очевидцев, так и на формирование образа войны в коллективных представлениях данной социальной группы.

В ходе реализации проекта мною было проведено более трех десятков устных интервью с «детьми войны». Информантами были люди пенсионного возраста: самому молодому из них на момент беседы исполнился 71 год. Бóльшая половина информантов – женщины. Интервью проводились в основном в г. Краснодаре по предварительной договоренности с потенциальными рассказчиками. В результате полевых экспедиций в г. Армавире и станицах Краснодарского края география проведения интервью существенно расширилась. В связи с тем, что нашей исследовательской задачей был анализ интервью с точки зрения работы памяти, место проведения интервью большой роли не играло. Важным показателем при отборе информантов для нас был, прежде всего, их возраст.

Большинство интервью проводились в свободной нарративной форме, которая позволяет рассказчику самостоятельно строить повествование и говорить о значимых с его точки зрения моментах своей жизни. Уточняющие вопросы второй части интервью имели целью конкретизировать детали повествования и прояснить непонятные моменты.

Поведанные информантами устные истории о Великой Отечественной войне позволили реконструировать модели поведения детей во время войны, отношения внутри семьи, военную повседневность детей и их родственников, с одной стороны, и проследить каналы формирования патриотического воспитания, отношения к врагу, переплетение индивидуальной и коллективной памяти о событии – с другой. Исследователь может найти в устных воспоминаниях «детей войны» образ «индивидуальной войны», снабженный соответствующими идеологическими установками политики памяти².

² См.: Реброва И.В. Семейные отношения во время Великой Отечественной войны в устных воспоминаниях детей военного времени // Феномен семьи в ра-

Память, несмотря на определенную неполноту, способна удерживать в сознании людей основные события прошлого. В этой перспективе устные воспоминания – исторический источник о социальной истории и антропологии войны, повседневности в годы войны, психологии и гендерной истории войны. Даже много лет спустя дети, заставшие войну подростками, свидетели оккупации Краснодарского края, проходившей с августа 1942 г. по февраль 1943 г., могут рассказать о разных сторонах жизни во время войны, которых не найти в архивных источниках. Неврологические исследования показали, что у пожилых людей воспоминания о более отдаленном прошлом более стабильные и богатые, нежели о недавних событиях; они приобретают более статичный, заверченный характер, становятся неподвластны изменениям, а также, возможно, и рефлексии³. «Детские» воспоминания о событиях Великой Отечественной войны отличаются более эмоциональным описанием происходившего и увиденного. Большинство воспоминаний наполнены яркими повествованиями о семейной жизни во время оккупации, о детских страхах и ожиданиях, о восприятии врага⁴. Детская картина войны в силу особенностей возраста информантов является достаточно неоднородной, зачастую состоит из отдельных отрывочных воспоминаний. Но события, запечатленные в памяти детей, будут носить значимый характер, как в судьбе самих очевидцев, так и при формировании осознанного образа войны в сознании данной категории людей.

Нарративы о войне становятся источником, который помогает рассматривать проблемы динамики взаимоотношений, зафиксированных в коллективной памяти представлений о прошлом, сохраняемые в силу традиции или востребованные меняющейся общественно-политической реальностью. Американский историк У. Розенберг

курсе видения социальных и гуманитарных наук: матер. междунар. науч. конф. Ст. Оскол, 2008. Ч. 1. С. 224–233; Реброва И.В. Стратегии выживания патриархальной семьи в условиях войны (на материалах устных воспоминаний детей о Великой Отечественной войне) // Российская семья: историко-психологический портрет: матер. XXIV Всерос. науч. конф.: в 2 ч. / под ред. С.Н. Полторака. СПб., 2008. Ч. 2. С. 111–115.

³ Вельцер Х. История, память и современность прошлого: Память как арена политической борьбы // Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 55.

⁴ Подр. см.: Реброва И.В. Индивидуальное и коллективное в памяти «детей войны» // Образ войн и революций в исторической памяти: матер. междунар. конф. Пятигорск; Ставрополь; М., 2009. С. 389.

подвергает научной рефлексии такие понятия, как коллективная память, индивидуальная память, пытается выделить особенности социальной памяти, которая «обладает значительной аналитической властью для историков в плане понимания форм, в которых – через нарратив – прошлый опыт приобретает смысл»⁵.

Устные рассказы «детей войны» позволяют проследить не только то, как советское/российское общество относилось к войне и как помнит войну, но и то, чем является память о войне для людей разных поколений. Более поздние воспоминания о детских переживаниях постепенно становятся основой для формирования «детской» картины войны, в которой трудно отделить непосредственно детские впечатления от продуктов последующей социальной коммуникации.

В канун 65-летия освобождения Северного Кавказа от нацистских захватчиков на кафедре истории и социальных коммуникаций Кубанского государственного технологического университета было решено провести научно-практическую конференцию. В свете проводившегося исследования по гранту РГНФ у нас возникла идея преобразовать привычный формат конференции во встречу ветеранов и «детей войны» со студентами университета. Среди информантов были выбраны несколько человек, которые с радостью откликнулись на просьбу публично рассказать свои истории в студенческой аудитории.

На встречу были приглашены четыре гостя, пережившие оккупацию Краснодара 1942–1943 гг. в детском возрасте. Пантелей Леонтьевич Рекало, 1936 года рождения, уроженец ст. Васюринской, всю жизнь отдал авиации, а в настоящее время является председателем Совета по военно-патриотическому воспитанию молодежи при администрации г. Краснодара, членом общественной организации «Общество Знание» России. Иван Степанович Харченко, 1926 года рождения, полковник в отставке, кандидат исторических наук, сейчас возглавляет Совет ветеранов войны и труда Кубанского государственного технологического университета. Виктор Михайлович Коваленко, 1937 года рождения, долгое время работал в Кубанском государственном аграрном университете, в настоящее время является сотрудником историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына. Галина Станиславовна Оленская, 1934 года рождения, преподаватель Кубанского

⁵ Розенберг У. Является ли социальная память «полезной категорией исторического анализа»? // Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX – начало XX века): междунар. colloquium: науч. докл. СПб., 2007. С. 225.

государственного аграрного университета, член союза журналистов России, сейчас – на заслуженном отдыхе. Все наши гости в детском или юношеском возрасте пережили ужас оккупации их родного города или станицы, помнят многое из военного времени. После войны наши герои закончили обучение в школе, получили высшее образование, состоялись как личности.

Формат встречи предполагал рассказ об их личном опыте, о военном детстве. Тем не менее, ни один из приглашенных не смог уйти от общих фраз, рассказов о советском солдате, своим трудом ковавшим Великую Победу. Воспитанные в советское время, они являются носителями официальной идеологии. Приватное в их суждениях оказалось подчиненным официальной политике памяти. «Воспоминание, – по мнению Х. Вельцера, – это всегда событие плюс воспоминание о том, как его вспоминали, поэтому разговоры о коллективно пережитых ключевых событиях обладают необычайно сильным воздействием на индивидуальные воспоминания каждого. Когда речь идет о таких сильных переживаниях, как те, что связаны с войной, регулярно можно наблюдать феномен стандартизации набора воспоминаний, существующих в обществе, – так, как будто все участники войны в какой-то период пережили одно и то же»⁶. Так, П.Л. Рекало стал говорить об операции по освобождению Новороссийска осенью 1943 г., информацию о которой почерпнул из литературы. И.С. Харченко зачитал доклад об участии комсомольцев Кубани в подпольном и партизанском движении, который был написан на основе защищенной им в послевоенный период кандидатской диссертации, и ни словом не обмолвился о своем боевом опыте. Г.Н. Оленская в предварительной беседе со мной высказывала сомнения, что ее личный опыт семилетней девочки, пережившей оккупацию Краснодара, вряд ли будет кому-либо интересен. В своем выступлении она неоднократно затрагивала общие темы, подчеркивала значение победы советского солдата над нацизмом. В.М. Коваленко завершил свое выступление апелляцией к деятельности молодежного движения «Наши». Смещение акцентов с личного опыта на трансляцию официальной памяти о войне наглядно показывает подчиненность индивидуального опыта коллективному.

Поскольку вышеописанное мероприятие проводилось со студентами второго курса специальности «Связь с общественностью»,

⁶ Вельцер Х. История, память и современность прошлого: Память как арена политической борьбы // Память о войне 60 лет спустя... С. 54.

предполагалось, что студенты впоследствии напишут статью, освещающую данную встречу для последующего анализа их журналистских навыков в рамках курса «Теория и практика массовой информации». Написание статьи по итогам встречи было обязательным заданием, поэтому все студенты, присутствующие на мероприятии, представили свои работы.

В учебно-методических целях первоначально была задумана лишь «журналистская» критика статей студентов с точки зрения стилистики, жанровой ориентации, композиции и монтажа текста. Однако при более пристальном ознакомлении с полученными работами студентов возникла идея содержательного анализа текстов. Нас особенно интересовал механизм передачи памяти о событии людей разных поколений и реакция на них молодежи, оценка современными студентами дел и поведения «детей войны». Анализ устных рассказов сегодняшних пенсионеров на встрече со студентами с одной стороны, и сочинений-статей студентов «о детях войны», с другой стороны, может поставить перед исследователем новые задачи, в частности, изучение механизмов формирования индивидуальной и коллективной памяти о событии.

Я сознательно определяю работы студентов как «сочинения-статьи», так как в отсутствие навыков журналистского письма студенты в основном рефлексировали по поводу услышанного, нежели пытались самостоятельно изучить журналистскую литературу и написать качественную статью в периодическую печать. Таким образом, задача, поставленная мною как преподавателем, была в целом не реализована. Однако, как исследователь, я получила новый вид источника. Анализ собранных сочинений-статей лег в основу данной статьи.

Всего учащимися было написано 38 текстов. Некоторые студенты принесли свои работы на следующее занятие (спустя неделю после мероприятия). Большинство же сдали материалы гораздо позже, после нескольких напоминаний преподавателя. Когда в качестве альтернативы студентам было предложено написать статью на свободную тему, некоторые решили выбрать второй путь. Это объясняется тем, что студенты стали выполнять задание позже обозначенного срока, многое из встречи они уже не помнили, или были невнимательны во время мероприятия. Еще несколько студентов сдали абстрактные философские рассуждения о Великой Отечественной войне, а не проанализировали прошедшую встречу с «детьми войны».

По жанру сочинения-статьи студентов можно разделить на несколько групп. Большая их часть напоминает информационный отчет, в котором сухо изложен ход мероприятия: когда, где и с какой целью проходило мероприятие, кто и в какой последовательности выступал, о чем рассказывал. Другая группа работ схожа с информационной заметкой: новость подается более мягко, обыгрываются некоторые детали встречи, автором расставляются акценты в повествовании. Совсем небольшая группа работ может быть отнесена к художественным жанрам: одни сочинения-статьи напоминают эссе, другие – очерк.

Многие работы были представлены в рукописном виде, треть – распечатана или прислана по электронной почте. В среднем размер работы не превышает страницу формата А4. Большинство текстов не имеют названия – в этом главный недостаток таких работ как журналистских произведений. Многие студенты расценили этот вид работы как выполнение домашнего задания и, видимо, по аналогии со школьными требованиями, представили сочинения на тему, не задумываясь ни над композицией, ни над заголовком текста журналистского произведения. Возможно, для них более важной оказалась содержательная часть, а не оформление и композиционное построение материала. Лишь некоторые статьи-сочинения имели удачные названия: «Маленькие дети и большие подвиги» (Ж. Гительсон), «Счастливые дети Победы» (Е. Спесивцева), «Маленькие солдаты войны» (Н. Аксенова), «Подлинная история» (А. Захарьян).

Интересно, что студенты в своих сочинениях-статьях пытались не только описать событие, но и показать свои знания «официальной» истории. Текст многих работ содержит канцеляризмы и пафосные рассуждения о роли Победы в войне. *«Действительно, Великая Отечественная война – это часть нашей истории, нашей прошлой, настоящей и будущей жизни. Мы помним и должны помнить всегда. В руках нашего поколения сохранить эту память в своих сердцах и воспитать в сердцах будущих детей»⁷*, – констатирует студентка А. Якимцова. *«Давно окончилась война, но не забывают ветераны обещаний, данных своим погибшим товарищам, о том, что память о них будет жить вечно. И не нарушают ветераны своей клятвы, они всегда помнят тех, кто отдал жизнь за Родину. Они вспоминают их в кругу друзей-фронтовиков, рассказывают своим детям, внукам, они действительно в их памяти. Имена погибших будут жить вечно,*

⁷ Работа А. Якимцовой, студ. гр. 07-Г-СО2. Дек. 2008. // Личный архив И.В. Ребровой.

*потому что вечно будет жить народ, ради счастья которого были совершены подвиги. Память народа нетленна!»*⁸ – написано в сочинении Е. Бруевой. Некоторые студенты и вовсе представили только свои рассуждения на тему Великой Отечественной войны, их тексты – яркий пример работы коллективной памяти о событии.

Напрашивается вывод, что для современных студентов рассказ о широко известных фактах в рамках существующей официальной идеологии – наиболее легкий вариант реализации творческого задания. В восьми случаях из десяти студенческая работа начинается и заканчивается общими фразами, транслирующими коллективное видение истории Великой Отечественной войны, а не описание конкретного события – встречи с бывшими «детьми войны». Если иметь в виду, что в журналистском тексте самой значимой частью является лид (один или два вступительных абзаца любого текста журналистского произведения⁹), выходит, что студенты неосознанно (так как, по сути, это был их первый опыт написания статьи) пытались показать значимость Великой Отечественной войны для всего социума, нежели описать встречу с очевидцами событий.

Тем не менее, анализ текстов студенческих работ показал, что наиболее интересно написаны сюжеты, пересказывающие личный опыт участников встречи, переживших войну в детском возрасте. Например, упоминание доклада И.С. Харченко, полностью обезличенного, содержится лишь в тех статьях-сочинениях, которые написаны в форме отчета о мероприятии. Его выступление было больше похоже на научный доклад, возможно, поэтому оно не нашло эмоционального отклика в сердцах студентов.

Показательно, что студенты в своих сочинениях-статьях не писали о роли патриотического воспитания в современных условиях на примерах прославленных подвигов отцов и дедов. Официальная память о войне оказывается невостребованной молодежью на индивидуальном уровне. Ежегодные встречи школьников с ветеранами, научно-популярные фильмы о подвигах советского солдата, мероприятия федерального и краевого уровней, приуроченные к празднованию годовщины победы в войне или регионально значимых юбилеев, формируют «официальный» образ войны. Такие сюжеты являются

⁸ Работа Е. Бруевой, студ. гр. 07-Г-СО2. Дек. 2008. // Личный архив И.В. Ребровой.

⁹ Чередниченко В.И. Основы журналистики: курс лекций: учеб. пособ. для студ. вузов. – Краснодар, 1998. С. 37.

узнаваемыми современной молодежью и потому не вызывают должного интереса, не меняют эмоциональный фон восприятия истории Великой Отечественной войны. *«Честно говоря, я не ожидал особо интересных рассказов. Уроки мужества проводят с нами с младших классов, и почти всегда информация на них одна и та же»*¹⁰, – вполне справедливо отметил А. Калатай в своем сочинении.

Действительно, большую роль в трансляции коллективной памяти о войне в советской и постсоветской истории играли так называемые уроки мужества – регулярные встречи школьников и студентов с ветеранами. Воспитание патриотизма у подрастающего поколения – важная задача государственной политики. Подобные встречи-беседы о Великой Победе советского солдата в борьбе с нацизмом призваны формировать у молодежи уважительное отношение к прошлому своей Родины, гордость за своих отцов и дедов, отстоявших независимость станы. Тематика таких уроков утверждалась руководящим органом образования страны¹¹.

Со временем уроки мужества стали представлять собой своеобразный ритуал – чествование героев войны. Приглашаемые ветераны из года в год рассказывали одни и те же истории, прославляющие мощь и силу державы. Происходила мифологизация событий Великой Отечественной войны. За рамками мифов осталась война негероическая, с ее страхами, предательством, насилием, мародерством, просчетами командования, бессмысленной гибелью сотней и тысяч людей. «Профессиональные» ветераны до сих пор не говорят об этой стороне войны. Транслируя миф о войне как героической странице прошлого нашего государства, они со временем сами уверовали в истинность своих рассказов. Личный опыт долгое время был не востребован официальной политикой памяти, поэтому он был замещен высокопатриотическими размышлениями о славе и мужестве советского воина. Профессионализация ветеранов выражается в трансляции официальной памяти о войне.

Оговоримся, что далеко не все солдаты и офицеры, выжившие в войне, могут быть отнесены к этой категории. Те, кто видел войну не

¹⁰ Работа А. Калатай, студ. гр. 07-Г-СО1. Дек. 2008 г. // Личный архив И.В. Ребровой.

¹¹ См., напр.: Приказ Минобрнауки России № 118 от 25.11.2004 «О подготовке и проведении празднования 60-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» // URL: http://www.edu.ru/dbmon/mo/Data/d_04/m118.html (дата обращения 15.05.2009 г.).

из штаба командования, а сам находился на передовой, не мог принять официальную историю войны, сложившуюся в послевоенное время под пристальным руководством государства. Их личный опыт расходился с героико-патриотической концепцией. Поэтому единственной формой сопротивления было молчание. Таким образом, «пассивное» разномыслие (термин Б. Фирсова)¹² участников войны формировалось в послевоенное время. О другой войне можно было говорить в кругу семьи, и то не всегда. Детям нужны были герои войны, о которых им рассказывали на уроках мужества, а не отцы, которые были в плену, работали на «врагов», насиловали европейских женщин, грабили жителей, освобожденных ими стран. Другая правда о войне была табуирована официальной властью.

С распадом СССР в 1990-е годы общественность буквально взорвалась от обилия новых фактов, развенчивающих миф о героической истории Великой Отечественной войны. Свет увидели публикации, воспоминания, которые показали «другую» войну. Однако уроки мужества проходили все также, по-прежнему напоминая ритуал.

На рубеже 1990–2000-х гг. время либерализма и свободомыслия сменилось ужесточением режима и восстановлением государственной идеологии. Единственным событием истории советского времени, вокруг которого можно было бы сплотить молодежь и сформировать концепцию патриотического воспитания, стала история Великой Отечественной войны. Ветераны войны, которых становится все меньше и меньше, продолжают воспроизводить заученные наизусть рассказы о войне, уроки мужества происходят в неизменно традиционной форме.

В связи с этим, студенты справедливо и вполне прогнозируемо не ждали чего-то нового от встречи с «детьми войны». Действительно, встреча показала роль коллективной памяти в трансляции событий прошлого. Более того, работы студентов наглядно продемонстрировали, что любые социальные группы, включая студенческую молодежь, могут находиться под воздействием официальной идеологии. Сеем предположить, что апелляция к коллективному опыту в сочинениях-статьях имела целью продемонстрировать уровень своего образования, включенности в исторически важные проблемы современного социума.

Тем не менее, самое яркое впечатление от прочитанных студенческих работ оставляет именно та часть, где авторы переосмысливают услышанные личные истории приглашенных героев. Вот что на-

¹² См.: Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е гг.: История, теория и практика. СПб., 2008.

писала А. Ковалева о выступлении Г.С. Оленской: *«Честно признаюсь, ее рассказ затронул меня до глубины души. Она, выступая перед нами, вспоминала (и будто переживала вновь) годы войны. Ее история была наполнена красочными впечатлениями о страшном периоде жизни. Своими детскими глазами, маленьким сердечком Галина Станиславовна переживала это ужасное время. Она, будучи ребенком, пыталась помочь “своим” в борьбе с врагом»*¹³. Большинство студентов подробно пересказали выступление Г.С. Оленской, так как, по словам одной из слушательниц А. Нищенко, *«Большое впечатление на ребят произвело выступление Оленской Галины Станиславовны. Она поделилась своими воспоминаниями о войне. Галина Станиславовна рассказала, как трудно приходилось оставаться детьми в ту пору, о том, как она со своими друзьями мечтала хоть что-нибудь сделать для победы. Как рисовала стрелочки с надписями “бомбоубежище”, как помогала медсестрам в госпитале, как читала раненым солдатам письма. Эта маленькая девочка как будто на 5 минут переместилась в 2008 г. Она с таким переживанием рассказывала, как испуганно убегает от немца, скрывается от бомбежки, смотрит статью о Зое Космодемьянской...»*¹⁴. А. Захарьян зафиксировал: *«Когда очередь выступить дошла до Галины Станиславовны, на глазах ребят накатились слезы... Когда началась война, маленькой Гале было всего пять. Ей, как и всем детям того времени, пришлось взрослеть вместе с войной. Ребята, как и взрослые с нетерпением ждали “наших” и ненавидели фашистов»*¹⁵.

Некоторые студенты включали в статью отдельные сюжеты из услышанных детских историй. Например, А. Ковалева описала наиболее запомнившийся ей случай из жизни Г.С. Оленской: *«Война не останавливалась ни перед чем. Фашисты сметали все на своем пути, но не все они жестоки к детям. Ведь дети – это святое. Маленькая Галя выносила мусор, как вдруг увидела немца, стоявшего в десяти шагах от нее. Она жутко испугалась и принялась было бежать. Но было поздно. Он подошел к ней... и протянул конфету. Взяв угощение, ребенок побежал к маме и рассказал о своем приключении. Мать крепко обняла дитя и*

¹³ Работа А. Ковалевой, студ. гр. 07-Г-СО1. Дек. 2008. // Личный архив И.В. Ребровой.

¹⁴ Работа А. Нищенко, студ. гр. 07-Г-СО1. Дек. 2008. // Личный архив И.В. Ребровой.

¹⁵ Работа А. Захарьян, студ. гр. 07-Г-СО2. Дек. 2008. // Личный архив И.В. Ребровой.

стала ее ругать за то, что чуть не лишилась дочери. А потом шепнула: *“Не все немцы фашисты”*»¹⁶. Е. Худенко процитировала выступление В.М. Коваленко: *«Маленький Витя толком ничего не понимал. Знал только, что немцы злые, а война – это страшно. Он рассказал нам о трех счастьях, которые ему довелось пережить: пришли наши, вернулся с фронта отец, наступил День Победы. Но Виктор Михайлович добавил: “Не дай Вам Бог, пережить эти счастья!”*»¹⁷.

Несмотря на подчиненность индивидуального опыта коллективной памяти о событии, студентам запомнились рассказы «детей войны» об их личном опыте. Они не только пересказали услышанное, но и увидели войну с другой стороны: войну неофициальную, личную, детскую... *«Но в этот раз я посмотрел на войну с другой стороны, другими глазами. Глазами детей, на беззаботный, нежный возраст которых выпала такая нелегкая даже для взрослых доля. Близость и географическая, и возрастная оказала гораздо большее воздействие, чем обычные рассказы о войне. Мальчик и девочка из Краснодара возраста, сопоставимого с моим, рассказывают о своем видении этой войны. Начало, оккупация, освобождение. Маленькие истории создают целостную и важную картину восприятия войны еще мало понимающим ребенком. Также запомнился мне рассказ о партизанском движении. Ребята уже моего возраста проводили агитацию, вели провокационную антифашистскую деятельность. Некоторые шли на фронт... А смог бы я также? Скорее, это риторический вопрос»*¹⁸, – раздумывает А. Калатай в своем сочинении-статье.

Важно, что студенты смогли посмотреть на войну по-новому. Трансляция индивидуального опыта в молодежной среде имела важные последствия: эта встреча на деле продемонстрировала важность патриотических, воспитательных, моральных и коллективных ценностей для молодого поколения. По словам А. Нелипы, *«Для многих из нас эта встреча была особенной, изменившей не только представление о Великой Отечественной войне, но и каким-то образом повлиявшей на мировоззрение»*¹⁹. Об особенностях этой встречи искренне

¹⁶ Работа А. Ковалевой...

¹⁷ Работа Е. Худенко, студ. гр. 07-Г-СО1. Дек. 2008. // Личный архив И.В. Ребровой.

¹⁸ Работа А. Калатай, студ. гр. 07-Г-СО1. Дек. 2008. // Личный архив И.В. Ребровой.

¹⁹ Работа А. Нелипы, студ. гр. 07-Г-СО1. Дек. 2008. // Личный архив И.В. Ребровой.

написал А. Захарьян: *«Еще в школе многие из нас встречались с ветеранами, читали книги о войне, но эта встреча особенная. Гости делились своими переживаниями, и мы пережили те ужасные времена вместе с ними»*²⁰.

Немаловажным фактором данной встречи являлась эмоциональная обстановка. Е. Суконкина считает, что *«Студенты смогли почувствовать всю ту боль, обиду, страх, что испытывали дети во время войны»*²¹. Действительно, повторяемые из года в год известные всем сюжеты истории Великой Отечественной войны уже не несут на себе эмоциональный заряд. Пересказанный индивидуальный опыт выживания в условиях оккупации, встреча «глаза в глаза» с реальными нелитературными героями имеет важное воздействие на психику молодых людей, их восприятие событий минувшей войны. *«Я считаю, что самым главным и поучительным во всей конференции были глаза выступающих. Их взгляд рассказал намного больше, чем их доклады. Задумчивый, глубокий, с навсегда застывшей слезой, он переносил нас в детство этих уже поседевших людей»*²², – справедливо отметила А. Нищенко.

А. Вожжова так восприняла встречу с «детьми войны»: *«Галина Станиславовна очень четко передала то детское восприятие войны. Она говорила о том, что дети того ужасного времени не ощущали и не понимали, что такое война: “Мы думали, что это игра такая”, – говорила Галина Станиславовна. И ее слова открыли мне войну с другой стороны: без пулеметов, танков, обстрелов и убитых людей. Ведь действительно, только взрослый понимает весь ужас войны со всей ее реальностью и последствиями. Ребенок проживает это время, видя все то, что действительно делает война, но относится он к ней совсем по-другому. И для нас было интересно узнать, что же такое война глазами ребенка»*²³.

Изучение эволюции политики памяти о войне является важной исследовательской задачей. Воспоминания фронтовиков и «детей войны» становятся одним из источников отражения исторического сознания и исторической памяти о событиях 1941–1945 гг. По ним

²⁰ Работа А. Захарьян...

²¹ Работа Е. Суконкиной, студ. гр. 07-Г-СО2. Дек. 2008. // Личный архив И.В. Ребровой.

²² Работа А. Нищенко...

²³ Работа А. Вожжовой, студ. гр. 07-Г-СО1. Дек. 2008. // Личный архив И.В. Ребровой.

можно рассматривать проблемы динамики взаимоотношений, зафиксированных в коллективной памяти представлений о прошлом, сохраняемых в силу традиции или востребованных меняющейся социально-политической реальностью. Благодаря рассказам участников и очевидцев войны о своем опыте в массовом сознании создавались и продолжают создаваться образы и представления, которые включаются в состав социальной памяти. Эти рассказы проливают свет на картины прошлого и одновременно – на содержание, структуру и механизмы передачи исторической памяти в результате работы исследователя с устными воспоминаниями как историческими источниками.

Ж.Т. Тощенко, анализируя историческое сознание и историческую память, подчеркивает, что историческая память нередко персонафицируется, и через оценку деятельности конкретных исторических личностей формируются впечатления, суждения, мнения о том, что же представляет особую ценность для сознания и поведения человека в данный период времени. Таким образом, в отличие от исторического сознания, историческая память представляет собой определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим²⁴.

Выступления ветеранов и «детей войны», равно как и устно-исторические интервью свидетельствуют, как официальная историческая версия или свидетельства других людей вплетаются в индивидуальную память. Благодаря исследованиям памяти известно, что человек может встраивать в историю своей жизни сведения, эпизоды и даже целые событийные ряды, происходящие не из его собственного опыта, а из совершенно иных источников: из учебников, из рассказов других людей, из романов, из документальных и художественных фильмов и т.д. Этот феномен Х. Вельцер называет «забвением источника», потому что само событие человек помнит правильно, но путает источник, из которого получено воспоминание о нем²⁵.

Явственно выделяются две параллельно действующие формы памяти о войне: коллективная и индивидуальная. По словам М. Хальбвакса «индивидуу доступны два типа памяти. Но в зависимости от того, соотносится ли он с той или другой из них, он занимает две совершенно разные и даже противоположные позиции. С одной сто-

²⁴ Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Нов. и новейш. история. 2000. № 4. С. 4.

²⁵ Вельцер Х. Указ. соч. С. 55.

роны, его воспоминания вписываются в рамки его личности или его личной жизни, и даже те из них, которые он разделяет с другими, рассматриваются им лишь с той стороны, с которой они затрагивают его в его отличии от других. С другой стороны, в определенные моменты он способен вести себя просто как член группы, вызывая в памяти и поддерживая безличные воспоминания в той мере, в какой они затрагивают его группу»²⁶.

Некоторые исследователи склонны считать, что не вошедшие в официальную память о войне события ушли в «коллективное бессознательное»²⁷. Исходя из анализа устных интервью с «детьми войны», сочинений-статей студентов, наблюдений за взаимодействиями между гостями и слушателями во время мероприятия, смеем предположить, что эти уровни памяти часто проникают друг в друга. Как отмечал М. Хальбвакс, «индивидуальная память может опереться на память коллективную, чтобы подтвердить или уточнить то или иное воспоминание или даже чтобы восполнить кое-какие пробелы, вновь погрузиться в нее, на короткое время слиться с ней. Коллективная память же оборачивается вокруг индивидуальных памятей, но не смешивается с ними. Она развивается по собственным законам, и даже если иногда в нее проникают и некоторые индивидуальные воспоминания, они видоизменяются, как только помещаются в целое, которое уже не является сознанием личности»²⁸.

При создании определенных условий (корректно поставленные вопросы при проведении интервью, направление хода беседы, повышенное внимание студенческой аудитории к определенным сюжетам) и рассказ об индивидуальном опыте, и сюжеты, продиктованные влиянием официальной памяти, будут присутствовать в рассказе очевидцев прошедших событий. Различаться будет только степень погружения в пересказ индивидуального опыта и трансляции коллективного опыта. Выскажу предположение, что уровень образования, место жительства, социальное происхождение, социальный статус рассказчика будут являться своеобразным мерилем и внутренним ограничителем при построении повествования: чем выше статус рассказчика, тем сложнее ему переключиться на рассказ о личном опыте

²⁶ Хальбвакс М. Коллективная и индивидуальная память // Неприкосн. запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>

²⁷ Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Память о войне 60 лет спустя... С. 89.

²⁸ Хальбвакс М. Указ. соч.

(особенно если степень его участия в событиях была невелика, или если он был лишь очевидцем событий), тем больше он будет прибегать к глобальным выводам, моральным и воспитательным оценкам прошлого.

Микрособытия, или каскады, имеют место в рамках высоко локализованных структур переживания, которые вписываются в дискурс и нарративы локальности, разговоры, коллективное чтение газет и т. п. Одновременно локальные нарративы и сюжеты, на языке которых прочитывается и интерпретируется обыденная жизнь и ее конфликты, взрываются в подтексте интерпретативных возможностей, которые являются прямым результатом работы локального воображения более широких региональных, национальных и глобальных событий. Локальные переживания, как подчеркивает А. Аппадурай, оказываются результатом длительного взаимодействия локальных и глобальных каскадов событий, которые выстраивают структуры переживания, одновременно и социальные, и исторические, а также часть окружающей среды, внутри которой постепенно становится возможной иная оценка соседа²⁹.

Через рассказ передается набор прагматических правил, хотя нарратив, в свою очередь не связан с одной только функцией высказывания. Нарративы определяют то, что говорится и делается в культуре, поскольку они сами составляют ее часть. Анализ выступлений «детей войны» и сочинений-статей нынешних студентов наглядно демонстрирует включенность индивидов в социальную группу, представители которой являются одновременно и носителями, и «потребителями» социальной памяти.

²⁹ Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimension of Globalization* Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. P. 65.

А.Ю. Рожков

**«ВМЕСТО СИЯЮЩЕГО БУДУЩЕГО – УЧАСТЬ
РАБЫНИ»: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПЕРЕЖИВАНИЙ
В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ В НАРРАТИВАХ
КРАСНОДАРСКИХ ШКОЛЬНИКОВ (1945 ГОД)¹**

*У человека можно отнять то,
что он нажил, но не то, что он
пережил.*

Эдуард Севрус

*Воспоминания молодости, как
правило, имеют особое эмоцио-
нальное значение потому, что
связанные с ними переживания
зачастую предопределили всю
последующую жизнь человека.*

Харальд Вельцер

Одним из путей к пониманию феномена детской памяти о войне, как, впрочем, и многих других исторических явлений и событий, является источниковая диверсификация. Под этим понятием мною под-

© Рожков А.Ю., 2010

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 08-01-00511а «Трансформация коллективной памяти о Великой Отечественной войне в воспоминаниях детей военного времени (1940-е – 2000-е гг.)».

разумеается активное использование разнообразных источников, прежде всего – исследовательская актуализация корпуса *синхронных* свидетельств о войне, составленных тогдашними детьми «по горячим следам» пережитого лихолетья – дневников, писем, детских альбомов, блокнотных записей, школьных сочинений и т.д. Ценность данной разновидности источников определяется не только временем их составления, но и их малочисленностью. В настоящее время дефицитность этих источников воспоминаний стала еще заметнее на фоне нарастающего доминирования меморатного материала, накопленного в последние годы при помощи устноисторических интервью с пожилыми людьми об их военном детстве.

В этой статье речь пойдет о сочинениях на заданную тему: «Мои переживания во время оккупации», написанных краснодарскими школьниками в феврале 1945 г. по поводу 2-й годовщины освобождения города от захватчиков. В ГАКК (фонд Р-807) отложилось более сотни таких нарративов, созданных преимущественно учащимися 7–8-х классов трех краснодарских школ. Несмотря на уникальность этих документов, они практически не введены в научный оборот. Вместе с тем опубликованные фрагменты сочинений², воспринимаемые некоторыми историками войны в качестве «прозрачных» источников, нередко приводятся как эмоциональные *свидетельства* о периоде оккупации для иллюстрации и подтверждения авторских концепций. При этом, как мне кажется, специфика *детских* нарративов совершенно не принимается во внимание: данные документы рассматриваются в общем ряду свидетельств *очевидцев* оккупации безотносительно их возрастных и гендерных различий, совершенно игнорируется субъективный характер детских переживаний.

Сочинения краснодарских школьников 1945 года – как культурный артефакт – являются не только важными носителями информации о социально-исторических явлениях и процессах, происходивших в прошлом, но еще и репрезентацией самих авторов ученических работ как субъектов воспоминаний и живых свидетелей ушедшей эпохи. С помощью этих документов можно реконструировать некоторые черты коллективного образа поколения «детей войны», а также понять, какие культурные модели, «эмоциональные режимы» и «эмоциональные коды» существовали и одновременно конструировались молодыми людьми в ту эпоху. Не имея возможности прямого контакта с изу-

² Екатеринодар-Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар, 1993. С. 598, 599, 603, 604.

чаемой исчезнувшей реальностью, современному исследователю культуры и истории детства остается только полагаться на результаты скрупулезного анализа текстов документов с закодированной в них информацией о поведении и сознании детей и подростков, их мотивах и жизненных планах, ценностных ориентациях и практиках выживания, образе мыслей, ожиданиях, надеждах и переживаниях.

На основе письменных источников воспоминаний о военном детстве я пытаюсь в этой статье реконструировать и интерпретировать представления и эмоциональные переживания детей, связанные с их экстремальным опытом проживания на оккупированной территории, а также дискурсивные практики репрезентации этого опыта в детских нарративах.

К теме школьных сочинений военных лет я обращаюсь не впервые³. Тем не менее всегда поражаюсь ее неисчерпаемости, довольно неочевидной на первый взгляд в виду ограниченного количества малообъемных источников. Каждый раз находят новые аспекты, иные ракурсы рассмотрения. Иногда мне кажется, что дать адекватную и всестороннюю интерпретацию этого уникального нарративного материала вообще невозможно. Кроме выявления новых аспектов каждое очередное обращение к этой теме обнаруживает новое прочтение ранее проработанных источников, что неизбежно ведет к пересмотру ряда прежних собственных выводов. Собственно, это вполне обычная для герменевтического перехода ревизия первоначальных интерпретаций по мере проникновения в текст. Некоторые концептуальные новеллы встречаются и в данной статье, и похоже, что они не окончательны.

Когда статья была написана, я пришел к выводу о необходимости ее разграничения на две части с рубрикацией каждой. Такое нетипичное для данного формата структурирование, мне кажется, позволяет более отчетливо представить авторский замысел и логику повествования. В первой части содержатся необходимые предварительные пояснения источниковедческого и теоретико-методологического

³ Реброва И.В., Рожков А.Ю. Детская память о войне: к вопросу об источниках воспоминаний // Российское общество: историческая память и социальные реалии: материалы межрегион. науч.-практ. конф. XIV Адлерские чтения. Краснодар, 2008; Рожков А.Ю. Прологомены к анализу школьных сочинений 1945 года как источников детских воспоминаний о войне // Вторая мировая война в памяти поколений: сб. статей / под ред. И.В. Ребровой, Н.А. Чугунцовой. Краснодар, 2009; Его же. «Маленькие истории» большой войны: воспоминания об «оккупированном детстве» в школьных сочинениях 1945 года: докл. на междунар. науч. конф. «История детства как предмет исследования: наследие Филиппа Арьеса в Европе и России».

характера. Во второй части приводятся результаты анализа содержания школьных сочинений. В конце статьи даются приложения.

Часть 1. Предварительные рассуждения

Школьные сочинения как источник воспоминаний о детстве

Поскольку источниковедческому анализу сочинений была посвящена специальная статья⁴, воспроизведу здесь лишь наиболее важные ее положения, уделяя приоритетное внимание «внешней критике» источников.

Школьные сочинения как письменные свидетельства о пережитом – весьма специфическая и по-своему уникальная группа источников воспоминаний о детстве. Практическая работа с ними может дать специалистам «возможность научиться понимать изменчивость, многовариантность детства и отдельных детских судеб, анализировать базовые фрагменты биографического опыта». Для данного исследования не менее важно выделить две взаимосвязанные характеристики школьных сочинений как источников воспоминаний – их историчность и способность отражать генерационную принадлежность авторов, поскольку «представители разных поколений реализуют в своем сознании различные стратегии меморизации этого опыта»⁵.

Несмотря на внушительное количество опубликованных источников, особенно на материалах 1910–1930-х и 1990-х гг.⁶, тема

⁴ Рожков А.Ю. Прологомены к анализу школьных сочинений...

⁵ Безрогов В.Г. Мир детства как мир памяти // Московское детство: память поколений. М., 2008. С. 9.

⁶ См., напр.: Соловьев И. Школьные сочинения с точки зрения самих учащихся // Вестн. воспит. 1916. № 9; Спасская Г. Современная жизнь в детских сочинениях // Современный ребенок. М., 1923; Шацкий С.Т. Деревенские дети и работа с ними // На путях к новой школе. 1925. № 1–2; Соловьев И.М. Литературное творчество и язык детей школьного возраста. М.; Л., 1927; Петров В.В. Быт деревни в сочинениях школьников. М., 1927; Сергиевская Н. Детские интересы и переживания в области сельскохозяйственного труда (Из опыта деревенских школ 2-й опытной станции НКП) // На путях к новой школе. 1927. № 4; Кордес В. Чего хотят ребята от современной школы и о какой школе мечтают в будущем // На путях к новой школе. 1928. № 4; Меленчук А., Черепанов С. Из практики школ (По детским описаниям) // Школа и пере выборы советов. М., 1930; Петелин Г. Дадим слово школьнику. М., 1931; Обыденный нэп: сочинения и письма школьников 20-х годов // Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. Кн. 3; «Все, что придется пережить, будет ничтожным по сравнению с пережитым»: школьные сочинения 1923–1924 гг. // Источник. 1997. № 4; Дети русской

школьных сочинений слабо разработана в источниковедческом плане. Ни в одном известном нам отечественном учебнике по источниковедению не уделено внимания школьным сочинениям как историческому источнику. Пожалуй, едва ли не единственным исключением в этом ряду является новаторская работа Аллы Сальниковой, заслуживающая самого серьезного внимания⁷.

Данную группу источников действительно весьма сложно классифицировать, что объясняется не только специфичностью и тематическим многообразием школьных сочинений, но и характерной для эго-документов в целом размытостью толкований границ между ними. В этой статье источниковедческому анализу подвергаются только ученические сочинения как детские свидетельства о пережитом. Подход к источниковедческой типологии таких школьных сочинений с концептуальных позиций типо-видовой классификации, предложенной Иваном Ковальченко⁸, позволяет отнести их к классу письменных источников личного происхождения мемуарного содержания. Пожалуй, ближе всего в мемуаристике сочинения школьников примыкают к «мемуарам как воспоминаниям»⁹ и «тематическим мемуарам» (при всех условностях такого подхода).

Несмотря на значительную близость школьных сочинений к автобиографическим повествованиям¹⁰, их не совсем корректно атрибутировать как автобиографии в полном смысле этого термина, поскольку

эмиграции: книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники / сост. Л.И. Петрушева; под ред. С.Г. Блинова, М.Д. Филина. М., 1997; Митрофанов К.Г., Шаповал В.В. Новейшая история глазами детей: материалы Открытого конкурса школьных исследовательских работ по истории 1998–2001 годов. М., 2002; Веселова А. Советская история глазами старшеклассников // Отечеств. записки. 2004. № 5; Келли К. Как сделаны воспоминания: дети и личное прошлое в России в начале XX столетия // Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX – начало XX века). СПб., 2007, и др.

⁷ Сальникова А.А. Школьные сочинения детей русской эмиграции как источник по социальной истории России, 1917–1920 гг. // Социальная история: ежегодн., 2001/2002. М., 2004. С. 324–352.

⁸ См.: Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М., 2003. С. 119–140.

⁹ Имеется в виду нередко встречающееся в литературе объединение собственно мемуаров (воспоминаний) и дневников под общим термином «мемуаристика» (см., напр.: Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: учебн. / А.К. Соколов [и др.]; под ред. А.К. Соколова. М., 2004. С. 329).

¹⁰ См.: Нуркова В.В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М., 2000.

ку чаще всего авторы сочинений описывали не свою жизнь, а историческое событийное пространство, свидетелями которому они являлись. Вместе с тем трудно спорить с Аллой Сальниковой относительно тесной связи школьных сочинений с автобиографической памятью¹¹. Если исходить из трактовки различия между автобиографиями и мемуарами, данной Флорианом Знанецким, то и в этом континууме сочинения школьников также будут находиться ближе к мемуарам, поскольку в них автор помещает себя на задний план повествований, концентрируясь на описании исторических событий, свидетелем которых он стал¹².

В то же время расширительно трактовать школьные сочинения как мемуары – «повествования о прошлом, основанные на личном опыте и собственной памяти автора»¹³ – также небесспорно. Пожалуй, из форм мемуаров, известных в отечественной типологии, к сочинениям учащихся наиболее близки «блиц-воспоминания», или «мини-мемуары»¹⁴. Если же использовать классификацию западноевропейского источниковедения, то более релевантным (при этом не менее условным) представляется отнесение школьных сочинений к так называемым мемуарам – «современным историям». Марина Румянцева определяет эту разновидность мемуаров как вид источников личного происхождения, целью которых является индивидуальная фиксация общественно-значимых событий с целью передачи их в эволюционном целом (потенциальная возможность длительного хранения, не исключающая прочтения потомками)¹⁵.

Анализируемые в этой статье тексты по критерию ситуации их создания относятся к спровоцированным (по отношению к школьникам как авторам нарративов) документам. Относительно целей настоящего исследования эти воспоминания спровоцированными не являются. К сожалению, точное установление заданного характера возникновения источников никак не проясняет документально подтвержденных обстоятельств написания сочинений¹⁶. Судя по

¹¹ Сальникова А.А. Указ. соч. С. 325.

¹² См.: Чуйкина С.А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб., 2006. С. 214.

¹³ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие / Н.Н. Данилевский [и др.]. М., 1998. С. 321.

¹⁴ Источниковедение: Теория. История. Метод... С. 638.

¹⁵ См.: Румянцева М.Ф. Теория истории: учеб. пособие. М., 2002. С. 253, 257–259.

¹⁶ По данным В.Г. Безрогова, сочинения, аналогичные кубанским, на основе разработанных примерных вопросников писали в 1942 г. школьники Москвы (см.: Москва военная: мемуары и архивные документы / под ред. И.Д. Коваль-

внешнему оформлению нарративов (достаточно хорошая бумага, качественные чернила¹⁷), можно предположить, что работы учащихся предназначались для какой-то значимой цели презентационного характера: размещения на городской (краевой) выставке; отсылки в органы государственного управления в Москву; пополнения документальных свидетельств о «зверствах оккупантов» (возможно, с перспективой использования в международно-правовых целях) и т.д.

Сочинения учащихся представляют собой преимущественно 3–4-страничные автографы. Почти все сочинения подписаны с указанием фамилий и имен (иногда инициалов) авторов, в большинстве работ имеются сведения о номере класса и школы, в которых обучались их авторы. Анонимные сочинения не встречались. Авторы по-разному именовали свои произведения. Подавляющая часть учащихся называ-

ченко, В.А. Золотарева [и др.]. М., 1995). В Московском госпединституте была организована комиссия, собиравшая детские письма и воспоминания (особенно о начале войны). На базе Комиссии по составлению истории Москвы, созданной МК ВКП(б) в декабре 1941 г., ЦК ВКП(б) своим постановлением создал в начале 1942 г. аналогичную Комиссию по истории Великой Отечественной войны, поручив АН СССР сбор и публикацию соответствующих материалов (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 204. Л. 1–2). В мае 1942 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление о создании постоянной выставки об участии комсомола в Великой Отечественной войне (РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1–3). В октябре 1943 г. комиссия (позднее – сектор) по организации этой выставки вошла в состав отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32). Вероятно, именно в этом идеологическом потоке был создан в 1942 г. рукописный сборник детских свидетельств «Слушай нас, Родина» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 95). В.Г. Безрогов выдвинул достойную внимания гипотезу, что такие кампании по сбору детских воспоминаний-рассказов об опыте войны могли быть прекращены еще до 9 мая 1945 г. в связи с потерей в них пропагандистской надобности. В таком случае сочинения краснодарских школьников могли быть одними из последних среди написанных в период войны. Пока остается неизвестным, имелось ли централизованное распоряжение о начале и завершении опросов и написания сочинений, и на какую территорию страны оно распространялось. – *А.Р.*

¹⁷ ГАКК. Ф. Р-889. Оп. 3. Д. 6. Л. 12об. Тетради и чернила в годы войны относились к категории дефицитных школьных принадлежностей. По воспоминаниям моей мамы, на Кубани, особенно в сельских школах, письменные задания при отсутствии тетрадей выполнялись на полях и между строками старых книг, журналов, газет. Дефицит чернил компенсировался изготовлением суррогата из бузины, размешанной в воде печной сажи и других естественных красителей. Примерами письма на страницах книг являются некоторые сочинения школьников ст. Григорьевской Северского р-на Краснодарского края, написанные в апреле 1945 г. (ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 41. Л. 5, 8-8об., 11-11об.; Ф. Р-889. Оп. 3. Д. 7. Л. 9).

ла свой труд «домашней работой». Изредка встречаются и другие варианты: «работа», «домашнее задание», «контрольная работа», «сочинение». Несмотря на общность заданной темы некоторые школьники вместо заголовка «Мои переживания во время оккупации» писали «Наши переживания», «Мои личные переживания», «Мои переживания и чувства», «Мои воспоминания», «Что я переживала», «Зверства немцев». Иногда школьники добавляли локус проживания в конце названия темы – «г. Краснодара», меняли смысловое окончание: «эвакуации» вместо «оккупации» и т.д. Эти штрихи указывают на некоторую степень свободы и ученической самостоятельности при выполнении данного задания. В большинстве работ не упоминался предмет, по которому выполнялось задание. Только в некоторых работах дисциплина указывалась: литература или русский язык.

Складывается впечатление, что школьники понимали *неординарность* данного домашнего задания (хотя анализ текстов сочинений не позволяет с уверенностью утверждать, что все работы выполнялись *дома*, а не в классе под руководством преподавателя, пусть и косвенным). Выполняя работу по заданной теме, учащиеся не могли не осознавать, что сочинение придется сдавать на проверку учителю. Значит, у них изначально (осмысленно или подсознательно) складывалась внутренняя установка не просто изложить свои переживания, а написать работу «*правильно*». Свою «правильность» им нужно было презентировать во всех смыслах: идеологическом, орфографическом, стилистическом и оформительском. Это обстоятельство ограничивало степень их творческой свободы намного сильнее по сравнению с детьми русского зарубежья, писавшими свои сочинения о переживаниях, связанных с Гражданской войной и эмиграцией в начале 1920-х¹⁸.

Почти все изученные мною работы выполнены весьма аккуратно (иногда почти каллиграфическим почерком, характерным для школьного письма того времени). Благодаря этому большинство текстов сочинений легко читается. Несмотря на более высокую степень эмоциональности, присущую работам девочек, даже у них литературные изыски встречаются очень редко. Сочинения мальчиков, как правило, написаны еще более упрощенным языком. Только единичные работы имеют эпиграф. В целом орфографический и стилистический уровень работ сравнительно высок для того времени, хотя нередко можно обнаружить едва заметные следы корректировки правописа-

¹⁸ См.: Дети русской эмиграции: книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники / сост. Л.И. Петрушева; под ред. С.Г. Блинова, М.Д. Филина. М., 1997.

ния учителем (либо учеником – очевидно, с подачи педагога), особенно по части пунктуации¹⁹.

Несмотря на то, что жанр школьных сочинений обычно предусматривает наличие плана работы, только половина изученных сочинений 1945 года содержит план. В работах девочек план встречался чаще, чем в работах мальчиков. По тому, как план конструировался учащимися, можно сделать вывод, что школьники были относительно самостоятельны в его структурном построении. В среднем план сочинения состоял из 6–7 пунктов. Встречались планы, состоящие всего из двух – трех пунктов. Иногда количество пунктов в плане доходило до 10–12 и более. Как правило, пункты плана в таких работах не имели подробного отражения в тексте сочинения, из чего можно заключить, что некоторые ученики конструировали свою работу таким образом, чтобы формально выполнить задание учителя в ущерб содержательной стороне сочинения.

Приступая к анализу содержания школьных сочинений 1945 года, полагаю необходимым уделить особенное внимание учету конкретно-исторического («внешнего») контекста и возрастных особенностей авторов нарративов (контекста «внутреннего»).

Исторический контекст: оккупация Краснодара

История появления изучаемых в этой статье нарративов непосредственным образом связана с шестимесячным периодом оккупации г. Краснодара. Столица Кубани была захвачена на 414-й день войны, 9 августа 1942 г.²⁰, частями 17-й армии вермахта под коман-

¹⁹ По данным крайоно, в 1-м полугодии 1945/46 уч. года в одиннадцати 7-х классах Кагановичского р-на Краснодара 336 учащихся сделали в диктанте 1049 морфологических ошибок (в среднем по 3 на ученика). Почти половина всех работ (48%) была оценена на «удовлетворительно», 27% – «неудовлетворительно», и только 25% были отмечены на «отлично» и «хорошо». Результаты по изложению были немногим лучше. Типичными ошибками в изложении было правописание местоимений и частиц, безударных гласных, причастий, смешение 1-го и 3-го лица, бедность языка, замена прямой речи косвенной. Сочинения 10-классников характеризовались неполным раскрытием темы или отклонением от нее. (ГАКК. Ф. Р-889. Оп. 3. Д. 7. Л. 6). Как правило, проанализированные в статье сочинения не оценивались учителями. Однако в некоторых работах из 39-й мужской школы учитель не только проверял сочинения на грамотность письма, но и выставял оценки красными чернилами (порой с комментариями – «небрежно» и т.п.).

²⁰ В сводках Совинформбюро об оставлении Краснодара было сообщено только 19 августа.

дованием генерал-полковника Р. Руоффа²¹ совместно с зондеркомандой СС-10А²², возглавляемой обер-штурмбаннфюрером СС доктором К. Кристманом²³.

²¹ Руофф (*Ruoff*) Рихард (1883–1967), ген.-полк. вермахта. Участник 1-й мир. войны. После начала 2-й мир. войны командовал корпусом. С июня 1941 г. в составе гр. армий «Центр» воевал на сов.-герм. фронте. С янв. 1942 г. команд. 4-й танк. армией, с июня – 17-й армией (в составе гр. армий «А»). В период наступления на Кавказ летом – осенью 1942 г. в состав 17-й армии вермахта входили пять пех. див., две горнострелк. див., румынская кав. див., словацкая охран. див., отд. кав. части, сформированные из казаков и других граждан СССР, 1-я и 4-я румынские горнострелк. див. (Крымское командование), 454-я и 444-я охран. див. (двухполкового состава без артиллерии), 381-я учеб. див. По некоторым данным, захватив в авг. 1942 г. Краснодар, Руофф заявил японскому военному атташе: «Ворота Кавказа открыты. Близится час, когда германские войска и войска вашего императора Хирохито встретятся в Индии». В янв. 1943 г. в связи с наступлением советских войск на Кавказе и Кубани Руофф оставил опорные пункты на Кавказе и ушел на Кубань. Войска Руоффа сумели предотвратить окружение, но понесли тяжелые потери. В июле 1943 г. он был заменен генералом Э. Йенеке и назначения до конца войны уже не получил. 17-я армия была уничтожена в июле 1944 г. в Крыму, затем вновь сформирована (см.: URL: <http://www.hrono.info/biograf/imena.htm> (дата обращения: 10.06. 2009); URL: <http://ru.wikipedia.org/w/index.php?title> (дата обращения: 10.06.2009); URL: http://www.victory.mil.ru/books/memo/vyskubov_sp/index.htm (дата обращения: 10.06.2009)).

²² Зондеркоманды (*Sonderkommando* – спец. отряд) СС (*Schutzstaffel* – охран. отряды) в нацистской Германии занимались непосредственным истреблением людей. В командах имелись специалисты по всем видам смерти: по расстрелу, повешению, удушению в газовом автомобиле, по заталкиванию в душегубку и закапыванию трупов. Вслед за немецкими фронтовыми частями зондеркоманды входили в города, проводили несколько молниеносных акций: регистрацию и расстрел всех евреев, цыган, членов семей советского и партийного актива; затем начиналась повседневная «служба смерти» – выявление и ликвидация коммунистов, комсомольцев, подпольщиков, партизан, уничтожение больных, престарелых и вообще «сведение численности населения до минимума». Одной из таких команд была зондеркоманда СС-10А, оставившая свой кровавый след в Крыму, Мариуполе, Таганроге, Ростове, Краснодаре, Ейске, Новороссийске, а затем в Белоруссии и Польше. Зондеркоманда СС-10А была создана в июне 1941 г., расформирована в июле 1943 г.. Действовала в зоне ответственности 171-й пех. див. вермахта и XXX арм. корп. В Краснодаре она располагалась на углу ул. Орджоникидзе и Седина, в бывшем здании «Севкавжирмасло». Офицерами зондеркоманды были преимущественно немцы, прошедшие особую подготовку в Германии и накопившие «опыт» в борьбе с антифашистами. В СС вначале набирали только высоких мужчин арийского происхождения 25–35 лет,

знавших свое происхождение до пятого колена. Затем это требование стало относиться только к *Allgemeine-SS* (общие СС). В качестве рядовых в команду СС-10А входили также изменники Родины, перебежчики и лица, завербованные на оккупированной территории или в лагерях для военнопленных. Вместе с немцами и под их руководством они принимали непосредственное участие в массовых казнях, операциях против партизан, облавах, арестах, а также несли конвойную и охранную службу.

По данным УФСБ по Краснодарскому краю, кроме зондеркоманды СС-10А в Краснодаре дислоцировались и другие спецслужбы: Абвергруппа-102 (ул. Седина, 7, 10, 11, 29), Абвергруппа-301 (Горького, 65, 66; Ворошилова, 32; Коммунаров, 12), Марине Абвер айнзатцкоманда (Комсомольская, 44; Седина, 8), разведорган «Дромедар», подразделения СД (*Sicherheitsdienst* – служба безопасности), ГФП (*Geheimefeldpolizei* – тайная полевая полиция), фельджандармерии. В июле 1943 г. в только что освобожденном Краснодаре состоялся первый в истории судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников (Гинзбург Л.В. Бездна. М., 1967. С. 18–20, 27–29; Залесский К.А. Охранные отряды нацизма: полная энциклопедия СС. М., 2009. С. 300; Гришин И.А., Емельянов М.Г. Советско-германский военный словарь. М., 2009. С. 167, 168; Екатеринодар-Краснодар... С. 596, 602, 613, 614; ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1396. Л. 30; Суворова Н.Н. Город Краснодар в период временной оккупации // Краснодар в годы Великой Отечественной войны: сб. статей и документов / сост. А.Г. Бурмагин, Ю.Г. Бузун. Краснодар, 2008. С. 130; Кубанская ЧК: Органы госбезопасности Кубани в документах и воспоминаниях. Краснодар, 1997. С. 198; Майоров Н. Краснодарский процесс // URL: <http://www.molodguard.ru/heroes45.htm> (дата обращения: 08.04.2009); Зондеркоманда СС-10А // URL: <http://eysk.net/history.htm> (дата обращения: 08.04.2009).

²³ Кристман (*Christmann*) Курт (1907–1987), рук. сотрудник гестапо, оберштурмбаннфюрер СС, воен. преступник. В 1922 г. поступил в юнгштурм «Адольф Гитлер», участник «Пивного путча». Д-р права. С 1933 г. в НСДАП. В 1933-м вступил в СС, в 1934-м – в СД. До 1938 г. служил референтом по вопросам прессы и марксизма в Гл. упр. имперской безопасности (РСХА). Затем служил следователем гестапо в Мюнхене, Вене, Инсбруке, нач. гестапо в Зальцбурге. С 1 авг. 1942 г. – ком. зондеркоманды СС-10А в составе айнзатцгруппы (*Einsatzgruppen* – оперативные (карательные) группы спецназначения СД) «Д», действовавшей в районе Краснодара. Участник карательных операций. Кристман обожал лично участвовать почти во всех расстрелах и повешениях: казнь ему была дорога как завершение разработанной и осуществленной по его разработке операции. Ближайшими подручными Кристмана были его зам. и по совместительству нач. тюрьмы гауптштурмфюрер СС Карл Раабе и унтерштурмфюрер СС д-р Генрих Герц. Раабе непосредственно руководил расстрелами и повешениями. Д-р Герц, врач зондеркоманды, ведал душегубкой и занимался ликвидацией советских лечебных учреждений и умерщвлении-ем содержащихся там больных. По некоторым данным, он получил патент на изобретение черного порошка (черной жидкости), которым смазывал губы

В городе в кратчайшие сроки были созданы административные органы: военного управления, комендатуры, жандармерии и «гражданского самоуправления» (городская и районные управы)²⁴. Для поддержания «нового порядка» были введены должности участковых старост и специальных уполномоченных – квартальных в каждом квартале и комендантов в каждом доме, подотчетных начальнику полиции. На каждые 100 жителей по штату полагался 1 полицейский²⁵.

В оккупированном Краснодаре было введено «немецкое» (среднеевропейское) время – на два часа позже московского. С первых дней оккупации в городе был введен комендантский час. Передвижение гражданского населения разрешалось вначале до 18.00. Из двух центральных районов города были полностью выселены жители. Освободившаяся жилплощадь предназначалась для размещения воинских частей вермахта²⁶.

Одним из первых мероприятий новой администрации стала регистрация всех жителей Краснодара²⁷. Всюду были расклеены приказы о регистрации безработных от 14 до 60 лет на бирже труда и о регистрации лиц от 50 до 60 лет. Все зарегистрированные должны были отмечаться по вторникам и субботам²⁸.

арестованным детям. Смерть якобы наступала мгновенно в четырех случаях из десяти. С июля 1943 г. Кристман возглавляет отделение гестапо Клагенфурта (Австрия), затем – Кобленца (Германия). В мае 1945 г. интернирован, не был опознан и в 1946 г. освобожден. До 1948 г. под фамилией Ронда работал в британских оккупац. органах. В 1948 г. эмигрировал в Рим, затем в Аргентину. В 1956 г. вернулся в Германию, работал в маклерском бюро. В нояб. 1979 г. арестован по обвинению в причастности к убийству 105 чел. в Краснодаре. В дек. 1980 г. приговорен судом к 10 г. тюрем. заключения (Гинзбург Л.В. Указ. соч. С. 29–62; Залесский К.А. Указ. соч. С. 317; Айнзатцгруппы полиции безопасности и СД // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki.htm> (дата обращения: 08.04.2009).

²⁴ Екатеринодар-Краснодар... С. 595.

²⁵ Суворова Н.Н. Указ. соч. С. 131.

²⁶ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1396. Л. 27, 28. По свидетельству очевидцев, срок начала действия комендантского часа неоднократно менялся в сторону сокращения разрешенного времени для передвижения. Накануне отступления немцев из города он начинался в 12.00 дня.

²⁷ По данным регистрационного отдела горуправы, в сент. 1942 г. в Краснодаре проживало 151 024 чел., из них детей до 14 лет – 41 559 чел., мужчин и женщин до 50 лет – 80 703 чел., свыше пятидесяти лет – 28 762 чел. (Суворова Н.Н. Указ. соч. С. 133).

²⁸ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1396. Л. 27, 28.

Регистрация населения проводилась по трем спискам: список № 1 включал постоянных жителей города с довоенного периода, за исключением «политически неблагонадежных» (коммунисты, евреи, партизаны, красноармейцы и др.); в списке № 2 регистрировали тех, кто прибыл после начала войны. Мужчины и женщины после 16 лет, внесенные в оба списка, получали временные удостоверения, а имевшие паспорта – особую отметку на двух языках. В «особый список № 3» вносились все «политически неблагонадежные», крупные уголовники и их семьи. Этот список не оглашался. Занесенные в него люди подлежали последующему аресту и уничтожению, чем занималась зондеркоманда СС-10А²⁹.

В оккупированном Краснодаре периодически проводились облавы с целью оперативной проверки населения на предмет благонадежности, а также для принудительной отправки в Германию в качестве рабочей силы. Первый эшелон с «остовцами» (по нацистской версии – «добровольцами» из молодежи) отбыл из Краснодара в Германию в декабре, лишь на пятый месяц оккупации. Принудительная отправка в Германию мирных жителей носила особенно жестокий и массовый характер при отступлении немцев. Точная статистика по Краснодару нам неизвестна, но всего по краю было угнано в Германию 130,5 тыс. чел., из них более 81 тыс. женщин и свыше 38 тыс. детей в возрасте до 16 лет³⁰.

Оккупационные власти опасались эпидемий среди своих войск, поэтому серьезное внимание ими уделялось санитарно-эпидемиологической профилактике среди населения. Так, все дети от 1 года до 12 лет прививались от дифтерии. Для предотвращения распространения инфекционных болезней среди немецких солдат руководителям предприятий и учреждений, частным домовладельцам предписывалось производить уборку улиц, дворов, колодцев и других мест общего пользования два раза в день, а на центральной улице Красной – три раза. Запрещалось разливать помой и другие жидкие отбросы во дворах и на улицах, содержать в центральной части улицы Красной свиней и рогатый скот (что для довоенного Краснодара было характерным явлением)³¹.

²⁹ Екатеринодар-Краснодар... С. 596; Суворова Н.Н. Указ. соч. С. 133.

³⁰ Суворова Н.Н. Указ. соч. С. 136, 140. Граждане, задержанные во время облавы и не имевшие при себе учетной карточки о регистрации на бирже труда о работе или болезни, подвергались риску быть уничтоженными в душегубках.

³¹ Суворова Н.Н. Указ. соч. С. 139.

Между тем жители города на протяжении всего периода оккупации ощущали острую нехватку продуктов питания, воды и топлива, что неблагоприятно сказывалось на санитарно-эпидемиологической обстановке и здоровье населения. Было введено платное медицинское обслуживание, за исключением доставки в больницу каретой скорой помощи и предоставления медицинских услуг малоимущим слоям населения. В городе были открыты частные магазины, рестораны, закусочные. Однако цены на продукты питания и услуги были высокие, несмотря на попытки новой администрации регулировать их. Отсутствие продуктов питания и товаров первой необходимости привело к широкой спекуляции и натуральному обмену. Среди местного населения стало быстро развиваться кустарничество (пошив одежды, обуви, выпечка хлеба, шорно-седельное, бондарное производство и др.), особенно поощряемое новой властью при условии выполнения заказов вермахта³².

Новая администрация пыталась наладить культурную жизнь оккупированного города, однако в тех условиях это было непосильной задачей. В тяжелом положении оказались учреждения образования. Значительная их часть пострадала от артобстрелов и бомбежек, школьное оборудование было разграблено или уничтожено немецкими и румынскими солдатами. Практически все учебные заведения города были заняты немецкими учреждениями или воинскими частями. Часть школ превращена в казармы, госпитали, конюшни³³.

³² ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1396. Л. 20, 27; Суворова Н.Н. Указ. соч. С. 136, 137. Если по прейскуранту, утвержденному властями в сентябре 1942 г., цена 1 кг мяса устанавливалась в пределах 11–15 руб., то в декабре 1942 г. рыночная цена 1 кг мяса составляла 180–220 руб. 1 кг хлеба стоил 100–120 руб., 1 кг сливочного масла – 900–1000 руб., 1 л молока – 60–80 руб., 1 л подсолнечного масла – 250–300 руб., десяток яиц – 250–300 руб. При этом рабочим платили 1 руб. в час, мастерам – 2,5 руб. По воспоминаниям краснодарки Н.В. Гоголевой, «разменной монетой было блюдечко муки. Ходили пешком в станицы, меняли оставшиеся тряпки. Иногда удавалось выменять кусочек сала или десяток яиц» (Суворова Н.Н. Указ. соч. С. 137).

³³ В школе № 2 (ул. Ленина, 34) размещалась биржа труда, в школах № 3 (ул. Коммунаров, 133), № 13 (ул. К. Либкнехта) и № 28 (ул. Чапаева, 71) оккупанты устроили казармы; в зданиях школ № 14 (ул. Северная), № 20 (ул. Шевченко, 2), № 46 (ул. Пионерская, 28) и др. размещались немецкие конюшни (Суворова Н.Н. Указ. соч. С. 140; ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1337. Л. 1-5).

Школы Краснодара в период оккупации не работали³⁴. Управление культуры готовилось открыть гимназию и восьмилетнюю школу, однако дальше неудачных попыток составления учебных программ проект не продвинулся. Не эвакуированные дети школьного возраста вынуждены были заниматься спекуляцией, выполнением мелких услуг (чистка сапог, работа носильщиком). Из 801 школьного учителя, зарегистрированного гороно накануне оккупации, в оккупированном городе осталось 599 человек. Только 61 из них удалось найти работу – от чиновника горуправы и домоуправления до лаборанта и уборщицы (более половины учителей работали в качестве технического персонала). Преподавательская деятельность официально была разрешена только десятерым. К преподаванию не допускались евреи и коммунисты. Оставшиеся без работы преподаватели просили разрешения горуправы на частное репетиторство, но чаще всего получали отказ. Некоторые, как А.Н. Шостак, нелегально занимались обучением детей на дому, рискуя жизнью³⁵.

В то же время городская управа дала разрешение на открытие музыкального училища и детской музыкальной школы, хозрасчетных курсов по изучению немецкого языка при Краснодарском институте виноградарства и виноделия. В здании драмтеатра была устроена фронтовая сцена для немецких военнослужащих с репертуаром, состоявшим из варьете, драм, комедий и оперетт. Для немцев работали и артистические бригады, в том числе хор кубанских казаков, украинский театр с национальной программой. Возобновила свою работу контора «Кинопрокат». В кинотеатрах города демонстрировались советские фильмы, не несущие идеологической направленности («Музыкальная история», «Антон Иванович сердится», «Дети капитана Гранта», «Огни большого города», «Маскарад» и др.), немецкие киноленты в жанре мюзикла и мелодрамы. Перед показом картин в обязательном порядке демонстрировались пропагандистские киножурналы «Еженедельное обозрение» о победоносных успехах нацистской Германии и ее фюрера³⁶.

³⁴ По воспоминаниям моей мамы, в 9-летнем возрасте вывезенной из Краснодара в близлежащую ст. Старокорсунскую и там пережившей оккупацию, обучение детей в станице некоторое время продолжалось только по программе начальной школы, с обязательным изучением Закона Божьего. – *А.Р.*

³⁵ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1396. Л. 20; ГАКК. Ф. Р-889. Оп. 3. Д. 6. Л. 40; Суворова Н.Н. Указ. соч. С. 140).

³⁶ Суворова Н.Н. Указ. соч. С. 141, 142; ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1396. Л. 27).

Фашистская оккупация сопровождалась жестоким террором и репрессиями против мирного населения. По официальным данным, за период оккупации погибло насильственной смертью около 13 тыс. краснодарцев (примерно каждый двенадцатый на тот момент житель города). Примерно половина всех жертв была уничтожена отработанными газами душегубок³⁷. За два дня – 21 и 22 августа 1942 г. – гитлеровцы истребили почти всех евреев, проживавших в городе. Уцелели единицы. 23 августа 1942 года было уничтожено 320 больных, находившихся на излечении в краевой психолечебнице. 13 сентября 1942 г. в душегубке были умерщвлены 42 ребенка, находившихся на излечении в краевой детской больнице³⁸. Накануне отступления из города фашисты, сняв маску «освободителей», открыто совершали казни и грабежи. В скверах, на базарах и центральных улицах Краснодара нацисты повесили около 80 человек. Были уничтожены сотни советских военнопленных из многочисленных лагерей, размещенных в черте города. Специальные команды немецких спецслужб жгли, взрывали зда-

³⁷ Миф о том, что именно в Краснодаре фашисты впервые применили душегубки, тиражируется в кубанской региональной историографии и популярной литературе десятки лет. На самом деле газваген (*Gaswagen*), или «душегубка», впервые был применен в Польше зондеркомандой Рудольфа Ланге в 1939–1940 гг. Первые газвагены на территории СССР получила айнзатцгруппа «Б», действовавшая в Центральной России и Белоруссии. Всего действовало около 30 душегубок, преимущественно в Белоруссии и Украине. Газваген представлял собой фургон с герметично закрытым кузовом, в который была выведена трубка для выхлопа. Через 10–15 мин. после запуска двигателя у находившихся в этом кузове людей наступала мучительная смерть от удушья и отравления. В годы 2-й мировой войны использовалось 2 типа газвагенов: 3-тон. на 50 чел. и 5-тон. на 70 чел. С их помощью было уничтожено от 250 до 300 тыс. чел., преимущественно евреев. В Краснодаре душегубки прозвали «баней», т.к. при посадке жертв раздевали и объявляли, что везут в баню. Начиная с осени 1942 г., газвагены в Краснодаре «работали» по нескольку раз в неделю, а с янв. 1943-го – по 2–3 раза в день. О применении немецкими войсками газвагенов стало широко известно в 1943 г. после первого в СССР суда над участниками преступлений против человечества, совершенных на территории Краснодарского края, где ок. 6700 гражданских лиц были убиты путем отравления газом в «душегубках» или замучены и расстреляны. Возможно, это обстоятельство и послужило основанием для создания мифа о «краснодарском дебюте» душегубок (Залесский К.А. Указ. соч. С. 287, 288; ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1396. Л. 17, 37; Екатеринбург-Краснодар... С. 598, 599; СС в действии: документы о преступлениях СС / пер. с нем. М., 2000. С. 510).

³⁸ Майоров Н. Краснодарский процесс // URL: <http://www.molodguard.ru/heroes45.htm> (дата обращения: 08.04.2009).

ния школ, учреждений культуры, жилые помещения. После освобождения города 12 февраля 1943 г. в противотанковых рвах было обнаружено около 9 тыс. трупов горожан, еще около 300 человек сгорело заживо в подвале гестапо при отступлении немцев из Краснодара.

После 186 дней оккупации город представлял собой руины. Гитлеровцами были разрушены и сожжены 807 зданий, включая 420 крупных³⁹. Были разрушены здания всех институтов, техникумов, 19 школ (из 39), драмтеатр, театр музкомедии, Дом колхозника, Дом Красной Армии, исторический музей, Дворец пионеров, 4 больницы, 20 детских яслей, гостиница «Европа», 613 жилых домов. Нацисты разграбили и сожгли книжные фонды библиотек – Юридической, крайкома партии, Кубанского пединститута. На 60% сократился книжный фонд краевой библиотеки им. Пушкина. От книжного фонда библиотеки пединститута в четверть миллиона томов, включая уникальные издания XVI–XVIII вв. из Межигорского монастыря, осталась груда пепла. Книги из школьных библиотек использовались для растопки и в качестве подстилки⁴⁰.

Сразу после освобождения города, несмотря на продолжающиеся до октября 1943 г. налеты германской авиации, началось восстановление разрушенного хозяйства и налаживание мирной жизни, включая возобновление деятельности учреждений народного образования. На 1 января 1945 г. в городе работали 32 начальные, неполные средние и средние школы, в которых обучалось 19 780 школьников⁴¹.

³⁹ Екатеринодар-Краснодар... С. 595–611; Кубань, опаленная войной (о жертвах и злодеяниях захватчиков на территории Краснодарского края, временно оккупированной в 1942–1943 гг.). Краснодар, 2005. С. 28–32. Следует уточнить, что ок. 40 крупных и средних предприятий (заводы «Октябрь», «Краснолит», им. Седина, ЗИП, нефтеперегонный, компрессорный, кожевенный, мясокомбинат, электростанция, водопровод и др.) из общего списка разрушенных были уничтожены сотрудниками НКВД перед оставлением города 9 авг. 1942 г.

⁴⁰ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1396. Л. 19; Д. 1337. Л. 1–5; Суворова Н.Н. Указ. соч. С. 146, 147; Колотинский П.Н., Роговской П.А., Марков Н.П. 25 лет Краснодарского государственного педагогического института (1920–1945) / под ред. А.А. Карпеко. Краснодар, 1946. С. 20, 21. Только гражданский подвиг (за вынос книг из библиотеки полагалась смертная казнь) заведующей фундаментальной библиотекой Кубанского мединститута С.Г. Тер-Оганян позволил спасти от гибели ок. 120 тыс. томов книг, включая личную библиотеку и архив профессора С.В. Очаповского.

⁴¹ Екатеринодар-Краснодар... С. 618. Часть школ и классов размещалась в приспособленных помещениях, жилых домах. Отмечалось фактически полное отсутствие школьной мебели, недостаток учебников и письменных принадлеж-

Часть этих учащихся явилась авторами исследуемых в данной статье сочинений, фактически ставших одними из первых массовых свидетельств о периоде оккупации города⁴².

Возрастные особенности детской памяти

Обращаясь к анализу детских свидетельств о войне, важно учитывать особенности возрастной психологии детей на момент фиксации мемуаров, историческую дистанцию между событием и его фиксацией в мемуарах, а также степень влияния взаимодействия ребенка со значимыми взрослыми на формирование детской автобиографической памяти. Эти факторы являются ключевыми при исследовании социальных механизмов трансформации детской памяти о войне и анализе источников детских воспоминаний о ней.

Рассматриваемые здесь источники детских воспоминаний принадлежат не взрослым, вспоминающим свое детство. Это детские воспоминания-свидетельства о событиях двухлетней давности, о своем прерванном войной детстве. Это актуализированная репрезента-

ностей, низкие температуры в школьных помещениях зимой. В ряде школ дети писали стоя. Как правило, классы были вдвое перегружены, занятия проводились в две–три смены. Вечером в этих зданиях занимались учащиеся школ рабочей молодежи. (ГАКК. Ф. Р-889. Оп. 3. Д. 6. Л. 12, 24, 28, 36). Реальные условия обучения затрудняли пунктуальное исполнение Устава общеобразовательной школы 1944 г. (см.: Городок в табакерке: Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890–1990): антология текстов «Взрослые о детях и дети о себе» / сост. В.Г. Безрогов [и др.]. Ч. 2. 1940–1990. М.-Тверь, 2008. С. 55).

⁴² Авторы сочинений, хранящихся в ГАКК, являлись учениками преимущественно двух школ – 45-й жен. и 28-й муж., изредка встречаются работы учеников 39-й муж. школы. С 1 сент. 1943 г. в большинстве краснодарских школ введено раздельное обучение мальчиков и девочек (Екатеринодар-Краснодар... С. 615). 28-я муж. (ул. Чапаева, 71) и 45-я жен. (ул. Казачья, 10, Коммунаров, 99) школы относились к Кагановичскому р-ну Краснодара. 39-я муж. школа находилась в Красногвардейском р-не. Здание СШ № 28 (которое она разделяла с начальной школой № 15) было специально построено в 1912 г. под гимназию. Оно сгорело во время войны, но уцелело старое здание и половина школьного оборудования. Здание 45-й школы по ул. Казачьей, 10, также сгорело. В 1945 г. школа была размещена в приспособленном под учебное заведение здании по ул. Коммунаров, 99, существующем с 1910. Здание 39-й школы также сгорело. В 1945 г. школа занимала верхний этаж детского сада, на нижнем этаже размещался военный госпиталь. Часть классов этой школы размещалась в СШ № 41. (ГАКК. Ф. Р-889. Оп. 3. Д. 7. Л. 18; Д. 44. Л. 1-2об.; Д. 57. Л. 1-2об.; ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1337. Л. 2, 3).

ция ностальгических представлений о «беззаботной» и «счастливой» жизни «до». Это не просто временной интервал в два года, сам по себе значительный в подростковом возрасте. Между подростками, пережившими кровавые ужасы войны, и описывавшими пережитое – дистанция их стремительного возмужания. Война сделала их переход от одного «интервала самоидентичности» к другому взрывным, одномоментным⁴³. Эти дети смотрели на свое вчерашнее «прошлое» глазами того «настоящего», в котором они находились в момент воспоминаний о былом двухлетней давности, и выбирали из памяти те события и образы, которые им казалось «осмысленным помнить»⁴⁴.

Сочинения писали подростки в возрасте примерно 13–15 лет. Значит, в период оккупации многие из них были 11–13-летними детьми, только вступавшими в пору отрочества⁴⁵. Из теории возрастной психологии известно, что в данный период для подростков характерна имитация поведения значимых взрослых, обращенная в первую очередь на *внешнюю* сторону. Общение со сверстниками приобретает исключительную значимость: в своей среде подростки учатся рефлексии на себя и на ровесников. В этом возрасте школа начинает формировать оторванный от непосредственной ситуации абстрактный способ мышления, обусловленный отделением слова от обозначаемой вещи и повседневной действительности⁴⁶.

Благодаря развитию письменной речи подростки постепенно инкорпорируются в новую социальную реальность, где слова начинают выступать отдельно от обозначаемых ими вещей. Выработываемое формальное мышление позволяет подростку действовать в логике рассуждения, не связывая себя с конкретной ситуацией. Как правило, подросток уже научается к этому возрасту управлять своим вниманием и произвольным запоминанием.

⁴³ Нуркова В.В. Указ. соч. С. 175.

⁴⁴ Вельцер Х. История, память и современность прошлого: память как арена политической борьбы // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 62.

⁴⁵ В школу в довоенный период дети начинали ходить с 8 лет. После освобождения Кубани от оккупантов во многих населенных пунктах края пропущенный период обучения был наверстан по ускоренной программе (два класса за один год). Из-за большой мобильности состава учащихся в связи с возвращением школьников из районов эвакуации и мест принудительного труда в Германии, в классах послевоенных лет учились разновозрастные дети. – А.Р.

⁴⁶ Бруннер Дж. Психология познания. М., 1977. С. 352, 353.

С 13 до 15–16 лет наблюдается быстрый рост памяти, перестройка ее от доминирования механического запоминания к смысловому. Перестраивается и сама смысловая память, приобретая опосредованный, логический характер; в процесс памяти включается мышление. Содержание запоминаемого материала тоже меняется: становится более доступным запоминание абстрактного материала. Память работает на опосредованиях уже присвоенных знаковых систем (например, речи). Воображение в этом возрасте может превратиться в самостоятельную внутреннюю деятельность. Подросток уже владеет действиями воображения: он властвует над временем, имеет свободную обратимость в пространстве, свободен от причинно-следственных связей существующих в реальном пространстве социальных отношений между людьми⁴⁷.

Важно указать на наличие у детской памяти своих «социальных рамок», отличных от взрослых, во многом определяемых активной работой *воображения*. Морис Хальбвакс, описывая особенности фиксации воспоминаний ребенка и устройство механизмов его памяти, отмечал, что «в сознании у ребенка есть свои рамки, привычки, образцы и переживания, иные, чем у взрослого», но без которых он не понимал бы окружающей его действительности. Таким образом, утверждает Хальбвакс, в сознании 12-летнего ребенка «складывается своеобразная концепция мира и людей, приготавливающая его к тому, чтобы с ходу понимать умело сложенный рассказ о приключениях или путешествиях, отождествлять себя с персонажами книги, разделять все их чувства». В этом возрасте детское воображение одновременно и активнее, и свободнее, чем у взрослого человека. Свойственная ребенку чувствительность возбуждает у него «то страх, то надежду, то нетерпение, вообще всевозможные оттенки и крайние формы эмоций, к которым он способен». Восприятие ребенка, игнорирующее социально значимые факты и явления, остро реагирует на столкновение с природными факторами. В отличие от взрослых, дети обращают особое внимание не на социальную принадлежность, а на внешний вид, конкретный облик людей. Именно поэтому «воображение ребенка впечатляют монах или *солдат* – своей рясой или *мундиром*»⁴⁸.

Некоторые психологи 1920-х гг. отмечали у подростков «сбивчивость в хронологической последовательности событий», забывание

⁴⁷ См.: Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: учебник для студ. вузов / 2-е изд., испр. и доп. М., 1998. С. 356–395.

⁴⁸ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 121–131. (Курсив мой. – А.Р.).

фабулы событий, объясняя это эмотивной реакцией на неприятные переживания, вытеснением воспоминаний⁴⁹. Поэтому вряд ли разумно всерьез обсуждать надежность проведения реконструкции исторических событий на основе детских сочинений. Как верно отмечено Виталием Безрозовым, воспоминания никогда не бывают равны действительности⁵⁰, тем более, когда речь идет о детских мемуарах. Личный опыт переживаний во время оккупации репрезентировался школьниками не непосредственно, а через призму детской памяти (пусть и сравнительно «свежей»), со всеми ее абберационными особенностями. Отталкиваясь от положений теории коммуникативной памяти Харальда Вельцера, резонно предположить, что длительный обмен историями, их постоянное модифицирование и переоформление в ходе социальной коммуникации внутри коммеморативных сообществ учащихся краснодарских школ могли способствовать складыванию у всех членов сообщества «примерно одинакового набора примерно одинаковых историй» (что подтверждается проведенным анализом содержания нарративов краснодарских школьников). Как полагает Вельцер, «все эти истории базируются на отдаленно схожих фундаментах личного опыта, однако в деталях зачастую оказываются ложными воспоминаниями, созданными коммуникацией, а не собственно опытом»⁵¹. Не стоит также забывать и о двойной субъективности детских (как и любых иных) воспоминаний: субъективности опыта и субъективности его презентации аудитории⁵².

Стоит согласиться с Аллой Сальниковой, признающей, с одной стороны, высокую степень субъективности воспоминания детей, «свойственный детским текстам фантазийный элемент»; с другой

⁴⁹ См.: Келли К. Как сделаны воспоминания... С. 98. Под эмотивом, эмотивным (от англ. *emotive* – вызывающий эмоции) понимается речевой акт, способ выражения (описания) эмоции, в отличие от эмоции как реакции на внутреннее или внешнее воздействие (от фр. *emotion* – волнение) и эмоционального, вызываемого эмоциями. Об эмотиве см., напр.: Reddy W. *The Navigation of Feeling. A Framework For the History of Emotions*. Cambridge, 2001. P. 128.

⁵⁰ Безрозов В.Г. Архив воспоминаний о детстве как проект по изучению человека // *Философский век: альман. Вып. 21. Науки о человеке в современном мире. Ч. 1.* / отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб., 2002. С. 15.

⁵¹ Вельцер Х. Указ. соч. С. 54.

⁵² Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях / В.Г. Безрозов [и др.]. М., 2001. С. 15, 30. Об источниковедческой дискуссии о субъективности мемуаров см.: *Источниковедение новейшей истории России...* С. 297–299.

стороны – справедливо считающей, что следует четко определить понятийные рамки «достоверности» детских нарративов. По ее мнению, «многие факты, изложенные в сочинениях, требуют тщательной и всесторонней проверки. Если же вести разговор о воспроизводимом детьми *мире собственных чувств, настроений и переживаний*, о детских оценках происходящего, то анализируемый источник в силу своей эмоциональной насыщенности, открытости, непосредственности приобретает особое значение [...] подводит нас к конкретному маленькому (и в прямом, и в переносном смысле) человеку, способному рассказать о Себе во Времени и о Времени через Себя»⁵³.

Из специальной литературы известно, что наиболее достоверным источником детских мемуаров являются «*непосредственные*» («первичные») воспоминания о событиях, которые запечатлелись в детской памяти в связи с их новизной, эмоциональной ситуативной насыщенностью и яркостью. В этом смысле детские воспоминания о войне относительно надежны. К категории «истинных» относятся также «*имплантированные*» воспоминания, возникающие на основе непосредственных в диалоге с теми взрослыми, которые окружали респондента в его детстве. При этом взрослые придают непосредственным воспоминаниям значение и формируют меморативный рассказ. Это обстоятельство является существенным фильтром истинности детских воспоминаний авторов сочинений. Другие два типа воспоминаний – «*фантазийный*» и «*артефактный*» – относятся к категории «ложных» воспоминаний. Фантазийные воспоминания – это нереальные события, которые ошибочно маркируются еще в детстве респондентом как реально случившиеся. Артефактные воспоминания сходны с фантазийными, но конструируются не самим ребенком, а взрослыми⁵⁴.

Часть 2. Анализ нарративов

Всего для анализа мною было отобрано 40 сочинений учащихся краснодарских школ, из которых 31 девичья работа, 9 сочинений написано мальчиками. Из всей «популяции»⁵⁵ (161 сочинение) были сразу исключены 24 работы, написанные учащимися сельских школ –

⁵³ Сальникова А.А. Указ. соч. С. 328, 329. (Курсив мой. – А.Р.).

⁵⁴ Педагогическая антропология... С. 40, 41.

⁵⁵ Термин «популяция», введенный Лоренс Ньюман, тождествен понятию «генеральная совокупность». В данном случае он означает всю совокупность единиц анализа (элементов выборки) – сочинений кубанских школьников, написанных зимой 1945 г. и сохранившихся в фонде Р-807 ГАКК.

ст. Георгиевской Северского р-на и школьниками из Усть-Лабинского р-на, а также сочинения о жизни краснодарских школьников в эвакуации ($161 - 24 = 137$). Оставшаяся совокупность была уменьшена на 9 единиц, являющихся «письмами учащихся», написанными учительской рукой ($137 - 9 = 128$). Еще 15 сочинений были исключены из популяции по техническим основаниям: разрывы текстов, неразборчивость почерка, чрезмерная краткость работ, отсутствие или неразборчивость подписей ($128 - 15 = 113$). Учитывая небольшой бюджет времени, я принял решение ограничить выборку объемом в 40 сочинений, то есть пропорция выборки составила 35% (по 20 сочинений в двух единицах хранения). Выборка работ осуществлялась простым случайным отбором, что обеспечивает ее репрезентативность. Вариант кластерной выборки, кажущейся, на первый взгляд, более оптимальным в данном исследовании, был сразу отклонен, так как не во всех пригодных для анализа сочинениях встречается упоминание классов и школ.

Основным подходом к анализу нарративов был выбран качественный, интерпретативный подход, основанный на «понимающем» прочтении текста. При интерпретации нарративов основное внимание уделялось не описанным школьниками событиям и фактам, а тому, *как* подростки вспоминают и описывают свои переживания, репрезентируют свой опыт, конструируют повествования, и как эти истории соотносятся с «большими нарративами» (культурными нормами того времени). Для преодоления объективных неудобств, связанных с анализом большого количества похожей информации, все 40 сочинений были подвергнуты контент-анализу по «мертоновскому» типу подсчета символов⁵⁶. Подсчет частоты употребления ключевых слов и словосочетаний проводился отдельно для женских и мужских работ, что позволяет интерпретировать их в гендерном аспекте (Приложение 1)⁵⁷.

⁵⁶ Готлиб А.С. Введение в социологическое исследование: качественный и количественный подходы. Методология, исследовательские практики: учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 322–337.

⁵⁷ Совокупное количество слов в обследованных работах – 16 375 (13 114 в женских сочинениях и 3261 – в мужских). Таким образом, общее количество слов в женских нарративах больше, чем в мужских, в 4 раза, хотя количество женских работ только в 3,4 раза превышает число мужских сочинений. В процентном соотношении мужские работы составляют 29% от женских, а удельный вес суммы слов в мужских работах относительно женских составляет 24,9%. Подсчит. мною. – А.Р.

Способы конструирования воспоминаний

Принимая трактовку термина «воспоминание», данную Борисом Дубиным⁵⁸, условимся понимать под воспоминанием некий механизм связи между разными типами времени в рамках одной возрастной группы «детей войны». Такой подход коррелирует с идеей Мориса Хальбвакса о функционировании памяти («рамки», относящейся «к прошлому») только под контролем рассудка (действующего, в свою очередь, «из настоящего»), а также с обоснованием перманентного процесса конструирования/реконструирования прошлого в теории презентизма⁵⁹.

Поскольку достоверно не установлена степень участия учителя и других значимых взрослых (родителей, например) в конструировании сочинений краснодарских школьников, будем исходить из предположения о достаточной степени их свободы в выстраивании своего повествования. Это предположение, возможно, удивит тех, чьи представления о том времени базируются на стереотипах советской идеологии в годы сталинской диктатуры. Разумеется, не исключено, что дети были проинструктированы учителем относительно базовых направлений содержания сочинений. Тем не менее, как отмечалось выше, часть учеников в конструировании своих нарративов существенно отошла от этой структурной «нормы», многие дети по-своему описывают свои индивидуальные опыты. Между тем сама по себе стандартизация набора детских воспоминаний еще не является неоспоримым подтверждением экзогенного влияния на конструирование текстов. Данный феномен можно наблюдать регулярно, когда речь идет о таких сильных переживаниях, как те, что связаны с войной, — будто бы «все участники войны в какой-то период пережили одно и то же»⁶⁰.

Исходя из предположения о некоторой степени свободы конструирования подростками своих воспоминаний, обратим внимание на то, как они (мемуары) выстраивались (при этом не будем забывать об учебном характере нарративов с его известными формальными канонами).

⁵⁸ Дубин Б. Память, война, память о войне // Отеч. записки: электрон. журн. 2008. № 4. URL: <http://www.strana-oz.ru> (дата обращения: 17.01.2009).

⁵⁹ См.: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти... С. 337; Артог Ф. Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени // Отеч. записки: электрон. журн. 2004. № 5. URL: <http://www.strana-oz.ru> (дата обращения: 17.01.2009).

⁶⁰ Вельцер Х. Указ. соч. С. 54.

Подавляющее большинство работ содержат несколько типовых смысловых блоков: 1) сражение за город и оставление Краснодара частями Красной Армии; 2) вхождение вражеских войск и начало оккупации; 3) описание злодеяний нацистов и собственных переживаний; 4) репрезентация надежд на освобождение; 5) бегство врага и приход советских войск. Значительно облегчают анализ нарративов те работы, в которых имеется план. Вот лишь некоторые типичные начальные пункты планов сочинений: *«приближение врага»*, *«Краснодар перед занятием его немцами»*, *«неудачный отдых»*, *«начало войны»*, *«положение Советского государства»*, *«мучительное ожидание»*, *«накануне страшной даты»* и т.д.

Даже из этого краткого перечня видно, что многие учащиеся пытались выстроить свое повествование по хронологическому принципу, отталкиваясь от какой-то исходной точки в их представлениях о пережитом. Примерно так же строились сочинения, не содержавшие написанный план. В то же время были и примеры обратного конструирования: некоторые школьники вначале описывали свои чувства в день освобождения города от фашистов, а затем переходили к последовательному изложению *ab ovo*.

Вряд ли данные исходные точки планов школьных сочинений можно рассматривать в качестве полноценных «якорей» памяти подростков, от которых отталкивались их рассказы. Если исходить из того, что под «якорем» памяти в психологии понимается способность внешнего стимула вызывать цепь ассоциативных воспоминаний⁶¹, то, скорее, само задание по написанию сочинений следует рассматривать как первичное «якорение».

Между тем в процессе воспоминаний и изложения их на бумаге у каждого автора нарратива возникали свои «якоря» памяти, вытекавшие из собственного опыта. Например, Т. Ушакова отталкивается в своих воспоминаниях от контраста чувств, которые она испытала, наблюдая погодные особенности дня оставления города советскими войсками (*«Душно. Жарко. Небо темное, почти черное, покрытое дымом...»*) и дня освобождения (*«...природа будто преобразилась. День выдался теплый, светлый...»*)⁶². Эмилия Медко отстраивает

⁶¹ Коледа С. Моделирование бессознательного: практика НЛП в российском контексте [б. м.], 1999. С. 97, 98.

⁶² ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 42. Л. 29. Здесь и далее все цитаты из сочинений, если это не оговорено отдельно, приведены в соответствии с современной орфографией. – А.Р.

свою работу от эпизода с соседкой Гараниной, женой офицера РККА, которая по доносу была схвачена гестаповцами и повешена. Несмотря на то, что этот эпизод излагается не с самого начала работы, он резко меняет конструкцию рассказа, переводя повествование с общих фраз на конкретные факты. Для Светы Бояринцевой, как и многих других учеников 7 «б» класса 45-й школы, роль «якоря» памяти сыграла мученическая смерть одноклассницы Нади Немцевой, погибшей вместе со своей семьей в душегубке⁶³.

Складывается впечатление, что абсолютное большинство письменных работ школьников строилось вокруг базового паттерна репрезентации детства под условным обозначением «счастливое советское детство, нарушенное войной», или «детство как “утраченный рай”»⁶⁴. По существу, этот паттерн последовательно развивался в ходе повествования в рамках общей модели, логично конструируемой по траектории линейного прогресса от трагедии к хэппи-энду, завершаясь другим паттерном – «детство после освобождения города как «прерванный ад»».

Дети в своих сочинениях довольно редко применяли термины, относящиеся к концепту «память». Этот ключевой для мемуаров термин употреблялся всего 12 раз, еще 2 раза упоминался глагол «помнить». Таким же редким было использование и других категорий памяти: «воспоминания» (4), «вспоминать» (7), «забвение» (1) и «забывать» (5). Возможно, объяснение этому кроется в детском возрасте авторов, когда еще «не принято» оглядываться назад, опираться на прожитое. Харальд Вельцер утверждает, что «память вообще связана не столько с прошлым, сколько с настоящим. Как и все прочие системы памяти, автобиографическая память представляет собой функциональную систему, задача которой – помогать человеку справляться с жизнью в настоящем»⁶⁵. Возможно, что, выполняя задание учителя, школьники, вспоминая, еще и «отчитывались» перед ним о своих прошлых переживаниях, проживая «транзитом» их заново как свое настоящее.

Стоит обратить внимание и на такую особенность конструирования воспоминаний, как их локализация относительно топографических «мест памяти» (этот термин я применяю в его основной, непосредственной коннотации, весьма далекой от постмодернистского

⁶³ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 43. Л. 18об., 19, 23об.

⁶⁴ Педагогическая антропология... С. 29.

⁶⁵ Вельцер Х. Указ. соч. С. 60.

смысла, вкладываемого в него Пьером Нора). Чаще всего работы школьников содержат упоминание слов «город» и «улица», гораздо реже – «двор», «квартира», «базар», и совсем единично – «квартал», «площадь», «район», «река». Вместе с тем при анализе сочинений бросается в глаза почти полное отсутствие конкретных топонимов – названий улиц, площадей, районов города. Например, слово «город» упоминается 286 раз, а «Краснодар» – втрое реже. Названия улиц почти нигде не встречаются, как будто описываемые события происходили в какой-то абстрактной безымянной местности.

Поначалу такая распространенная практика порождала у меня серьезные сомнения насчет фактуальной достоверности детских воспоминаний (к тому же редкость применяемых категорий свидетельских подтверждений вроде «я слышал», «я видела», «мы наблюдали» только подпитывала эти подозрения), но затем я пришел к выводу о том, что одно из объяснений этой загадки можно найти в гендерных особенностях авторов. Некоторые мальчики чаще, чем большинство девочек, указывали конкретные названия мест: *«по улице Красной напротив Центрального сквера был повешен врач. По улице Ворошилова напротив того же сквера был повешен молодой парнишка», «дотла сгорели здание Краевого Драматического театра имени Максима Горького, здание Дворца пионеров», «войска в районах Моздок, Нальчик, Владикавказ опрокинули оборону немцев»*⁶⁶. Но есть и иное объяснение этому феномену: школьники в подавляющем большинстве не ставили себе задачу предстать детальными летописцами событий; исходя из задания свою основную миссию они видели в литературно оформленной репрезентации собственных переживаний во время оккупации.

Анализ сочинений позволяет выделить некоторые психологические позиции их авторов относительно репрезентируемых ими событий. Предлагаемая классификация достаточно условна, и в основе своей отталкивается от преобладающего набора ключевых слов в тексте нарратива. К таким позициям мною отнесены: «очевидец», «участник», «жертва» и «потенциальный мститель».

Текст «очевидца» репрезентирует автора нарратива свидетелем происшедшего (*«я был свидетелем того, как издевался один немец над военнопленным», «когда я выбежал на улицу, то увидел, что здание горит»*). У Жени Кузнецовой отец умер в период оккупации, три

⁶⁶ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 42. Л. 85, 113.

брата сражались на фронте, один из них посмертно стал Героем Советского Союза. Женя свидетельствует о доле, выпавшей на нее, маму и сестру: *«Жилось нам очень трудно, мы ходили по станицам и меняли последние тряпки за кусок хлеба. По пути мы видели, как немцы гнали наших военнопленных, <...> их били плетьюми, которые были уже не в силах идти. Часто идя по дороге, мы видели убитых детей и женщин. В городе я видела повешенных наших людей немцами»*⁶⁷.

Близка к позиции «очевидца» позиция «участника». Основное отличие между ними заключается в том, что «участник» репрезентирует свои активные действия, а не только описывает происходящее (*«я помог раненому красноармейцу», «я была при раскопках в гестапо, оттуда выносили обгорелые кости и трупы и орудия пыток»*). Школьница Золотарева описывает свое участие в тушении пожара накануне прихода советских войск: *«Ночью немцы зажгли институт, который стоит рядом с нами. <...> Ночью он разгорелся так, что это зарево пожарища было видно на большое расстояние. Малейший ветер угрожал смертью. <...> Много мы пережили за эту ночь. Мало того, немецкие звери хотели поджечь нашу квартиру. Они положили под стенку шины от машин, белье, сапоги, и, облив бензином, зажгли. И когда немцы ушли со двора, мы с помощью друзей дворовых затушили огонь, который, к нашему счастью, не успел хорошо разгореться. Это угрожало нам смертью, но немцам было не до этого»*⁶⁸.

Любопытно, что прямых упоминаний «участвовал» и «наблюдал» в текстах не зарегистрировано. Термин «видел» упоминается 22 раза, «смотреть» – 21, «слышал/слушал» – 3 раза. Это вполне закономерно, если учитывать, что авторы были нацелены на описание событий и своих действий и переживаний, а не на презентацию собственной позиции как таковой.

Позиция «жертва» выстраивает свое повествование преимущественно в трагической тональности, сосредоточив основное внимание на описании мучений и лишений, перенесенных лично или своими близкими во время оккупации (*«я находилась в большом ужасе», «хотелось плакать»*). Предположительно, Аня Щербак⁶⁹ так описы-

⁶⁷ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 43. Л. 15.

⁶⁸ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 42. Л. 37об. Предположительно, в сочинении Золотаревой речь идет о поджоге Кубанского сельхозинститута. – А.Р.

⁶⁹ Надпись с фамилией автора сочинения неразборчива. – А.Р.

вает свой драматичный опыт эвакуации из Краснодара: *«За нашей машиной тянулась вереница таких же машин. Мы ехали с госпиталем (но без раненых). Вдруг послышалось жужжание самолета. Я выглянула из машины и ужаснулась: прямо над нашей машиной пикировал фашистский стервятник. Через несколько мгновений завизжала первая бомба, за ней другая, третья, и через несколько минут посыпались бомбы как весенний град. Все слилось в один сплошной гул. Бомбы падали рядом. Я очень испугалась. Это было мое первое боевое крещение. Вскоре самолет улетел, но я еще несколько времени не могла прийти в себя»*⁷⁰.

Позиция «потенциального мстителя», как и все предыдущие позиции, содержала подробное описание злодеяний фашистов, однако в ней превалировало настойчивое желание мстить врагу: *«ответит Гитлер за все злодеяния, причиненные советским людям»; «сердце сжималось и хотелось мстить и мстить»*. Например, Т. Ушакова так описывала свои чувства: *«Было страшно, и противно, и обидно за город, за свой родной Краснодар, за дома, которые теперь были осквернены стоянками немцев. <...> Когда я слышала взрывы [наших] бомб, мне так и казалось, что немцы летят в воздухе, растерзанные взрывами. Я утивалась этой местью, в груди kloкотало, и я думала: “Это за все, за все, за нашу поруганную землю, за наших отцов, братьев”. Душа моя наполнялась гордостью за воздушных мстителей: “Знай наших!”, – вертелось в голове. А на следующий день я так и впивалась в глаза немцам, надеясь найти в них злобу, и торжествовала»*⁷¹.

Стоит заметить, что эти позиции авторов зачастую смешивались в одном и том же сочинении по мере развития школьниками логики своих нарративов. Вместе с тем наблюдается значительное преобладание в сочинениях репрезентированных позиций «очевидца» и «жертвы», что можно объяснить возрастными особенностями авторов нарративов.

«Меня никто не трогал, но чувства свободы не было»

Анализ сочинений позволяет проникнуть в сферу индивидуальных и коллективных представлений школьников о войне и мире, о себе и своей группе, о «своих» и «чужих». Это дает возможность интерпретировать способы конструирования детьми «своего мира» и

⁷⁰ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 42. Л. 26об.

⁷¹ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 42. Л. 29об., 30.

осмысления ими военной действительности, индивидуальной и коллективной идентичностей.

Авторы многих воспоминаний в качестве их субъектов выбрали себя в различных вариациях («я» – 136 упоминаний, «меня», «мне», «мое», «мой» – 40). Примерно такая же картина наблюдается в отношении коллективного субъекта воспоминаний – «мы» (153 упоминания). Причем, в отличие от вышеупомянутого «я», здесь было бы не корректно присоединять термины, производные от слова «наш», поскольку в первом случае они относились всецело к субъекту «я», а во втором случае между «мы» и «наш» выявились существенные различия. Под словом «мы» школьники преимущественно подразумевали свою семью, ближайших родственников, своих друзей, «воображаемое сообщество» краснодарцев и жителей Кубани. Различные вариации местоимения «наш» означали коллективные идентичности более высокого уровня – «наша партия», «наша страна», «наше правительство», «наша Красная Армия» и т.д.

Интересно узнать, как дети конструировали «свой мир» и осмысливали военную действительность, обретали и репрезентировали коллективные идентичности. В автобиографическом дискурсе о пережитом далеко не все школьники очертили круг близких людей как акторов своих воспоминаний. Довольно редкими являются такие фрагменты сочинений: *«Наша семья состоит из четырех человек. Мама работала, дедушка и бабушка хозяйничали дома, я училась в пятом классе»*⁷².

Судя по сочинениям, складывается впечатление, что круг близких у детей был весьма узок. Самый популярный в упоминаниях член семьи «мама» (реже – «мать») назван авторами работ всего 17 раз. «Папа» упоминался почти столько же – 14 раз, но чаще в более строгой номинации «отец». Все остальные родственники – братья, сестры, дедушки, бабушки – относились к еще более редкой когорте упомянутых фамильных статусов. Впрочем, возможно, что многие члены ближайшего семейного круга авторов нарративов входили в коллективную идентичность «мы». Не исключено, что туда же включались и сверстники из ближайшего окружения, иначе трудно объяснить редкость упоминаний в детских сочинениях слов «друг» (3), «подруга» (2), «друзья» (3), «товарищ» (10). Причем последний термин в основном употреблялся авторами сочинений применительно к вождям: «товарищ Сталин» (вариант – «тов. Сталин»), «товарищ Молотов».

⁷² ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 43. Л. 18.

Вместе с тем гораздо чаще упоминаемой в нарративах школьников оказалась категория «социальных отцов». В отличие от таких, казалось бы, наиболее значимых субъектов социального влияния, как Сталин (8), Ленин (2), Молотов (2), «власть» (4), «партия» (2), самым авторитетным социальным «отцом» для школьников (особенно для школьниц) была «любимая», «доблестная» Красная Армия (71) и «красноармейцы» (11). Этот результат наглядно показывает, что реальный и символический «человек с ружьем» в условиях только что ликвидированной угрозы порабощения был для подростков середины 1940-х намного актуальнее, чем воспеваемые в кинофильмах, поэмах и песнях культовые образы вождей.

В сочинениях фактически отсутствует тема детства. Школьники в 1945-м не пишут об играх, детской атрибутике, шалостях и развлечениях, в отличие, например, от сочинений 1920-х гг.⁷³ Несмотря на 21 упоминание о детях, этот термин в основном имел обезличенные, обобщенные коннотации (дети упоминались как *группа* мирного населения наряду с женщинами и стариками). Пожалуй, едва ли не единственной апелляцией к возрасту являются фразы из сочинений двух семиклассниц: Эмилии Медко (*«И вот наступил самый печальный день моего детства. Девятого августа 1942 года в девять часов утра немцы вступили в родной и любимый город Краснодар»*) и Ларисы Изюмской (*«Тяжело было мне покидать город, в котором прошло почти все мое детство»*)⁷⁴. Учащиеся в основном репрезентируют себя в образах жителей города Краснодара, граждан своей страны. Они рассуждают как взрослые.

Вместе с тем детская сущность косвенно проявляется в «оговорках», которые иногда встречаются в текстах. Страхи и потрясения вытеснялись сновидениями: *«И только вместе с ночью наступило маленькое облегчение, так как можно было забыться сном и увидеть день во сне, не соответствовавший действительности. А в общем, вся жизнь была каким-то тяжелым сном. Казалось, вот проснешься, и будет все хорошо, как было раньше, но не просыпаешься, а сон становится все тяжелее»*. Ужасы оккупации ассоциировались со сказками: *«Мучительно, как в страшной сказке, прошли 7 месяцев в жизни краснодарцев»*. Детское ощущение незащищенности вызывало соответствующие реакции: *«...к горлу подступил комок, и я расплакалась»*, *«были*

⁷³ См., напр.: Городок в табакерке... Ч. 1. 1890–1940. С. 275–294; Обыденный нэп... С. 259–322.

⁷⁴ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 43. Л. 18об.

минуты, когда хотелось уйти совсем из города». Столь же по-детски непосредственна и репрезентация реакции после освобождения: «По временам на меня находит какая-то бурная радость, и тогда хочется громко смеяться, прыгать, что было для меня ново после оккупации»⁷⁵.

Тема школы также редко встречается в работах учащихся. В 20 упоминаниях речь идет в основном о разрушенных школьных зданиях и о светлых ожиданиях возобновления обучения после изгнания фашистов из города: *«я не смогла смотреть, когда школа, в которой я проучилась шесть лет, горит», «с болью в сердце я проходила мимо школы, в которой не могла учиться», «я почувствовала, что я буду счастлива и смогу продолжить учебу», «теперь я снова могу учиться в школе, и благодарностью Красной Армии будет моя хорошая учеба», «я опять стала посещать школу и снова была в рядах пионеров»⁷⁶.* Дети совсем не упоминают о тетрадях, учебниках, ручках, чернилах, карандашах, школьных звонках и других атрибутах школы. Редко встречающиеся категории «школьный класс» (3), «учитель» (1) и «каникулы» (1) связаны в основном с упоминанием о жертвах среди одноклассников, о последних каникулах перед оккупацией и перепиской с педагогом.

Не менее любопытна национальная идентичность школьников. В работах практически полностью отсутствуют аббревиатуры «СССР» и «РСФСР», как и термин «Россия». Прилагательное «русский» встречается всего 13 раз. Вполне ожидаемо лидирует в этом ряду термин «советский», обычно в связке с именами существительными: «союз», «власть», «государство», «воины», «родина» и т.д. Примечательно, что многие дети писали слова «родина», «отечество», «союз» со строчной буквы (иногда вместе с прилагательным «советский»), но никто не написал таким образом словосочетание «советская Кубань».

Неудивительно, что в сочинениях отчетливо просматриваются оппозиции «свой»/«чужие», «мы»/«они». Дискурс учащихся о войне и оккупации формировался не только на основе их чувств и субъективного опыта переживаний, но и активно дополнялся официальным дискурсом политической пропаганды.

Одним из фреймов в этом дискурсе, нашедших отражение в школьных нарративах, был паттерн «рабства» («ига»). В данном смысловом контексте метафора «рабства» при оккупантах манихейски противопоставлялась метафоре «свободы» при советской власти. Соответственно, эсхатологическая тема наступления конца свободы при нацис-

⁷⁵ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 43. Л. 29, 29об., 32, 39; Д. 42. Л. 9об.

⁷⁶ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 42. Л. 28об., 37; Д. 43. Л. 10об., 14.

тах оттенялась апелляцией к тысячелетнему мифу о приходе царства добра и справедливости, в которое, очевидно, верили советские школьники (в анализируемых текстах это преимущественно девочки).

Одна школьница очень выразительно передала эти переживания в своем сочинении: *«Меня никто не трогал, но чувства свободы не было. Ведь хозяевами города были немцы. Эта мысль вызывала сознание какой-то униженности. Как будто весь город опутан невидимой колючей проволокой, и оккупант с автоматом в руках недоброжелательно следит за каждым твоим движением. Невыносимо обидно и горько было читать на русских домах и магазинах фразу: “Только для немцев”. <...> Тяжело было чувствовать себя оторванным от жизни, от родины. Ведь не могли мы считать жизнью жизнь в немецком плену. Как хотелось услышать голос Москвы, увидеть родные шинели красноармейцев. Немцы топтали кубанскую землю, и советским людям казалось, что это их душу топчет кованый сапог чужеземца. <...> Однажды я представила себе, что было бы, если бы немцы остались навсегда, и ужаснулась. Тогда не стоило бы жить. Впереди не было бы ничего, о чем мечтает советская школьница. Вместо сияющего будущего – участь рабыни. Ведь немцы видели в русском человеке раба. Нет, советская власть должна вернуться, она не могла не вернуться»⁷⁷.*

Этот фрагмент сочинения дает возможность понять, какие нормы («большие нарративы») существовали тогда в советском общественном сознании. Школьница подчеркивает, что лично ее не притесняли, но она не считала себя свободной в стране, где человек уже не может ощущать себя хозяином «необъятной Родины своей». Бывшие общественно доступные места для всех советских граждан вдруг превратились в эксклюзивные заведения для немцев. Здесь советская норма «человек-хозяин» еще больше приходит в столкновение с действительностью: школьница не просто ощущает себя несвободной в своей стране как советская гражданка, но в ее стране чужеземцы еще и хозяйничают. Таким образом, финал этого фрагмента сочинения репрезентирует комбинированное влияние на советских школьников двух идеологем: «Мы не рабы, рабы – не мы» и «светлого будущего», отождествляемого с торжеством коммунизма.

Складывается впечатление, что совершенно понятное и справедливое в данной ситуации чувство ненависти к «чужим» как к вра-

⁷⁷ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 43. Л. 48об.–49об.

гу существенно затмевало в школьных сочинениях позитивную идентичность «свои». По крайней мере, перечень лексем для обозначения круга «своих» и их смысловые характеристики предстают намного скромнее и менее выражено, чем понятийный круг «чужих».

Если для обозначения «своих» ученики применяли такие обобщенные термины, как «наши» (60 упоминаний), «родной» (48), «свои» (34), «освободители» (22), то «чужие» были представлены в более конкретных образах: «оккупант/оккупация» (46), «враг» (30), «гестапо/СС» (10) и др. Любопытно, что подростки в массе своей называли оккупантов «немцами» (310), а не «фашистами» (29), «гитлеровцами» (18), «фрицами» (5) или «гансами» (0). Это разрушает (по крайней мере, на примере краснодарских школьников) распространенный в послевоенном кинематографе и художественной литературе миф о том, что во время войны советские люди были убеждены, что они воевали не с немецким народом, а с фашизмом и гитлеризмом. Кроме того, этот термин очень часто обыгрывался в еще более ненавистных вариациях: «немчина», «немчура» и т.п.

Стоит в этой связи назвать и другие маркеры для обозначения образа врага. Они достаточно поливариантны и эмоциональны: «захватчики» (13), «изверги» (11), «звери» (11), «грабители» (9), «палачи» (9), «бандиты» (5), «варвары» (2), «выродки» (2), «голодные волки» (4) и т.д. Что касается последнего маркера, то его семантика полностью вписывается в коллективные представления русского народа, транслирующиеся из поколения в поколение. Волк относится к числу типичных русских мифологических зооморфных образов. В русских сказках и баснях он всегда предстает голодным, глупым, жадным, жестоким и беспощадным хищником, признающим только силу⁷⁸. Архетипная проекция этих атрибутов на оккупантов могла в какой-то мере компенсировать у школьников их психоэмоциональное напряжение, связанное с недавними переживаниями, а также укрепить у них веру в правомерность борьбы с фашизмом как воплощением Зла.

Многие сочинения отражают культурный шок, который пережили советские школьники при соприкосновении с другой («чужой») культурой: *«Они с первого же дня стали издавать еще никем не слышанные законы», «улицы наполнились ревом моторов, едким запахом эрзац-бензина и чужой хриплой речью», «немцы топтали Советскую культуру <...> Они... заходили во дворы, ловили домашнюю птицу,*

⁷⁸ Русское культурное пространство: лингвокультуролог. словарь / И.С. Брилева [и др.]. М., 2004. Вып. 1. С. 64, 65.

уводили коров, свиней... неистово хохотали над животными, которых они кололи штыками, старались мычать как коровы, проявляя при этом свою дикость»⁷⁹.

Порой ненавистное отношение к врагу выражалось в очень колоритных образах. Так, школьница Артемова, автор одного из самых интересных сочинений, через метафору лба политика дала любопытные сравнительные характеристики двух вождей: *«Однажды на улице немцы вывесили портрет Гитлера. Я молча смотрела на него. На низкий лоб свисал клочок волос, даже на портрете выражение лица было злое и отталкивающее. Неужели у этого человека со лбом дегенерата могли быть великие мысли? Я вспомнила великолепный лоб Ленина и почувствовала гордость, превосходство перед немцами»*⁸⁰. Здесь мы наблюдаем не только культурную обусловленность рассказа школьницы «большим нарративом» о «великом и простом» вожде всех трудящихся «дедушке Ленине», но также фиксируем применение (разумеется, несознательное) ученицей психологического эффекта «введения управляемого эталона», с помощью которого она выстроила свою воображаемую иерархию вождей. Возможно, таким способом она вытесняла душевную травму, подбадривая себя и наполняя свои чувства позитивными переживаниями.

Контекст войны и его эмотивное воздействие

Эмотивный аспект данной темы настолько интересен и обширен, что требует отдельного изучения, однако на некоторых моментах стоит остановиться подробнее в рамках этой статьи. При анализе «эмоционального репертуара»⁸¹ школьных работ о жизни во время оккупации теоретически я опирался на концепции «эмоционального кодирования» (Николас Фрайда, Батья Месквито⁸²), «эмоционального режима» (Уильям Редди⁸³) и «эмоциональных сообществ» (Барбара Розен-

⁷⁹ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 43. Л. 20об., 60, 62об.

⁸⁰ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 43. Л. 49.

⁸¹ Под эмоциональным репертуаром (реестром) Андрей Зорин понимает набор эмоций, которым располагает человек, «из которого он выбирает то, что он знает, и то, что он идентифицирует как любовь, ревность, испуг, радость, горе и т.д.». (См.: История эмоций: публ. лекция А. Зорина // URL: <http://www.polit.ru/lectures/2004/06/18/zorin.html> (дата обращения: 27.09.2007).

⁸² См.: Зорин А. «Понятие литературного переживания» и конструкция психологического протонарратива: история и повествование. М., 2006. С. 12–27.

⁸³ Reddy W. The Navigation of Feeling... P. 123–129.

войн⁸⁴). Предельно обобщенно можно сказать, что эти теории пытаются объяснить, как люди прошлого идентифицировали («кодировали») происшедшее событие и оценивали его в рамках «нормативных» эмоциональных установок и практик, а также их эмотивов, характерных для определенной социальной группы. Специалистами установлено, что использованию эмоционального репертуара человек обучается благодаря существующим формам культурного обучения, включая литературные тексты. При этом важно учитывать интерактивный характер эмоциональных отношений в рассматриваемом сообществе, а также то, что различные кодировки могут соотносить одно и то же событие с разным кругом представлений и вызывать разные эмоции.

Судя по текстам нарративов, в воспоминаниях краснодарских школьников естественным для данного возраста образом доминирует «память души», или эмоциональная память, функционирующая в режиме эмоционально-чувственного переживания. Современные знания в области теории памяти позволяют предположить, что наиболее эмоционально значимые и субъективно чувственные ситуации и обстоятельства оседали в памяти подростков энграммами (следами), эмоционально и чувственно опосредующими быстроту воспроизведения пережитого⁸⁵. Ссылаясь на мнение американского нейробиолога Джозефа Леду, Вельцер отмечает, что «непосредственное переживание войны и насилия оставляет эмоциональные воспоминания..., очень глубокие, биологически обусловленные и кодированные»⁸⁶.

Не будем забывать, что краснодарские школьники описывали свои переживания *postfactum*, после того, как режим оккупации завершился. Стало быть, вполне резонно полагать, что многие их оценки пережитого и тактики репрезентации эмоциональных реакций были морально сконструированы исходя из осведомленности подростков об итогах оккупационного периода, оставившего глубокие шрамы в их автобиографической памяти, и последующего освобождения города частями Красной Армии. Тем не менее это обстоятельство не умаляет ценности детских описаний пережитого, поскольку позволяет лучше понять «эмоциональные коды» поколения «детей войны».

Проведенный анализ школьных работ позволил выявить наиболее распространенные «мотивы переживаний» детей при оккупации-

⁸⁴ Rosenwein B. Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca; L., 2007. P. 2, 23–26.

⁸⁵ Большая психологическая энциклопедия. М., 2007. С. 317.

⁸⁶ Вельцер Х. Указ. соч. С. 55.

онном режиме: а) мотив страха; б) мотив растерянности и подавленности; в) мотив надежды; г) мотив веры в победу; д) мотив сопротивления врагу. Эти мотивы переживаний, отраженные в сочинениях школьников, не следует воспринимать как дискретные рефлексии, присущие разным авторам. Фактически во всех работах наблюдается комплекс динамично переплетенных мотивов переживаний: начиная с мотивов «страха» (*«мы боялись даже выглянуть во двор»*), «растерянности и подавленности» (*«тяжело было у меня на душе; уходило все родное, надвигалось неизвестное»*), учащиеся обычно переходили затем к мотивам «надежды» (*«мы с нетерпением ждали Красную Армию»*) и «веры в победу» (*«но я знала, верила, что наши придут»*), а некоторые описывали и свои попытки оказывать сопротивление врагу (*«у нас был советский разведчик. Как приятно было помогать ему, зная, что это приблизит приход Красной Армии»*)⁸⁷.

По степени экспрессивности работы учащихся порой существенно разнятся, на что могло влиять много факторов – от личностных особенностей и гендерной принадлежности авторов до состояния детской души во время написания воспоминаний и специфики школьных условий. В то же время при чтении сочинений не складывается впечатление, что большинство авторов нарративов проявляли эмоциональное сдерживание при описании контекста войны.

Судя по результатам контент-анализа, самыми сильными эмоциями у переживших оккупацию школьников были радость (43 упоминания), страх (32), ненависть (29), ужас (25). Любопытно соотношение ощущений счастья (22) и несчастья (2), хотя соотношение эпитетов, характеризующих цветовую/световую гамму, было обратным: черный (17) против яркого (3). Несмотря на сильные переживания во время оккупации, реальную опасность для жизни, потери близких и вышеупомянутое чувство ненависти к врагам, многие дети не выражали желания мстить немцам (всего 15 упоминаний). Радость освобождения вытесняла из памяти минорные переживания. В сочинениях редко встречаются репрезентации таких эмоций, как грусть (3), тоска (3), печаль (2), уныние (3), гнев (3), презрение (1), отвращение (0), в то же время некоторые дети хотели мечтать (6) и гордиться (2). Пережитую оккупацию атеистически воспитанные советские дети совершенно не репрезентировали в категориях «ада» (0) и «рая» (0). Между тем многие отмечали, что им было тяжело (25). Практически все (92%) эмоцио-

⁸⁷ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 43. Л. 10, 18об., 26, 48.

нальные характеристики пережитого содержатся в девичьих сочинениях. Эмотивный спектр в нарративах мальчиков весьма ограничен. В то же время соотношение упоминаний негативных и позитивных эмоций в их сочинениях составляет 12:7 (коэффициент негативности = 1,7), тогда как у девочек 148:69 (коэффициент = 2,1).

Контекст войны в сочинениях представлен сообразно особенностям детских впечатлений и специфике описываемой ситуации. Преобладающими категориями при описании контекста войны являются «плен», «бомбежки», «эвакуация», «окопы», «отступление», «душегубки», «расстрел», «сожжение». Каждая из данных категорий упоминается более 15 раз (уровень выше среднего по данной смысловой единице), а категория «плен» втрое превосходит и этот уровень – 47 упоминаний. Для контраста приведу противоположный полюс терминов: в сочинениях очень редко встречаются такие характерные для военной тематики категории, как «стрельба», «пули», «колонны», «залпы», «канонада», «траншеи», «наступление», «бой» и др. Термины «фугас», «блиндаж», «землянка», «мины», обычные для воспоминаний фронтовиков, здесь вообще отсутствуют.

Такое соотношение упоминаемых терминов можно объяснить тем, что школьники описывали *оккупацию*, воспринятую через *детские* глаза и уши, скорректировав затем в коммеморативном сообществе значимых взрослых и сверстников свое индивидуальное восприятие. Школьники описывали тот контекст оккупированного города, в котором они находились, и который существенно отличался от контекста боя или глубокого тыла. Они чаще видели или слышали о расстреле или повешении горожан, чем об артподготовке либо атаке во время фронтового сражения. Они больше знали о советских военнопленных в немецких лагерях, разбросанных по Краснодару, чем о минах или траншеях.

Между тем посмотрим, как дети эмоционально кодировали реальный для них контекст войны. В значительной части сочинений каждому разделу сюжета соответствуют свои эмоциональные реакции и краски, описывающие переживания. При приближении врага к городу и взятии последнего в основном встречаются ощущения чувства страха и грядущей неизвестности: *«этот день у меня полный переживания»*, *«мне хочется уехать, но выехать из города очень трудно»*, *«[ночь девятого августа] была полна тревог в ожидании чего-то страшного»*, *«хотелось плакать, кричать от горя»*. Наиболее полно описывает свои чувства все та же Артемова: *«На углу стоял человек в*

серо-зеленом костюме, в брюках, заправленных в короткие сапоги. В большой черной каске его было что-то злое. <...> Первый немец... Со смешанным чувством любопытства, страха и еще чего-то, чему я еще не знала названия, смотрела на него. Это не была пока настоящая ненависть. Ведь немцев мы знали только по газетам и книгам. Правда, то, что писалось, вызывало негодование, но на себе мы еще не испытали их власти. Потом немцы наводнили весь город»⁸⁸.

На первый взгляд, это вполне естественные переживания в подобной ситуации. Обратим внимание, что девочка, знавшая немцев лишь «по газетам и книгам», невольно проговаривается про установленный в советской стране эмоциональный режим относительно нацистов («негодование»). Она и миллионы ее сверстников, как и взрослых советских граждан, были сориентированы относительно того, какие нормативные эмоции следует выражать, а какие ненормативные – избегать. Эмоциональные коды советских детей военной поры, формировавшиеся еще в начальных классах (например, при интерпретации рассказа «Смелые» из школьной хрестоматии⁸⁹), делали постыдной демонстрацию страха перед сложными обстоятельствами, тем более, перед врагом. Возможно, поэтому почти в каждой работе после промелькнувшего описания ощущения тревоги, страха, ужаса, печали и тоски авторами нарративов сразу подключаются компенсаторные эмоциональные реакции ненависти, презрения, гнева: «в этот день вступили в наш город ненавистные немцы. Это были не такие люди, как другие, – это были кровожадные звери с хищными глазами, которые так и искали, чтобы сотворить что-нибудь ужасное», «озверелые банды гитлеровцев ворвались в наш город», «проклятые немцы уже заняли город», «в моем сердце накопилась жгучая ненависть к гитлеровским палачам», «мы, сидя в подвале, с ненавистью прислушивались к шуму, который производили германцы своими машинами».

Следующая сюжетная фаза – «хозяйничанье» немцев в городе – содержит практически тот же эмоциональный набор, но чаще в обратной последовательности. Теперь в сочинениях преобладают негативные эмоции гнева и ненависти в отношении врага, оттеняемые для закрепления эффекта эмоциональными переживаниями в минорных

⁸⁸ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 43. Л. 48об.

⁸⁹ Например, на экзамене в 4-м кл. краснодарской школы № 3 (1945/46 уч. год) многие дети в изложении этого рассказа умышленно заменили напечатанное в тексте слово «испугались» на «насторожились», объяснив это тем, что советские дети не могут пугаться (ГАКК. Ф. Р-889. Оп. 3. Д. 6. Л. 31).

тонах. Эти сюжетные фрагменты, в отличие от предыдущих, не поддаются краткому цитированию из-за опасения разрушить ткань контекста: *«дни оккупации казались полярными ночами, и шесть месяцев казались шестью годами <...> сердце мое обливалось кровью, и хотелось мстить и мстить этим извергам», «несколько немцев, стуча по полу сапогами, подошли к нам <...> смотря на нас, они что-то бормотали на своем языке... и о чем-то смеялись <...> с каким скрытым негодованием смотрели мы на них, хотелось заплатить за этот дерзкий смех», «было страшно и противно, и обидно за свой родной [Краснодар], за дома, которые теперь были осквернены стоянками немцев <...> притом бывали минуты, когда я выходила из состояния апатии, жила другой, более оживленной жизнью. Это были налеты наших бомбардировщиков и ястребков. Когда я слышала взрывы бомб, мне казалось, что немцы летят в воздухе, растерзанные взрывами».*

Продолжает данный ряд эмоциональное кодирование устойчивой веры в освобождение. Примечательно, что манифестации этой веры наиболее присущи женским сочинениям: *«мы не имели ни малейших сведений о действии наших войск, хотя мы были твердо уверены, что наши дорогие, мужественные фронтовики освободят нас», «но я была уверена в том, что Красная Армия освободит нас от немецкого ига, что праздник будет и на нашей улице», «но мы не теряли надежды, что наша родная армия вернется и освободит нас от ига фашистов, и отомстит им за все их злодеяния», «но я все же была уверена в том, что никогда и ни за что немцам не удержаться», «за шесть месяцев мы только и мечтали, когда части Красной Армии отобьют наш город и возвратят нам свободу», «это мы с трудом переживали и не могли дождаться того дня, когда Доблестная Красная Армия освободит нас от двуногого зверя», «но чем труднее становилось жить, тем увереннее ожидали мы прихода наших».*

Работы мальчиков более рациональны и информативны. В подавляющем множестве ребята не репрезентировали свои эмоции, но конкретно излагали суть происходивших событий в их последовательности и фактуальной детализации. В отличие от девочек, описывающих переполнявшие их эмоции в ожидании прихода наших войск, у многих ребят заключительная часть сочинений отведена под подробное описание действий немцев накануне оставления ими города. Складывается впечатление, что избеганием описания личных переживаний, обстоятельностью и лаконичностью при изложении конкретных фактов они стремились репрезентировать свою маскулин-

ность и взрослость. Возможно, это еще объясняется и мальчишеским любопытством, тягой к приключениям: их привлекали запретные и опасные места (например, подвал здания гестапо со сгоревшими заживо жителями города), куда многие девочки ходить боялись.

Даже восторг от освобождения города мальчики излагали скупой и отстраненно. Их работы нередко напоминают сводки советского информбюро: *«доблестная Красная Армия, прорвав линию обороны немцев, 12-го февраля 1943 года освободила Краснодар от временной оккупации», «этот день был самым счастливым днем для многих краснодарцев. Он надолго останется в памяти жителей, переживших шесть месяцев фашистской неволи», «все жители были веселые, счастливые. Всюду слышались веселые голоса и смех. Без опасения быть расстрелянным можно было ходить по улицам», «все население высыпало на улицу. С любовью и радостью мы встречали каждую колонну наших войск», «все вышли встречать своих освободителей. По подсчетам, произведенным после освобождения, немцы истребили 13 000 человек г. Краснодара».*

Эти строки заметно отличаются от девичьего хэппи-энда. В сочинениях девочек заключительный аккорд в основном выстраивался в мажорной тональности, с обязательным воспроизведением усвоенных пропагандистских клише. Наблюдая тесное переплетение репрезентации естественных эмоций с нормативным влиянием эмоционального режима, трудно односложно сказать, было ли это действительно органичным наплывом чувств у школьниц в момент освобождения, либо это был шлейф отрефлектированных воспоминаний, когда естественные эмоции и чувства «как было» кодируются на бумаге «как надо»: *«мне очень хотелось учиться, но учиться при немцах было невозможно, так как я была в плену у врага. Когда Красная Армия освободила наш город, двери школы снова открылись», «после освобождения нашего города от ига немецких оккупантов жизнь потекла по-новому, по-советскому», «народ вышел толпами встречать своих освободителей <...> мы были счастливы, смеялись и плакали от радости», «я не знала, что делать от радости», «позади темные дни оккупации, когда каждый день казался вечностью. В эти дни мы научились еще сильнее любить свою родину и ненавидеть врага», «и с этого дня началась новая, счастливая жизнь».*

Между тем, несмотря на гендерные и иные различия, практически все работы школьников и по конструкции, и по нравственному пафосу имеют объединяющее их начало – они четко вписываются в установ-

ленные Джоном Тошем три характерные черты («базовые составляющие») социальной памяти, обладающие «особенно серьезным искажающим эффектом»: традиционализм, ностальгия и вера в прогресс⁹⁰.

Свидетельская ценность сочинений: попытка классификации

Как бы мы ни пытались «сгладить» рассмотрение проблемы фактуальной достоверности школьных сочинений как источников воспоминаний о военном детстве, вопрос о свидетельской ценности этих нарративов неизбежно будет актуальным для исторического исследования. Здесь стоит сделать два предварительных замечания. Первое: будучи первичными источниками, сочинения школьников, безусловно, более надежны по сравнению с их сомнительными «аналогами» в виде машинописного пропагандистского сборника-дайджеста ЦК ВЛКСМ «Слушай нас, Родина» (1942) или «писем-воспоминаний детей», написанных руками взрослых. Второе: несмотря на кажущуюся однородность источников детских воспоминаний об оккупации, сочинения краснодарских учащихся с точки зрения достоверности источников социальной информации представляли собой «похожую непохожесть»⁹¹ (с акцентом на втором слове).

В целях установления информационной возможности этих источников, а также исходя из того, что через сочинения как источник детских воспоминаний о войне мы пытаемся исследовать феномен *коллективной памяти* «детей войны», тесно связанный с их *эмоциональными переживаниями* в период оккупации, мне кажется резонным провести классификацию сочинений по наиболее широкому критерию, удостоверяющему *свидетельскую* ценность воспоминаний детей как *очевидцев* описываемых событий.

Учитывая высокую степень воздействия официальной советской пропаганды и информированности школьников, отраженной в их сочинениях, влияния значимых взрослых на конструирование детских мемуаров, а также повышенную эмоциональность и активную работу воображения в подростковом возрасте, представляется логичным классифицировать сочинения краснодарских учеников по трем условно обозначаемым мною типам: «реалистичные», «канонические» и «экспрессивные» (Приложения 2–4). Вместе с тем есть поистине уни-

⁹⁰ Тош Д. Стремление к истине: как овладеть мастерством историка / пер. с англ. М., 2000. С. 22–29.

⁹¹ Педагогическая антропология... С. 28. (Курсив мой. – А.Р.).

кальные сочинения, которые трудно классифицировать по какой-либо из этих категорий. В изученной выборке таким литературным шедевром является, бесспорно, работа Артемовой.

Должен сразу заметить, что границы этих типов весьма размыты. Они представляют собой, скорее, интуитивно ощущаемую мною в процессе прочтения детских воспоминаний градацию смещения читательской оценки от полюса «верю» к полюсу «не верю» в субъективно определяемом континууме достоверности «по Станиславскому». Однако, вопреки кажущейся метафизичности, эта классификация основывается на вполне осязаемых исходных признаках: операционализация в детских воспоминаниях ключевых понятий «*память*» («я помню», «я забыла», «мои воспоминания») и «*память очевидца*» («я видел», «я участвовал», «я пережил»); наличие эмоционально-чувственных образов и эпитетов по отношению к «*своим*» (Красной Армии, мирному населению) и «*чужим*» (оккупантам и предателям); степень отражения в текстах сочинений терминологии официального дискурса; уровень стандартизации в характеристиках ситуаций и людей; коллективная и личная самоидентификация авторов воспоминаний; стремление быть сопричастным к значимым событиям; степень пространственно-временной конкретизации топографических «мест памяти» и субъективного жизненного опыта автора.

Исходя из этих критериев к типу «*реалистичных*» (с преднамеренной осторожностью я не применяю термин «достоверные») воспоминаний отнесены работы школьников, в которых наиболее правдоподобно и убедительно представлены индивидуальный опыт жизни в оккупации (эвакуации) и личная память свидетеля-очевидца, конкретизированная в хронотопе «мест памяти», подробном описании событий *de visu*; где в меньшей степени дублируется официальная информация из газет и радиосводок с использованием языка политического дискурса, но в то же время стиль изложения материала отличается эмоциональной сдержанностью, большей информативностью и вероятностью. Данный тип сочинений более всего подходит для использования детских нарративов в качестве носителя относительно достоверной фактуальной информации.

Для «*канонических*» (имеется в виду канон «советский человек», подразумевающий идеологическую выдержанность и идеологический язык, «культурность» и жесткий самоконтроль, упрощенность, изоли-

рованность, безальтернативность и тотальный страх⁹²) воспоминаний характерны подчеркнутое презентирование их авторами советской идентичности (порой в сочетании с национальной и региональной), совмещение эмотивной декларации патриотических настроений и чувств с одновременной демонстрацией ненависти к врагу, заслоняющие собой собственно воспоминания о лично пережитом опыте и понижающие степень их ожидаемой достоверности. Этот тип сочинений в большей мере, чем остальные, может стать источником для изучения «*политики памяти*»⁹³ детей о войне.

Категория «*экспрессивных*» воспоминаний (несмотря на то, что детские воспоминания практически всегда эмоциональны, а тема сочинения предполагала описание личных переживаний) отличается от вышеприведенных обостренным выражением чувств, порой граничащим с экзальтацией, преобладанием ярко выраженных «*позитивных*» и «*негативных*» эпитетов и образов в ценностной системе координат «*свой/чужие*». Это не столько репрезентация памяти о событиях, сколько проявление эмотивной памяти, когда представленные факты (если о таковых вообще сообщалось) облечены в форму пафоса/драматизма и обильно «*сдобрены*» эмоционально-чувственной терминологией, но при этом менее отчетливо, чем в предыдущей группе, демонстрируется советская идентичность. Третий тип сочинений представляет особый интерес для исследования эмотивных аспектов нарративов: реконструкции моделей переживаний в «*эмоциональных сообществах*» школьников военных лет, нормативности их эмоциональных установок («*эмоционального режима*»), «*эмоционального кодирования*» чувств в изучаемый период.

Скорее всего, данная классификация небезупречна и не завершена. Вполне возможно, что последующая разработка этой темы даст основание для иных, более совершенных и разветвленных типологий. Между тем она видится мне вполне пригодной в качестве некоторой фиксации достигнутого на данный момент уровня представлений о школьных сочинениях 1945 г. как источниках детских воспоминаний о войне.

⁹² См.: Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология: учебн. М., 1999; Ее же. Советские люди: сцены из истории. М., 2005; Левада Ю.А. Ищем человека: социолог. очерки. 2000–2005. М., 2006, и др.

⁹³ См.: Савельева И.М. Концепция «*исторической памяти*»: истоки и итоги // Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX – начало XX века): междунар. colloquium. Науч. доклады. СПб., 2007. С. 254, 255.

Подведем некоторые итоги. Ценность проанализированных в данной статье источников детских воспоминаний о войне состоит, прежде всего, в субъективном опыте переживаний и характере их автобиографической репрезентации. Недавнее оккупационное прошлое продолжало остро проявляться на уровне чувств и самосознания краснодарских школьников, но не как ушедшая историческая реальность, а как продукт интерпретаций, наделяющих жизнь при захватчиках смыслами наступившего освобождения.

Часть детей писала свои работы относительно свободно и самостоятельно, несмотря на естественную для пропагандистского общества распространенность идеологических клише «больших нарративов» в школьных сочинениях. Непосредственность детского взгляда, пусть даже подкорректированного незримой «оглядкой» на канонизированные стереотипы письма и усвоенные паттерны эмотивов, свидетельствует о существенном потенциале рациональности и независимости у поколения «детей войны». Вместе с тем апелляция юных нарраторов к культурным стереотипам, распространенным в советском обществе, указывает на их осведомленность о системе моральных норм и эмоциональных нормативов в советском обществе того периода.

В детских сочинениях 1945 г. зафиксировано гораздо больше скрытой (не очевидной для субъектов воспоминаний) информации, чем выраженной. Эта «непрозрачность» источников делает сомнительным механическое принятие «на веру» содержания некоторых детских воспоминаний и одновременно актуализирует применение интенсивных интерпретационных процедур с целью понимания механизмов трансформации коллективной детской памяти о войне.

В отличие от предыдущих последнее замечание, скорее, не подводит итог, а ставит новую проблему. Суть ее в следующем. Из специальной психологической литературы известен механизм «повторного запоминания», когда в ходе каждого повествования следует новое, *скорректированное* его запоминание, включая и контекст последней ситуации вызова из памяти. Как заметил Х. Вельцер, «воспоминание – это всегда событие плюс воспоминание о том, как его вспоминали, поэтому разговоры о коллективно пережитых ключевых событиях обладают необычайно сильным воздействием на индивидуальные воспоминания каждого»⁹⁴. Между тем нельзя исключать и данные современной науки о влиянии фактора фиксации внимания при воздействии на «субъективные модели действительности» (пред-

⁹⁴ Вельцер Х. Указ. соч. С. 54.

ставления, с помощью которых индивид ориентируется в окружающей его жизни), о чем сообщает в своей работе Т.С. Кабаченко⁹⁵. В частности, результаты опыта М. Дойча и Г. Джерарда указывают на прямое влияние письменной и устной фиксации субъективной модели действительности на ее стабилизацию, т.е. *неизменность*. Как можно заметить, эти две теоретические посылки в определенной мере противоречат друг другу. Поиск ответа на вопрос, повлияла ли (и насколько) письменная фиксация воспоминаний краснодарских школьников на неизменность их представлений и памяти о войне в будущем, может стать новой перспективой в дальнейшей разработке этой темы.

Приложения

Приложение 1

Классификатор контент-анализа сочинений

<i>Смысловые единицы / Единицы счета</i>	Жен.	Муж.	Всего	<i>Смысловые единицы / Единицы счета</i>	Жен.	Муж.	Всего
<i>Я–мое</i>				<i>Контекст войны</i>			
Я	127	9	136	Самолет	6	—	6
Моя	2	—	2	Танк	6	4	10
Мое	4	2	6	Бомбы/бомбежка	17	7	24
Моим	1	—	1	Снаряды	8	1	9
Мне	28	3	31	Стрельба	5	—	5
<i>Круг близких</i>				Пули	4	2	6
Брат	6	—	6	Фугас	—	—	—
Сестра	6	—	6	Взрыв	9	4	13
Мама/мать	14/2	—/1	14/3	Разрывы	5	1	6
Папа/отец	6/8	—/—	6/8	Зенитки	—	2	2
Бабушка	4	—	4	Огонь	2	—	2
Дедушка	5	—	5	Разрушения	4	1	5
Семья	7	—	7	Эвакуация	15	3	18
Родители	3	—	3	Колонны	1	1	2
Подруга	2	—	2	Патруль	1	—	1
Друг	3	—	3	Залпы	2	1	3
Товарищ	8	2	10	Трупы	6	4	10
Друзья	3	—	3	Мертвые	2	—	2
<i>Школьная среда</i>				Сирена	—	—	—
Школа	20	—	20	Канонада	1	—	1
Класс	3	—	3	Окопы	17	2	19
Учитель	1	—	1	Рвы	3	3	6

⁹⁵ Кабаченко Т.С. Методы психологического воздействия. М., 2000.

Продолжение таблицы

Дети	18	3	21	Траншеи	2	—	2
Комсомол	2	—	2	Блиндажи	—	—	—
Пионеры	2	5	7	Землянки	—	—	—
Тетради	—	—	—	Мир	18	2	20
Учебники	—	—	—	Война	9	1	10
Звонок	—	—	—	Военный	2	4	6
Каникулы	1	—	1	Солдат	6	2	8
Репетитор	—	—	—	Офицер	2	2	4
Чернила	—	—	—	Комендатура	1	—	1
Ручка	—	—	—	Полицай	—	—	—
Карандаш	—	—	—	Конвоир	—	2	2
Социальные «отцы»				Орудия	13	—	13
Власть	4	—	4	Оружие	3	—	3
Партия	2	—	2	Наступление	4	2	6
Красная Армия	66	5	71	Отступление	9	5	14
Красноармейцы	9	2	11	Плен	17	30	47
Партизаны	3	1	4	Бой/бойцы	8/3	—	8/14
Сталин	7	1	8	Душегубки	12	4	16
Ленин	2	—	2	Мины	—	—	—
Молотов	2	—	2	Жизнь	26	1	27
Национальная идентичность				Смерть	13	2	15
СССР	—	1	1	Убивать	2	—	2
РСФСР	—	—	—	Убийцы	2	—	2
Россия	1	—	1	Злодеяния	15	3	18
Русский	10	3	13	Расстрел	18	5	23
Советский	58	4	62	Расправа	5	3	8
«Свои»				Повешение	8	1	9
Свои	28	6	34	Виселицы	7	—	7
Наши	55	5	60	Сожжение	15	7	22
Родной	47	1	48	Преступления	4	1	5
Освободители	21	1	22	Рабы	2	—	2
Освобождение	53	5	58	Рабство	3	1	4
Защитники	2	—	2	Иго	12	—	12
«Чужие»				Мучить (муки)	3	—	3
Чужие	1	—	1	Евреи	4	1	5
Враг	25	5	30	Издевательства	4	—	4
Гитлер	2	—	2	Облава	4	5	9
Фюрер	1	—	1	Изменник	1	—	1
Гитлеровцы	17	1	18	Грабить	4	3	7
Фашисты	24	5	29	Избивать	2	—	2
Фрицы	4	1	5	Голод	9	3	12
Немцы	231	79	310	Яйца	3	—	3
Гансы	—	—	—	Молоко	1	—	1
Германия	12	5	17	Куры	1	1	2
Порядок («новый»)	3	—	3	Гуси	5	3	8

Бандиты (банды)	5	—	5	Мясо	—	—	—
Варвары	1	1	2	Сало	—	—	—
Палачи	9	—	9	Мед	—	—	—
Изверги	7	4	11	Крупа	—	—	—
Душегубы	—	—	—	Мука	1	—	1
Грабители	7	2	9	Хлеб	14	1	15
Оккупанты	15	—	15	Рыба	—	—	—
Оккупация	26	5	31	Эмоции и чувства			
Захватчики	11	2	13	Месть	5	—	5
Звериные	7	—	7	Мстить	9	1	10
Звери	4	—	4	Гордость	2	—	2
Волки	3	1	4	Радость	40	3	43
Гестапо (СС)	9	1	10	Счастье	18	4	22
Полчища	8	—	8	Несчастье	2	—	2
Категории памяти				Черная	12	5	17
Память	11	1	12	Ненависть	29	—	29
Помнить	2	—	2	Страх	10	—	10
Вспоминать	7	—	7	Страшный	21	1	22
Воспоминания	2	2	4	Грустно	2	1	3
Забвение	1	—	1	Тоска	3	—	3
Забывать	4	1	5	Печаль	2	—	2
Видел(а)	15	7	22	Уныние	2	1	3
Слышал(а)	10	4	14	Тяжело	24	1	25
Слушал(а)	1	2	3	Ад	—	—	—
Участвовал(а)	—	—	—	Рай	—	—	—
Наблюдал(а)	—	—	—	Переживания	34	2	36
Смотреть	19	2	21	Мечты	6	—	6
Радио	8	—	8	Ужас	23	2	25
Газеты	4	—	4	Гнев	3	—	3
Листовки	—	—	—	Отвращение	—	—	—
Слухи	2	2	4	Презрение	1	—	1
«Места памяти»				Яркий	3	—	3
Кубань (край)	13	4	17				
Кубань (река)	2	1	3				
Краснодар	64	29	93				
Река	1	—	1				
Город	227	59	286				
Улицы	52	27	79				
Район	5	2	7				
Площадь	3	1	4				
Квартал	1	1	2				
Базар	7	5	12				
Двор	10	6	16				
Квартиры	9	3	12	Всего работ	31	9	40
Избы	—	—	—	Всего слов в них	13114	3261	16375

Пример сочинения «реалистичного» типа⁹⁶

8 февраля. Контрольная работа
Мои переживания во время эвакуации.

План к работе.

1) Посадка в вагон.	2) Дальнейшая эвакуация.
3) Встреча с отцом.	4) В тылу. 5) Большая радость.

С горечью приходилось покидать родной Краснодар. Немцы были уже близко. Мы второпях собирали вещи и спешили на вокзал. Там было очень много народу. Как только подошел поезд, все бросились к нему, толкая друг друга. Кажется, все жители Краснодара хотели сесть на этот поезд. Сильные лезли по головам, слабые падали; их толкали и топтали спеша сесть в вагон, не взирая на их крики. Кто лез в двери, кто в окна, кто на крышу. Ввиду того, что я была не из числа сильных, (мне было тогда десять с половиной лет), мне порядочно досталось. Спасать свои вещи было невыносимо. Кто лез с чемоданом, того выталкивали и не пускали в вагон. Наши вещи тоже остались на станции. Мы не могли их взять сквозь тысячную толпу. Невозможно было взять даже продукты, иначе остались бы на станции. Так мы покинули Краснодар. Через несколько часов, на одной из станций, нам сообщили что Краснодар занят немцами. Это известие нас поразило. Но на следующей станции мы подверглись сильной бомбёжке и еле остались в живых. Как только стихла бомбёжка, поезд тронулся. Так мы доехали до Кропоткина. Вдруг застрочили пули по крышам вагонов. В нескольких шагах разорвались две бомбы, взметая в воздух сотни кубометров земли. Дети плакали, женщины голосили. Но вот поезд рванулся изо всех сил. Многие не успели сесть, но поезд больше не остановился. Мы помчались снова. Вот раздался оглушительный взрыв. Проклятые немцы разбомбили прекрасный кропоткинский вокзал. Вскоре, из окон вагонов, мы увидели, что прилетели несколько наших ястребков. Они разогнали вражеских стервятников.

Теперь на душе было более спокойно. Но не только бомбёжку приходилось испытывать. Нет. В дороге настиг нас ужасный голод. Не было ни крошечки хлеба. Всё было давно съедено. Мы были вынуждены просить корочку хлеба... Даже не хочется вспоминать об этом. Как вспомнишь, так слёзы к горлу и подступают. Счастье, что мы встретились со своим папой. Он был в армии, и их часть как раз проезжала этот город. Как-то он узнал, что мы находимся здесь. Он нас нашёл и ужаснулся: мы так изменились за этот небольшой период. Мы сели вместе с ним на поезд и поехали дальше. Здесь было более удобнее и лучше с питанием. Так, благодаря этой редкой встрече, мы были избавлены от верной гибели. Но вскоре мы расстались. Папа поехал на фронт, а мы в тыл. Здесь приходилось тоже не мало трудностей... Но всё уже позади. Всего не пе-

⁹⁶ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 43. Л. 54-54об. Расположение текста в источнике и орфография документа сохранены. – А.Р.

решаешь. Долго ещё блуждали мы и наконец, прибыли к месту назначения. Сразу, что бросилось в глаза, это не было светомаскировки. И вообще всё было как-то чуждо. Хотя было уже спокойно, но мысль о родном городе не выходила из головы. Но вот двенадцатого февраля 1943 года наступил радостный день – день освобождения Краснодара. В классе меня все поздравляли. Они говорили: «Ой, какая счастливая! Теперь твой город освобождён!». Да, я была очень счастлива. Я не могла представить себе этого большого счастья. Я ходила весь день, всё время повторяя: «Краснодар освобождён! Милый, родной Краснодар! Он теперь уже освобождён от немецкого сапога!

Вскоре через несколько месяцев после радостной вести мы с большой охотой уехали обратно в любимый Краснодар.

Писала Жердиенко Марианна.

Приложение 3

Пример сочинения «канонического» типа⁹⁷

Десятого февраля 1945 года.

Домашнее задание.

Мои переживания и переживания советских людей в плену у немецких извергов.

Грозные и решающие дни повисли над нашей страной. Враг с большими для него, кровопролитными боями занимал: село за селом, деревню за деревней, город за городом. И вот наступил тот ужасный день, когда кровавый и грязный немецкий сапог, впервые вступил на чистую улицу кубанской столицы, города Краснодара. Накануне вступления протекала ужасная ночь. Холодеет сердце, когда представляешь весь этот ужас объятый пламенем и дымом. Краснодар пылал со всех сторон. Зловещие, пламенные языки огней столбами поднимались вверх к небу, едучей пеленой дыма. Враг вступил, и ранил гордое сердце Кубани. Наступило утро, но небо было черное и казалось, что солнце потухло, что его уж нет, что никогда, никогда оно не заглянет сюда и необласкает своими своим нежным, теплым, золотистым лучом: детвору и стариков. И что уж никогда, в зеркальных водах Кубани не окунется игривый золотистый луч солнца и не пробежит по гладкой листве зеленых деревьев, по ярким цветам растущих в полях и по зеленой траве на сочных

⁹⁷ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 43. Л. 38-41об. Расположение текста в источнике и орфография документа сохранены. – А.Р.

лугах. Оно ушло и скрылось ото всех, ото всего. И потекли мрачные, тяжелые и жуткие дни рабства. Немецкое командование издавало приказ за приказом, распоряжение за распоряжением, в которых гордый, свободолюбивый, советский народ Кубани, должен был гнуть спину и преклонять гордую голову перед кем? Перед ними...! Извергами, душегубами, палачами людей! В последний дни оккупации, на улицах, площадях висели те, кто нихотел покориться им, кто боролся против их рискуя своей жизнью. Это была молодежь, у которой молодое, пылкое сердце рвалось к свободе, к счастью, к светлой и жизнерадостной жизни. Тысячи и десятки тысяч детей, стариков, да и вообще населения, погибли от жестокой и бессердечной руки гитлеровцев. Душегубками были задушены дети, которые привыкли к светлой, счастливой жизни. Они были оторваны от любимой матери, которая взлелеяла их своей материнской лаской, и обречены на жестокую, невиданную до сего времени пытку смерть. Но какая мать будет молчать, когда у нее отнимают может быть единственного ребенка. Какая мать отдаст его в руки палачам. О нет...! Она туда тоже, туда за своей крошкой, туда..... На жуткую смерть...! Но терпя все, все, люди ждали тот момент, когда они гордо поднимут свою голову, когда они своими глазами снова увидят солнце, когда они снова счастливо улыбнутся своими губами, которые казалось разучились улыбаться, а которые привыкли за это время только шептать и посылать проклятия на голову душегубам, извергам, кровопийцам людей. Они ждали, они были уверены в это; что снова они станут свободными, счастливыми людьми, а не рабами, обреченными на смерть.

И я, я тоже была уверена в этом. Я знала, что придет время, когда мы снова облегченно вздохнем и когда уже свободно произнесем такие слова, как: «Мы счастливы, мы свободные дети, мы советские дети, любимой Советской Родины! Я ждала тот день, когда я встану из-за парты, подойду к карте и громким, отчетливым голосом скажу: «Это наш Советский Союз; страна, где все свободны и счастливы, где все равны!». Я ждала тот день, когда мы все смело скажем: «Даздравствует наш любимый, родной отец, товарищ Сталин!». Когда в этих нескольких словах мы выразим всю свою любовь и благодарность от чистых и молодых сердец, любимому вождю. Я и мы все, знали, что этот день непременно придет. Да! И он пришел! Долгожданный, счастливый, светлый вместе с ярким солнцем. Пришел тот день, когда можно смеяться, петь, мечтать, учиться. Когда из детских губ, уст, вылетают драгоценные слова: «Сталин! Любимый Сталин! Даздравствует наш вождь, отец. и учитель любимы Сталин!». Настал тот день, когда мы свободно вздохнули, сбросили с плеч немецкое рабство и на свободную гордую грудь одели красный галстук. Да! оно вернулось, вернулось к нам наше счастье, наша гордость, наша жизнь, наше будущее, красивое, мирное, хорошее и счастливое! Вернулась свобода! Вернулась жизнь!

уч[еницы]. 7^б класса. Средней школы № 45
Мотовилиной Антонины

Пример сочинения «экспрессивного» типа⁹⁸

Восьмое февраля.

Домашняя работа ученицы 8^а класса 45^й школы
Аспиотис Эльвиры.

Мои переживания во время оккупации.

План.

- 1) Наш город в опасности.
- 2) Мои чувства и переживания в первый день оккупации.
- 3) Глубокая ненависть к врагам-убийцам.
- 4) Радостные новости.
- 5) Искра надежды на спасение.
- 6) Занятия немцев перед отступлением.
- 7) Самый счастливый день в моей жизни.

Шумели дубравы, цвели луга, поля, в садах рдели фрукты, созревали нивы и спокойно текли воды. Это были самые замечательные дни лета, но наслаждаться природой мешала война, которая грозно полыхала над родиной, которая заставила мирных граждан взяться за оружие и подняться на защиту отечества. Да, это были жаркие дни! Как свежо воспоминание об этих днях, когда мы были окованы цепями рабства, оторваны от жизни. Эти однообразно текущие дни, но полные переживаний, волнений, отчаяния и надежд, навсегда остались в моей памяти.

И вот девятого августа Красная Армия вынуждена была оставить город Краснодар. Двигались обозы, проходили утомленные запыленные бойцы. Грустно было у меня на душе, и думалось, скоро ли вновь я увижу их. Я знала, что покидают они нас не на долго. Свора немецких разбойников ворвалась в наш мирный уголок и обагрила его кровью. У меня от боли сжалось сердце, когда я увидела группу бойцов, которым путь из города был отрезан. С бледными лицами, запыленные, усталые, облитые потом, но полные решительности и отваги, готовились честно сложить головы и не сдаться врагу. Все, что только могла им помоч[ь], делала я. Они устроили засаду. Каждый боец имел по патрону и три гранаты, но у них за то были души храбрых русских воинов, самоотверженных, полных решимости. Они решили дорого продать свою жизнь. Когда день близился к полдню, они начали обстрел по немцам. Немцы в свою очередь открыли огонь по ним. Я помню, как через мою голову летали немецкие снаряды, мимо ушей свистели пули. От каждого взрыва дрожала земля. Я вошла в комнату. Здесь так-же грозила мне опасность как и на дворе. Распахивались

⁹⁸ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 42. Л. 8-9об. Расположение текста в источнике и орфография документа сохранены. – А.Р.

ставни, со звоном вылетали стекла, на голову сыпалась штукатурка. Ужасом была объята моя душа, яростно колотилось сердце, готовое вырваться из груди, стучало в висках, звенело в ушах, кровь прилиwała к лицу, жгла всё тело и перед глазами бегали черные мурашки. Я прижималась всем телом к маме, к брату. Больше я ничего не помню. Я плакала, когда увидела на том месте где засели бойцы траншею изрытую снарядами и пропитанную кровью и изуродованные, измятые тела бойцов. Знают ли их сестры, матеря, отцы и дети какая участь постигла их. У них и сейчас еще теплится искорка надежды на встречу. Так прошел первый день оккупации. Глубокое чувство ненависти к извергам сжигало мою душу. Они окружали меня, я их видела везде, но беспомощна и слаба была чтобы выместить на этих извергах всю ненависть. Как медленно проходили дни. Какие тяжёлые воспоминания остались в моей памяти о них. Запасаясь терпением я ждала бойцов-освободителей. Я верила в этот день. Надежда на спасение теплилась во мне, и эта искра надежды возгоралась в пламя. Однообразно, скучно и утомительно текли дни и месяцы оккупации – день казался годом. Но за эти 6 месяцев много пришлось перенести лишений, мук и волнений. Немцы издевались над детьми, над женщинами. Они мобилизовывали женщин [н]а тяжёлые работы, гестаповцы активно работали. И каждый раз, когда маме приходилось идти для прописки на биржу, я волновалась за нее. Особенно проявили себя немцы перед отступлением. Они устраивали кровавые расправы над жителями. Эти вандалы сжигали заводы, школы и даже жилые дома. Ярким заревом разгоралась, рассыпая дождем искры, то одна, то другая сторона города. Особенно жутко было когда недалеко от нас горел склад и было слышно зловещее потрескивание пламени. Черные, грозные клубы дыма поднимались над горящими зданиями прямо к небу, застилая его. Пахло гарью и в воздухе носился пепел. С какой болью сжималось сердце при виде такого зрелища. С какой грустью смотрела я как полыхал родной город, как полыхали здания, которые создавались в течении многих лет и всего за несколько часов были сожжены и разрушены безжалостной рукой варвара. Радостные новости приходили в город «Красная Армия громит врага! Красная Армия освободит нас!». Я ждала наших освободителей с минуты на минуту. И вот 12 февраля 1943 года Красная Армия освободила нас. Как сейчас помню я, это был морозный день, но солнце светило как то ласковее, ярче и теплее чем раньше, и его косые лучи ласкали стены полуразрушенных зданий. Какую радость, какие неотразимые чувства чувствовала я, когда вновь увидела смуглые, обветренные, добродушные лица и серые шинели русских бойцов. Так в темницу рабства проник яркий луч свободы и света. Теперь все были на воле, все свободно дышало, жизнь закипела!

Честь и слава бойцам-освободителям!

Сильке Сатюков

**«НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЕ!»:
ДЕТИ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ И НЕМЕЦКИХ ЖЕНЩИН
ПОСЛЕ 1945 ГОДА¹**

*«Итак, Вы защищаете все от-
носительно Советского Союза?»
<...> «Все, все, все!»*

Рудольф Геррнштадт

В середине ноября 1948 года в партийной газете «Новая Германия» вышла в свет статья «О русских и о нас», которая взволновала людей в трамваях, на рабочих местах и за кухонным столом. Первый раз открыто были названы своими именами преступления Красной Армии, совершенные во время ее наступления на Германию. Воззвание главного редактора берлинской газеты было, собственно говоря, обращено только к своим партийным соратникам, но все же оно заставило насторожиться все население – и побудило его задуматься о своем отношении к оккупантам. Геррнштадт, который, будучи коммунистом, подвергался преследованиям со стороны гестапо и многие годы прожил в изгнании в Москве, своим публичным размышлением о «русских» нарушил табу². «Война ожесточает людей», писал

© Сильке Сатюков, 2010

¹ © Щетинина Н.Н., перевод на русский язык, 2009.

² Год спустя Геррнштадт возглавил партийную газету «Новая Германия» в качестве главного редактора, с 1950 года он стал членом Политбюро СЕПГ. В связи с июньским восстанием 1953 года он, как предполагаемый «подстрекатель»

Геррнштадт, и поэтому она также стала причиной «ожесточенности» отдельных советских солдат и их бесчестных поступков в 1945 году. Но вина за подобные деяния лежит все же на немцах. В свое время они должны были бы противостоять преступнику Гитлеру вместо того, чтобы бороться за его «мании» до последнего патрона. По мнению Геррнштадта, ослепленный немецкий народ был освобожден ценой колоссальных жертв Красной Армии и потому должен был чувствовать к ней за это глубокую благодарность.

В последовавших дискуссиях, охвативших всю оккупационную зону, немцы всегда получали на свои жалобы относительно произвола оккупантов один и тот же ответ. Мол, летом 1941 года Третий рейх напал на Советский Союз; все последующие проступки и преступления со стороны воюющих сторон основываются на этом «первородном грехе» и тем самым как бы упраздняются³.

Советские войска действительно вели себя как разгневанные оккупанты. В конце концов, в их сознании еще четко держались картины жестоких преступлений немецкого вермахта в их собственной стране. Обнаруженное в Восточной Германии благосостояние еще более разжигало в них презрение и ярость разрушения. И то и другое проистекало из непонимания того, почему эти кажущиеся столь богатыми немцы лишали русских средств к существованию.

С точки зрения советских солдат, покоренная ими зона Германии в эти первые годы представляла собой «ничейную землю». Оккупация вражеской территории привела к многократным проникновениям в частные сферы гражданского населения. «Русские» не только заняли страну, не только поселились в городах и деревнях, они не только покорили также и улицы, дома и жилые кварталы, более того: они размещались в квартирах. Для людей, находившихся в этом пространстве оккупации, это считалось само собой разумеющимся: проигравшие войну становились массой, которой можно было распоряжаться по своему усмотрению. В то время как победители в целях удовлетворения своих потребностей завладевали недвижимо-

тель», потерял все свои посты. См. напр.: Andrea Görldt. Rudolf Herrnsstadt und Wilhelm Zaisser. Ihre Konflikte in der SED-Führung im Kontext innerparteilicher Machtsicherung und sowjetischer Deutschlandpolitik. Frankfurt a. M., 2002; а также: Irina Liebmann. Wäre es schön? Es wäre schön! Mein Vater Rudolf Herrnsstadt. Berlin, 2008.

³ См. также о состоявшихся по всей стране собраниях: ГАРФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 247. Л. 54.

стью и утварью, в то время, как они поглощали съедобные запасы и расточали материальные ценности, исконные жители изгонялись и выселялись в сараи, складские помещения и каморки. Вселялись властители, которые в ультимативном порядке требовали для себя не только права использовать предметы собственности, но также и услуг всяческого рода.

Исследуя эти первые годы оккупации, можно, помимо политического и общественного насилия, на которое оккупационные власти объявили монополию и которое они грубейшим образом применяли, выявить насилие, оказавшее интимное воздействие. Это насилие врезалось в коллективное сознание немцев, эти картины возникали в народной памяти десятилетия подряд и возникают вплоть до сегодняшнего дня.

Агрессивное переходное состояние солдат-оккупантов, включавшее в себя завышенные требования со стороны победителей вкупе со скрытыми обидами, неизбежно вело к несдерживаемой и неуправляемой ситуации. Это признавали как советская военная администрация (СВАГ) в Берлине – Карлсхорсте, так и руководство армии в Вюнсдорфе. В результате уже в 1947 году произошла первая реформа оккупационного порядка. Наконец-то в отношении местного населения впервые были сделаны уступки. Отвод вооруженных сил за зеленые дощатые заборы вселял надежду на пространственное отделение и разобщенность. С этого времени стали существовать ареалы, городские кварталы и целые «русские городки», в которых проживали только военнослужащие. Тем самым был положен конец тому постоянному и массовому ущемлению сфер частной жизни, которое имело место в первый послевоенный период. Новые «стены» обозначили собой первые, наполовину надежные границы между оккупантами и оккупированными. Спустя два года после окончания войны этим двум большим группам были отведены тем самым собственные пространства и определены территории, которые в дальнейшем позволили обеим сторонам приходиться к более или менее устойчивым и приемлемым компромиссам⁴.

⁴ Об истории оккупации и военного присутствия, которые длились пятьдесят лет, рассказывает следующая книга: Silke Satjukow. *Besatzer. «Die Russen» in Deutschland 1945 bis 1994*. Göttingen, 2008. О политической ситуации в первые послевоенные годы см.: Martin Broszat; Hermann Weber (Hrsg.). *SBZ-Handbuch. Staatliche Verwaltungen, Parteien, gesellschaftliche Organisationen und ihre Führungskräfte in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands 1945–1949*. München, 1990; Stefan

Одним из долгосрочных последствий соприкосновения красноармейцев и немецкого населения явились 100 000 «оккупационных детей», а именно тех детей, которых в течение десятилетий обзывали не иначе, как «дети русских»⁵. Их судьба и будет темой нашей статьи.

Час рождения – ноль

Красноармеец Евгений и домработница Эрика познакомились в июле 1945 года. Эрика жила в то время у своей тети и помогала ей вести дела в ресторане. Евгений, будучи сержантом советской военной администрации, проживал совсем неподалеку. Вскоре он стал заходить каждый день, и, когда Эрика не была занята работой, они проводили время за разговорами. Вскоре они стали парой. Теперь он оставался и на ночь, утром проскальзывал мимо комнаты тети и возвращался в свое жилище. Когда Эрика однажды объявила Евгению о своей беременности, он обрадовался. Ведь должна же была найтись хоть какая-нибудь возможность остаться вдвоем – теперь, когда на свет должен был появиться ребенок. В 1946 году родилась Карин – девочка, которую он охотно называл Марусей. Тетя указала Эрике и ребенку на дверь: ее супруг вернулся тем временем из русского плена, и «русское брюхо» под крышей его собственного дома было для него свыше той меры, которую он мог бы перенести. В своей родной деревне Эрику также отнюдь не встретили с распростертыми объятиями. Но все же ребенка окрестили в деревенской церкви. Вскоре все в деревне узнали об Эрике и ее ребенке, было много разговоров. Прошло немного времени – и Эрика снова забеременела. Родители поставили Эрику перед выбором – либо ребенок, либо право проживания на крестьянском подворье. Евгений также настаивал на том, чтобы ребенка не было. Эрика подала в учреждение заявку на аборт. Когда врач спросила ее о том, была ли Эрика изнасилована, она ответила: «Нет». Тогда, возразила врач, причины для аборта нет.

Creuzberger. Die sowjetische Besatzungsmacht und das politische System der SBZ. Köln/Weimar/Wien 1996; Norman M. Naimark. Die Russen in Deutschland. Die sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949. Berlin, 1997. S. 146ff.; Jan Foitzik. Sowjetische Militäradministration in Deutschland (SMAD) 1945–1949. Struktur und Funktion. Ein Handbuch. Berlin, 1999.

⁵ См. об этом: Silke Satjukow. Besatzer. «Die Russen» in Deutschland 1945 bis 1994. Göttingen, 2008; См. Ее же: Befreiung? Die Ostdeutschen und 1945. Leipzig, 2009.

Родители пришли в ужас и выгнали будущую мать со двора. Она отправилась со своей дочерью Карин обратно в Веймар, Евгений нашёл для них комнату. У него также был ключ от квартиры, и каждый вечер он приходил «домой». Его коллеги и, очевидно, кто-то из его начальников знали об этих «отношениях». Спустя некоторое время пара получила письмо с родины Евгения. Его родители писали, что не возражают против его женитьбы в Германии. Поэтому Эрика стала прилагать усилия для заключения брака. Она даже объявила, что готова принять советское гражданство, в случае, если это является необходимым условием для длительной совместной жизни, заключения брака. Но она ни разу не получила ответа от учреждения, уполномоченного решать эти вопросы. В октябре 1948 года, в день, когда родилась вторая дочь, Евгения увёл военный патруль. В течение нескольких дней ему надлежало отправиться обратно в Советский Союз. Командование все же проявило понимание по отношению к новоиспеченному отцу: ему разрешили последний визит в больницу. После этого Эрика и Евгений не видели друг друга ни разу. Евгений писал письма из своей родной сибирской деревни; Эрика писала ему о нужде, которую ей приходилось терпеть у себя дома. Она рассказывала ему также о том, что пыталась получить в местной комендатуре топливо и продовольственные товары. Как-никак, бросила она упрек в лицо высокомерному офицеру, обе ее дочери наполовину русские. Офицер цинично ответил ей, что в случае, если мать не в состоянии будет их прокормить, их обеих в любое время смогут забрать в детский дом. После этого Эрика выбежала из комнаты.

Наконец, по прошествии нескольких лет Евгений написал ей прощальное письмо: *«Я даже не могу думать о том, как мне тяжело оттого, что ты мне совершенно не пишешь. Ты думаешь, что я тебя забыл? Каждую ночь я вижу тебя, Марусю и Габриэлю во сне. Если бы ты написала хотя бы несколько строчек! Где ты живешь, на нашей старой квартире? Или ты снова переехала к своим родителям? Они не должны тебя ругать. Ведь это была наша судьба. Я целую тебя. Евгений»*⁶.

История Евгения и Эрики является примером для подобных любовных отношений между оккупантами и немками в послевоенное время. Люди знакомились, проводили вместе время и нередко на свет появлялись дети.

⁶ Письмо Евгения Эрике (1952 г.) // Из личного архива Сильке Сатюков.

Однако рассказанная здесь история не имеет ничего общего с теми первыми, преимущественно принудительными интимными контактами во время наступления войск антигитлеровской коалиции — особенно Красной Армии. Совершенные советскими военнослужащими изнасилования составили коллективный основополагающий опыт, который оставил мало пространства для дифференцированных воспоминаний.

Изнасилования

Во время продвижения советских вооруженных сил по территории Германии начались те спонтанные, а также массово организованные сексуальные нападения на немецких женщин, которых и опасалось население Германии. Об их *масштабе* можно только догадываться, поскольку никаких хотя бы приблизительно достоверных данных не существует. Научные оценки исходят из того, что около десяти процентов населения советской оккупационной зоны подверглись сексуальному насилию. Тем самым, речь может идти примерно о пятистах тысячах женщин и девочек, хотя эти данные представляют собой скорее минимальный показатель⁷.

Женщины пережили самые различные *ситуации* изнасилования: над некоторыми публично надругались целые группы солдат, но бывало и так, что женщину принуждал к половому сношению один-единственный солдат, и происходило это в каком-нибудь помещении. Некоторых женщин окружали и истязали, направляя на них оружие. Другие даже предлагали себя насильнику вполне осознанно, в обмен на свою дочь — в надежде, что последнюю пощадят. Некоторые жен-

⁷ В отношении населения в восточных областях Германского рейха исходят из цифры в 1,4 млн. жертв (12 процентов). См.: Helke Sander; Barbara Johr (Hrsg.). *BeFreier und Befreite. Krieg, Vergewaltigung, Kinder*. Neuauflage. Frankfurt a. M., 1995. S. 58. О теме в целом см.: Atina Grossmann. *A Question of Silence. The Rape of German Woman by Occupation Soldiers*. In: *October* 91 (1995) 2. S. 43-63; Susanne zur Nieden. *Chronistinnen des Krieges. Frauentagebücher im Zweiten Weltkrieg*. In: Hans-Erich Volkmann (Hrsg.): *Ende des Dritten Reiches — Ende des Zweiten Weltkrieges. Eine perspektivische Rückschau*. München/Zürich, 1995. S. 835-860; Norman M. Naimark. *Die Russen in Deutschland. Die sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949*. Berlin, 1997, S. 146ff.; Jan Foitzik: *Sowjetische Militäradministration in Deutschland (SMAD) 1945–1949. Struktur und Funktion. Ein Handbuch*. Berlin, 1999. S. 60ff.; Elke Scherstjanoi (Hrsg.). *Rotarmisten schreiben aus Deutschland. Briefe von der Front (1945) und historische Analysen (Texte und Materialien zur Zeitgeschichte, Bd. 14)*. München, 2004. S. 222ff.

щины целенаправленно «сходились» с каким-нибудь офицером, чтобы избежать дальнейших «диких изнасилований».

Порою сексуальные преступления влекли за собой суровую кару со стороны военных властей. В противовес повторяющимся в соответствующей исследовательской литературе высказываниям, согласно которым изнасилования в первые послевоенные годы умалчивались из «женской солидарности», воспоминания современников, прежде всего из средних и маленьких городков, указывают на совершенно другую коммуникативную действительность. Психические и физические травмы, нанесенные жертве, можно было утаить, лишь очень постаравшись, а беременность, равно как и венерические болезни, невозможно было скрыть вовсе. Недостаточная солидарность муниципальных сообществ, жажда сенсации, чувство стыда, а также патриархальные предрассудки становились причиной того, что женщин считали отчасти виновными в своей судьбе, и что на них приклеивали ярлык, который в случае, если беременность завершалась родами, на длительное время мог перейти и к их детям⁸.

Сколько именно женщин забеременели вследствие изнасилований и сколько решились на прерывание беременности, нельзя подсчитать посредством исследований⁹.

⁸ Если анонимность, свойственная большим городам, позволяла таким событиям забыться быстрее, то слухи в меньших по численности населенных пунктах часто годами, иногда даже десятилетиями оставались в коммуникативной памяти. См.: Irene Bandhauer-Schöffmann; Ela Hornung. Der Topos vom sowjetischen Soldaten in lebensgeschichtlichen Interviews mit Frauen. In: Dokumentationsarchiv des österreichischen Widerstandes. Jahrbuch, 1995. Wien, 1995. S. 28–44; Barbara Stelzl-Marx. Freier und Befreier. Zum Beziehungsgeflecht zwischen sowjetischen Besatzungssoldaten und österreichischen Frauen. In: Stefan Karner; dies. (Hrsg.). Die Rote Armee in Österreich. Sowjetische Besatzung 1945–1955. Bd. 1: Beiträge, 2., durchgearb. Aufl. München, 2005. S. 421–447.

⁹ Указ рейхсминистра внутренних дел от 14.03.1945 о «прерывании беременностей, возникших вследствие изнасилований женщин служащими Советской Армии», позволил небюрократические и быстрые вмешательства, направленные на то, чтобы не допустить появления на свет «расово неполноценного» потомства. Этот закон основывался на более ранних распоряжениях о принудительных абортах для женщин с «неполноценной наследственностью» и не действовал в отношении женщин, изнасилованных немецкими мужчинами или же западными союзниками. См.: Kirsten Poutrus. Von den Massenvergewaltigungen zum Mutterschutz. Abtreibungspolitik und Abtreibungspraxis in Ostdeutschland 1945–1950. In: Richard Bessel; Ralph Jessen (Hrsg.).

Фратернизация

Как показывает история Эрики и Евгения, отношения между немецкими женщинами и оккупантами не сводились к одному лишь насилию. Причины, побуждавшие женщин поддерживать интимные отношения с иностранными военнослужащими, были разнообразны. Часто они служили как средство к существованию, ведь семью нужно было прокормить в условиях, когда отсутствовал мужчина. А тот факт, что иностранный солдат и немецкая женщина находили друг друга привлекательными и влюблялись, что тем самым возникали отношения, характер которых определялся не насилием или прагматическими соображениями, посторонние лица с обеих сторон часто не могли осознать и допустить. При всех преимуществах, которые такие отношения несли с собой, подавляющее большинство немцев считали, что вступать в интимные отношения с «чужими» – значит зайти слишком далеко.

«Был в городе один квартал, куда советские солдаты приходили по ночам к женщинам. Это были их подружки, и солдаты им что-нибудь приносили. «Русские шлюхи» – так это тогда называлось. Но также были и другие. Они знакомились с русскими, и возникали отношения, длившиеся годы. И эти отношения были настолько тайными, что об этом никто не знал. В противном случае, когда об этой тайне узнавала публика, эти отношения грубо осуждались. И тогда всегда находились такие люди, которые сообщали об этом в комендатуру. И тогда этих женщин доставляли туда и допрашивали, многим из них при этом угрожали»¹⁰.

У солдат, размещавшихся в воинских частях, близкие отношения с немецкими женщинами также не всегда пользовались хорошей славой. Так, в солдатских письмах там и тут можно прочесть, что некоторые немецкие женщины якобы были легкодоступны:

Grenzen der Diktatur. Staat und Gesellschaft in der DDR. Göttingen, 1996. S. 170–198; Silke Kral. Brennpunkt Familie 1945 bis 1965. Sexualität, Abtreibungen und Vergewaltigungen im Spannungsfeld zwischen Intimität und Öffentlichkeit. Marburg, 2004.

¹⁰ Урсула Л., цит. по: Silke Satjukow (Hrsg.). «Die Russen kommen!» Erinnerungen an sowjetische Soldaten 1945–1992 (Schriftenreihe der Landeszentrale für politische Bildung Thüringen). Erfurt, 2005, S. 30.

«С кем же здесь выйти погулять, выбирать особо и не из кого. Здесь одни только немки, а с ними гулять опасно, так как большинство из них – больны. Впрочем, у меня есть одна. Я знаю ее уже некоторое время, мы вместе с ней гуляем и так далее. Но когда мы возвратимся домой, мы, конечно же, снова будем встречаться со своими девушками»¹¹.

Согласно служебным предписаниям, действовавшим в союзнических войсках, отношения немецких женщин с мужчинами, служащими в оккупационных силах, подлежали суровой каре. Этот запрет на фратернизацию в западных зонах был ослаблен в 1946 году, в советской же зоне он продолжал действовать. Коменданты, ответственные за этот регион, в большинстве случаев были твердо намерены проводить в жизнь действующие декреты. Но зачастую их авторитет не был столь высок, чтобы поддержать размещающиеся в данной местности армейские подразделения.

Многие женщины и дети оставались в Германии. Обмен письмами и, тем более, взаимные визиты часто были запрещены соответствующими учреждениями.

По той информации, которой мы располагаем на сегодняшний день, около двух третей детей выросли у своих матерей или у родственников, одна треть проживала в приемных семьях или детдомах. При этом матери подверглись, как минимум, с начала войны, а также и в послевоенное время, самым высоким нагрузкам. К обычным повседневным трудностям добавились бомбежка, эвакуация и бегство. К тому же именно матери «детей оккупации» были особенно молоды, порой они даже были несовершеннолетними. Вдобавок к этому их беременность, за редким исключением, не была запланирована. Там, где речь шла об изнасиловании, могло случиться так, что отношения между матерью и ребенком на долгое время оставались неполноценными¹².

Лишенные поддержки со стороны отца, а иногда даже помощи со стороны государства, матери жили со своими детьми в финансово

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 31. Л. 154. Собрание фрагментов писем, датируемых апрелем 1945 года.

¹² Согласно исследованию, проведенному университетом г. Йена в 1999 году, 60% из 32 опрошенных женщин, изнасилованных во время Второй мировой войны, и поныне страдают от посттравматических негативных последствий. Это – факт, который, несомненно, должен был отразиться и на их детях. URL: www.wissenschaft-online.de/abo/ticker/342700.

катастрофических условиях. И прежде всего в тех случаях, когда они по причине мнимого «позора» были отвергнуты собственными семьями, как это произошло в уже приведенном примере с Эрикой С.

1946 год, самый высокий по рождаемости год за все послевоенное время, поставил на повестку дня не проясненный вопрос об ответственности за «детей оккупации» и их материальное обеспечение. Действительно, государственные институты едва ли заботились о незапланированном потомстве, в то время как бедственное положение женщин требовало срочных и действенных мер. В то время как немецкое право признавало такое понятие, как множественное отцовство, а также имело в своем распоряжении практику институционализированного установления отцовства посредством Управления по делам молодежи, в отношении советских военнослужащих подобных регулирующих правил не существовало. Однако иски об установлении отцовства и взыскании алиментов, вытекающие из немецких правовых норм, не допускались по причине экстерриториального положения оккупационных войск. Поэтому военные власти, как правило, не проводили никаких мероприятий в поддержку матери и ребенка. Как по шаблону, они отвечали, что находить отцов и понуждать их к выплате алиментов – не в их интересах. В конце концов, дети – это немецкие граждане. В первое время в советской оккупационной зоне дети красноармейцев не могли рассчитывать на материальную либо же духовную опеку, они были предоставлены исключительно попечению матерей или, более того, направлялись в государственные учреждения. Некоторые командиры даже угрожали матерям, обращавшимся к ним за помощью, пугая последних тем, что их отпрысков могут отправить на воспитание в детские дома, расположенные в Советском Союзе, и что тогда матери больше никогда не увидят своих детей.

В описанном уже случае с Эрикой С. дети в течение многих лет жили в приемной семье, только так мать могла заниматься трудовой деятельностью. К экономической нужде присовокуплялось общественное презрение. Прежде всего в малых сообществах, особенно в деревнях или маленьких городках, местные жители обычно знали о происхождении детей. Во многих общинах знание о том, что эта женщина некогда «совершила» или же что «совершили» с ней, передавалось через поколения. Обращение с матерью, как и с ее ребенком, простиралось от сострадания до открытого презрения – но при этом всегда подчеркивало их статус аутсайдеров.

В силу этих обстоятельств некоторые женщины решались на то, чтобы покинуть родную деревню. Они надеялись, что благодаря переезду избавятся от бесконечного навешивания ярлыков. Другие как можно быстрее вступали в брак с немецким мужчиной, чтобы посредством законного брака вернуть общественную репутацию. Но не во всех случаях это улучшало ту ситуацию, в которой находились их дети. В зависимости от того, насколько хорошо отчим и новые братья и сестры справлялись с этим жизненным вызовом, они могли либо стать для нового члена своей семьи защитой от нападков со стороны либо же длительное время подвергать сомнению его право на проживание рядом с ними.

Общественное мнение

В повседневной жизни первых послевоенных лет – за столом для завсегдатаев, в очередях, во время поездок за дефицитными продуктами в переполненных поездах, во время «бесед под стук колес»¹³ – такие понятия, как «дети оккупации» и «несостоятельность немецкой женщины» (включая необозримые последствия, вытекающие из этой «несостоятельности»), являлись важнейшей темой для разговоров. Редко в истории личные отношения становились общественно обсуждаемой проблемой настолько, насколько ими стали отношения между солдатами оккупационных войск и немецкими женщинами после 1945 года.

Речь здесь шла о коллективных механизмах самоидентификации, об основах понимания социального порядка и моральных системах ценностей – подвергаясь «сексуализации» и тем самым «персонализации», эти явления испытывали на себе действие защитного механизма смещения акцентов. Одинокие женщины, прежде всего те, которые вступали в отношения с солдатами оккупационных войск, оказались в эпицентре общественного протеста. В начавшихся после 1945 года процессах переориентации и общественной стабилизации «русские шлюшки» стали рассматриваться как враждебная группа лиц, перешедших границы дозволенного: они перешагнули рамки традиционного ролевого поведения, расистских предрассудков, национальных стереотипов и общественных классовых границ. Они не только стали предметом разговоров и слухов – на них были спроеци-

¹³ Hans Werner Richter. Unterhaltungen am Schienenstrang. In: Der Ruf 1 (1946/47), S. 6.

рованы те характерные эмоции и психологическая потребность в компенсациях, которые были свойственны периоду первых послевоенных лет. Эти эмоциональные приписывания и споры «пользовались спросом» в первые послевоенные годы и в начале 1950-х. Удивительно при этом, что тогдашние образцы аргументации и образы, очевидно, сохранились в течение десятилетий.

Однако упрек в «быстрой капитуляции немецких женщин»¹⁴ в мае 1945 года ограничивался полуофициальным и личным коммуникационным пространством. Официальные средства массовой информации обсуждали «детей оккупации» в совсем другом свете: например, под тем углом зрения, который был характерен для уже процитированной полемики в СМИ «О русских и о нас», инициированной Рудольфом Гернштадтом. Граждане в те времена озлобленно осведомлялись, почему это личные отношения с «друзьями» строго запрещены и почему феномен незаконнорожденных «детей оккупации» почти не затрагивается публично. При этом восточногерманских политиков ни в коем случае нельзя упрекнуть в том, что они игнорировали существование этих детей. Наоборот, они прикладывали большие усилия для того, чтобы уменьшить существующий потенциал конфликта и опасностей. Иногда правительство даже направляло высокопоставленных эмиссаров в затронутые этой проблемой семьи, чтобы на месте уменьшить конфронтацию.

В скрытой форме тема массовых изнасилований, совершенных в 1945 году, всплывала на поверхность вновь и вновь. Поэтому мы не должны, основываясь на факте вытеснения данной темы с арен публичной коммуникации, обусловленного политическими причинами, приходить к выводу о равнодушии восточногерманского народа к данному вопросу. Дело в том, что, хотя политический официальный дискурс ГДР сначала признавал преступления Красной Армии, обосновывая их «непреодолимостью мужского сексуального влечения»¹⁵, позже были запрещены также и эти публичные попытки разъяснений.

¹⁴ Susanne zur Nieden. Erotische Fraternisierung. Der Mythos von der schnellen Kapitulation der deutschen Frau im Mai 1945. In: Karen Hagemann; Stefanie Schüler-Springorum (Hrsg.). Heimat-Front. Militär und Geschlechterverhältnisse im Zeitalter der Weltkriege. Frankfurt a. M., 2002. S. 313–325.

¹⁵ Christine Eifler. Nachkrieg und weibliche Verletzbarkeit. Zur Rolle von Kriegen für die Konstruktion von Geschlecht. In: Dies.; Ruth Seifert (Hrsg.). Soziale Konstruktionen. Militär und Geschlechterverhältnis. Münster, 1999. S. 155–186, 163.

«Что, собственно говоря, побуждает наших социалистических писателей постоянно включать в свои книги искусственно раздутые врагами обстоятельства (являющиеся существенным элементом антисоветской травли и «современного» антикоммунизма)??? <...>. Во-вторых, часто дело было не в «изнасилованиях», а в том, что немецкие женщины, лишившиеся поддержки вследствие войны, «навязывались» и предлагали себя, чтобы получить кое-что из еды. В итоге единичные случаи быстро зарастали быльем, в крайнем случае позже на свет появлялся ребенок <...> Для особо упертых мы аргументировали в 1945–1946 годах даже несколько грубо: делать принимающей стороне детей, если даже и не совсем добровольно, – это не так дурно, как убивать детей <...> С другой стороны, задача социалистического автора состоит не в том, чтобы уподобляться верблюду, который “вновь подчистую съедает” всю ту траву, которая успела вырасти поверх этого глупого вопроса»¹⁶.

Опыт пережитого женщинами насилия целенаправленно выходил из поля зрения под действием политической доктрины «дружбы». Ситуация не изменилась и после того, как в 1957 году оккупационные силы в связи с заключением легитимного «Договора о размещении» были объявлены дружественными «братьями по оружию». Хотя Москва и Восточный Берлин все же пытались определить для многочисленных детей, появившихся на свет благодаря оккупантам, юридически обязательные гарантии, эти положения оставались ничем не стоящей бумагой. В повседневной жизни плоды немецко-советских любовных отношений получали признание лишь в единичных случаях.

Переговоры о выплате пособий по содержанию

31 июля 1957 года один из служащих министерства юстиции ГДР позвонил в центральное ведомство по оказанию помощи молодежи, чтобы пригласить коллег на срочное заседание по вопросам ма-

¹⁶ Эгон Ренцш (27.09.1961), заместитель начальника отделения литературы и книжного дела в министерстве культуры. Цит. по: Birgit Dahlke. «Frau Komm!» Vergewaltigungen 1945. Zur Geschichte eines Diskurses. In: Dies.; Martina Langermann; Thomas Taterka (Hrsg.). LiteraturGesellschaft DDR. Kanonkämpfe und ihre Geschichte(n). Stuttgart, 2000. S. 275–311, 293.

териального обеспечения «немецко-советских детей». Встреча, в которой приняли участие и представители министерства финансов, состоялась в тот же день.

Открывая эту спонтанную конференцию, председатель заседания сообщил, что в настоящий момент в Берлине находится делегация министерства юстиции Советского Союза, чтобы, принимая во внимание недавно заключенное соглашение о размещении войск, обсудить право немецких детей, родившихся вне брака от советских военнослужащих, на получение материальной помощи¹⁷. По его словам, московские коллеги уже обозначили некоторые вопросы для дискуссии, по которым хотелось бы здесь – со всей подобающей данной ситуации оперативностью – достичь взаимопонимания. Предложения партнеров по переговорам выглядели очень щедрыми – по крайней мере, на первый взгляд. Советское государство в будущем якобы собиралось полностью возмещать расходы по содержанию детей в течение всего времени, пока их отцы еще отбывают воинскую повинность. Сами солдаты, как утверждали партнеры по переговорам, в силу своего незначительного жалования не могли выплачивать алименты. При этом признание отцовства должно было проводиться объединенным командованием подпадающей под данный случай воинской части и должно было иметь силу до тех пор, пока военнослужащий пребывает на территории ГДР. В целях обеспечения дальнейшей правовой основы после его возвращения на родину факт отцовства необходимо было подтвердить документально¹⁸.

В этом проекте двустороннего соглашения не были затронуты многие спорные пункты.

Первое: обязанность выплаты содержания, согласно этому документу, действовала только в отношении детей, которые родились после 6 октября 1955 года, то есть после вступления в силу договора о суверенитете. Обоснованные притязания детей, которые появились на свет после 1945 года, в запланированном соглашении отражены не были. Между тем их матери все еще направляли из года в год свои прошения в органы власти ГДР в надежде когда-нибудь получить финансовую помощь для своих подрастающих детей. Например, Хельга Л. из Потсдама:

¹⁷ Федеральный архив Германии. DR 2/K1081. Пометка в акте, сделанная главой центрального учреждения помощи юношеству (1.08.1957).

¹⁸ Там же.

«Все дети, у которых отец погиб или пропал без вести, получают пенсию в связи с потерей одного из родителей в минимальном размере 35 немецких марок. С другой стороны, сейчас есть стремление к тому, чтобы немецко-советская дружба крепла и об уже существующей дружбе также очень много говорят. Почему же мы, женщины, которые имеют ныне ребенка от представителя прежней оккупационной власти, наказаны за это? Вчера я случайно услышала по Берлинскому радио в передаче для молодежи сообщение, в котором резко критиковалось поведение правительства Федеративной республики, которое не заботится о детях американцев, служащих в оккупационных силах. Но как обстоят дела здесь? Я прошу Вас дать содержательный ответ»¹⁹.

К примеру, госпожа Лизелотте Н. из Бергена:

«Уважаемый господин президент! Окончив в 1945 году школу, я постоянно работала, до 1949 года в сельском хозяйстве и затем пять лет добровольно на горном предприятии в Висмуте. Последние три четверти года я снова живу в моем родном городе и с этого же времени работаю машинисткой в объединении Росток. До сего времени я перед каждым защищала политику ГДР, поскольку была убеждена, что рабочий может жить только в государстве рабочих. Я была до сих пор убеждена, что в ГДР все делается для рабочих. Сегодня у меня другое мнение. Я не могу прийти в больницу, потому что у меня нет денег на уход за моим ребенком.

Несколько дней назад я прочитала в газете о подобном случае в Западной Германии. Почему наши газеты пишут только о Западе, у меня в ГДР дела обстоят точно так же. Далее газеты пишут, что западногерманское государство ежегодно расходует такие-то и такие-то средства на детей, родившихся вне брака от служащих американских оккупационных войск. Ува-

¹⁹ Политический архив Министерства иностранных дел Германии. A00304 Bl. 60f. Выдержка из рабочего доклада за первый квартал 1956 года к вопросу об алиментах для внебрачных детей, отцы которых являются советскими гражданами (без даты).

жаемый господин президент, отец моего ребенка был служащим советских оккупационных сил»²⁰.

В президентской канцелярии накапливались такие письма от матерей, в которых они просили о содержании для своих внебрачных детей, зачатых от солдат оккупационных войск²¹.

«До нас дошло в последние годы много писем от матерей таких детей. Женщины совершенно не понимают того, что равноправия для них не существует, поскольку они самостоятельно зарабатывают на содержание своих детей. В настоящее время число подобных прошений уменьшилось по той простой причине, что матери уже свыклись с тем фактом, что помочь им нельзя. В округах и районах они получают ответы с отклоняющей резолюцией»²².

Для матерей послевоенного времени Берлин означал последнюю инстанцию, и все-таки даже якобы столь влиятельные министерства и канцелярии рабоче-крестьянского государства ничего не могли изменить в этой несправедливости. Они даже не владели сведениями о точных цифрах, не говоря уже о необходимых средствах. В 1950-е годы одна только канцелярия президента получала от восьми до десяти прошений в неделю. Из писем следует, что чаще всего с отцами не имелось (или же более не имелось) никакой связи. Все же насчитывалось некоторое малое количество случаев, когда матери могли указать конкретные данные о сегодняшнем месте пребывания отцов их детей. Особенно в тех случаях, когда мужчина и женщина жили ранее как супруги, женщины не могли понять, почему органы власти их игнорируют²³.

Второй слабый пункт московских предложений состоял в следующем. Предложенные в 1957 году правовые нормы касательно отцовства относились только к призванным на срочную службу военно-служащим, на офицеров, а также на гражданских служащих они не

²⁰ Политический архив Министерства иностранных дел Германии. A00304 Bl. 60f.

²¹ Там же. Bl. 45f. Некоторые непростые вопросы в отношениях между ГДР и СССР (29.11.1956).

²² Там же. Bl. 55f. Алименты для внебрачных детей, отцы которых являются советскими гражданами. (29.11.1956).

²³ Там же.

распространялись. Но ведь именно военнослужащие, имевшие низшие воинские звания, имели реже всего подходящую возможность для того, чтобы зачать детей с немецкими гражданками. Где и когда могли они с ними познакомиться? Для младших командиров и офицеров, а также гражданских служащих этих ограничений не существовало, они вполне имели возможность завести короткие, равно как и длительные знакомства.

Третий аспект. Содержащееся в соглашении требование признавать отцовство публично перед сослуживцами на практике едва ли могло осуществиться. Лицам, проходившим военную службу, как и всему гражданскому персоналу, по прибытии в Германию недвусмысленно разъяснялось, что такие близкие отношения во время их службы недопустимы. Поэтому общественная констатация примера, который, с точки зрения начальства, как раз и не являлся образцом для подражания, была немислимой. Немислимым было также предположение, что государственные кассы должны были еще и платить за это нарушение внутренних законов. В случаях, когда рождение ребенка получало огласку, было принято немедленно переводить солдата в другой гарнизон или же отправлять его на родину.

Таким образом, правовая норма в отношении актуального уже более десятилетия вопроса алиментов, впервые великодушно озвученная советской стороной, на самом деле не приносила никакого облегчения для женщин и детей, связанных с этим вопросом. Впрочем, из документов, касающихся этого соглашения, становится очевидным, что немецкие участники переговоров лишь впоследствии поняли или же заставили себя понять тот факт, что обговоренные правовые нормы представляют собой Пиррову победу. И действительно, начиная с 1958 года правовые отношения между отцом и ребенком регулировались в соответствии с юридической практикой, принятой в ГДР. Это означало, что матери, по меньшей мере теоретически, могли подать запрос на алименты для своих внебрачных детей, – а это являлось уступкой, которая, кстати говоря, в законодательстве СССР предусмотрена не была. Верховный Суд СССР придерживался того мнения, что «иски по прошениям в вопросе установления отцовства и выплата алиментов детям, которые рождены вне зарегистрированного брака», в целом нельзя принимать к рассмотрению. С советской точки зрения такие исковые заявления однозначно не являлись состав-

ной частью соглашения о правовой помощи в гражданских, семейных делах и делах, предусматривающих наказание²⁴.

Даже в тех случаях, когда женщина владела информацией о конкретном местонахождении отца ребенка, это еще не означало, что она могла претендовать на алименты для родившегося ребенка. Законодательство, действовавшее внутри СССР, не имело с двусторонним соглашением от 1957 года ничего общего. Только по настоятельному желанию матери и с согласия отца имя отца ребенка могло быть внесено в свидетельство о рождении. Выплачивать алименты отец ребенка, родившегося вне брака, ни в коем случае *не был обязан*.

Матери, имевшие отношение к данному вопросу, рассматривали вступившие в силу с 1957 года положения как дискриминацию. Заявления в министерство юстиции, министерство труда, женский сектор при ЦК СЕПГ, а также в Демократический союз женщин ясно выражали их недовольство. При этом их раздражало не только отсутствие финансовой поддержки со стороны отцов. По меньшей мере, столь же унижительными они находили психологические мучения. Большинство матерей были, в конце концов, не в состоянии получить справку о факте отцовства по той причине, что отец либо не проживал уже в этой стране, либо преднамеренно уклонялся от расследования обстоятельств²⁵.

«Отец неизвестен»

В первые послевоенные годы был объявлен строгий запрет на фратернизацию. Но с 1953 года появилась (по крайней мере, де-юре) возможность заключать немецко-советские браки и законодательно признавать родившихся наследников. Все же де-факто возникновению таких супружеских союзов препятствовали вплоть до последних дней существования ГДР. Исключения из этого правила были крайне редкими. Это не было связано с бюрократией или «семейной политикой» ГДР. Гораздо большее значение имел тот факт, что как правительство СССР, так и Верховное командование в Вюнсдорфе пре-

²⁴ Политический архив Министерства иностранных дел Германии. A00304 B1. 55f. Письмо министерства юстиции в министерство народного образования, отдел помощи юношеству (6.10.1966).

²⁵ Политический архив Министерства иностранных дел Германии. A00304 B1. 60f. Отрывок из рабочего доклада за первый квартал 1956 года к вопросу об алиментах для внебрачных детей, отцы которых являются советскими гражданами (без даты).

дельно ясно давали понять, что исходя из политических соображений столь тесные «смещения» были нежелательны. На пути немецко-советских пожеланий заключить брак в любой момент времени оказывались всевозможные препятствия и помехи.

Одна из главных причин, без сомнения, заключалась в том, что носителям военных тайн отказывалось в создании самоконтролируемых «пространств». Москва была не в состоянии проявить доверие к восточногерманским союзникам, отчего в них повсеместно усматривались шпионы Запада. Межнациональные браки представляли с точки зрения Кремля постоянную угрозу безопасности, которую необходимо было максимально исключить. В этих условиях никакого пространства для немецко-советских компромиссных форм не оставалось.

Эта максима имела вес особенно в тех случаях, когда речь шла о детях, рожденных в результате нежелательной связи. И в особенности в ситуациях, когда отношения между мужчиной и женщиной могли обрести благодаря наличию потомства большее достоинство, на пару обрушивались репрессии со стороны начальства и секретных служб. Не признавать этих детей, не брать на себя никакой ответственности за них – таков был образ поведения многих отцов, такой же была и политика государства.

Вплоть до последних дней существования ГДР и даже в более позднее время никакая ведомственная статистика о детях, чьи отцы были гражданами СССР, не собиралась. Впрочем, попытка собрать такие данные была бы заведомо обречена на поражение: собрать обобщенную информацию о подобных случаях можно было бы только в районах, округах и общинах. Между тем такой сбор доказательств был недопустим по политическим причинам. Записи в реестрах гражданского состояния также не позволяли делать выводы об общей численности детей. Запись производилась только в том случае, если отцовство было признано в письменной форме, но именно этого-то в силу действовавших административных распоряжений и не случалось. В большинстве случаев в свидетельство о рождении вносилась лишь запись «отец неизвестен». Только после того, как обоим «братским государствам» пришел конец, некоторые из «детей оккупации» начали искать своих отцов.

Дети оккупации как дети войны

Жребий вырасти без отца выпал, само собой разумеется, не только на долю «детей оккупации», он достался многим детям войны.

Во Второй мировой войне погиб каждый восьмой немецкий мужчина, павшие солдаты оставили более чем 1,7 миллиона вдов, а также 2,5 миллиона полусирот и полных сирот. Примерно четверть всех детей выросла после войны без отца. Причем отсутствие отцов во многих случаях длилось лишь ограниченный промежуток времени²⁶.

Психоаналитик Гартмут Радеболд, который с особым усердием занимается судьбой этого нового поколения, приводит на основе своей многолетней терапевтической практики, в ходе которой он общался с детьми военного времени, следующие незаменимые для выживания факторы. К ним он относит адекватное отношение «родители – дети» в период раннего детства, длительное доброе отношение к матери как важнейшему человеку, с которым ребенок себя психологически соотносит, защищающее и ограничивающее внешнее воздействие семьи, а также замещающее окружение в случае потери родителей²⁷. В случае с группой «дети войны» ни один из этих факторов нельзя рассматривать как естественно присутствующий – скорее верно обратное.

«Дети оккупации» были все-таки клеймены дважды: они были рождены вне брака и от связи с «врагом». Они вырастали в мире, в котором о чем-то жизненно важном – об их происхождении – упорно умалчивали, лгали или язвительно смеялись. Их социальное окружение нередко отвергало их, насмехалось над ними и наносило им иногда также и физический урон. Случалось, что они сами присоединялись к мнению окружающих, сами считали себя неполноценными. Порою эти тяжелейшие социопсихологические процессы давали о себе знать только спустя десятилетия, выражаясь, например, в чувстве стыда или же вины.

Кажется, что эти долгосрочные последствия, вызванные длительным отсутствием отцов, обнаруживают себя в настоящее время публично. Так, в последние годы стремительно выросло число заявлений о поиске пропавших в Немецком красном кресте, в военных и других архивах, в Министерстве внутренних дел, а также посольствах бывших оккупационных держав²⁸. Тем временем Интернет-форумы позволяют солдатским детям из всех оккупационных зон публично

²⁶ Hermann Schulz; Hartmut Radebold; Jürgen Reulecke. Söhne ohne Väter. Bonn, 2005. S. 115.

²⁷ Hartmut Radebold. Abwesende Väter und Kriegskindheit. Fortbestehende Folgen in Psychoanalysen. Göttingen, 2004. S. 117.

²⁸ Marc Widmann; Mary Wiltenburg. Kinder des Feindes. In: Der Spiegel Nr. 52 (22.12.2006).

заявить о своих просьбах, спросить совета и быть частью понимающего их сообщества²⁹.

Причина этой усиливающейся активности – преклонный возраст матерей и отцов, а также возраст «детей оккупации». Родители, которые еще не умерли, находятся в возрасте старцев. Тем самым в эти годы уже ускользает последняя возможность выяснить посредством разговора с ними сведения о своем происхождении. Их дети и сами стоят на пороге пенсионного возраста, вследствие чего у них исчезают обязанности и в их распоряжении появляется больше свободного времени. Тем самым, воспоминания детских лет и периода юношества становятся отчетливее, а вырисовывающийся впереди жизненный предел заставляет по-новому осмыслить проблематичные моменты своей биографии. Им предоставляется последний шанс увидеть «более ясный, дифференцированный и по возможности так же более удовлетворительный образ своего отца»³⁰.

При этом не только *немецкие* дети оккупантов начинают стремиться к тому, чтобы узнать свои корни и свое тяжелое прошлое. Нападение немцев на Советский Союз летом 1941 года и последующая оккупация значительной территории страны привели к аналогичным добровольным и недобровольным случаям сближения немецких солдат вермахта и советских женщин. Естественно, «дети оккупации» появились на свет и здесь. Об этих детях мы до сих пор знаем лишь немного. Предположительно эти мальчики и девочки, которых обзывали незаконнорожденными, встречали столь же холодное отношение к себе, как и незаконнорожденные дети в Германии. При каких обстоятельствах они родились? Как проходили их детство и юность в Советском Союзе в послевоенное время? Получали ли они поддержку со стороны общества, со стороны правительства, или же их наказывали за происхождение? Возможно, были наказаны их матери, так как они «сотрудничали» с врагами? Пытаются ли эти дети в наше время так же, как немецкие «дети оккупации», разыскать своих отцов?

Во время войны «дети врага» были зачаты и рождены во всей Европе. Данные, которыми мы располагаем, разумеется, более чем неполные. Но все же с некоторой уверенностью можно предположить, что за пределами Германии проживает от одного до двух миллионов европейцев, кровными отцами которых являются (являлись)

²⁹ См., напр., URL: <http://www.vaeteraktuell.de/Kriegskinder/Deutschland/-welcome.htm> (13.4.2009); <http://www.gi-kids.org/index.html> (13.4.2009).

³⁰ См.: Radebold. Abwesende Väter... S. 130.

солдаты немецких оккупационных войск³¹. Этот феномен вплоть до сегодняшнего дня представляет собой «белое пятно» в наших знаниях о Второй мировой войне. В то время как по Северной и Западной Европе в настоящее время имеются первые исследования, в отношении Восточной и Южной Европы факты и цифры полностью отсутствуют.

Таким образом, «дети оккупации» представляют собой не только ограниченный пределами Германии, а международный феномен и проблему, которые тесно связаны с историей Второй мировой войны. Историческая наука должна принять во внимание настоятельные биографическо-исторические потребности детей оккупантов, задокументировав и осмыслив, наконец-таки, в научном плане частные и коллективные истории очевидцев Второй мировой войны и, тем самым, осознав их не только как часть национальной истории, а как общее наследство всех европейских послевоенных общностей.

³¹ См.: Kjendsli Veslemoy. *Kinder der Schande*. Berlin (West), 1988; Jean-Paul Picaper; Ludwig Norz. *Die Kinder der Schande. Das tragische Schicksal deutscher Besatzungskinder in Frankreich*. München/Zürich, 2004; Ebba D. Drolshagen. *Wehrmachtskinder. Auf der Suche nach dem nie gekannten Vater*. München, 2005; Kjersti Ericsson; Eva Simonsen (Hrsg.). *Children of World War II. The Hidden Enemy Legacy*. Oxford, 2005.

Е.Н. Стрекалова

ЛАКУНЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ДЕТСТВО ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ 1941–1945 ГОДОВ ПО УСТНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ¹

Проблематика изучения исторической памяти качественно характеризует междисциплинарное пространство современного гуманитарного знания. Возникнув как исследовательская проблема методологии истории еще в трудах Л. фон Ранке, феномен памяти превратился в объект «пристальной заинтересованности» во второй половине XX века, пробудив неутихающие интеллектуальные дискуссии и многообразие концептуальных построений². Смысловая интерпретация фактов и событий, составляющих стержень исторического процесса и механизмы превращения их в значимые образы памяти общественного сознания, формирование потребности общества в актуализации памяти о прошлом и влияние общества на политику памяти

© Стрекалова Е.Н., 2010

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 08-01-00511а «Трансформация коллективной памяти о Великой Отечественной войне в воспоминаниях детей военного времени (1940-е – 2000-е гг.)».

² Время, память и «присвоение прошлого» // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: мат-лы межд. науч. конф. М., 2008. С. 308–348; Историческая память населения России: мат-лы «кругл. стола» // Отеч. история. 2002. № 3. С. 194–200; Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003; Olick J. K., Robbins J. Social Memory Studies: From «Collective Memory» to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 105–140; и др.

привлекают все большее количество исследователей из разных областей гуманитаристики.

Однако, несмотря на наблюдающийся в отечественной исторической науке интерес к исследованию исторической памяти о Великой Отечественной и Второй мировой войне³, воспоминания «детей войны» и специфика памяти этого военного поколения остаются малоизученной проблемой. Представляется, что некая завершенность картины войны и памяти о ней вряд ли возможна без изучения комплекса представлений о военном детстве этой группы советского/российского общества, пережившего войну. Вспомним и о том, что в нашем советском прошлом существовала практика государственного контроля над историей как средством политической легитимации, распространившаяся на память в ее наиболее общем, публичном виде. В связи с этим необходимо отметить, что в общегосударственной/общенациональной глобальной и величественной картине исторической памяти о войне 1941–1945 гг. наблюдаются явные «бреши». Одна из них – память о военном детстве и повседневности четырех лет войны, сложившаяся у детей и подростков под влиянием реальной действительности, а также трансформация ее содержания и оценок прошлого под влиянием различных факторов. Воспоминания «детей войны» должны занять свое место в общей картине исторической памяти нашего общества.

Итак, мы исходим из того, что память о событиях войны, как и сама война, может рассматриваться в качестве самостоятельного объекта исследования. Это связано с ее социальной востребованностью, способностью к трансформации, функциональным характером и ролью в формировании и осознании идентичности.

Классик исследований памяти и отношения людей к своему прошлому французский социолог Морис Хальбвакс называл истори-

³ Граница и люди: воспом. совет. переселенцев Приладожской Карелии и Карельского Перешейка. СПб., 2005; Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии: сб. статей. Челябинск, 2004; Островская И.С., Щербакова И.Л. Опыт принудительного труда в устных свидетельствах бывших остарбайтеров // Устная история (Oral History): теория и практика: мат-лы всерос. науч. семинара. Барнаул, 2007; Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005; Память о блокаде: свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: мат-лы и исслед. М., 2006; Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России: мат-лы и исслед. СПб., 2008; Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.

ческой памятью ряд событий, воспоминания о которых хранит национальная история. В этом смысле история как память создает «рамки» коллективной памяти для сообществ, общностей, наций. Память о войне 1941–1945 гг. стала центральным событием отечественной истории XX века. Однако в обществе одновременно существуют и различные социальные группы. Человек наряду с принадлежностью к обществу-нации «погружен» в одну или несколько групп, и поэтому в обществе параллельно глобальной коллективной памяти формируются «оригинальные коллективные памяти»⁴.

Коллективные представления, коллективная память конструируются ценностями, важными для всего общества. По данным 2005 г., Россия и Украина являются самыми «помнящими» войну странами из всех стран-участниц Второй мировой войны⁵. Тем не менее в общенациональной концепции истории Великой Отечественной войны в силу мифологизации многих сюжетов военной действительности и глобальности общегосударственной версии исторической памяти образовалось множество лакун, которые требуют «восполняющей» работы исследователей.

Заметим, что представления о Великой Отечественной войне, положенные в основу культурной памяти нашего народа об этом событии, начали формироваться не сразу по ее завершении. Причины отчасти носили социальный характер. Они заключались в усталости общества от невероятного напряжения длительной войны. Немаловажным был и тот фактор, что передача травматического, с трудом поддающегося описанию опыта войны была затруднена; не существовало адекватных языковых, речевых практик его передачи. В дальнейшем литература, радио и телевидение создавали риторические, нарративные прецеденты передачи опыта фронтовой жизни⁶. Кроме того, государственная политика была направлена на нивелировку общества, вышедшего из войны, на исключение возможности консолидации фронтовиков⁷. Память о

⁴ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя... С. 41.

⁵ Поликанов Д.В. Вторая мировая война: оценка нынешнего поколения. URL: <http://wciom.ru/arkhiv\trmaticheskii-arkhiv\item\singl\1230.html?>

⁶ Кукулин И. Регулирование боли (Предварительные заметки о трансформации травматического опыта Великой Отечественной/Второй мировой войны в русской литературе 1940–1970-х годов) // Память о войне 60 лет спустя... С. 618.

⁷ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. С. 37.

военном опыте могла сплотить «поколение победителей», что представляло опасность для существовавшего политического режима.

Только к двадцатилетию годовщины окончания войны в 1965 году политика памяти в советском государстве была направлена на создание и сохранение образа войны и победы. В основу практических мер реализации этой политики было положено постановление ЦК КПСС от 30 марта 1965 года «О праздновании 20-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–45 гг.»⁸. С этого года День победы становится выходным днем. Официальное празднование этого дня и память о войне стали использоваться в целях моральной поддержки власти, поскольку в постановлении говорилось, что «победа над фашизмом продемонстрировала всему миру преимущество социалистического строя над капиталистическим». Создается образ Победы, «вдохновителем и организатором» которой была коммунистическая партия. Народу в этой концепции отводилась роль «примера» проявления «массового героизма и самоотверженности, стойкости и организованности»⁹. За последней скупой фразой скрывался огромный пласт миллионов индивидуальных судеб, в частности, и детей военного времени. Это постановление, по сути, определило политику памяти о войне и в дальнейшем, на протяжении всей советской и постсоветской истории.

Постановлением была заложена официальная традиция сбора воспоминаний ветеранов о войне. Документ предписывал проводить встречи с фронтовиками к очередной годовщине окончания войны. Таковую работу вели центральные, краеведческие и школьные музеи по всей стране. В центральных и местных газетах, согласно постановлению, к 9 мая систематически появлялись публикации воспоминаний фронтовиков.

К началу шестидесятых годов историками был проделан значительный труд: подробно были изучены ход боевых действий, крупные сражения и битвы, участие в них больших войсковых соединений, видов боевой техники; выявлялись потери сторон (хотя статистика войны в отношении потерь советского населения значительно преуменьшалась). Благодаря их усилиям на смену господствовавшей в послевоенной историографии сталинской концепции войны появляется основанная на большом количестве архивных документов шеститомная «История Великой Отечественной войны Советского Сою-

⁸ ГАНИСК Ф. 1. Оп. 23. Д. 43. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 3.

за: 1941–1945»¹⁰. Кроме того, рассматривалась также роль крупных военачальников, преимущественно в мемуарах и публицистике. Однако, несмотря на значительность работы, проделанной историками, архивистами, музейщиками, в общей картине войны по причине ее политизированности терялся обычный человек в экстремальных военных условиях.

Важное значение придавалось записи воспоминаний и свидетельств очевидцев. Вместе с тем в первую очередь записывали воспоминания «выдающихся ветеранов»: героев войны, знаменитых партизан, летчиков, танкистов, военных врачей. Не подвергая сомнению важность воспоминаний этих людей, заметим, что голоса рядовых участников войны, свидетелей оккупации, женщин и детей, вынесших все трудности «военного труда», зачастую оставались за гранью поиска свидетельств о войне. Дети и подростки, каким-то образом оказывавшие сопротивление фашизму, попали в официальную историю войны (в частности, на Ставрополье – Г. Голенев, А. Скоков, К. Напханюк, В. Плугарева, Е. Буланова, Н. Беляева и др.)¹¹. Тем не менее не изучался взгляд самих детей на военное детство. Истории их посильного противостояния фашистскому режиму использовались лишь для иллюстрации всеобщего подвига советского народа, а сама проблема военного детства оставалась в тени.

Под влиянием отдельных энтузиастов наблюдались попытки сохранить воспоминания о военном детстве. Так появилась книга организатора общества «Юные защитники Великой Отечественной» в Ставрополе В.Я. Мовзалевского¹². Испытывая уважение к автору работы, самому пережившему войну в детские годы, должна признать, что рассказы о детях в годы войны, собранные в книге, мало отражают их взгляды на свое детство. Они построены по принципу хроник, где рассказывается в третьем лице о детях и подростках на фронте, в оккупации, тылу. Однако запись опроса самого В.Я. Мовзалевского показывает, насколько информативно, эмоционально богаче его спонтанный рассказ-воспоминание, полученный в ходе интервью, по сравнению с его же собственным письменным повествованием о своем детстве.

Проблема «военного детства» и памяти о нем как особой страницы социальной истории России требует для своего изучения привлече-

¹⁰ Советская историография Великой Отечественной войны // Сов. историография / под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996. С. 274, 311.

¹¹ Ставрополь помнит войну. Ставрополь, 2005. С. 11–12.

¹² Мовзалевский В.Я. Дети Отечества. Ставрополь, 2001.

ние источников личного происхождения. Архивные поиски показали практически полное их отсутствие, по крайней мере, в региональных архивах Ставрополья. Одновременно современная плюралистическая ситуация в области методологии истории позволяет воспользоваться альтернативными вариантами выявления источников. Наиболее адекватная практика, отражающая задачи сбора источников личного происхождения «детей войны», соответствует методологии устной истории.

Основными источниками для данной статьи послужили записи воспоминаний «детей войны». Они составили комплекс из более двадцати записанных на цифровой диктофон устных воспоминаний в формате интервью как основного метода устной истории. Записанные нами интервью-воспоминания позволили получить своеобразные «вынужденные мемуары» людей, которые, очевидно, не оставили бы после себя письменных источников. В этом состоит одна из особенностей устной истории – она создает возможность высказаться и быть услышанными наукой огромному большинству рядовых участников исторического процесса, составляющих так называемое безмолвствующее большинство. Доминирующая часть опрошенных нами «детей войны» никогда не сталкивалась с необходимостью или возможностью публичного изложения своего военного опыта. Они находились «в тени» ветеранов-фронтовиков, что понятно и объяснимо, но переданный ими в ходе опросов индивидуальный опыт содержит богатый и практически не отразившийся в архивных источниках антропологический ракурс войны.

На наш взгляд, полученные записи воспоминаний представляют собой источники личного происхождения и должны признаваться современным источниковедением в качестве таковых¹³. Заметим, что в современной версии источниковедения по новейшей отечественной истории ничего не говорится об особенностях и принципах использования таких источников по истории XX века, поскольку устная история возможна только по отношению к ближайшему к исследователям времени¹⁴. Тем не менее представительный авторский коллектив Ин-

¹³ О таком видении характера устных источников см.: Стрекалова Е.Н. Возможности устных источников как источников личного происхождения (на материалах опросов участников Великой Отечественной войны) // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: мат-лы XX межд. конф. Ч. 2. М., 2008. С. 604–608.

¹⁴ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под ред. А.К. Соколова. М., 2004. С. 690.

ститута российской истории РАН под руководством А.К. Соколова, не решившийся выделять устные источники в качестве самостоятельных, заявляет, что историк новейшего времени имеет уникальную возможность лично участвовать в формировании базы для своего исследования, восполняя пробел с помощью интервьюирования современников событий и заполняя информационные лакуны.

Доминирующая часть воспоминаний была специально собрана автором статьи среди жителей Ставропольского края в ходе работы над проектом РГНФ 2008–2009 гг. «Трансформация коллективной памяти о Великой Отечественной войне в воспоминаниях детей военного времени (1940-е – 2000-е гг.)» (рук. А.Ю. Рожков). Остальные были получены в 2005–2007 гг. в процессе создания формирующегося Архива устной истории Великой Отечественной войны, который включает уже более 80 интервью с участниками и очевидцами военной эпопеи. Этот архив отражает работу исследовательского направления по устной истории при кафедре истории России Ставропольского государственного университета и центре «Новая локальная история»¹⁵, а также важное составляющее качество устной истории – открытость публичному рассмотрению. Не случайно проблемы сохранения и доступности полученных результатов устно-исторических проектов для других исследователей и возможность сравнения интерпретации интервью с его аудиоверсией становятся предметом рассмотрения международных конференций «устных историков»¹⁶.

Рассказы наших информантов, которым в годы войны было от 7 до 17 лет, показывают, как их субъективный опыт превратился в память и историю. При анализе «устных мемуаров» мы исходили из того, что воспоминания о прошлом происходят в настоящем и отражают трансформацию памяти и нынешнюю жизненную позицию рассказчиков. Критически относясь к нашим источникам и учитывая избирательность памяти, мы выделяем и опираемся на другие ее свойства. Гораздо важнее, на наш взгляд, использовать синтезирующую и обобщающую функции памяти, а также способности к рефлексии, которые проявляются в интервью-воспоминаниях. Согласимся с одним из ведущих устных историков США М. Фришем, отметившим, что

¹⁵ Сайт межрегионального научно-образовательного центра «Новая локальная история» URL: <http://www.newlocalhistory.com>

¹⁶ Grele R. J. Directions for Oral History in the United States // Oral History: an Interdisciplinary Anthology. 2-d ed. Ed. by D. K. Dunaway, W. K. Baum. 1996. P. 62–84; Starr L. Oral History // Ibid. P. 39–61.

именно эти свойства памяти отражаются в процессе репрезентации человеком своего жизненного опыта и, возможно, только устная история может дать возможность наблюдать, как культура общества и отдельного человека взаимодействуют во времени¹⁷.

Рамочным конструктом для создания особой реальности в воспоминаниях поколения, пережившего фронтовую эпоху в детском и подростковом возрасте, является тема войны и истории семьи. Если воспоминания фронтовиков больше отражают «я» на войне, то юные свидетели войны дают примеры репрезентаций «мы» в годы войны. При этом в процессе передачи своего жизненного опыта транслируются культурные ориентиры и социальные практики общества и эпохи, в которой они прожили свою жизнь, наблюдается переплетение и взаимодействие индивидуального опыта отдельного человека и исторической памяти всего общества. В связи с этим важно выявить общие и особенные «места памяти». Под последним словосочетанием мы, вслед за П. Нора, понимаем не «места» в узком географическом смысле слова, а своеобразные точки пересечения (*lieux de mémoire*), из которых складывается и концентрируется память общества. Самая главная функция этих «мест» – в сохранении и поддержании коллективной памяти. Таким символическим смыслом могут быть наделены события, ритуалы, предметы, традиции, мифы, люди, географические населенные пункты и др.¹⁸

Семиотическое значение Великой Отечественной войны является «общим местом» памяти для всего фронтового поколения и послевоенных поколений граждан России. Обозначив крайние вехи системы представлений о войне (значимые, как представляется, для большинства членов нашего общества) как признание общего сакрального смысла победы и трагичности войны, остановимся на своеобразии символических образов нарративных повествований детей войны. В их рассказах наблюдаются собственные логические линии, которые мы относим к особым «местам памяти» этого фронтового поколения.

«Детские» воспоминания характеризует практически полное отсутствие боевых действий, память о которых в оценочном ключе присутствует в воспоминаниях ветеранов-фронтовиков. Исключение

¹⁷ Фриш М. Устная история и книга Стадса Теркея «Тяжелые времена» // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 65.

¹⁸ Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Memoire // Representations. Vol. 0. Issue 26. Special Issue: Memory and Counter-Memory. Spring, 1989, P. 7–24.

составляют повествования так называемых «детей полков» и подростков, встретивших войну в 15–16-летнем возрасте и к концу войны попавших на фронт. Следовательно, для большинства «детей войны» по причине их возраста масштаб боевых действий опосредован в структуре психологического времени более важными и близкими для них процессами, связанными с семьей, работой в тылу, учебной во время войны, пребыванием на оккупированной территории.

Характерно также, что припоминание боевых действий и своего участия в них в качестве действующих лиц передавали респонденты мужского пола. В ходе войны происходила их маскулинная социализация, и хотя война в целом однозначно оценивается ими отрицательно, но связывается с идеалами мужественности и чести. В нашей коллекции интервью есть два воспоминания людей, на какой-то период войны ставших «сыновьями полка». Неизбежное столкновение с военной реальностью, со смертью глубоко потрясло их и привело к утрате мальчишеских иллюзий о войне. В восприятии того времени насилие и массовые убийства представляли определяющую действительность, постоянную угрозу и даже обыденность для бесчисленного количества людей, но дети воспринимали это особенно остро.

Владимир Мовзалевский, голодный и истощенный, ожидавший ушедших на фронт родителей в разбомбленном доме, был совершенно случайно найден казаком батальона, готовившегося на передовую под Майкопом в 1944 г. Почти 14-летнего подростка с целью его спасения взяли трубачом в батальон. Весь его фронтовой опыт – это одно сопровождение батальона до точки назначения в районе наступления на Западном фронте. По пути, уже в районе западной Украины, поезд разбомбили, и картина этого дня войны, даже не на передовой, навсегда врезалась в его память. Юному Володе нужно было собрать медальоны убитых, чтобы сообщить их родным об их гибели. Для мальчишки, к тому времени уже пережившему многое, это было сильным эмоциональным испытанием. Его родители ушли на фронт с первых дней войны, и он очень гордился тем, что они воюют, «освобождают нашу землю». С сентября 1941 г. он практически выживал в одиночку: у него умерла бабушка, после чего он несколько раз сбегал из детского дома. Тем не менее, вспоминая этот день войны, он в первую очередь говорил не о страхе, а о чувстве ответственности и долга – настоящих мужских качествах, сформированных у него, в частности, и за время пребывания в батальоне:

«Да, страшно было, потому что человек всегда смерти боится. Но дело в том, что у меня была поставлена задача, и я понимал, что, если я эту задачу не выполню, то много останется военнослужащих без..., как говорится, неизвестных, неизвестных, понимаете, без вести пропавших, если я не возьму медальон. Солдат затеряется. Там офицер, вот, где он убит там, похоронят его, а медальон не возьмут у него, не отдадут в штаб. И там, значит, тогда потеряется этот военнослужащий, это я понимал лучше... Я уже был в суворовском училище, у меня было... 7 или 5 таких... осталось у меня медальонов, и по таким адресам я написал. И ко мне, мы [училище] уже переехали в Орджоникидзе, суворовское училище переехало. Ко мне приехали родители, не родители, а родственники тех погибших и спрашивали, как погиб тот или иной военнослужащий, вот...»¹⁹.

Значимым событием начала войны, с точки зрения большинства «детей войны», стало начало, условно говоря, «времени потерь». Воспоминания о потерях родных и близких в годы войны характерны для миллионов людей. Однако в детском возрасте эти потери особенно болезненно ощутимы и приводят к разрушению основ самого представления о детстве. Отцы, а у многих и матери, уходили на фронт и не возвращались. Терялось привычное, связанное с детством, течение жизни в семье. Практически все опрошенные нами (за исключением неполных семей – тех, у кого родители развелись, либо были репрессированы) подробно останавливались и эмоционально описывали моменты, связанные с воспоминанием об уходе отцов на фронт:

«Я в семье была самая младшая, нас было пять человек... Я помню, папа, когда уходил на войну, поднял меня на руки и быстро так опустил, отвернулся, а на кухне полотенце висело, им он вытирал слезы... Папа погиб в 1943 году»²⁰.

Характерно, что рефлексия о потерях близких и психологической цене войны лично для конкретного человека присутствует за-

¹⁹ Интервью с Мовзолеевским В.Я. Ставрополь. 10.07.2008 // Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ [Ф. 1. Оп. 4. 00412. РГНФ/ДВ-08. СК 02-ЕС].

²⁰ Интервью с Нечепорук Н.А. Ставрополь. 17.06.2008 // Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ [Ф. 1. Оп. 4. 00418. РГНФ/ДВ-08. СК 08-ЕС]

частую структурно в конце устного воспоминания или смыслового блока внутри повествования, завершая рассказ о войне. Обращаясь к теории высказывания как единице речевого общения, можно объяснить это обращенностью к слушателю, объяснением оценочного поля предыдущего тематического блока. М.М. Бахтин обращал внимание, что высказывание характеризует его адресность, апперцептивный фон восприятия или ответного понимания слушателем²¹. Этими оценочными высказываниями информанты объясняли свое отношение к войне, к своему практически потерянному детству:

«Интервьюер: Иван Дмитриевич, как вы узнали о конце войны, именно день победы, помните?»

Информант: Помню... Я очень сильно забился в угол и плакал, что я не отомстил...

Инт.: Вы хотели отомстить за отца? То есть вы хотели убить немца?

Инф.: Нет.

Инт.: Нет?

Инф.: Нет, не одного, а всех... Я плакал. И долгие годы в этот день... я плакал... впервые тогда... Узнал, объявили о конце войны. Все! Я не успел. А почему [плакал], не знаю. За жизнь, отняли же, я считаю...

Инт.: У отца?

Инф.: Ну, значит, у нас... значит, у нас...»²².

«...Я потерял все, родителей потерял, дом разрушили. Ну что ж там, в душе у меня до сих пор, конечно, обида. Обида на то, что я все потерял. Это нельзя передать, и посмотрел, какая наша страна разрушенная стала, во что превратили нашу страну. Вот одни разрушения. А сколько калек было, сколько убитых...»²³.

Неоднозначным по содержанию «местом памяти» «детей войны» являются события оккупации. Эта тема в воспоминаниях менее

²¹ Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 276.

²² Интервью с Лапиным И.Д. Ставрополь. 11.08.2008// Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ [Ф.1. Оп.4. 00415. РГНФ/ ДВ-08. СК 05-ЕС].

²³ Интервью с Мовзалевским В.Я...

всего испытала влияние предыдущих высказываний, поскольку относится к числу обойденных коллективной, официальной памятью. Очевидно, что человек, рассказывая о своей жизни, обращается к сюжетным линиям, существующим в его сознании, к разным приемам рассказа, известным ему из множества источников: учебников, литературы, радио и телевидения. В этом смысле оккупация не была частью памяти советского общества о Великой Отечественной войне, поскольку тематика, связанная с оккупацией, оставалась за гранью героической в целом картины войны в метанарративной структуре советского официального дискурса. Нахождение на оккупированной территории рассматривалось как потенциальное предательство, и было веским основанием для отклонения возможности попасть юношам в танковые войска, разведку еще в годы войны, а после нее – в военные училища.

В связи с этим, тема оккупации исчезла из учебников, о ней предпочитали не вспоминать. Повседневная коммуникативная память в силу сформировавшегося страха также была настроена на вытеснение, сознательное забывание событий оккупации. Как замечает Я. Ассман, «стратегическое забывание» наблюдается в тех случаях, если общество оценивает это событие негативно²⁴. Спустя почти двадцать лет после развала советской системы испытавшие на себе косвенную «вину» пребывания на оккупированной территории могут рассказать об этом²⁵. В силу отсутствия стереотипных предшествующих высказываний воспоминания об оккупации сбивчивы, противоречивы и индивидуальны. Тем не менее в них выделяются похожие описания и рассуждения о событиях.

Сразу оговоримся, что речь идет об оккупации Северного Кавказа, территорий Ставропольского и Краснодарского краев, начавшейся с конца июля – начала августа 1942 г. и завершившейся на большей части территории, за исключением так называемой «Голубой линии» в районе Таманского полуострова, в феврале–марте 1943 г.²⁶

²⁴ Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М., 2004.

²⁵ Интервью с Григорьевым Ю.П. Ставрополь. 1.12.2008 // Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ [Ф. 1. Оп. 4. 004113. РГНФ/ДВ-08. СК 13-ЕС].

²⁶ Великая Отечественная война: События. Люди. Документы. М., 1990. С. 163, 169.

Коллективная память в условной группе «детей войны» закрепила представление об оккупации как отсутствии выбора. Оккупация началась достаточно внезапно, и спастись, убежать, скрыться, эвакуироваться не было возможности. В построениях рассказов о собственной жизни четко выделяется начало и окончание этого периода, а внутри него память о солдатах: «своих» и «чужих». Солдаты отступающей Красной Армии перед началом оккупации вызывали у мирного населения горечь, жалость, сочувствие и сострадание. Отступление летом 1942 г. было стремительным, кровопролитным и тягостным, как для армии, так и для населения. Не случайно именно в этот период войны после отступления из Ростова-на-Дону 28 июля 1942 г. был издан приказ наркома обороны СССР № 227, более известный как приказ «Ни шагу назад!», имевший своей целью пресечение всякого проявления трусости и дезертирства; он категорически запрещал отступление без особого распоряжения командования. Это тяжелое ощущение надвигающейся беды сохранилось в памяти детей:

«Вот так они [солдаты Красной Армии] отступали, отступали, шли. Впечатление, я скажу, неприятное, прямо скажу. Кто без оружия, кто с оружием, раненные... В один из дней мы сидели в окопе [выкопали во дворе], пережидали бомбежку, и слышим крики во дворе, высовываемся, а двор полон матросов. Там такой боевой командир, [у него] маузер болтается, ходил по двору, говорит: “Мать, можно фрукты?”. Она: “Конечно, кому они нужны”. Август, то ли сентябрь месяц, фруктов полно. Он вот-то попросил фруктов и говорит: “Ну что, мать, вот еще часа два пробудете в Советском Союзе, а потом все”. Мать заплакала, говорила, а как же мы. Ну, он ответил: “Мы еще вернемся”. И немножко побыли, и он дал команду отходить...»²⁷.

Никто из информантов не передал в рассказе сомнения, существовавшие в тот момент, о возможности победы. И в этом случае трудно сказать, передают ли они действительно свои оценки тех лет или уже постфактум, основанные на реальности победы. Можно предположить, что это стереотипные оценки веры в победу более позднего времени, характерные для массового сознания. Сомнения в

²⁷ Интервью с Апальковой Н.Н. Ставрополь. 12.10.2007 // Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ [Ф. 1. Оп. 3. 0037].

победе уже после победы перешли в разряд «сознательного забвения». На такое заключение наводят далеко не героические описания наступающей Красной Армии:

«Потом слышим: “Наши, идут, наши!”. “А где?” – “Возле кладбища” [южная часть села, ныне г. Михайловска, откуда шла наступающая Красная Армия]. Мы побежали. Кто что принес, кто картошки сварил, у кого что было, несли туда, их встречали. Солдаты шли, бедные, у портнях [в портянках], обмотками обмотанные ноги. Страшно глядеть. Я говорю: “Да бедные люди, как же вы воевали?”. Они и не останавливаются. Команда: “Шагом марш!”, и все тут. Они брали из рук [все что им принесли] и шли дальше»²⁸.

Воспоминания о «чужих» солдатах передают, прежде всего, характерные для нашей культуры памяти представления о сущности войны, вине немецко-фашистской армии за миллионы человеческих жизней, разрушение страны. Солдаты нацистской армии выступают в разных ипостасях: наступающие («захватчики», «оккупанты»), отступающие и пленные. Ко времени оккупации Ставрополя и Кубани война уже шла более года. О зверствах фашистов мирные жители были слышаны через прессу, сообщавшую о содеянном фашистами для концентрации народной мести, а также через рассказы эвакуированных и раненных. В первую очередь, увиденная детскими глазами немецкая армия запомнилась хорошо вооруженной, безоговорочно уверенной в своей победе, одновременно с этим – армией мародеров и грабителей:

«И вдруг появились танки и не останавливаясь проехали, 16 штук по дороге. [Немецкие солдаты] сидели сверху... засученные рукава. Лето. Жара. Почти на каждом танке у них собака сидит»²⁹.

«Слышим гомон, шум, автоматные очереди, но уже не наши, [слышим] немецкую речь. А у нас вход [в подвал] был закрыт

²⁸ Интервью с Апальковой Н.Н. Ставрополь. 12.10.2007 // Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ [Ф. 1. Оп. 3. 0037].

²⁹ Интервью с Толстикovým А.П. Ставрополь. 5.05. 2007 // Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ, интервью [Ф. 1. Оп. 3. 0034].

подушкой. Смотрим, подушка открывается и немец с пистолетом, направил на нас пистолет, смотрит и говорит: “Вылазь”. У края сидела бабушка, у нас еще бабушка была, она никого не боялась, но очень плохо ходила, ноги у нее... [болели]. Чуть дальше сидела мать с братом на руках, рядом сестренка, рядом с ней я. Бабушка объяснила, что боится, что стрелять будут. А он сказал: “Никс” и “Вылазь”, заставил выйти. Мы вышли и тут увидели: полно немцев уже ходит. Сразу видно-то наши [солдаты] зашли, спросили разрешения. А эти ходят по комнатам, гогочут, смеются, жуют что-то, копаются в вещах, что-то ищут. Что там у нас в колхозе было искать?!»³⁰

В контексте воспоминаний об оккупации «чужие» солдаты превращаются в образ «врага». Есть воспоминания, передающие слухи и свидетельства о зверствах, расстрелах и душегубках. В целом, это образ извергов, потерявших человеческое лицо. Воспоминания передают, как происходит демонизация и дегуманизация образа врага, на что оказывали влияние как пропаганда, так и реальная действительность нового «немецкого порядка» на оккупированной территории:

«...у нас евреев много осталось. А когда зашли немцы в Петровское [сейчас г. Светлоград Ставропольского края], и оттуда разослали депеши по всем селам о сборе евреев со всех сел в Светлоград. Потом в Светлограде, Бараничья гора есть, их туда всех согнали и туда на гору, и там в карьере всех расстреляли, рассказывали, как их гнали туда... босые... вот это их [нацистов] жестокость, сам я не, видел памятник. В нашем селе они [с. Шведино, немецкие войска] были не долго. Знаю, рассказывали, собирали коммунистов, комсомольцев, кое-где, и, в основном, евреев [на расстрел]»³¹.

Представленный выше пласт воспоминаний о грабеже, зверствах, расстрелах и душегубках подтверждается архивными источниками³².

³⁰ Интервью с Жмырко С.Н. Ставрополь. 17.09.2007 // Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ [Ф. 1 Оп. 3. 0035].

³¹ Интервью с Гончаровым А.С. Ставрополь. 9.07.2007 // Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ, интервью [Ф. 1. Оп. 3. 0032].

³² Ставрополье: правда военных лет: Великая Отечественная война в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005. С. 111–153.

Однако иногда образ «врага» в устных рассказах не соответствует традиционным представлениям и расходится с архивными источниками. Эти, так сказать, казусы воспоминаний никак не вписывались в официальную память, и даже на уровне коммуникативной памяти стали передаваться только в постсоветскую эпоху. В индивидуальных воспоминаниях враг приобретает индивидуальные черты и наделяется «человеческими качествами». В своей работе «Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества» Е.С. Сенявская ставит проблему формирования и трансформации образа врага в истории России в XX веке. Она обоснованно подчеркивает, что во враге редко видели человека, на что влияли и ментальные стереотипы, и работа политической пропаганды, и реалии войны³³. Однако в устных рассказах «детей войны» 1941–1945 гг. образ врага носит черты не только «фашистов-извергов», но и наделяется «человеческими качествами». Они могут не только расстреливать, но и угощать шоколадом, показывать фотографии своих детей, лечить; солдаты могут встречаться с девушками, и это не преподносится как нечто предосудительное. Предположим, что этому способствовало детское восприятие действительности. Однозначно можно сказать, что очеловеченный, а не демонический образ нацистских солдат присутствует в воспоминаниях людей, чьи семьи и их близкие не были расстреляны и не пострадали от немецкого насилия в годы войны.

Характерной чертой части мужских воспоминаний о военном детстве является участие в сопротивлении в период оккупации. В нашей коллекции есть два интервью с участниками группы сопротивления подростков из г. Ставрополя (И.Д. Лапин и Ю.П. Григорьев) и одно воспоминание об участии в подпольной группе в г. Жмеринке в Украине, недалеко от Винницы (Б.А. Нечепорук). С одной стороны, воспоминания этих людей отражают наличие романтических представлений о борьбе с «врагом, пришедшим на нашу землю» и о патриотизме, с другой – о простом мальчишеском хулиганстве. Патриотический дискурс является отличительной чертой большинства воспоминаний. Многие объясняют свою смелость, бесстрашие или добровольный уход на фронт именно особым отношением к стране: «...мы были такие патриоты». Согласимся с мнением о том, что советский патриотизм обеспечивал в качестве коммуникативной прак-

³³ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 75–76.

тики некое единство общества³⁴. Одновременно наличие в воспоминаниях причастности к «единому патриотическому порыву» показывает, что наши информанты в своем большинстве вписывают свою биографию в соответствующее советское время в его официальном звучании.

Однако воспоминания участников групп сопротивления говорят и о присутствии в их поведении в то время определенной доли простого мальчишеского хулиганства и авантюризма, страсти к приключениям. Выдвигая такую версию, мы опираемся на рассказ одной из наших информанток о своем брате:

«Ребята, правда, старшие ребята, мой старший брат, они угнали мотоцикл с другом. У них же так [у немцев], как тогда, так и сейчас, поставил мотоцикл и ушел, никто же не брал, а у нас же сейчас утянут. Ну и ребята уехали на мотоцикле. Ну и ловили их, ребят. Немцы их поймали, посадили, где они там сидели – не знаю, сутки они посидели, ну и побили их, пришел с фонарями [синяками]. А мама сказала ему: “Ну, не будешь лезть, куда тебя не просят”. Просто как хулиганство, там они ничего не... делали»³⁵.

Важно заметить, что, вспоминая о своих рискованных проделках под носом у немцев, информанты-мужчины обеспечивают себе «комфортное» отношение к своему прошлому опыту, когда закладывались и проходили первые испытания на прочность их мужские качества. Тем не менее они не использовали ни логические, ни эмфатические способы смыслового выделения речи, передавая свои воспоминания об этих опасных для жизни событиях (в Ставрополе был выдан и расстрелян в гестапо глава группы подросток шестнадцати лет Авдей Бабенко).

Отчасти, возможно это объясняется тем, что информанты уже сталкивались с востребованностью их рассказов об участии в антифашистском сопротивлении; их рассказы попали в книги местных краеведов. Кроме того, восприятие такого участия само по себе оценивалось положительно в советском официальном дискурсе и не претерпело изменений в оценках. Однако в процессе общения с информантами выяснилось, что присутствие на оккупированной территории

³⁴ Никонова О.Ю. Военное прошлое России и советский патриотизм: к постановке проблемы // Век памяти, память века... С. 489–495.

³⁵ Интервью с Гончаровой В.К. Ставрополь // Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ, интервью [Ф. 1. Оп. 3. 0032].

бросало на подростков тень недоверия и не позволяло однозначно оценить их попытки сопротивления «немецкому порядку» в советское время. Представляется, что размышления информантов об оценках их детского военного прошлого со стороны общества и власти свидетельствуют о возможности вспоминать публично в зависимости от «конъюнктуры памяти» в обществе и, следовательно, о способности памяти сохранять меняющееся восприятие событий, следовательно, трансформироваться.

Эти воспоминания представляют большую ценность и с точки зрения пополнения источниковой базы для изучения региональной специфики военной истории 1941–1945 гг., поскольку данные о подпольной организации в Ставрополе не отразились в архивных источниках. Группа сопротивления возникла спонтанно, не была инициирована местным крайкомом и поэтому не отразилась в архивных отчетах. По длительности рассказа об участии в группе сопротивления в структуре всего интервью можно сказать, что этот опыт оценивается интервьюируемыми высоко. Очевидно, и собирание оружия под носом у немцев, и нарушение комендантского часа, и попытки связаться с партизанским отрядом, и участие в спасении скота одного из колхозов способствовали росту самоуважения, мужественности и обеспечивали чувство непосредственной причастности к победе. Не случайно один из видных историков, занимающихся изучением изменений коллективной и индивидуальной памяти, А. Томсон заметил, что индивидуальные воспоминания обеспечивают осмысление событий своей жизни в соотнесении с коллективной памятью. Создавая воспоминание, человек следует приемлемым для общества образам и понятиям для того, чтобы они обеспечивали ему возможность чувствовать себя в ладу со своим прошлым³⁶.

Специфической логической линией нарративов девушек-подростков, переживших оккупацию, является тема угрозы и опасения изнасилования со стороны солдат вражеской армии. Согласимся с опытом других исследователей, что эта тема чрезвычайно тяжело поддается публичному вспоминанию³⁷. Молодые девушки более все-

³⁶ Томсон А. Легенда об АНЗАКе: исследуя национальную мифологию и память в Австралии // Хрестоматия по устной истории. С. 200–201.

³⁷ Попофф А. Российская молодежь в эмиграции (1920-е гг.) и ее индивидуальная память о гражданской войне: опыт насилия и стратегия осмысления // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках: сб. статей / под ред. И.В. Нарского. Челябинск, 2003. С. 199–201.

го испытывали эту угрозу, и поэтому их рассказы передают случаи спасения и укрывательства от оккупантов. По сути, эти ситуации экзистенциального состояния явились для них одними из самых напряженных воспоминаний о юности военной поры:

«И вот они [немцы], ну в хату, как в свою, зашли, это... все, расположились тут, начали есть, все. А я под кроватью лежу. Вот. А мать старая уже считай, и дед старый. Ну, они их не трогали, кое-что там такое спрашивали. Дед отвечал им. И они сколько... Сутки стояли у нас. И сутки я лежала под кроватью... Перепуганная лежала, чтоб они даже..., я не могла и пикнуть, ни чихнуть, ничего»³⁸.

«Инф.: Они ж... ненавидели народ и били. И девчат ночью искали, ходили, господи...

Инт.: Страшно было?

Инф.: А то не страшно? К нам стучат. “Бабушка, открой, где ваша дочь?” – она говорит: “Да нету ее”. А я хотела в русскую печку залезть, я была полная, а тут не прошло [показывает на бедра]... Куда [спрятаться]? Под примост [топчан, типа кровати], два мешка пшеницы лежало под ним, а я между. Господи, говорю, виновата в чем-то, грешная, если да – найдут, если нет – не найдет. Один говорит: “Посмотри под кроватью”. Он толкнул мешок. А за мешком? За мешком тоже. Другой мешок. Ой, мама не так поставила. “Свет, бабушка, зажги” – “У меня его нет”. “А где ваша дочь ушла?”. Она говорит: “К брату через речку”. А тут бабка Верка была, всех девчат повыдала. Они ушли, я испугалась, побежала, там у нас была эта стенка, там племянница моя, внизу соседская девочка, все в кучку. И все они там в кучке лежат, все прячутся. Всех она повыдала. Но никого они не обнаружили...»³⁹.

Неотъемлемой частью памяти «детей войны» является тема труда. Труд, зачастую не по возрасту и не по силам, вынужденный и обя-

³⁸ Интервью с Нефедовой Н.И. Ставрополь. 10.07.2008 // Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ [Ф. 1. Оп. 4. 00414. РГНФ/ДВ-08. СК. 04-ЕС].

³⁹ Интервью с Воеводской А.И. Ставрополь. 22.10.2008 // Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ [Ф. 1. Оп. 3. 0048].

зательный, был привычным явлением детства для большинства юных советских граждан. В особенности это касается детей, проживавших в сельской местности. Война стала «ускорителем», способствовавшим приобщению детей к еще более напряженному, еще более «взрослому» труду с еще более раннего возраста. Известно, что традиционно в крестьянских семьях дети с малолетства помогали родителям по хозяйству. Советская модернизация в деревне не изменила, а скорее усугубила ситуацию. Воспоминания детей, чье раннее детство пришлось на коллективизацию, свидетельствуют о работе не только дома по хозяйству, но и на колхозных полях для выработки трудодней. Более того, можно утверждать, что привлечение детей к труду было своеобразной стратегией выживания, одним из способов социализации, закладываемой семьей в процессе воспитания детей в трудные и полные испытаний первые десятилетия советской власти.

Во время войны круг работ, к которым привлекали детей, расширился и носил далеко «не детский» характер. Большая часть наших информантов к началу войны была в подростковом возрасте и училась в школе. С осени 1941 г. до весны 1942 г. их привлекали к строительству оборонительных рубежей от Ростова-на-Дону до Невинномысска. Эти работы были сопряжены с лишениями и способствовали быстрому взрослению. Старшекласников отрывали от дома, отправляли на дальнее (при отсутствии транспорта и денег) расстояние. Кормили на этих работах достаточно скудно, а работа была тяжелой. Многие были вынуждены идти работать в колхоз после семи классов, помогать своим матерям кормить семьи, поскольку отцы и старшие братья были мобилизованы на фронт. Отметим, что воспоминания о трудной не по возрасту работе на колхозных полях характерны для людей разных широт нашей страны, чье детство пришлось на военные годы. Сопоставимые образы военного детства всплывают из воспоминаний Н.С. Казанцевой, родившейся в 1928 г. в Тамбовской области, и Е.В. Куликовой, родившейся в 1936 г. в Ставропольском крае:

«Казанцева Н.С.: Пошла в колхоз работать... веялка у нас такая была, полог деланный, а потом снопы так вот подаешь, на полог, она идет и там молотит».

«Куликова Е.В.: Ну, сейчас комбайн, а тогда машина была, молотилка».

«Казанцева Н.С.: И снопы кидали, и развязывали, и под мякиной стояли. Даже была на граблях. Грабли такие вот были. Траву

покосят, а мы собирали. Маленькая была, а все равно ездили. Все делали. Мать как-то была больная, а мне приходилось и за матерью работать».

«Куликова Е.В.: Мама заболела тифом. Один бригадир переписывал нас и заставлял работать меня. Вязали снопы соломы, снопы с подсолнухов... Все делали»⁴⁰.

За годы войны девушкам, не призывавшимся на фронт, пришлось выполнять всякую, в том числе и мужскую, работу: от выпаса скота до работы на тракторе. Такая ситуация военного времени при дефиците мужчин после войны приводила к своеобразной «вынужденной феминизации» молодых женщин в 1940-е годы. Они брали на себя мужские роли, использовали приобретенные навыки командования, зачастую оставались одинокими. В целом, речевые формы, употребляемые «детьми войны» в ходе трансляции воспоминаний (например: «мы работали», «мы помогали», «нас привлекали на работы»), говорят о том, что они воспринимали работу как нечто само собой разумеющееся, как единство трагичности судьбы для всего народа и, в частности, для детей. Как сказала одна информантка: «...Все было хорошо..., да хорошего мало!». Традиционная жертвенность народа и мобилизация всех сил в пору войны использовались властью, но сам народ воспринимал это как единственный возможный выход:

«Голод, холод... Босые ходили, а по 12 часов работали, на нас лишь только опирались в тылу. Вся война на нас держалась, на тылу. Если мы не будем работать, то наши не победят. Такими девчушками, как вы, приходилось работать по 12 часов...»⁴¹.

Говоря о своеобразии памяти о военной поре поколения детей войны, нельзя обойти тему, выявленную практически во всех воспоминаниях, – тему голода. Назвать эту проблему своеобразной только для памяти рассматриваемого поколения невозможно. В войну голо-

⁴⁰ Интервью с Казанцевой Н.С. Ставрополь. 08.2008 // Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ [Ф. 1. Оп. 4. 00419. РГНФ/ДВ-08. СК 09-ЕС]; Интервью с Куликовой Е.В.(Москвитиной). Ставрополь. 08.2008 // Там же [Ф. 1. Оп. 4. 004110. РГНФ/ДВ-08. СК 10-ЕС].

⁴¹ Интервью с Кучеренко Н.П. Ставрополь. 10.02.2007 // Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ [Ф. 1. Оп. 3. 00342]; Интервью с Дворцовой Р.Я. Ставрополь. 03.09.2007 // Там же [Ф. 1. Оп. 2. 00211].

дали многие, даже далеко за линией фронта. Однако военная жизнь впроголодь в детском возрасте воспринималась особенно остро и болезненно:

«...мне всегда хотелось спать и есть, как и сейчас. Мне вот жена говорит: “Ой, когда ты наешься?”. Я говорю, что до сих пор не могу наестись. Я голодный был в этом... в юности, понимаете, голодный был, так наголодался, наголодался...»⁴².

В сравнении с людьми, пережившими войну в более взрослом возрасте, «дети войны» в процессе рассказа о жизни в военное время чаще и подробнее останавливаются детально на рассказах о том, чем питались во время войны. Если фронтовикам в интервью приходится задавать вопрос о еде, то «дети войны» сами начинают говорить об этой важной составляющей повседневной жизни человека. Пережившие оккупацию рассказывают, как матери закапывали в землю зерно и кукурузу, как спасали коров, как пекли лепешки из лебеды и крапивы, как питались корками от картошки. Голодным было время и после оккупации, когда из хлебных районов Ставрополя и Кубани все вывозилось на фронт. Для некоторых голодное существование стало причиной, подтолкнувшей к добровольному уходу на фронт. Солдат кормили, и это воспринималось более важным в сравнении с опасностями фронтовой жизни⁴³.

Контент-анализ текстов воспоминаний-интервью позволяет выявить еще одну логическую линию, которую условно можно назвать незримым присутствием войны. Иначе говоря, это рассказы о том, что было военного в жизни детей и подростков в период, когда «явная война» отступила. Для наших информантов, большая часть которых свое военное детство провела на территории Ставропольского и Краснодарского краев, это время войны после оккупации. В историографии за этим этапом войны с весны 1943 г. закрепилось название периода восстановления региона.

Общеизвестно, что женщины и дети заменили мужчин и своим трудом обеспечивали возрождение сельского хозяйства. Пахали на коровах, сеяли и жали практически вручную, поскольку и без того

⁴² Интервью с Мовзалеvским...

⁴³ Интервью с Карагодиной В.К. // Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ [Ф. 1. Оп. 3. 00343]; Интервью с Гончаровым А.С. // Там же [Ф. 1. Оп. 3. 0032].

скудная техника была разрушена, а лошади мобилизованы на фронт. В силу этого многими «детьми войны» то время вспоминается в рамках уже указанных выше сюжетных линий полуголодного выживания и тяжелого, обязательного для всех труда на пользу фронту. Однако наблюдаются и другие важные составляющие детской и подростковой жизни восстановительного периода войны, раскрывающие ментальные особенности советского/российского ребенка. Так, важным для подростков было желание попасть на фронт, что являлось характерным и для юношей и для девушек. Стремление это свидетельствует, на наш взгляд, об ощущении единства судьбы и испытания войной для всего народа, о склонности приобщиться к этому общему делу. В связи с этим не случайным представляется в воспоминаниях об этом времени появление рассказов о дезертирах как антиподе фронтовикам. Возможно также, что это свидетельствует о трансформации памяти и приобщении себя к поколению победителей уже после победы. Ярче всего это передано в воспоминаниях жительницы г. Георгиевска Ставропольского края 1928 г. рождения:

«Инф.: ...А еще я хотела на фронт, в 44-м году я же закончила снайперские курсы при военкомате. Я вначале закончила эти..., это в 43-м году, я закончила курсы телеграфистов – морзист. У меня где-то фотография есть.

Инт.: Параллельно? Работали и еще эти курсы?

Инф.: Да. На курсы. Курсы морзистов закончила. И вот нашу группу, 25 человек закончили эти курсы, там было несколько. У меня была фотография где-то, где мы морзисты. Этот аппарат Морзе стоит, и этот учитель, который нас учил. И вот 25 человек только подростков, ну, сколько было лет 16, может быть, этим мальчишкам. Два или три мальчишки, а то остальные все девчонки, а нас было трое. Мы считались еще не совершеннолетними. И когда закончились вот эти курсы, военкомат, значит, начал направлять большинство под Москву, этих морзистов, телеграфисты-морзисты. Отправили, и как раз учителя дочка с нами училась; тоже она пошла, туда под Москву ее отправили. А нас троих не взяли, говорит: “Подождите еще немного. Вы, – говорит, – дождетесь еще. Посидите дома”. Ну, мы как начали плакать: “Как же тех забирают, а нас нет”. “Деточки, подождите. Возьмем и вас еще. Еще не

известно, сколько будет война”. Это ж только 43-й год. В 44-м я закончила вот эти снайперские»⁴⁴.

Подводя итог, отметим, что проведенное исследование не претендует на завершенность восполнения пустот исторической памяти нашего общества о детстве в условиях войны. Это объясняется, прежде всего, тем, что каждое из подвергавшихся анализу текстов интервью открывает воспоминания о каком-то фрагменте реальности. Тем не менее, перефразируя признанного исследователя в области устной истории А. Портелли, согласимся, что любое исследование, использующее устные источники, будет не законченным в силу недостижимости идеала – анализа всех источников по проблеме и относительной неистощимости природы самого источника⁴⁵.

Специфику исследования определил анализ частных рассказов. В силу этого официальный дискурс памяти о войне лишь частично рассматривался нами для сравнения и выявления линий пересечения приватной и публичной форм памяти. Следует подчеркнуть невозможность в данном случае совершенного разделения этих сфер памяти. Любые индивидуальные репрезентации воспоминаний показывают влияние того, что читали, слышали, видели в кино и средствах массовой информации очевидцы войны. Однако анализ содержания текстов интервью по формальному признаку на предмет наличия устойчивых штампов и конструкций свидетельствует о незначительном присутствии в речи «детей войны» выражений официального дискурса. Это объясняется тем, что военное детство не занимало в официальном дискурсе о войне значительное место. У наших информантов по этой причине не было возможности опираться на константные речевые конструкции. Наблюдается использование устойчивых оценок в отношении значения работы детей в годы войны. Представляется, что через эти оценки «дети войны» имеют возможность вписать свой личный опыт в коллективное прошлое поколения, «вышедшего из войны», соотнести свою историю с общегосударственной.

Исследование показало, что память о военном детстве – существенная часть биографии целого поколения. Образы индивидуальной памяти в сравнении с коллективной богаче, сложнее, насыщеннее. Коллективные образы схематичны и политизированы, в целях все-

⁴⁴ Интервью с Нефедовой Н.И....

⁴⁵ Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории / пер., сост., введ., общ. ред. М.В. Лоскутовой. СПб., 2003. С. 46.

общности упрощены и артикулированы в ритуалы и изображения, что делает их понятными для всего общества. Память о военном детстве лишь частично была вписана в общегосударственную картину памяти о войне. Устные истории «детей войны» не относятся полностью ни к коммунистическому, ни к патриотическому, ни к маргинальному дискурсам о войне, хотя отдельные фрагменты их воспоминаний можно отнести к перечисленным дискурсам. Условно их можно назвать в целом комплексом «невостребованных воспоминаний». Официальная идеология войны и оправданное внимание к фронтовикам затмили исследовательский интерес к воспоминаниям о детстве в годы войны, в связи с этим поставленная проблема не изучалась, и воспоминания практически не отложились в культурной памяти. Однако представляется, что научная актуальность изучения воспоминаний о войне людей, переживших ее в детском возрасте, усиливается общественной значимостью проблемы, поскольку социум, «вышедший из войны», составляет старшее поколение граждан современной России. Их представления и знания о войне передаются молодому поколению и формируют гражданскую позицию молодежи.

В целом, воспоминания «детей войны» – это рассказы о выживании в чрезвычайных ситуациях войны, о травматическом опыте, который занял в биографии важное место. Почти все воспоминания указывают на болезненность их передачи и передают глубокие душевные потрясения времен войны, притупившиеся и трансформировавшиеся с течением времени. Во время трансляции наиболее болезненных воспоминаний информанты переходят к сухому перечислению фактов, к «хроникам» своей жизни, что ведет к нейтрализации прошлых утрат и тем самым к душевному дистанцированию от мучительного размышления о прошлом. Важно отметить, что воспоминания говорят о незавершенности осмысления событий войны поколением «детей» по следующим причинам: болезненности воспоминаний, крушения многих надежд, отсутствия детства в привычном для нас смысле слова.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аристов Станислав Васильевич, аспирант кафедры зарубежной истории Воронежского государственного педагогического университета.

e-mail: asv@icmail.ru

Безрогов Виталий Григорьевич, доктор педагогических наук, доцент, главный научный сотрудник Института теории и истории педагогики РАО.

e-mail: vbezrogov@yandex.ru

Вашкау Нина Эмильевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России Волгоградского государственного университета, председатель Волгоградского Центра германских исторических исследований.

e-mail: vaschkau@mail.ru

Воеводина Юлия Сергеевна, магистр социально-экономического образования, г. Барнаул.

e-mail: jv_86@mail.ru

Голубев Алексей Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Северной Европы Петрозаводского государственного университета.

e-mail: goloubev@karelia.ru

Гринченко Гелинада Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры украиноведения философского факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (Украина), руководитель Украинской ассоциации устной истории.

e-mail: gelinada.grinchenko@gmail.com

Маубах Франка (Franka Maubach), доктор (истории), доцент кафедры новой и новейшей истории университета Йены им. Фридриха Шиллера (Германия).

e-mail: maubi@gmx.de

Нуркова Вероника Валерьевна, доктор психологических наук, доцент, доцент факультета психологии МГУ им. Ломоносова.

e-mail: nourkova@mail.ru

Петрова Нина Константиновна, доктор исторических наук, член Международной славянской академии, член Общественного совета по проблемам воспитания молодежи при РГАСПИ, член Президиума Ассоциации военных историков 2-й мировой войны.

e-mail: nkpetrova@yandex.ru

Потемкина Марина Николаевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой новой и новейшей истории Магнитогорского государственного университета.

e-mail: mpotemkina@mail.ru

Реброва Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, магистр социологии, доцент кафедры истории и социальных коммуникаций Кубанского государственного технологического университета.

e-mail: karavan5@mail.ru

Рожков Александр Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры рекламы Краснодарского государственного университета культуры и искусств, руководитель лаборатории культуры повседневности Южно-Российского научно-инновационного института.

e-mail: avro14@mail.ru

Сатюков Сильке (Silke Satjukow), доктор (истории), доцент кафедры новой и новейшей истории университета Йены им. Фридриха Шиллера (Германия).

e-mail: satjukow@t-online.de

Стрекалова Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Ставропольского государственного университета, руководитель проблемной группы по устной истории центра «Новая локальная история».

e-mail: strekalova-lena@yandex.ru

СОКРАЩЕНИЯ

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

ГАСО – Государственный архив Свердловской области

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области

ОГАЧО – Объединенный государственный архив Челябинской области

ГАНИОПДПО – Государственный архив новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области

ЦДНННН – Центр документации новейшей истории Омской области

ЦГАООРБ – Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края

ЦДНННН – Центр документации новейшей истории Краснодарского края

ЦДНННН – Центр документации новейшей истории Волгоградской области

ГАНИСК – Государственный архив новейшей истории Ставропольского края

SUMMARIES

Stanislav Aristov **The Experience of the Nazi Camps in Memory of Former Young Prisoners from the Soviet Union**

The article is devoted to the problem of the experience of staying in Nazi concentration camps, which former minor prisoners from the Soviet Union kept in their memory. The former prisoners destinies of the female concentration camp Ravensbrück are taken like the main example for considering the subject. Their reminiscences show not only the specific character of children and teenage perception of the extreme reality, but also allow to define the negative consequences of staying in concentration camp, and also various aspects of methods which the former minor prisoners applied to study the received psychological traumas.

The research base consist of the narrative-biographic interviews, which were taken in frames of Voronezh Regional centre of Oral history project – «Ravensbrück women». These materials supplement the memoir tradition, that existed earlier in Soviet Union and was expressed, basically, in memoirs of the former prisoners of war, who have been delivered to the camp in the full age. The undertaken comparison of some fragments of the earlier published memoirs and the project interviews, shows evolution of the former minor prisoners consideration of different events in their biography. These interviews demonstrates those changes in the individual memories structure, that after decades have happened in their lives under the influence of various factors.

Vitaly Bezrogov **Remember Can't Forget: Collective Memory, Childhood Recollections and the WWII in the Elementary School-books: late 1940-s – early 2000-s**

The author has considered theory of collective memory from the childhood memorization point of view and investigated the reading primers of the 1940s – the 2000s in Russia. He reconstructs the hierarchy of the «war themes» in the manuals and the rate of the texts and images about WWII. He discusses the un/importance of the war theme in the textbooks according of the politics of memory.

Nina Vashkau **Children of Stalingrad and Memory about the War**

This article is about children of Stalingrad which were living in the city during the war, which were living and could survive in rugged condi-

tions of cruel battles. The author cites the fragments of several stories. «Children of Stalingrad» tell how Germans treat them; they describe their poverty in post-war years. Children lost their parents, and sometimes on account of existing severities parents had to refuse children.

The death of closes in children's sight was a psychological shake. They need a particular treatment because of excruciating remembrance in their memory after all, they have tragedies behind themselves which put an end to their childhood in four or five years and after those tragedies they didn't want to stay alive any more. The shock which was caused by the war was hid deeply in human's mind. Those children needed a serious painstaking work by the rehabilitation of physical and psychical health of young war's victims.

Scientifically worked out method of holding the interview gives striking results. The questions which were formulated from the point of view of eye-witness' immersion in realities permit to deploy the deeply hid in the mind and memory facts, that interviewer remembered fearfully and unpleasantly and he or she supposed that they are of interest of the scientists.

«Children of Stalingrad» are one of the social groups of the population of Volgograd region. Administration of the region gives support to them in a different ways. However this problem can't be exhausted by the questions of economic support only. Children of martial Stalingrad are the bearers of traditions and moral values of our people during last 70–80 years. They are go-between USSR and new Russia and they are in a big need of chance to include their remembrances and their experience in the memory of history, not only in the limits of the family but in the limits of the whole society.

Julia Voevodina **Memory of Children about the Great Patriotic War in Altai Region by Oral Historical Sources**

The «oral history» method gives us a chance to use historical memory of people, who's been a child at a war time. Emotion, image and frankness make memories of the war childhood to be a very important historical source, which creates psychological atmosphere of those times. Besides, oral memories about the Great Patriotic War have also gender feature. It should be noted, that a lot of memories about every day's life of Altai village in war times still exist. People, who were born in 1920–30-s, have it especially striking. The starvation memory prevails independently of people age by oral sources. Sanitation and hygiene were adapted to extreme conditions in Altai region. Personal hygiene was badly controlled.

The labour activity started from 6–8 years for boys and 10–12 years for girls, up to the respondent's memories. According to the oral memories war childhood played the main role in a forming personality of war generation.

Alexey Golubev **Children's Memory about Finnish Occupation of Karelia as a Field of Struggle for History**

During last years the subject of Finnish occupation from 1941 till 1944 became the object of special attention of historians including beginner specialists. The students of Petrozavodsk State University investigate different aspects of Finnish occupation regime. Because of small number of documents many students ask for help to Karelia Union of Young Ex-prisoners of fascist concentration camps. This organization was found in 1989 and unified people who were taken prisoner with parents in childhood in Finnish concentration camps during the years of Finnish occupation of Karelia.

The direction actively gives information to students but they suppose that they are within their right to impose the notional limits on investigators which the students have to stick to during their scientific work.

The causes of actively actions of the Union lie in the fact that during the period after Republic's liberation of Finnish forces and till the end of 1980-s there wasn't a social memory about Finnish occupation. The life of pacific inhabitants was laid outside the field of investigation. This was caused by the fact that any investigation of this historical period, even the most perfunctory, would exposed the facts of cooperation between pacific inhabitants and occupying forces which could break the soviet ideology's image of unanimous resistance of soviet people against aggressors and occupants.

This shows that children's remembrances about Finnish occupation in a present-day Karelia's society became the cockpit for the memory and history.

Gelinada Grinchenko **Forced Labour in Nazi Germany in Oral Histories of Former Ostarbeiters' Children**

The article refers to the specific features of reconstruction of the past in oral histories of former ostarbeiters' children, who were taken out to Germany with their parents for forced labour in the years of World War II. The main ideas and conclusions of article are based on the analysis of two interviews, recorded in 2005 in the frameworks of International Slave- and Forced Labourers Documentation Project. Of the objectives persuaded by

this project and our subsequent analysis of collected oral histories one of the most essential ones was researching in what way experiences during World War II influenced on the contemporary self-representations of those having been deported to Germany for slave and forced labour in growing age: in respect of reflection of their education or career, of love or family, of religious belief, of political and general world-view orientation, and much more. By the analysis of interviews the situational methodology was used, combining methods of reconstruction, sense condensation (brief expression), categorization, narrative structuring and interpretation, and also generative model of narrative institutionalization.

***Franka Maubach* Fairy Tale, Play and Role Swapping: Children's Reactions to Violence of War (1939–1945)**

In the wake of the intense 2003 debate on Germans as the victims of the Second World War, the history of German war children received unparalleled public attention. By now, the focus has broadened to a European perspective on the history of children during war: hundreds of memoirs and stories have been collected and documented providing the historian with a vast amount of intriguing research material. While the German academic debate has focussed on questions why the German *Kriegskinder-generation* (generation of war children) constituted itself so late, and why that peculiar memory discourse has emerged at all, other works focus on a more historical set of questions, i.e. asking and analyzing how children reacted to specific war-related events and experiences.

What is still lacking though, this essay argues, is a systematic approach, which tries to bring this collected evidence of children's experiences into a typological order. Thus, it first discusses the general question of how children experience history – and drawing a contrast to the way adults can be said to respond to and cope with historical events: children experienced many things for the first time, the younger they were the more so, they did not know the real causes or effects of wartime events, and thus were more likely to react more flexibly to them than adults – often even exposing themselves to danger along the way. We have accounts of children approaching air raid sites, for example, simply because they were fascinated by the sight of fire and explosions and because they believed that the bombs could and would do them no harm. Yet, apart from guilelessly exposing themselves to dangers, this mode of reacting to the events helped them to cope with what was happening to them. Their experience is more flexible but at the same time also more fragile.

Secondly, the article discusses two «childlike» ways of seeing the war and reacting to it. It interprets the infantile perception of war-related events as a strategy of applying the world and rules of fairy tales on real-life experiences: having the possibility – with their imagination – to see the world upside down, provided children with the chance to cope with what was happening to them. Thus, the loss of a parent, for example, could be accepted by clinging on to the idea, that – just like in a fairy tale – they can and will come back to life. Moreover, children had the chance to actively react to acts of politically or racially motivated persecution and war crimes by acting them out, by playing war. We have evidence that, occasionally, children even took over the aggressors' role in these games: German children acted as Allied bomber pilots, Jewish children in the ghetto acted as SS-men. Sometimes these games gained existential meaning as numerous Jewish children survived the Holocaust by posing as non-Jewish, mostly playing Christian roles. A conclusive section discusses the long-term effects of those role-swapping-games after the Second World War, arguing that the wartime experience with such games (serious or not) rendered a general ability to change perspective among those children who survived to grow up in a post-war world.

Veronica Nourkova **Childhood Memories of WWII Survivors: the Military / Peace Dimension**

The aim of presented study is to examine childhood memories of WWII survivors. 22 WWII survivors took part in the study, the rest younger people served as a control group. Participants were asked to write down in five minutes as many childhood memories as possible and then estimate them using 5-points scale. More than 60% of childhood memories of WWII period did not have any references to the war theme. In our opinion, the rational behind it is not the «blindness» of a child toward war context, but the selectivity of adult memory. It seems that when recollecting early memories adult gives a privilege to the most relevant to present. Childhood memories from 1941–1945 with peaceful content serve to function of social solidarity and are «transparent» for younger generation of family members. In contrast, memories with traumatic war content are full of negative emotions and therefore do not meet interests of them. But they are very important for existential self-determination. They provide personal story with historical scale. We suggest that it is not fairly to think about WWII survivors in terms of those who «lost their

childhood». They fit better to saying «That did not kill us, made us stronger».

Nina Petrova **Children of the Great Patriotic War**

The author of the article notes that one of the insufficiently explored subjects about World War II is the “children of the war” subject and particularly such it’s aspects as the seeing the war children’s way, children’s remembrances about the war. Saying about the Great Patriotic war, paying homage to military and labour feat of our people we dissemble about all troubles of 1941–1945 during a long time. Since the beginning of 90-s of past century there appeared another tendency to cross the heroic past and to accentuate the faults and mistakes which were committed on battlefields and back areas. Meanwhile the children of the Great Patriotic war and their fates were still out of touch with researchers.

The great part by the children’s salvation during the war of the government, party, Komsomol and people of the country was described in this work. The author attended to the work by evacuation of the Soviet children, to help to children-orphans, to defence of foreign children and former juvenile offenders. In the article was showed the different organizations’ activity by the struggle against the problem of homeless children and by the conservation of the system of institutions of general and vocational education. N. K. Petrova writes not only about the relief fund for children who suffered from the war but about their asset to victory. Children worked on harvesting, took active part in rebuilding of destroyed schools by Germans, paid their savings in the defence faun for Fatherland, repaired buildings, carried firewood, clear roads, fought against the enemy on the battle-field. In the article the mental and ethical aspect was also noted. It is connected with ample facts of children’s birth, whose fathers were armed forces personnels both in Vermaht and SS and of the soviet army in Germany. Also in the article the deportation of some people of the USSR is described.

Marina Potyomkina **The Reflection of the War in the Evacuee Children’s Memory**

In this article author investigates children’s remembrances of the people who went through the evacuation in the USSR during Second World War. The object of the investigation is in the exposure of distinctive characteristics and features of the communicative memory of the people who went through the war and evacuation in their childhood.

The basis of the article is the sources which were found during the work with documentary film «Evacuation» (in which the author worked as a main scientific consultant), children's published remembrances, archival depository of Magnitogorsk University.

The decision of evacuation came hard to people: how is it to abandon everything and go to nowhere? Children's evacuation demands particular attentiveness but thoughtless planning of local heads' activities frequently reduces to the grievous results. The value for that were human lives.

The settling of evacuee wasn't made ready at all. The children were places in terrible conditions of living, there began mass children's diseases. Echelons were bombed and children died. The war parted them from their family.

Children who had to evacuate were confronted not only with everyday difficulties but also with problems of psychological adaptation. Children's mentality was traumatized to the whole future life.

Mass children's evacuation during the Great Patriotic war gave the opportunity to save a hundreds of lives on the one hand, but it became the additional stressor which dented the indelibility in the soul of each child on the other hand. The analysis of evacuee children's remembrances gives the possibility to draw a conclusion. It exactly consists of the fact that evacuation occupies a dominating place in children's memory about the period of war.

Irina Rebrova **Relations Between Generations: the Great Patriotic War in the Perception of «Children of War» and Modern Youth**

A group of scholars from South of Russia started a new research project in 2008. It was supported by Russian Humanitarian Scientific Foundation and was called «Transformation of the collective memory of World War II in the memories of "Children of War" (1940-s – 2000-s)». I need to collect oral stories with people whose childhood was during the wartime. As a result I made more than 30 interviews. We hold a scientific and practical conference to celebrate the 65-th anniversary of the liberation of the Northern Caucasus from the Nazi invaders at the Department of History and Social Communications Kuban State Technological University in fall, 2009. We transformed the familiar format of the conference in a meeting with «Children of War» and the students of the university. Few people were chosen among my story-tellers who managed to tell their life-stories about their childhood and war experience in the classroom. Students were asked to write down an article about the meeting. They wrote 38 texts. Students' articles can be divided into several groups by genre compositions. Most of

them recalled the information report, which described the progress of the event: when, where and for what purpose the event took place, who and in what sequence performed. Another group of texts is similar to news: news served more softly, played upon some details of the meeting, the author highlighted key points in the stories of the guests. Just a small group of texts can be attributed to artistic genres, mostly essays.

Analysis of the oral stories of today's retired people at a meeting with students on the one hand, and the students' texts about «Children of War», on the other hand becomes the main point of this paper. It can point new aspects of the problem to the scholar, in particular, the study of mechanisms of formation the individual and collective memory of the event. Narratives about the war become a source, which helps to study the problem of dynamics of the relationship embodied in the collective memory of the past and preserved by tradition or demanded by changing of the social and political reality.

A story passed a set of pragmatic rules, although the narrative, in turn, is not associated with only one function of the statement. Narratives constitute what is said and done in the culture, because they are themselves the part of it. Analysis of stories of «Children of War» and students' texts demonstrates the incorporation the individuals in a social group, who are become the carriers and consumers of social memory at the same time.

Alexander Rozhkov **«The Fate of Slave Instead of Beaming Future»: Representation of Experience at the Period of Occupation in Krasnodar Scholar's Narratives (1945)**

In this article author considers the compositions on the subject of «My experience at the time of occupation» that were wrote by Krasnodar scholars in February in 1945 in honor of second anniversary of city's liberation from aggressors.

In the first part there are necessary prior explanations. The author of the article gives a special emphasis to taking into account the historical context («external» context) and the age-specific characters of scholars («internal» context). Alexander Rozhkov describes a life of peaceful townspeople during the period of fascist six-month Krasnodar's occupation in 1942, the conditions of their living in the routine of cruel terrors and repressions. The author considers children's remembrances. Teenagers write about their abortive childhood by the war. Between teenagers who went through bloody horrors of war and who described their experience – there is a dictation of violent becoming adult. Author of the article studies

the emotional aspect of narratives' content and also evaluates in this way the «initial» and «false» remembrances of the children.

In the second part there are the results of analysis of compositions' contents. To analyze the narratives author uses qualitative, interpretative method which is based on the «understanding» reading of the text. Expounding the narratives a proper attention isn't given to scholars' describing of events and facts but it is given to the way *how* they remember and describe their feelings, represent their experience, construct narrations and how these stories are sorted with cultural standards. The compositions' analysis helps us to delve into the sphere of scholars' individual and group notions about war and peace, about themselves and their group, about «friendly people» and «strangers».

Traced analysis of schoolchildren's works helped to recognize the most commonly used «motives of the emotional experience» of the children during the occupation: a) the motive of fear; b) the motive of dismay and depression; c) the motive of hope; d) the motive of belief in victory; e) the motive of resistance to the enemy.

Investigating the phenomena of collective memory of the «children of the war» the author gives a classification of compositions were written in 1945 as sources of children's remembrances about war. At the end of second part author draws a conclusion that there is consisted lot more concealed than pronounced information in these compositions. At the end of the article there are given the enclosures – the examples of compositions' various types («realistic», «canonical» and «expressive»).

***Silke Satyukov* «Illegitimate!»: Children of the Red Army Men and German Women Since 1945**

During the spring of 1945, the Red Army entered Germany. The Soviet soldiers had survived violent and brutal crimes, leaving them with a deep feeling of hatred towards «Hitler's people» – the same people who had instigated this horrifying World War.

During the first few months, the soldiers of the Red Army relished in their victory, exercising physical power and claiming material goods. Sexual violation was also on the agenda and as a consequence in 1946 (the following year in winter), the first «children of occupation» were born.

Other «bastards» soon followed, as they were colloquially named by the population and a growing awareness of testimony that became ever present, was voiced by the children spawned between that of German

women and Soviet Soldiers. Although exact figures don't exist, it is estimated that as many as 100,000 children were born as a result.

Out of this came not only the need for physical materials, but also a need for dealing with the psychological ramifications, as these children were adversely looked upon as «children of the enemy» resulting in an unfortunate triple stigmatization. Not only were these innocent children *illegitimate*, but they were descendants of the loathsome «enemy» and therefore «radically inferior» according to the national-socialist ideology, that is still present, even today.

The mothers of these children were labelled «Russian whores» particularly in smaller towns and villages and the children were often referred to as «Russenbalg» (Russian Brats). Many Mothers tried to keep the origin of their children a secret, prompting them to move themselves along with their children to bigger towns, where questions regarding the circumstances of the fathering, could be avoided and with less inquisition from the community. When asked by people as to the whereabouts of the father, a prohibiting tone that was to signify the right for privacy was employed by the mothers, leaving an air of ambiguity to the un-answered question from the enquirer. The children were also required to renounce their association with their father both physically and emotionally and were also ordered to wipe their paternal memories for their own protection. These children also had to live with their own unsolved search for identity, as in most cases they never knew who their real father was, nor if they even had any relatives back in distant Russia.

Today, these «children of the occupation» are at an age of retirement. Many of them have looked in retrospect at their life as they continue to search for answers, piecing together evidence from traces that may lead them back to their fathers. They tell their stories while trying to form a type of historical apprenticeship that solidifies and brings to light this ominous period of time.

We as historians are urged to accompany them along the path for their search for the historical truth about these tragic circumstances.

***Elena Strekalova* Lacunas of Historical Memory: the Childhood in Wartime of 1941–1945 by Verbal Remembrances**

The remembrances of «children of the war» and memory's specificity of this «front» generation is still insufficiently explored problem. The main sources for this article are the recordings of «children of the war» remembrances-interviews. The author found the remembrances among

people of Northern Caucasia. These remembrances are the descriptions about survival in extreme situations during the war; they are the traumatic experience which took significant place in biography.

The main themes in these narratives are the theme of war and family's history, the theme of work and theme of famine. «Children of the war» descriptions are the remembrances about losses of relatives and closes, about the demolitions of childhood, about the life's difficulties during the period of occupation and rebuilding of destroyed region, about the taking part in conspiracy's actions and in resistance's groups. On the one hand the remembrances of these people reflect their hateful attitude to aggressors but on the other hand people impute the image of the enemy with «humane characteristics». Nobody of the informants tells in narrative about doubts of chance of the victory during those years. The patriotic discourse is the special character in the most of remembrances.

The object of this investigation is in the compare and exposure of the intersections of semiofficial and public memory's forms.

The investigation reveals that the memory about war childhood is the considerable part of biography of the whole generation. The images of individual memory in comparison with collective one are wealthier, more intricate and saturated. The memory about war childhood is just partially put down in national views about the memory of the war.

CONTENTS

Introduction	7
Aristov S.V. The Experience of the Nazi Camps in Memory of Former Young Prisoners from the Soviet Union.....	19
Bezrogov V.G. Remember Can't Forget: Collective Memory, Childhood Recollections and the WWII in the Elementary Schoolbooks: late 1940-s – early 2000-s	31
Vashkau N.E. Children of Stalingrad and Memory about the War	66
Voevodina J.S. Memory of Children about the Great Patriotic War in Altai Region by Oral Historical Sources	77
Golubev A.V. Children's Memory about Finnish Occupation of Karelia as a Field of Struggle for History	93
Grinchenko G.G. Forced Labour in Nazi Germany in Oral Histories of Former Ostarbeiters' Children	103
F. Maubach Fairy Tale, Play and Role Swapping: Children's Reactions to Violence of War (1939–1945)	147
Nourkova V.V. Childhood Memories of WWII Survivors: the Military / Peace Dimension	177
Petrova N.K. Children of the Great Patriotic War.....	210
Potyomkina M.N. The Reflection of the War in the Evacuee Children's Memory	229
Rebrova I.V. Relations Between Generations: the Great Patriotic War in the Perception of «Children of War» and Modern Youth	248
Rozhkov A.Yu. «The Fate of Slave Instead of Beaming Future»: Representation of Experience at the Period of Occupation in Krasnodar Scholar's Narratives (1945)	264
S. Satyukov «Illegitimate!»: Children of the Red Army Men and German Women Since 1945	317
Strekalova E.N. Lacunas of Historical Memory: the Childhood in Wartime of 1941–1945 by Verbal Remembrances	339
Abbreviations	364
Data on authors	366
Summaries	367

Научное издание

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ДЕТСКИХ «РАМКАХ ПАМЯТИ»

Сборник научных статей

В тексте Summary использованы переводы авторов статей
и А.Ю. Логиновой.

В оформлении сборника использованы материалы
и фотоиллюстрации из фондов Государственного архива
Краснодарского края и Краснодарского государственного
историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына,
а также сайтов

www.svpressa.ru, www.fotoshare.ru, www.liveinternet.ru,
www.waralbum.ru и www.gazeta.ru.

Дизайн обложки – Константин Мятчин.

На издательском рынке – с 1994 г.

Издательство «ЭКОИНВЕСТ»
предлагает печать учебных пособий, монографий,
сборников трудов (тезисов), научных журналов,
периодических изданий, брошюр, методических материалов etc.

Тиражи от 100 экземпляров, объем до 700 страниц,
формат от А6 до А3, минимальные сроки изготовления,
лучшие сорта бумаги, дизайн обложки, цветные вставки,
качественный переплет, оптимальное соотношение цена/качество.

Полный издательский цикл
(редактирование, корректура, верстка, дизайн, ISBN, рассылка).

Приглашаем к сотрудничеству авторов
учебно-методических пособий
для студентов вузов и колледжей.

Подписано в печать 30.03.2010.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Гарнитура «Таймс».
Печать трафаретная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 22,09.
Тираж 500 экз. Заказ № 1297.

Отпечатано в типографии издательства «Экоинвест»
350072, г. Краснодар, ул. Зиповская, 9
Тел. (861) 277-92-42, моб. (918) 433-1996, (962) 86-12345.
E-mail: ecoinvest@mail.ru
<http://ecoinvest.tiu.net>